

Лит. И и А Давиденко въ Кіевѣ

ВѢСТНИКЪ

ЮГО-ЗАПАДНОЙ и ЗАПАДНОЙ РОССІИ.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

[illegible]

[illegible] **К. Говорскимъ.**

СЕНТЯБРЬ.

ГОДЪ ВТОРОЙ.

ТОМЪ I.

КІЕВЪ.

Въ типографіи И. и А. Давиденко.

1863.

Дозволено цензурой. Кіевъ, 12 Ноября 1863 года.

Цензоръ Малышевскій.

№ 5-й.

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИСТОРІИ УНІИ.

I.

Выпись завѣщанія королевскаго дворянина Дмитрія *Тышкевича*, которымъ обязывалъ наслѣдниковъ недопускать къ перемѣнѣ богослуженія въ Селецкой, близъ Логойска церкви. 1609 г.

Видимус скниг кгродских Воеводства Минского Лета отнарожения сына божого тисеча шестсот девятого мца сентябра третего дня

Нарочкох теперешних судовых кгродских минских всем року тисеча шестсот девятом мца Сентября припалых впорадкомъ статутовым судовне вминску отправованых Передомною Криштофом рекутем Подстаростим Яном обежком Судею АЯрошомъ Минковским Писаром врадниками судовыми кгродскими Минскими отвелможного его мти пана Андрея миколаевича Станкевича Старосты минского насправы судовые высажоными Постановившисе очевисто усуду пан Клемент растовскии Чаика покладал иобявлял куактыкованю докниг справ вечыстых кгродских минских тестамент остаточное воли небощыка его мти пана дмитра Скумина Тышкевича маршалка его кор мсти даныи иналежачыи пани малжонце его мти кнежне ганне михаловне Масалскои иесыну его мти пану юрю Скумину, вкотором менуючы быт всю реч меновите шыреи описаную Именем самое ей мти пани Маршалковое абы тот тестамент докниг справ вечыстых кгродских минских был уписан, Атак мы врад того тестаменту печатеи иподпис рук унего оглядавшы ицытаного передсобою выслухавши Априпустившы то кунедомости своеи врадовои казали есмо тот тестамент докниг справ вечыстых кгродских минских уписат который уписуючи докниг слово отслова такое вособе мает. Во-

имя отца исына исветого духа стансе воля божя кгдыж кождыи умыслъ чоловека спирироженя прыходьчыи прудкосе одменяет ивзапомнене приходит однакже воли божои ѹмилосердю его светому подлегаючи обмышливает якбы предчасом нан припадку запреизренем божым ивдобрым порадку остатнии час веку его зостал прото и я дмитр скумин Тишкевич маршалокъ кроля его мсти бачечыся быт влетех моих еще запомочю божою доброго аздороваго смыслу моего три тестамент остатнее воли моее малжонце моеи кнежне ганне михаловне Масалскои идетем моим пану Юрю Скумину сыну моему тактеж дочкам моим пани магдалене скуминовне панеи Станиславовои Нипинской Апанеи ганне Скумоновне панеи крыштофовои сирутевои икому то будет належало иаписме покакую изоставую Напрод пану богу всемогущему втройцы единому поручаю душу мою, Атело мое греху иземли поданое прошу абы было поховано зучстивостю водле обычаю еакону нашого хрестянского релии руское спроводом священников тамъ наместцу пристоиномъ где малжонка моя першая пани зофия волска издетками пашыми увотчызном имению моем Селецком ест положона вцеркви воскресения христова всклепе под амбоном преднарскими дверми Поручаю то малжонце моеи кнежне, ганне михаловне Масалскои нсыну моему Юрю Скумину Дотого покорными прозбами моими презтот тестамент остатнее воли моеи справленый прошу их милости панов добродеев иповинных приятелеи моих его мти Пана Воеводы Новгородского Старосты Городенского Олитского Юрборского иноволского пана теодора Скумина пана брата моего рожоного Аего мти князя федора Масалского Маршалка Кроля его мти повету городенского пана швакгра моего Аего мсти пана грыгоря Макаровича судю земского минского пана швакгра моего иего мсти князя Федора друцкого горского Аего мсти пана ивана Быковского Воиского минского пана брата моего иего мсти Князя михаила Масалского пана швакгра моего иего мсти пана станислава Нининского пана зята моего абы их милост ласкавыи хрестянскии амилосерныи учынок учинити рачили малжонце моеи пани ганне кнежне михаловне Масалскои Ласкавыми паны амилостывыми опекуны иобронцами отвсяких крывдъ ее быт рачыли, Акоторым зих мстеи неладне быти может ехати злитвы Покорне прошу абы то злаеки иповинности своеи хрестиянское учынити рачыли втутошнии краи Минскии зехавшися

прималжонце моеи кнежне ганне михаловне Масалскои исыну моему юрю скумину нелютуючи працы своее тело мое догробу отпровадит иноховат рачыли Анапотом малжонку мою вмилостивои аласковои опеце своеи маючы отвсяких крывдъ ее боронити рачѣли, Апан бог всемогущыи змилосердя своего светого заплатою вовсем добрым их милости самым паням малжонкам ипотомству их мсти вечными часы затакии ласкавыи учинок быт рачыт, Притом теж ознаимую тым тестаментом моим остатнее воли моее писаным иж поперщои малжонце моеи небощыцы пани зофии фолскои взялом засебе встан святыи малженскии кнежну ганну михаловну масалскую Покоторои взял есми внесене вдом мои певную готовую суму пнзей осмъ сот коп грошеи личбы литовское Теды заоное внесене малжонки моее пани ганны михаловны кнежны масалское осми сот коп грошеи описал есми ипоступил еи малжонце моеи кнежне ганне михаловне масалскои здоживотем ее малжонки моее имене мое Семенковское изселом прозываемым дмитровским слебодою двор Семенковскии зовсею челядю ипашнею дворною изогородами овощовыми изсеножатми изовсими поддаными иподачками изданю медовою игрошовою изовсим статкомъ дворным збыдломъ рогатым великим ималым изовсим тымъ яке назаписе моем первеи еи малжонце моеи отмене даным ест описано инаврaде прызнано Докоторого имeля Семенкова изселом слободою дмитровским измлыномъ втомже селе дмитровским нареце лузе лежачым изовсим тым яко ест вышеи описано малжонка моя пани дмитровая Скуминовая кнежне ганна масалская поживоте моем доживота своего держати изовсим тым ужывати ипожытки всякие насебе брати мает также рухомые речы тоест золото сребро цын мед кони возники мое иштоколвек кувес спрат домовыи яким назвиском названого втим имению моем семенкове естъ ишто при мне было то все тои малжонце моеи описую вчом увовсем сын мои Юреи Скумин идочки мои пани магдалена Скуминовна пани Станиславовая Нининская Апани Ганна Скуминовна Пани Крыштофовая сирутевая иихто зблиских кровных Аповинных моих переказы икадисе крывды нивчом том водлуг того тестаменту моего малжонце моеи пани ганне михаловне кнежне масалскои чинити немают, А иж втом малжонка моя мне обецала иж тое сумы своее внесеное вдом мои тоест осми сот коп гр: лит: половицу тоест чотырыста коп гр: лит: сыну моему Юрю скумину опу-

статки штым его дароват мела поживоте своем зашто пан бог всемогущыи ей малжонце моея ласки своее тое заплатою вечною нехаи будет Асын мои Юреи скумин затую ласку повинен яко матце своеи отслуговати, Адругую чотырыста коп тое еумы малжонки моее пани дмитровое Скуминовое княжны ганны михаловны масалское которую она мает. княжна ганна масалская натоиже маетности Семенковскои тэды тые чотырыста коп грошеи Поручает постарует напотребы свои ина што она сама пани дмитровая Скуминовая княжна ганна михаловна масалская похочет инареестре остатнее воли своее подаст Прошу теж ирпоминаю сына моего Юря Скумина и дочок моих Пани Станиславовое Нининское Апанес Крыштофовое сирутевое подгрозным караном божым абы здоживотя ее имения Семенковскаго малжонка моя княжна ганна михаловна масалская албо доволи ее самое рушона небыла инивчомъ жадное трудности иперешкоды воным держаню маетности Семенковское идмитровское отдетеи моих нетерпела также истороны границ того имения Семенковского исела дмитрова Слободы ивсего кгрунту того имения которые задавными иневными границами отоколичных суседов утвержоно преалисты записы ивзнаков подереву ипореках здавных часов заложоно ест прошу абы боронено было преаих мсти панов опекунов Асын мои Юреи скумин яко власное отчызны своее того жебы перестерегал абы нивчом ниодкого малжонка моя задержаня своего непоносйла кривды ишкоды Апотом и он сам сын мои Юреи скумин кгды поживоте малжонки моее додержаня того имения семенковского исела дмитровского яко отчызны своее прыдетъ абысе ему вовсех границах здавна утвержоных никая кривда отоколичных сусед недеела Зоставую теж сыну моему Юрю Скумину привилеи напаркгамине писаны Полатыне Светое памети годного великого князя литовского Александра даныи наимене селецкое икопия стого листу. привилею порускy писаная ипритом привилею листы ктомуж привилею належачие иншие листы королеи их милости Кроля жикгимонта старого. и кроля жикгимонта Августа ктомуж имению селецкому належачие адругие справы имения моего Семенковского лист напаркгамине спечатю завешоною Князя Андрея Костентиновича Бабича ктому имене части моее забашевское воеменное належачое продажою продком моим другие листы одмены небощика славное памети его милости пана отца моего зсебрами шляхтою навы забашев-

скими иншис уряду замку борисовского илисты судовые иделчие межи собою спапы себры шляхтою того имени забашевского даные теды итые уси листы юж сыну моему Юрю скумину одданы дорук его также чынения делу мне вечистого зего мети паном Воеводою Новгородским паном Теодором скумином паном братом моим рожоным маетностю нашою отчызною дикуского иселецкою лист зезнаны того делу нашого предкролем его мсти Стефаном напаркгамине писаныи ззавесистою печатю исподписом руки его Кр. мсти самого илист пана брата моего сознаный спечатю исподписом руки его мсти самого пана Теодора Скумина пана воеводы Новгородского тактеж иншых панов спечатю исподписом рук их зоставую прысыну моим Юрю скумине тактеж иншие листы потребные скарбу кроля его мсти жикгимонта третего даные мене квитованые счинения личбы зоставую притомже сыну моем юрю скумине ипривилеи мои на Старество минское мнѣ самому отКъроля его мсти жыкгимонта третего притомже сыну моем Юрю оставую привилеи напаркгамине писаныи спечатю завесистою исподписом руки кроля его мсти жикгимонта третего мне написарства староствъ замков иволостеи Кроля его мсти руских дожизотным правом даныи илисты кроля его мсти тогож жыкгимонта третего допановъ воевод старостъ руских ивсих мест мне даные Которые ему сыну моему Юрю скумину юж еще заживота своего здоброго смыслу моего усе дорук оддал Алеж теж его мст пан Воевода новгородскии пан теодор скумин зостал мне самому винен иналист обликгъ свои певную готовую суму пенезеи двесте коп грошеи личбы литовское которых пенезеи долгу своего мне самому неоддал инезаплатил зачим я тот лист обликгъ его мти Пна Воеводы Новгородского дал дорук сыну моему Юрю скумину Которые пенези тые двесте коп грошеи отего мсти пана Воеводы Новгородского пана теодора Скумина сын мои Юреи одыскати маєт заоным листом облигом его мсти пана Воеводи Новгородского подыскавши тые гроши сын мои Юреи Скуминъ тогды мает част тых грошеи обернути напогреб тела моего адругую част мает обернути назаплату панеи Нининскои магдалене Скуминовне дочце моеи што еи винно ест залистом моим отмене еи напотребы даным ознаимую теж што сим тестаментом моим остатнее воли моее справленым иж дочки мои обедве так пани магдалену скуминовну пани Станиславовую Нининскую тактеж сестру ее адочку мою пани ганну

скуминовну пани Криштофовую сирутевую вывенил вывосажил их дочок моих так грошми готовыми яко теж ввыправою опроч толко што еще винно налиет мои пани магдалене Скуминовне пани Станиславовои Нининскои што еи поживоте моем сын мои Юреи скумин водлуг листу повинен заплатит Адочки мои так пани Нининская яко ипани Сирутевая напюрю Скумину брату своем стых маетностеи помне ему яко родичу его позосталых ничого немают нанем поискиват иповсемсе ему покои дат тож вмаетности Селецкои якотеж кгды прыдет додержаня маетности Семенковское исела слободы прозываемого дмитропа поживоте малжонки моее пани дмировое скуминовее кнежны ганны михаловпы масалское, Аиж которое имене мое отчызное прозываемое селцо зоставил ипоручыл есми вечными часы заживота моего притом едином сыну моем Юрю скумину яко властную отчизну его притом дворе селецком церков заложеня воскресения христова упоминаю сына моего Юря скумина подгрозным каранем божым абы одмена служба божая вонои церкви воскресения Хва наиншую релию небыла Притоиже церкви дом попоскии вогородами спашнею ивгумном поповским вселе межи поддаными волока земли здвома чоловеками которые прыналежат напопа Аособливе застенок вкгрунтех дворных межи кгрунтами селецкими напопа ест поступлено идесятина збожа дворного тоест десет коп жыта адесет коп всяких ярин мает быт выдавано напопа Ито все абы небыло отСвешенника и церкви божое отлучоно, То я дмитр скумин Тышкевич Маршалок Кроля его мсти яко родич Юря Скумина сына моего дедич оного имени моего Селецкого прошу ипрыказую абы то водлуг остатнее воли моеи заховано было докоторого тестаменту я дмитр Скумин Тышкевич приложилом печат мою аиж зананавежем божим хоробы слепоты очии моих немоглом руки моеи подписати просил есми их млстеи панов Априятелеи дотого тестаменту моего остатнее воли моее опрыложене печатеи иоподпис рук их мстеи панов Априятелеи моих его мсти пана Костентина ратомского Старостича острогского Аего мсти пана Мартина Кгурского иего мсти кназя Остафя полубинского ипана яна Опацкого возного Воеводства Минского Которые притом чиненю того тестаменту остатнее воли моее были их милост панове дляпрозбы моее печати свои прыложити ируки свои дотого тестаменту моего подписати рачыли Писан уСемелкове року тисеча шестсот девятого мца Ген-

вара перwого дня утого тестаменту печатей прытисненых пят аподпись рук которые писат умели писмом полским подписаны тыми словы Ustnie proszony od Pana Dmitra Skumina marszałka KJmsci pieczętarz dotego Testamentu Kostanty Ratomski ręką swą Ustnie od Jmci Pana Dmitra Skumina Marszałka KJmsci Proszony pieczętarz , dotego testamentu marcyan Gurski ręką swą podpisałł Ustnie proszony od JmPana Dmitra Skumina Marszałka KJmsci pieczętarz dotego testamentu ostafi Połubinski ręką Которыи тот тестамент небощика его мл. Пна дмитра Скумина запрозбою пна Клемента растковского чапки докниг справ вечыстых Кгродских минских ест записанъ иывыпис сес подпечатю врадовою Стороне потребуючои ест выдан писан ушиеку Станисла Свирскии Писар Скорыкговал Скнигами Танаевскии (*Подлин.—Прил. герб. печать минс. старосты*)

2.

Выпись протеста минскаго православнаго Петропавловскаго монастыря, на монаховъ обращенной въ унію Козьме-Демьянской церкви, о насиліяхъ надъ учениками, учрежденнаго при православномъ монастырѣ училища. 1617 г.

Выпис Скниг Кродских Замку Гдрьского Мѣнского.

Лета отнароженя Сына Божого тисеча шест сот семънадцатого мца Февраля семънадцатого дня.

Навраде кгродском взамку гдрьском Мѣнском передомною миколаем рекутем Подстаростим Минским, оповѣдал ижаловал велебныи вбозе отецъ Гедеонъ настоятел монастыра Мѣнского светых Апостол Петра иПавла релии старожитное греческое послушенства светешого Патрархи Константинополского отом, Иж деи Закониицы Которые менуются быт релии греческое прицеркви заложеiя отых Безсребреник Козмы идемяна вмѣсте минском мешкаючие, вунии Скостелом римским будучѣ, Наступуючи нам дюдем духовным исвѣтским, Которые принѣре светои Кафолическои церкви восточное непорушне стоим впослушенстве/знимилого своего пастыра светешого Патрярхи Константинополского нотнего подавых Епископов естесмы, ромные трудности: напенагабаня чинет, неоглядаючиа науфалы сеимовые,

Которыми Его Кр: Мл(с)ть Пан наш м(и)л(о)стивыи всемъ нашихъ Мл(с)тями Паны сенаторы ивсеми станы насеимъ зъгромажеными варовать то рачыл, Абы они тым которые змими переставати нехочуть жадное опъпрессии нечинили, Мимо то все помененые законницы взрушаючи покои посполитыи ичинечи розрухи вместе посылают умысльие выростковъ ихлопят школы своее росказуючи им детеи так народу шляхетского яко иместских которые вшколе прицеркви светых Апостол петра иПавла накгрунтех их Млсти панов шляхты фундованое учатся переимоват ним десвектъты побелжения розным способом задават ичинит, Которые чинечи досыт росказаню чернъцов уставичне покою хлопятомъ школы нашое недают иперенимуючи поулицах бъють мордуют окрвавлают, Адругих дошколы своее козмодемянское водят априсобе бити кажуть, анадто отповеди нофалки чинят так нанесь Законников яко Бакаларовъ ихлопят притои церкви мешкаючих, префаляючис вшеляким способом их самых деспектоват, якож вроку теперешнем щест сот семнадцатомъ мца февраля шестнадцатого дня отец денисеи Хмелницкии, имиколаи новак бакалары школы Куэмодемянское иправили Кгабриеля велкевича слугу монастырского, апринем выростков кузму ивановича Кухара, васка Якимовича Кесима ахлопят детеи докилку десят зъшколы своее, давшы им Хоронкгевку, изаправуючи дороэрухов идозвад, Которые завласным росказанем ипосланем помененых черньцовъ бакаларов своих где колвек которого хлопъца зъшколы нашое Потрафили, били, мордовали, Анадто обачивши детеи шляхетских яко иместских школы братское которые яко дети малые ниочом неведаючы шли улицею доброволною мимо дом Пани василевое Бобурчиное додесятка хлопят, тамже тот велкевич сам особою своею ипринем выростки ихлопята зъкиями изнасеками скаменемъ нападши помененых детеи школьных вреляции возного имены описаных, били, мордовали, ижкрутне паствечися надними мало насмерть непозабияли откоторых заледве поутекали. Адругихъ которые немогли утечы аж якие люди обчые незнаемые которыесе втотъ час пригодили отратовали, Еднак тот велкевч зъвыростками ихлопяты принем будучими отповед ипофалку учинил, мовечы, если деи теперъ отнас увошъли аншым часом незбудете, имусите быт вруках наших, Ипросилъ помененыи отец Гедеонъ, абы тое оповедане его докниг было записано, Апотом сегож року тисеча шестсот семнадцатого мца

февраля двадцат четвертого дня, передомноюжъ Подстаростим ставшы очевисто возныи воеводъства Минского Давыдъ григоревич кузаписаню докниг кгродских минских признал квит свои подпечатю своею иподпечатми стороны шляхты втом квите меноване, втые слова писаныи, Я Давыд григоревич возныи Гдрьскии воеводства минского, сознаваю то сим Квитом моим, иж року теперь идучого тисеча шест сот семнадцатого мца февраля деветнадъцатого дня будучи мне взятому от гдна отца Гедеона Настоятеля Монастыра светых Апостол Петра иПавла насправу нижеи писаную, Атакъ я возныи маючи присобе стороною двох шляхтичовъ, Пана Флерияна Павловича, апана Яна матеевича заоқозованем помененного законника видел есми хлопят идетеи которые ушколе руской притом монастыри поменелом будучои учатся, збитых измордованых, аменовите нафедору Фомичу рану наруце правои битую синьвую, и уголове надвиском каменем пробито, Наякубу александровичу натвари побито пошарпано покрывавлено, Наивану Петровичу хрибет вес збитыи спухлыи, ирука левая шкодливе перебитая же ипалцами двома невѣдати если будет владать, наясну василевичу такъже раны синевые, ахлопъца Пана Ивана павловского, Юрка Ивановича видил есми упостели лежачого, окрутне збитого, уголове Каменем пробитая рана шкодливая, ихрибет вес сии Кииии збит, скоторого збитя неведати если будет живъ, иинших хлопят гришъка ивановича, Петра илича, василя федоровича федора Ивана Зубрицкого, василя григоровича, андрея стефановича, Яна Миколаевича иинших немало, видил збитых ипотвари пошарпаных ипоокривавленных, меновали тое збите собе быт вневинности их сталое зросказаня ипосланя чернъцовъ Козмодемянских отгабриеля велкевича Выростковъ Кузмы ивановича кухара иваска кесима и отхлопят школы Кузмодемъянское очом шире и напротестацыи описано ест, што все мною возным осветчили, Атак я возныи штом видел ислышал то все подостатку насес Квит мои списаныи подпечатю моею иподпечатми стороны шляхты кузаписаню докниг Кгродских Минских дал есми, Писан року месеца идня звыш писаного, Утого Квиту печатеи притисненых три Которое оповедане иочевистое сознане возного докниг Кгродских минских ест записано, Скоторых иеес выпис Скниг подпечатю моею врадовою ибозъ велебному Гдну отцу Гедеону настоятелю монастыра минского светых Апостол Петра иПавла ест выдан

Писанъ уМѣнску Гелиашъ гурынъ. Писар Кгродскии Менскии Скорыкговалъ скнигами Бицкии (*Подлин.—Прил. печать минс. подстаросты*).

3.

Выпись протеста князя Януша *Радзивила* на минскаго воеводу Петра Тышкевича противъ намѣренія забрать на унію минскую соборную церковь Рождества Богородицы, построенную на землѣ его Радзивилла. 1619 г.

Видымус скниг справ головных трыбуналпыхъ уМенъску отправованых.

Лета отнароженя сына Божого тисеча шестсот деветнадцатого мца ноября двадцат шостого дня.

Переднами Судями головными натрыбунал увеликом князстве Литовеском звоеводствъ земль иповетовъ нарокъ теперешнии тисеча шестсот деветнадцатыи обраными постановившисе очевисто уСуду пан Федор Жуковецкии именемъ Ясне Освецоного Кнежати Януша Радзивила на Биржахъ Здубинокъ Слуцку и Копылю Каштеляна Виленского оповедал то штожъдеи дошла Его Кнежацкое млсти ведомость же велможныи Его млсть пан Петръ Тишкевич Воевода иСтароста менскии ничого недъбаючы наконституцыи Сеимовые смел важылъсе году тенер идучого тисеча шестсот деветнадцатого донести протестацыю докнлг воитовства менъского подъпретекъстомъ якобы паменщан места менъского менечи оякиес бунты иседицыи авласне хотены церковъ рожества пречыстое Богородицы наулицы немизскои стоячую нагрунъте Его Кнежацкое млсти для вольного уживанья набоженства Старожитного хрестиянъского греческого подблагословением Светеишого Патриархи Константынопольского вместе менъскомъ будучую знести иволъного уживаня набоженъства всим станом тое релии вмещаном Его Кнежацкое млсти вменъску мешкаючым заборонити менуючи втои протестацыи якобы то церковъ митрополья икоштомъ митрополита киевского будована мела быт игрунт Его Кнежацкое млсти меским называючы которая церковъ здавных часовъ яко пакгрунте Его кнежацкое млсти збудована так невещенъникъ релии Старожитное греческое заблагословениемъ Старшого ихъ властного дстое церкви отъ Его кнежацкое

млсти подаваныи бывает вчомъ всемъ уближене вправахъ иволностях шляхецких инаступованъе навладзу Его Княжацкое млсти черезтую протестацыю от Его млоти Пана Воеводы менъского учыненую видечы ото все иовины водлугъ констытуцыи Сеймовых волное мовене зъ Его млстью заховуючы просил абы тое оповедане докниг головныхъ трыбуналных было записано Што есть записано Апозаписаню исес видымус скниг подпечатю земскою воеводства менъского Стороне потребуючои ест выданъ Писан у Менъску Миколаи Вяжевичъ Писаръ Zoszmjany Deputat Tomasz Wolam Jerzy Kopaszczewski Stolnik y Deputat Minski Z Nowogrodka Deputat Pewełł . . . . ski ręką Jan Wereszczaka Depûtat z Woiewodstwa Brzeskiego Theodor Sołtan Podstoli y Deputat Rzeczycki Скорыкговалъ Адамъ Ходосовичъ (*Подлин.— Прил. земская печать минскаго воеводства*).

4.

Грамота Христины Малинской, урожденной княжны Вишневецкой, на отдачу игуменьѣ Олимпіадѣ Рагозиной и инокинямъ ея Спаскаго и Благовѣщенскаго монастырей, въ брагинскомъ ключѣ. 1632 г.

(Документы эти заимствованы изъ Сборника древнихъ грамотъ и актовъ городовъ минской губерніи, хранящихся нынѣ въ виленскомъ центральномъ архивѣ. Документы эти свидѣтельствуютъ, что въ началѣ 17 вѣка еще не всѣ члены фамилій Радзивилловъ, Тышкевичей, Вишневецкихъ и Рагозъ перешли на унію и латинство).

Я Крыстина Княжна Вишневецка Миколаева Малинска, Ознаимую иявно чыню тым моим доброволным листом записом, тепер инапотом всегда, кому отом вѣдат бы належало, иж я зазалецеием ипозволеием, нижеименованым особом, отвѣлебнаго отца Его Млсти Ексархи Киевскаго, такъже Велебнаго Его Млсти Отца Архимандрита Печерскаго иинших духовних религи Старожитнои Грецескои Прслюжоных, вмаетности своеи дѣдичънои ввоеводствѣ Киевском веселѣ Сѣлцу вкключу Брагинском, Иноким Побожнои Благочестивои Монастыра Печерского Киевского, Рекгулы стго Василия Госпожы Олимпиадѣ рагозинцѣ Силичовои

иДочце ее Паннѣ Маринѣ Силичовнѣ оддалам, такъже и Иншим законницам Прииих мѣшкаючым инапотом будучым Манастыры Стого Преображения Гда Бга иСпса нпего Іс Ха. иБлаговещения Пречистои Бцы, которые натот час суть спустошалые. Ато кудепшому чынечи розмноженю хвалы Бжои; идотых Манастыров Село защовбѣ споддаными изовсякими ихъ повинностями ипослушенством пожитками и приналежностями якосе всобе здавных часов тая маетност мает ипожитков вщелякихъ заживают, Ато ведлугъ стародавнаго фундушу славное памети Ксіоженця Его Млсти Адама Корибута Вишневецкаго Пна Отца моего иКсѣжны Ее Млсти славнои памети Алѣксандры Ходкевичовны Вишнѣвецкои Ее Млсти Пани Матки моеи дотых Манастыров наданых пожитков. Амѣновите теж ивъСелцу подданых трох зих кгрунтами, издѣревом бортным, ово зовсякими здавна прицалежностями извычаиными пожитками. Зособна теж досамого Монастыра поля робочые инеробочые Сеножати Млынъ изего вымелками нарѣце Щовби, также натоиже рѣце волное рыб ловене наязах иншими посудками, водлѣ старых прыналежностеи звычаев иуживаня дотых монастыровъ належачих Ничого насебѣ инапотомки свое тых добръ нѣуиимуючы инѣзоставуючы, вѣчными часы особом вышъ мѣноваными Инокинѣм побожным иприиих иншим инапотом наступуючым сукцесивѣ инокинем мѣшкаючым натом мѣисцу вырѣдърѣчоном отмала довѣля, даю дарую изаписую, тепер инапотомные часы ненарушнѣ. Итым листом записом моим фундушъ Стародавныи одславнои памѣти Ксіожонтъ их Млсти Пнв родичов мвих зошлых зсего свѣта натые вышъ описане Монастмри априналежностями, ихъ мѣноваными ишпрѣи вием описаными наданыи ствержаю иповторяючи фундую подтымиж обовязками иКондыциями встародавном фундусе варованеми выражонеми иописанеми: Подпослушенством иблагословѣнством отца Свѣтейшаго Патриархи Константинополеского благочестивѣ водлуг порядку церквѣ всходиѣи мѣшкаючы икухвалѣ Гда Бга всемогущаго жыючи набоженства розмножать здавних вѣков звычайного втойже релии Греческой мают иповинни будут. Апозешестю зсего свѣта тих побожных инокинъ, теды наступуючые имѣшкаючые напотом законници сами юж межи собою старшую обирать мают подтымже благословенством однастаршаго намѣстника втых краях вблагочестию одСвѣтейшого Патриархи Константынополеского будучого благословѣнство брат повинни будут. Дено-

торого надання пожитковъ здавна фундованым Монастырѣм, я юж сама помнѣ потомковѣ ивсѣ близкие идалекие Кревные мои, иизславнои памѣти Его Млсти Пна Малжонка моего, зчогосе я зрѣкаю ивѣдат нехочу, жаднаго напотом вступу иперенагабаня ишкоды чинит нѣмаю, иждень зпомѣненых потомков моих и всех близких повинных жадное моцы мѣт небудут вѣчными часы. Которые я все звыш менованые монастыры идобра тые дових належачые зѣвсякими пожитками иприналежностями пустивши оным помѣненым особом вмоц испокойное держанѣ допосессыи урядовнѣ через возного ишляхту обывателев Киевского повету подаю ипоступую. Якосе звыш помѣнило навѣки вѣчные инѣод зовные, тым записом моим доброволным надаю изаписую ифундую. Докоторого фундушу взапису моего длялепшаго ствержени ипевности вламят людзкую печат свою притисновши ирукою своею власною подписаломсе. Дань вбелицку Рьку отБжого нарожения тисеча шест сот тридцат второго мца фенраля двадцат четвертаго дня Kristina na Wisniowcu Malińska Własną Ręką Ustnie proszony pieczętarz od wyszey rzeczoney osoby Marcin Bobiatynski ręką swą Alexander Puzyna ma prop Ustnie proszony pieczętarz Samuel Zabłocki. (*Подлин.—Прил. три герб. печати.*)

№ 6-й.

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИСТОРІИ ЮГО-ЗАПАДНОЙ РОССІИ ВРЕМЕНЪ «ГАЙДАМАТЧИНЫ.»

(Изъ современной записки, хранящейся въ архивѣ Ставропигійскаго института при церкви Успенія пресв. Богородицы въ Львовѣ.)

(Подлинникъ.)

REGESTR
Haydamakow ktorzy od dnia 17 7-bris są pryprowadzeni do Exekucyi 1768 A-o (*).

D. 16 7-bris 1768 A-o w Miescie Zydaczewie spowiedani.

1) WASYL KRUPSKI z Lisianki z Szczyrkaszczyzny zonaty

(Переводъ.)

СПИСОКЪ
гайдамаковъ, надъ которыми исполнено рѣшеніе смертной казни съ 17 сентября 1768 года *).

Д. 16 сентября 1768 г. въ г. Жидачевѣ исповѣдывались.

1) ВАСИЛІЙ КРУПСКІЙ изъ Лисянки черкаскаго имѣнія,

---

*) Извлечено изъ современной записки, хранящейся въ архивѣ, Ставропигійскаго института при церкви Успенія Пресв. Богородицы въ Львовѣ. Это современный списокъ виновниковъ уманской коліевщины, казненныхъ въ мѣстечкахъ Украины и Галиціи. Эти несчасные видно не были сбродомъ бездомной черни, подобнымъ нынѣшнимъ героямъ польскаго мятежа; это были осѣдлые земледѣльцы—крестьяне тѣхъ же самыхъ польскихъ цивилизаторовъ, которые столь мало заботились о благѣ своихъ подданныхъ и которые своимъ гнетомъ довели цѣлыя толпы мирнаго рабочаго народа до крайняго ожесточенія. Эта записка представляетъ также образчикъ польской гуманности и вѣротерпимости, съ какою исполнялось правосудіе во времена золотой вольности, когда власть находилась въ рукахъ благороднаго сословія т. е. въ рукахъ ясневельможныхъ пановъ! Даже къ совершенію исповѣди и причащенія недопущенъ ни православный ни уніатскій священникъ, а напутствовалъ страдальцевъ кармелитанецъ или доминиканецъ.

ma syna 1 y corek 2 spowiadał się y komunikował.

2) IWAN ZASYLOW z Krasnopola z Humanszczyzny Zonaty bezdzietny, spowiad: y Komuni.

(*) женатый, имѣетъ одного сына и двѣ дочери, испов. и пріобщ.

2) ИВАНЪ ЗАСЫЛОВЪ изъ Краснополья уманскаго имѣнія (**) женатъ—дѣтей не имѣетъ, испов. и пріобщ.

Подобныхъ сценъ много въ исторіи Польши. Мы, въ pendent этой запискѣ, приведемъ здѣсь выписку изъ сочиненія „Pamiętniki do panowania Augusta II," (издан. въ Познани 1838 г.) стр. 48, гдѣ подъ годомъ 1702 современный авторъ разсказываетъ слѣдующее: Nazajutrz poszło 2000 świeżych kwarcianych (козацкое войско, получавшее жалованье по третямъ) i powetowali szkody, znieśli kozakow na 15 tysięcy. Po owey tranzakcyi iuż po s. Marcinie skupione dywizye poszły za kozakami, a napadłszy owe trzy partyi pod Niemirowem, zniesiono na głowę wszystkich; Abazynę wzięto, a potem w Libaniu na pal wbito. Nabrano tam w niewolę wiele tysięcy chłopstwa, ale ich niewycinano niechcąc sobie wsiow pustoszyć panowie, tylko ich kazano znakować, użynano każdemu lewe ucho, poznakowano ich tak na 70 tysięncy. (!!) Paley tym czasem i z Siemaszkiem pokryli się do fortec i zameczkow różnych, a chłopstwo z taborami i swemi żonami, dziećmi i bydłem porobiwszy sobie przy zamkach zasieki obszerne siedzieli w nich, gdzie ich przez całą zimę dobywali kwarciani i w pien wycinali, wsiów także wiele i miasteczki, o ktorych była suspicia (!), że chcieli do buntow iść, wycinano (!).... т. е. въ переводѣ. На другой день пошло 2000 свѣжаго кварцянаго войска и убытки были вознаграждены, истребили козаковъ до 15-ти тысячь. Послѣ этого дѣла, уже послѣ св. Мартына собранныя дивизіи пошли за козаками и напавъ на оныя три партіи подъ Немировымъ истребили всѣхъ на голову и взяли Абазину, а потомъ въ Либани посадили на колъ. Захвачено тамъ въ плѣнъ нѣсколько тысячь мужиковъ, но ихъ неумертвили, потому что паны нехотѣли опустошить свои деревни, только ихъ велено клеймить, отрѣзывали каждому левое ухо и такимъ образомъ заклеймено ихъ до 70 тысячь (!!). Между тѣмъ Палей съ Сѣмашкою заперлись въ крѣпости и въ разные замочки, а крестьяне съ таборами, своими женами, дѣтьми и скотомъ, подѣлавши при замкахъ пространныя засѣки, засѣли въ нихъ, гдѣ ихъ кварцяное войско осаждало въ продолженіи всей зимы и наповалъ убивало, много также было вырѣзано деревень и мѣстечекъ, о которыхъ было подозрѣніе, что участвовали въ матежѣ.

(*) Нынѣ уѣздный городъ Черкасы кіевской губерніи.

(**) Умань тоже уѣздный городъ кіевской губерніи.

3. JAKIM SZELEST z Zabotina z Smielanszczyzny zonaty ma corkę 1 spowiad. y komini.

4. IWAN BUCZENKO z Czerkas z miasta I. O. Xięcia Sanguszka zonaty ma synow 2 y corkę 1 spowiadał się y komini kował. **Ci są powieszeni w tymże miescie. Iako kwit jest.**

D. 17 7-bris 1768 A-o w. miescie Rozdole spowiedani y komunikowani.

1) PETRO GAWOST z Jasienowa z Smilanszczyzny, zonaty ma synow 2 na wołoszczyznie y corkę 1 umarł swoią smiercią tamże pochowany spowiadał się y komunikował.

2) TYMKO BEYCHT z Pasterki z Smilanszczyzny zonaty ma synow 2 y corek 3 spowiad. y komuni.

3. HRYNKO SOLODENKO z Zabotina z Smilanszczyzny zonaty bezdzietny spowied. y komuniko.

4. MAKSIM HASZCZENKO z Zurawki z Smilanszczezny młodzian spowied. y komuni.

5) PROTKO TYCHONENKO z Wierszany z Smilanszczyzny zonaty bezdzietny spowiadał się y komunikował. **Ci są powieszeni**

3) ЯКИМЪ ШЕЛЕСТЪ изъ Жаботина, Смѣлянскаго имѣнія (*), женатъ, имѣетъ одну дочь, испов. и пріобщ.

4) ИВАНЪ БУЧЕНКО, изъ г. Черкасъ (**), женатъ, имѣетъ двухъ сыновей и одну дочь, исповѣд. и пріобщался. **Всѣ они повѣшены въ томъ же городѣ, какъ значится въ квитанціи**

17 сентября того же года въ г. Роздолѣ, исповѣдовались и пріобщались.

1) ПЕТРЪ ГАВОСТЪ, изъ Ясенова смилянскаго имѣнія, женатъ, имѣетъ двухъ сыновей въ Валахіи и одну дочь. Умеръ своею смертію и тамъ же похороненъ, испов. и пріобщ.

2) ТИМОФЕЙ БЕЙКТЪ изъ Пастерки смилянскаго имѣнія, женатъ, имѣетъ двухъ сыновей и три дочери, испов. и пріобщ.

3) ГРИГОРІЙ СОЛОДЕНКО, изъ Жаботина смилянскаго имѣнія, женатъ, дѣтей не имѣетъ. испов. и пріобщ.

4) МАКСИМЪ ГАЩЕНКО изъ Журавки смилянскаго имѣнія, холостъ, испов. и пріобщ.

5) ПРОТАСІЙ ТИХОНЕНКО изъ Вершаны смилянскаго имѣнія женатъ, дѣтей неимѣетъ, испов. и пріобщ. **Всѣ они повѣшены.**

(*) М. Смѣла, нынѣ принадлежащее графинѣ С. А. Бобринской, извѣсное своими обширными сахарными заводами.

(**) Въ это время принадлежащаго князю Сангушкѣ

Rękę prawę y lewę nogę, tamże ucięto pod Szubienicą.

1) DANILOWI KOZACZENKOWI z Zurawki z Smilanszczyzny, młodzian, spowiad. y kominik.

2) TARAS PAWLENKOWI z Wierszany, z Smilanszczyzny młodzian, spowia. y komuni.

W tymże mieście przyprowadzeni do Exekucyi przez Mistrza Stanisławowskiego, iako kwit iest z miasta.

D. 17 7-bris 1768 A-o we wsi ostrowie Jw. Jmc. p. woiewody podol.

1) JAN WITEMKO z Harkuwki z Humanszczyzny zonaty bezdzietny, spowiad.

2) JAKIM BAKLAREMKO z Janowki Smilanszczyzny, żonaty ma syna 1 y córke 2, spowiad. y komunikował w Rozdole, tychże wszystkich dysponował KARMELITA z Rozdolu.

D. 19 7-bris, A-o 1768 w mieście Hodorowie. *)

1) DYMITR WALACHOCZEN-

Отрублено подъ висѣлицей правую руку и лѣвую ногу.

1) ДАНІИЛУ КОЗАЧЕНКО изъ Журавки, смилянскаго имѣнія, холостъ, испов. и пріобщ.

2) ТАРАСУ ПАВЛЕНКО изъ Вершаны, смилянскаго, имѣнія холостъ. Испов. и пріобщ.

Согласно квитанціи приведены къ исполненію смертной казни въ этомъ же городѣ чрезъ палача Станиславовскаго.

Въ д. Островѣ е. в. б. пока воеводы подольск.

1) ИВАНЪ ВИТЕНКО изъ Гарковки, уманскаго имѣнія, женатъ, дѣтей не имѣетъ. Испов. и пріобщ.

2) ЯКИМЪ БОКЛАРЕНКО изъ Яновки, смилянскаго имѣнія, женатъ, имѣетъ одного сына и двухъ дочерей, испов. и пріобщ. въ Роздолѣ.

Всѣхъ ихъ напутствовалъ кармелитъ изъ Раздола.

19 сентября 1768 г., въ г. Ходоровѣ.

1) ДМИТРІЙ ВАЛАХОЧЕНКО

*) Собственно Ходоровъ въ вост. Галиціи.

KO z Sołopuwki z Smilanszczyzny żonaty ma synow 3 spowiad. y komuni.

2) SEMEN PILIPCZAK z Telejowa xiężny marszałkowy z czerkawszczyzny młodzian spowiadał się y komunikował w Hodonowię.

3) MIKOLAY JACENCZYN z Zabotyna z Smilanszczyzny młodzian spowied. y komunik.

4) PETRO SZABELAK z Targowicy z Humanszczyzny żonaty ma syna 1 spowiad. y komuni.

5) DYNYS BERUSZENKO z Sokołuwki z Humanszczyzny młodzian spowied. y komunikow.

6) MYKITA BESZWESZENKO z Targowicy z Humanszczyzny spowiad. y komunikował.

Cisą powieszeni.—Rękę prawę y nogę lewę w tymże mescie ucięte.

1) TYMKOWI NADOLMEMU z Sprobyszczyzny Jw-o Jmc. p. Chorązego L. H. młodzian spowiad. y kumunik.

2) JWAN HANCZAR z Sechtynuwki z Smielanszczyzny młodzian spowiad. y kumuni.

Cisą Exeqnowane przez mistrza Stanisławowskiego, ktorych dysponował Jmc. xiądz karmelita Rozdolski

D. 20 7-bris 1768 A-o w mies-

изъ Солоповки, смилянскаго имѣнія, женатъ, имѣетъ трехъ сыновей; испов. и пріобщ.

2) СЕМЕНЪ ПИЛИПЧАКЪ изъ Телѣіова, княгини маршалковой изъ черкасскаго имѣнія, холостъ, испов. и пріобщался.

3) НИКОЛАЙ ЯЦЕНЧУКЪ изъ Жаботина, смилянскаго имѣнія, холостъ, испов. и пріобщ.

4) ПЕТРЪ ШАБЕЛЯКЪ изъ Таргoвицы, уманскаго имѣнія, женатъ, имѣетъ одного сына, исповѣдался и пріобщался.

5) ДЕНИСЪ БЕРУШЕНКО изъ Соколовки, уманскаго имѣнія, холостъ, испов. и пріобщ.

6) НИКИТА БЕЗВОШЕНКО изъ Таргoвицы уманскаго имѣнія, испов. и пріобщ.

Всѣ они повѣшены.

Въ этомъ же городѣ отрублены правыя руки и лѣвыя ноги.

1) ТИМОФЕЮ НАДОЛЬНОМУ изъ Спробощинскаго имѣнія, е. в. пана хорунжаго Л. Г. холостъ, испов. и пріобщ.

2) ИВАНЪ ГОНЧАРЪ изъ Сехтиновки, смилянскаго имѣнія, холостъ, испов. и пріобщ.

Приговоръ надъ ними исполнялъ тойже палачъ, и христіанскія требы—тотже монахъ.

20 сентября 1768 г. въ г.

cie Kniahyniczach tam się spowiad. y komunikował.

1) HRYCKO MAMAJ z Sokołuwki z Humanszczyzny młodzian spowiad. y komunikow.

2) DYMITR DYNYSENKO z Kulikowki z Smielanszczyzny zonaty ma syna 1 corkę 1 spowiad. y komunikow.

3) JWAN KRAWCZENKO z Jasienowa z Smielanszczyzny zonaty ma synow 2 y corkę 1, spowiad. się y komunikował.

Ci są powieszeni przez mistrza Stanisławowskiego, ktorych dysponował Jmć Xiądz KARMALITA z Rozdolu.

D. 23 7-bris 1768 A-o w miescie Rohatynie tam są spowiedani y komunikowani. a dysponowani przez Oo. DOMINIKANOW Rohatynskich.

1) ŁUCZKA ZACHARKOW z Hurkuwki z Humanszczyzny młodzian, spowiad. y komunik.

2) WASIL RUDENKO z Hurkuwki z Humanszczyzny młodzian spowiad. y komunik.

3) CHWEDOR SOŁOCZENKO z Zabotyna z Smielanszczyzny zonaty bezdzielny spowiad. y komunik.

4) OLEXYN SZEWCZENKO z Pałanki z Humanszczyzny młodzian spowiad. y komunik.

5) PAWŁO PRAZNYCZENKO

Княгиничахъ: тутъ же испов. и пріобщ.

1) ГРИГОРІЙ МАМАЙ изъ Соколовки, уманскаго имѣнія, холостъ, испов. и пріобщ.

2) ДМИТРІЙ ДЕНИСЕНКО изъ Куликовки, смилянскаго имѣнія, женатъ, имѣетъ одного сына и одну дочь, испов. и пріобщ.

3) ИВАНЪ КРАВЧЕНКО изъ Ясенова, смилянскаго имѣнія, женатъ, имѣетъ двухъ сыновей и одну дочь, испов. и пріобщ.

Всѣ они повѣшены чрезъ тогожъ палача, ихъ напутствовалъ ксендзъ Кармелитъ изъ Роздола.

23 сентября 1768 г. въ г. Рогатинѣ, тутъ же исповѣдывались и пріобщались, а напутствованы оо. Доминиканцами рогатинскими.

1) ЛУКА ЗАХАРКОВЪ изъ Гарковки, уманскаго имѣнія, холостъ, испов. и пріобщ.

2) ВАСИЛІЙ РУДЕНКО оттуда же, холостъ, исповѣдался и пріобщался.

3) ѲЕДОРЪ СОЛОЧЕНКО изъ Жаботина, смилянскаго имѣнія, женатъ, дѣтей не имѣетъ, испов. и пріобщался.

4) АЛЕКСѢЙ ШЕВЧЕНКО изъ Палянки, уманскаго имѣнія, холостъ, испов. и пріобщался.

5) ПАВЕЛЪ ПРАЗНЫЧЕН-

z Wierzbowki alias z Orłowki z Smielanszczyzny zonę ma corkę 1, spowiad. y komunik.

KO изъ Вербовки (иначе Ордовки) смилянскаго имѣнія, женатъ, имѣетъ одну дочь, исповѣдался и пріобщался.

6) JWAN KOŁYSZCZENKO z Osiady z Smielanszczyzny młodzian, spowiad. y komunikow.

6) ИВАНЪ КОЛЫШЧЕНКО изъ смилянской слободы, холостъ, испов. и пріобщ.

7) MIKOŁA STOPELENKO z Zurawki z Smielanszczyzny młodzian spowiad. y komunik.

7) НИКОЛАЙ СТОПЕЛЕНКО изъ Журавки, смилянскаго имѣнія, холостъ, испов. и пріобщ.

8) JOZEF MAXYMENKO z Winogroda Jmc. P. Sołtyka, zonę ma corki 2 spowied y kom.

8) ІОСИФЪ МАКСИМЕНКО изъ Винограда, женатъ, имѣетъ двухъ дочерей, испов. и пріобщ.

9) KORNIN SZEFCZENKO z Zabotyna z Smielanszczyzny młodzian spowiad. y komunik.

9) КОРНЕЙ ШЕВЧЕНКО изъ Жаботина, смилянскаго имѣнія, холостъ, испов. и пріобщ.

10) JLKO ZASZCZENKO z Kamianki z Humanszczyzny młodzian spowiad. y komunikow.

10) ИЛЬЯ ЯЩЕНКО изъ Каменки, уманьскаго имѣнія, холостъ, испов. и пріобщ.

11) JWAN CZOPOWSKI z Lubeniec wsi z Zabotyna z Smielanszczyzny zonaty ma corkę 1 spowiad y komunikował.

11) ИВАНЪ ЧОПОВСКІЙ изъ Жаботина, смилянскаго имѣнія, женатъ, имѣетъ одну дочь, испов, и пріобщ.

12) PANKO MIESZCZANENCZUK z Tymoszowki z Smielanszczyzny młodzian spowia. y kom.

12) ПАНКРАТІЙ МЕЩАНЧУКЪ изъ Тимошовки, смилянскаго имѣнія, холостъ, испов. и пріобщался.

W Firlejowie miasteczku są powieszeni do Starostwa Rohatynskiego należy.

Въ м. Фирлеевѣ повѣшены, принадлежатъ къ Рогатинскому старотству.

1) JAKIM POŁOWY z Werbki z Smielanszczyzny zonaty ma corkę 1 spowiad. y komunik.

1) ЯКИМЪ ПОЛОВОЙ изъ Вербки, смилянскаго имѣнія, женатъ, имѣетъ одну дочь, испов. и пріобщался.

2) MIKOLAY HUSACZUK z Sokołuwki z Humanszczyzny młodzian spowiad. y komuni.

2) НИКОЛАЙ ГУСАЧУКЪ изъ Соколовки, уманьскаго имѣнія, холостъ, исповѣдывался и пріобщался.

W miescie Rohatynie rękę prawe y nogę lewą ucięto.

1) STEFAN JWACZENKO z Boronochy z Humanszczyzny młodzian, spowiad y komunik.

2) SAMUEL SZCZASLIWENKO z Wierzbowki z Humanszczyzny zonaty ma synow 2, spowiad. y komunikow.

3) CHWEDOR BUDNARENKO z Targowicy z Humanszczyzny młodzian spowiad. komunik.

Ktorzy dnia dzisieyszego przez mistrza Podhajeckiego, są exekwowani.

D. 27 7-bris 1768 A-o w **miescie Podchaycach** są powieszeni spowiad. i kommun.

1) WASYL ANCZURENKO z Sokułowki z Humanszczyzny młodzian spowiad. y komunik.

2) PAWŁO DREWNIANKO z Sokołuwki z Smielanszczyzny zonaty, ma sórkę 1 spowiad. y kom.

3) FEDOR KOMUBORODENKO z Kamenia z Humanszczyzny zonaty ma synow 3, corkę 1, spowiad, y komunik.

4) IWAN ZYZENEYKO z Swierzany z Smielanszczyzny młodzian spowiad. y komun.

5) SEMEM MĘCZEYKO z Lubiniec z Smelanszczyzny zonaty ma syna 1 córkę 1 spow. y komunik.

6) JACKO SZAPOWELENKO z Zabotyna z Smielanszczyzny

Отрублены правыя руки и лѣвыя ноги: въ г. Рогатинѣ.

1) СТЕПАНЪ ИВАЩЕНКО изъ Боронохи, уманьскаго имѣнія, холостъ, испов. и пріобщ.

2) САМУИЛЪ ЩАСТЛИВЕНКО изъ Вербовки, уманьскаго имѣнія, женатъ, имѣетъ двухъ сыновей, испов. и приобщ.

3) ѲЕОДОРЪ БУДНАРЕНКО изъ Торговицы, уманьскаго имѣнія, холостъ, испов. и пріобщ.

Приговоръ надъ ними исполнялъ палачъ Подгаецкій.

27 сентября 1768 г. въ г. Подгайцахъ повѣшены: испов. и пріобщ.

1) ВАСИЛІЙ АНЧУРЕНКО изъ Соколовки, уманьскаго имѣнія, холостъ, испов. и пріобщ.

2) ПАВЕЛЪ ДРЕВНЯНКО изъ Солоповки, смилянскаго имѣнія, женатъ, имѣетъ одну дочь, испов. и пріобщ.

3) ѲЕДОРЪ КОМУБОРОДЕНКО изъ Каменя, уманьскаго имѣнія, женатъ, имѣетъ трехъ сыновей и одну дочь, исп. и пріобщ.

4) ИВАНЪ ЗИЗЕНЕЙКО изъ Свѣржаны, смилянскаго имѣнія, холостъ, испов. и пріобщ.

5) СЕМЕНЪ МЕНЧЕЙКО изъ Любинецъ, смилянскаго имѣнія, женатъ, имѣетъ одного сына и одну дочь, испов. и пріобщ,

6) ЯКИНФЪ ШАПОВЕЛЕНКО изъ Жаботина, смилянскаго

zonaty ma syna 1 spowiad. y komunik.

7) DYNYS KOZAK z Piatychy z Czerkaszczyzny młodzian spowiad. y komuni.

8) HAWRYŁO CARUK z Pałek z Humanszczyzny młodzian spowiad. y komunik.

Ci są poweszeni. Ktorze ręce y nogi ucięte.

1) IWAN KOSTENKO z Werbowki z Smiełanszczyzny zonaty ma synow 3, corkę 1, spowiad. y komunik.

2) IWAN DZIACZENKO z Orłowy z Humanszczyzny zonaty bezdzietny spowiad. y komunik.

3) FEDOR ZABUSKIN z Bałtychi z Smielanszczyzny młodzian spowiad y komunik

Ci są przez Mistrza Podchaieckiego Exekwowani.

D. 30 7-bris A-o w **męscie Mikulincach** są spowiedani y komunikow.

1) JWAN PETRENKO z Lesek z Szczerkaszczyzny zonaty ma synow 2 spowiad. y komun.

2) DANIŁO SEMENKO z Skorokuwki z Zabotyna z Smielanszczyzny młodzian spowiad.

Ci są obwieszeni.

1) STEFAN TKACZ z Wir-

имѣнія, женатъ, имѣетъ одного сына, испов. и пріобщ.

7) ДЕНИСЪ КОЗАКЪ изъ Пятихи, черкаскаго имѣнія, холостъ, испов. и пріобщ.

8) ГАВРІИЛЪ ЦАРУКЪ изъ Пелекъ, уманьскаго имѣнія, холостъ, испов. и пріобщ.

Всѣ они повѣшены, и отрублены руки и ноги.

1) ИВАНЪ КОСТЕНКО изъ Вербовки, смилянскаго имѣнія, женатъ, имѣетъ трехъ сыновей и одну дочь, испов. и пріобщ.

2) ИВАНЪ ДЯЧЕНКО изъ Орловой, уманьскаго имѣнія, женатъ, дѣтей не имѣетъ, испов. и пріобщался.

3) ѲЕОДОРЪ ЗАБУСКИНЪ изъ Балтихи, смилянскаго имѣнія, холостъ, испов. и пріобщ.

Приговоръ исполнялъ тотъ же палачъ Подгаецкій.

30 сентября 1768 г. въ г. Микулинцахъ: испов. и пріобщ.

1) ИВАНЪ ПЕТРЕНКО изъ Лесекъ, черкаскаго им., женатъ, им. двухъ сын., испов. и пріобщ.

2) ДАНІИЛЪ ЦЕМЕНКО изъ Скороковки (жаботина), смилян. им., холостъ, испов.

Они повѣшены.

1) СТЕПАНЪ ТКАЧЪ изъ

łowca z Smielanszczyzny młodzian spowiad. y komunik.

2) JAKIM SZEFCZENKO z Bałtyszki z Sminlanszczyzny wdowiec ma corek 2 spowiad. y komunik.

3) DYMITR MUSZENECKO z Holukawki z Smielanszczyzny zonaty, ma syna 1 corkę 1 spowiad. y komuni. **Ręce y nogi ucięte.**

(Сдѣсь небольшій пробѣлъ. На другомъ полулистѣ слѣдуетъ продолженіе.)

Extrakt gaydamakow in № 16 z Ordynansu przeswietney Komissyi woyska koronnego Exekwowanych dnia 20 7-bris wypisany 1768 anno.

Dnia 12 7-bris w mieście Szczercu powieszeni.

1) WASYL BODNARENKO ze wsi Jabłonowki z Smielanszczyzny zonaty syna miał jednego corek 2.

2) ROMAN CZĘSTOKOLNIK ze wsi Hruszkoi z Humanszczyzny młodzian.

3) CHWEDOR BONDARENKO ze wsi Lisiek z Czerkaszczyzny młodzian.

4) PYLYP WOJEWOCZYNKO z Dzułynok z Humanszczyzny młodzian.

D. 13 7-bris w mieście Ko–

Вирловца, смилян. имѣнія, холостъ, испов. и пріобщ.

2) ЯКИМЪ ШЕВЧЕНКО изъ Балтихи, смилянскаго имѣнія, вдовъ, имѣетъ двухъ дочерей, испов. и пріобщ.

3) ДМИТРІЙ МУШЕНЕЦКО изъ Голукавки, смилянскаго имѣнія, женатъ, имѣетъ сына и дочь, испов. и пріобщ. **Отрублены руки и ноги.**

Извлеченіе изъ 16 № списка гайдамаковъ, надъ которыми исполнена смертная казнь по рѣшенію коронной военной коммисіи 20 сентября, выписано 1768 г.

12 сентября, въ г. Терцѣ: повѣшены.

1) ВАСИЛІЙ БОДНАРЕНКО изъ Яблоновки, смилянскаго имѣнія, женатъ, имѣетъ одного сына и двухъ дочерей, испов. и пріобщ.

2) РОМАНЪ ЧАСТОКОЛЬНИКЪ изъ Грушки, уманьскаго имѣнія, холостъ.

3) ѲЕОДОРЪ БОНДАРЕНКО изъ Лисокъ, черкаскаго имѣнія, холостъ

4) ФИЛИПЪ ВОЕВОЧЕНКО изъ Дзулынокъ, уман. имѣнія, холостъ.

13 сентября 1768 г. въ г.

marnie powieszeni

5) MAXYM ze wsi Preszczakowki. z Smielanszczyzny młodzian.

6) SAWA ze wsi Sołopuwki z Smielanszczyzny młodzian.

7) CHWEDOR KOWALENKO z Zurawki z Smielanszczyzny zonaty ma synow 2.

8) JWAN ANDRUSZCZYKOW ze wsi Buzukiewicz z Smielanszczyzny zonaty bezdzietny.

D. 15 7-bris w miescie Grudku Exequowani

9) WASYL SZWEC ze wsi Werbki z Smielanszczyzny zonaty synow miał 2.

10) OCYI NADŁECZYCENKO ze wsi Wiązowka z Smielanszczyzny zonaty syna miał 1.

11) STEFAN BERLACZYK z Wilczana z Smielanszczyzny młodzian.

12) ARTEM SKUPIENKO z Terupynoi z Smielanszczyzny zonaty syna miał 1, corek 4.

D. 17 7-bris w miescie Jaworowie Exequowani.

13) SEMION CHRYWIENKO

Комарнѣ повѣшены

5) МАКСИМЪ (безъ прозванія) изъ Плещаковки, смилян. имѣнія, холостъ.

6) САВВА (тоже) изъ Солоповки, смилянскаго имѣнія, холостъ.

7) ФЕДОРЪ КОВАЛЕНКО изъ Журавки, смилян. имѣнія, женатъ, имѣетъ двухъ сыновей.

8) ИВАНЪ АНДРУЩИКОВЪ изъ Базукевичъ, смилян. имѣнія, женатъ, дѣтей не имѣетъ.

15 сентября, въ г. Гродкѣ казнены.

9) ВАСИЛІЙ ШВЕЦЪ изъ Вербки, смилянскаго имѣнія, женатъ, имѣетъ двухъ сыновей.

10) АВСЕЙ НАДЛЕЧИЦЕНКО изъ Віонзовки, смилянскаго имѣнія, женатъ, им. одного сына.

11) СТЕПАНЪ БЕРЛЯЧУКЪ изъ Вильчана. смилян. имѣнія, холостъ.

12) АРТЕМЪ СКУПЕНКО изъ Терупиной, смилян. имѣнія, женатъ, имѣлъ одного сына и четырехъ доч.

17 сентября, въ г. Яворовѣ казнены.

13) СЕМЕНЪ ХРИВЕНКО

z Ruskopolenic z Czerkaszczyzny zonaty miał corkę 1.

14) ANDRYI MARCZENKO ze wsi Wiązowka młodzian służył u Cheremka kozaka w Smielanszczyznie.

15) MYKITA NEHEDA z Jabłonowki z Smielanszczyzny zonaty synow miał 2, corek 2.

16) PETRO KOŁOMYK z Zurawki z Smielanszczyzny zonaty synow miał 4 corkę 1.

Kótry to Extrakt z osobnych każdego miasta z podpisem danych attentacyi z dobrą duszy dyspozycyą Exęquowanych gaydamakow wypisany własną podpisuię się ręką. Datt. die 20 7-bris 1768 anno.

(Подписи нѣтъ.)

Согласно съ подлинникомъ

Я. Ѳ. Головацкій.

Львовъ 24 сентября 1863 г.

изъ Рускополенецъ, черкас. им. женатъ, имѣлъ одну дочь.

14) АНДРЕЙ МАРЧЕНКО изъ Віонцовки, холостъ, служилъ у козака Херемка въ смиляи. имѣніи.

15) НИКИТА НЕГЕДА изъ Яблоновки, смил. им., женатъ, имѣлъ двухъ сыновей и двухъ дочерей.

16) ПЕТРЪ КОЛОМЫКЪ изъ Журавки, смил. им., жен., имѣлъ четырехъ сыновей и одну дочь.

Каковой экстрактъ, выписанный порознь изъ городскихъ документовъ о напутствованныхъ духовными требами и казненныхъ гайдамаковъ, собственноручно удостовѣряю. 20 сентября 1768 г.

(подписи нѣтъ).

Согласно съ подлинникомъ

Я. Ѳ. Головацкій.

Львовъ. 24 сентября 1863 г.

II.

ЗАГОРОВСКІЙ МОНАСТЫРЬ,

его библіотека и сохранившійся въ ней западно-русскій литературный памятникъ XVII-го столѣтія.

(Окончаніе).

Теперь скажемъ нѣсколько словъ о литературномъ и историческомъ значеніи нашего памятника, какъ мы это значеніе понимаемъ.

Сохранившійся въ загоровскомъ монастырѣ рукописный памятникъ литературы нашей, кромѣ того, что даетъ намъ наглядное понятіе о состояніи роднаго языка и стихосложенія нашего въ то время, которому онъ принадлежитъ, не лишенъ и внутренняго немаловажнаго значенія и достоинства. Это не искусственная импровизація на какую-нибудь школьную изысканную тему, не изящный, но чисто-поэтическій вымыслъ того, чего на самомъ дѣлѣ никогда не бывало,—нѣтъ, это простое, непринужденное, вполнѣ естественное проявленіе живаго духа и жизни нашего народа, касательно важнѣйшихъ и самыхъ существенныхъ условій его существованія, касательно его народности и религіи, его завѣтныхъ вѣрованій и сердечныхъ убѣжденій. Это стихи на тему, заданною самою жизнею. Мысли и чувствованія нашего поэта не искуственно придуманы, а почерпнуты изъ глубины живаго родника его души и сердца,—это вездѣ у него замѣтно. Сочувствуя его положенію и состоянію душевному, охотно прощаешь ему не только нѣкоторыя

рѣзкія его выраженія, но и самыя его ошибки, потому что, вездѣ чувствуешь, что онъ говоритъ по дѣйствительному и искреннему, хотя индѣ можетъ быть и не вполнѣ вѣрному убѣжденію. Ему невольно сочувствуешь, потому что, вездѣ ясно видишь, что онъ горячо любитъ Русь, любитъ свой народъ, свой языкъ и свою праотеческую вѣру. Избранная поэтомъ тема не есть частная только его задушевная мысль, а мысль цѣлаго народа, котораго онъ только пѣвецъ и представитель. Это пѣсня цѣлаго народа, какъ Иліада Гомера, съ тѣмъ только различіемъ, что это не пѣсня побѣдная и торжественная, а жалобная, плачевная, какъ плачъ Іереміи.... Кромѣ удовлетворенія сердечной потребности—излить избытокъ чувствованій и мыслей, переполнявшихъ душу поэта, у него, очевидно, была въ виду и другая мысль—утѣшить малодушествовавшихъ, утвердить колебавшихся, разочаровать и пристыдить прельщавшихся видимыми выгодами измѣны русской народности и православію. Выраженіе «навернѣться бѣгуны,» часто повторяемое имъ, показываетъ, что поэтъ имѣлъ въ виду, между прочимъ, возвратить на путь истины заблуждавшихъ, нетолько склонявшихся, но и перешедшихъ уже въ унію, такъ какъ онъ бѣгуновъ этихъ называетъ также «отступниками вѣры» [1]). Въ нѣкоторыхъ стихотвореніяхъ есть и къ православнымъ пастырямъ обращеніе, съ увѣщаніемъ, чтобъ они не были лживыми [2]); но особенно много такихъ стихотвореній, гдѣ онъ всѣхъ вообще православныхъ, въ сильныхъ выраженіяхъ, предотвращаетъ отъ уніи [3]).

---

[1]) См. 1-ое стих. „О отступныхъ отъ церкви“ и 8-ое стих. „Гордость папѣжская.“

[2]) См. 8-ое стих. „Гордоств папѣжская“ и 2-ое „О лжепастырехъ.“

[3]) Въ 15-мъ стихотвореніи, „На злую едность,“ поэтъ говоритъ:

„Кто милуетъ Христа, на прелесть не ходи,
и во терпѣніи Оному угоди.
Остатніи вѣки, але ты спасайся,
и до папѣжской купи не злучайся.
И страхомъ и даткомъ уловленъ не буди,

Языкъ нашей поэмы не школьный и искуственный, а тогдашній народный и общепонятный. Кромѣ церковно-славянскихъ словъ и выраженій, онъ, какъ мы это уже однажды замѣтили, изобилуетъ мѣстными народными словами и оборотами рѣчи.

Что касается историческаго значенія нашего памятника, то онъ подтверждаетъ собою слѣдующія въ особенности историческія положенія.

1) Весьма незавидно было состояніе югозападной Руси подъ владычествомъ Литвы, особенно по соединеніи ея съ Поль-

---

и доброту Христову въ сердцѣ соблюди.
Вѣси, яко тебе за кровь Свою купилъ,
абысь къ противному Его не отступилъ.
Фарбованныхъ словесъ не пріими во слухи,
абы твои врази не имѣли утѣхи"...

Въ 18-мъ стихотвореніи: „Како Андрей св. Апостолъ пришелъ въ Кіевъ градъ къ невѣрнымъ:"

„Не наши суть пастыри западныи отцы,
не намъ наставницы папѣжскіи ловцы.
Не намъ духовницы отметники вѣры,
иже опрѣснокамн приносятъ офѣры.
Не наши пастыри церкви супостаты,
иже ускакуютъ тыномъ, а не враты,
Иже суть не кротци, и якоже волци,
и злопрехитрыи людемъ душегубцы."

Стихотвореніе подъ заглавіемъ: „До благочестивыхъ," поэтъ заключаетъ слѣдующими стихами:

„Молюжъ, Христа ради, на прелесть нейдите,
ани чада ваша на зло не видите.
О Христѣ братіе, о Русскіе чада,
избавите себе отъ темного ада.
Не въ школахъ латинскихъ разумъ купуйте,
и ихъ трутизнами души не питайте.
Погубите вѣру и святую славу,
аще суетную ищете забаву."

шею. Не даромъ съ такимъ упорствомъ противилось этому соединенію и при Ягеллѣ (1386 г.), и при Сигизмундѣ Августѣ (1469 г.), не только все русское, но и литовское народонаселеніе [1]). Поэтъ нашъ, не обинуясь, сравниваетъ это состояніе съ извѣстнымъ положеніемъ единовѣрцовъ нашихъ, грековъ, подъ игомъ турокъ [2]), а отношеніе православнаго рус-

[1]) Извѣстно, что всѣ православные смотрѣли на преданность Ягеллы полякамъ (1386 г.) съ негодованіемъ, а когда король, подстрекаемый римскимъ духовенствомъ, вздумалъ требовать и отъ русскихъ присоединенія къ латинской церкви, то они изъявили явный ропотъ и, чтобы разорвать ненавистный союзъ съ гонителями своей вѣры, охотно признали великимъ княземъ, независимымъ отъ короля, двоюроднаго брата его Витольда. Когда черезъ два вѣка потомъ, при Сигизмундѣ Августѣ, (1569 г.), дѣло шло объ окончательномъ соединеніи Литвы съ Польшею, то князь Николай Радзивиллъ, канцлеръ литовскій, благородный защитникъ народности своего отечества, сильно противился этому соединенію. Онъ прямо говорилъ, что „поляки льнутъ къ Литвѣ, какъ пчелы къ цвѣтамъ, чтобъ, высосавъ меды, бросить ихъ." Только по смерти этого благороднаго вельможи, въ 1569 году, на сеймѣ люблинскомъ, вліяніемъ князя Константина Острожскаго, воеводы кіевскаго, и князя Александра Чарторыжскаго, воеводы волынскаго, имѣвшихъ значительный вѣсъ въ своемъ отечествѣ и по богатству и по многочисленности приверженцовъ, удалось королю, не смотря на сильныя возраженія и громкій ропотъ другихъ представителей великаго княжества, достигнуть своей цѣли. Но соединеніе это, какъ несвободное и неестественное, не могло быть и прочно.

[2]) Довольно вспомнить здѣсь слѣдующіе стихи:

„Але Христосъ убогой Церкви помогаетъ,
и во гоненіяхъ сію укрѣпляетъ.
Иже зневолена, якъ Іосифъ, во оковы,
и поношенія поноситъ Христовы.
Врази креста Христова ей утѣсняютъ,
але терпѣнія не преодолѣваютъ.
И такъ Бога славитъ, иже въ немощи сильна,

скаго народонаселенія къ польскому католическому съ отношеніемъ Авель къ Каину [1])....

2) Народъ русскій терпѣть не могъ ни католичества, ни римской уніи, къ принятію которой его принуждали, и эта нетерпимость, по-крайней мѣрѣ у представителей православія, была сознательная, а не безотчетная. Поэтъ нашъ вполнѣ отчетливо объясняется, почему русскіе не должны принимать уніи, почему не могутъ согласиться признать догматъ исхожденія Духа Св. и отъ Сына, почему отвергаютъ догматъ о главенствѣ римскаго первосвященника, ученіе о чистилищѣ, отпущеніе грѣховъ (отпусты) за деньги и т. д.

3) Въ югозападной Руси, не смотря на тогдашнее политическое состояніе ея, вполнѣ ясно и живо сознавалась всегда мысль о *единствѣ* всей русской земли, русскаго народа, русскаго языка и вѣры православной. Поэтъ нашъ въ пѣсняхъ своихъ говоритъ о православныхъ, страдавшихъ отъ уніи, слѣд. о русскихъ, временно состоявшихъ подъ владычествомъ Польши; а между тѣмъ онъ нигдѣ не называетъ и не думаетъ называть своей земли нетолько Польшею, но даже Русью «польскою,» а только прямо *Русью*. Онъ говоритъ о Руси такъ, какъ-будто видитъ ее въ настоящемъ ея политическомъ состояніи. Нужно ли пояснять здѣсь затѣмъ, какъ нелѣпа въ сущности своей мысль тѣхъ странныхъ патріотовъ польскихъ, которые Волынь, Литву, Подоль, кіевскую область, Украину и теперь еще позволяютъ воображать себѣ какою-то Польшею?.. Точно также не найдете вы у нашего поэта дѣленія Руси на великую, малую, бѣлую, чермную и пр. Нѣтъ, онъ знаетъ одну только, дѣйствительно *великую* Русь, Русь, которая «ажъ

и межи турками Господеви вѣрна.
И ты, русскій роде, теперь утвержайся,
межи ересями во вѣрѣ мужайся.
Воля есть Господня намъ нынѣ терпѣти,
а міролюбцамъ время богатѣти"...

[1]) Стихотвореніе „О гоненіи на святую церковь" заключается слѣдующими стихами:

„Яко Авель терпѣмо отъ убійцы брата,
и будетъ молитва предъ Вышнимъ пріята.*

до океана за Володимера свято просвѣщена»… [1]). Русь и русскихъ онъ противополагаетъ только папѣ и латинамъ, жидамъ и туркамъ, а не какимъ-нибудь единовѣрнымъ ему племенамъ русскимъ. У него есть одно только замѣчательное, впрочемъ, дѣленіе Руси именно, дѣленіе на Русь безумную и разумную. Первая, по словамъ его, слушается совѣтовъ своихъ враговъ, ищетъ раздѣленія съ единоплеменнымъ и единовѣрнымъ ей народомъ и клонится къ западу; вторая ни явнымъ, ни тайнымъ врагамъ своимъ не вдается въ обманъ, не вѣритъ своимъ недоброжелателямъ и завистникамъ, твердо памятуетъ единство всей русской земли и свято хранитъ свою народность русскую и вѣру православную [2])

Не менѣе замѣчателенъ взглядъ нашего поэта и на *языкъ русскій*. Близкій къ нынѣшнему простонародному нарѣчію юго-западной Руси, изобилующей полонизмами, языкъ его мы назовемъ, конечно, малороссійскимъ, или западно-русскимъ. По-

---

[1]) Въ стихотвореніи подъ заглавіемъ: „Како Андрей св. Апостолъ“…, читаемъ, между прочимъ, слѣдующіе стихи:

„Прославляй Господа повсегда Россіе,
иже благовѣріе въ тобѣ процвѣтае…
Великая Россія ажъ до акеана
за Володимера свято просвѣщена“…

[2]) Вотъ подлинныя слова поэта нашего изъ стихотворенія его: „До благочестивыхъ,“ гдѣ онъ Христомъ умоляетъ вѣрныхъ сыновъ Руси, учиться по своимъ православнымъ книгамъ и у православныхъ учителей, а не въ латинскихъ школахъ:

„Що есть Богу не мило, и вы понихайте,
и святыи книги свои почитайте…
Ни Платонъ, ни Пиѳагоръ, ниже Аристотель,
не обрѣтается духовный сказатель,
Съ которыхъ латины наукъ ся повчаютъ,
и безумную Русь къ собѣ потягаютъ.
Молюже, Христа ради, на прелесть нейдите,
ани чада ваши на зло не ведите…
Не въ школахъ латинскихъ розумъ купуйте,
и ихъ трутизнами души не питайте“…

этъ нашъ думаетъ о своемъ языкѣ совсѣмъ иначе. Не смотря на то, что въ стихахъ его такъ много словъ и оборотовъ рѣчи чисто мѣстныхъ, (провинціализмовъ); не смотря на то, что онъ пишетъ для единовѣрцевъ и соотечественниковъ своихъ—обитателей именно юго-западной Руси:—онъ вовсе не предполагаетъ, что пишетъ и что слѣдуетъ писать какимъ-то особеннымъ нарѣчіемъ, малороссійскимъ или западно-русскимъ, а увѣренъ, что пишетъ и что слѣдуетъ писать однимъ только *чистымъ языкомъ русскимъ*. Поэтому-то и въ обращеніяхъ его къ землякамъ своимъ вы нигдѣ не найдете у него помину ни о малоруссахъ, ни о бѣлоруссахъ, а только о Россіи и о рускихъ: «племени *русскому* наказаніе;» «о крещеніи *русскомъ*;» «до иноковъ *русскихъ*;» «о Христѣ братіе, о *русскіе* чада;» «прославляй Господа повсегда, *Россіе*....» и т. д. [1]). Поэтъ нашъ понимаетъ очень хорошо, что сила и величіе какъ всякаго народа, такъ и языка, въ его цѣлости и единствѣ. а не въ раздѣленіи и обособленіи; что у одного и тогоже народа естественно быть и языку одному; что единствомъ языка не менѣе, какъ и единствомъ вѣры, не только проявляется, но и скрѣпляется единство народное; что мѣстныхъ словъ и оборотовъ рѣчи (провинціализмовъ), мѣстныхъ недостатковъ языка, вовсе нѣтъ надобности искать и возводить въ законъ и правило, потому-что они, отъ близкаго общенія съ своимъ роднымъ простымъ народомъ и чуждыми разнородными племенами, отъ недостаточнаго образованія и извѣстнаго

---

[1]) Кромѣ произведенныхъ здѣсь, встрѣчаемъ еще въ нашемъ памятникѣ слѣдующіе выраженія: „Андрей апостолъ **россійскій** учитель"; „богоизбранному **россійскому** стаду" и под. Всѣ эти выраженія показываютъ, между прочимъ, что слова: **Русь** и **русскій**, **Россія** и **россійскій**, въ XVII вѣкѣ, вопреки мнѣнію нѣкоторыхъ польскихъ писателей, (См. въ 32 № газеты „День" за 1862-й г. „Отрывокъ частнаго письма изъ Литвы къ редактору этой газеты", стр. 7) принимались совершенно безразлично и относились совершенно одинаково, какъ вообще ко всей русской землѣ и русскому народу, такъ и въ частности къ Малороссіи, Бѣлоруссіи, Великоруссіи и пр. См. 18-ое стихотв. „Како Андрей св. апостолъ пришелъ въ Кіевъ градъ."

общественнаго положенія пишущаго, и многихъ другихъ причинъ, невольно вкрадываются въ нашу рѣчь, сами собою, даже противъ воли и желанія нашего. Признаемся откровенно, что такой взглядъ западно-русскаго поэта XVII-го столѣтія кажется намъ гораздо вѣрнѣе, естественнѣе и основательнѣе, нежели мнѣніе тѣхъ странныхъ нынѣшнихъ малороссофиловъ нашихъ, которые думаютъ, что нарочно надобно портить чистый общерусскій литературный языкъ малороссійскими провинціализмами; что даже и теперь, при нынѣшнемъ политическомъ единствѣ всей почти искони русской земли, слѣдуетъ образовать у насъ мѣстное, особенное, малороссійское нарѣчіе, и сдѣлать это нарѣчіе, подобно великороссійскому, языкомъ литературнымъ самобытнымъ; что даже книги священнаго писанія и книги богослужебныя, равно какъ и правительственныя распоряженія, слѣдуетъ переводить, для общенароднаго употребленія, на языкъ мѣстный малороссійскій.... [1]). Но для чего-же все это, скажите!?... Ужъ не для того ли, чтобъ имѣть въ русской землѣ образчикъ вавилонскаго смѣшенія нарѣчій?... Въ самомъ дѣлѣ, ужъ не образовать ли намъ столько-же русскихъ литературныхъ нарѣчій сколько у насъ мѣстныхъ говоровъ, сколько губерній или даже сколько уѣздовъ на Руси, потому что у насъ, въ живомъ языкѣ, особенно у простонародія, на самомъ дѣлѣ найдутся свои особенности, свои мѣстныя слова и выраженія, свои обороты рѣчи, не только въ каждой губерніи и уѣздѣ, но, если хотите; даже въ каждомъ селѣ?... [2]). И какое-жъ нарѣчіе пріимете вы за образцовое, желая образовать самосто-

---

[1]) Чит. „Граматку." изд. Кулишомъ въ 1857 г., „Народні оповідання Марка Вовчка," „Чорну раду, хронику 1663 року," „Хмельнищину, историчне оповідання,"—и другія изд. изданія П. Кулиша, а также журналъ „Основу," „Проповѣди на малорос. языкѣ прот. Вас- Гречулевича" (изд. 1849 г.) и, его же, „Бесѣды катихиз." (1852 г.). Въ „Сынѣ Отеч." за 1862 г. № 79, чит. „Вѣсти изъ Польши."

[2]) См. „Опытъ областнаго великорусскаго словаря, изданный Вторымъ отдѣленіемъ Импер. Академіи наукъ, Спб. 1852 г." Несомнѣнно, что можно представить точно такой-же опытъ и Словаря малорусскаго. См. Словарь Аѳанасьева Чужбинскаго.

ятельную литературу малороссійскую? Вѣдь въ подольской губерніи простонародіе говоритъ значительно иначе, нежели въ волынской, въ волынской иначе, нежели въ кіевской, а во всѣхъ трехъ иначе, нежели въ черниговской, полтавской и харьковской? Точно также живой языкъ обитателей трехъ послѣднихъ губерній имѣетъ свои нѣкоторыя мѣстныя особенности.... Образовавши особый литературный языкъ малороссійскій, ужъ не образовать ли намъ затѣмъ и бѣлорусскаго особаго нарѣчія съ различными его видоизмѣненіями, и такъ далѣе и т. д.?... Основаніе будетъ совершенно одно и тоже....

У кого, спросимъ, затѣмъ, думаете вы учиться теперь малороссійскому языку, чтобъ образовать самобытную малороссійскую литературу? У простаго народа? Но возможно ли и удобно ли простонароднымъ языкомъ изъясняться во всякомъ случаѣ и обо всѣхъ предметахъ? У простаго народа найдутся слова для выраженія только извѣстныхъ ему, слишкомъ обыкновенныхъ, понятій и представленій, слова для домашняго сельскаго обихода, много затѣмъ—для какого-нибудь простонароднаго разсказа, въ родѣ «народныхъ оповиданій Марка Вовчка,» для простонародной пѣсни и сказки. Простой народъ, при всей неразвитости своей, имѣетъ столько здраваго смысла, что понимаетъ самъ очень хорошо и бѣдность и недостаточность своего языка. Простой народъ, очень естественно, считаетъ васъ, своихъ писателей, людьми болѣе развитыми, болѣе образованными, людьми передовыми, а потому и увѣренъ, что вы больше его знаете; и справедливо надѣется, что вы сами его чему-нибудь лучшему научите.... Или вы думаете образовать новый литературный малороссійскій языкъ по образцамъ прежней, старой нашей южно-русской письменности? Но не значитъ ли это возвращаться назадъ, а не идти впередъ, не значитъ ли живому учиться у мертваго?.... Или, наконецъ, вы будете сами сочинять литературный малороссійскій языкъ, отчасти смѣшеніемъ чистаго русскаго языка съ провинціальнымъ малороссійскимъ его нарѣчіемъ, а отчасти возвращеніемъ къ прежнимъ его, испорченнымъ польскимъ вліяніемъ и устарѣлымъ, давно вышедшимъ изъ употребленія въ самой юго-западной Руси, словамъ и формамъ рѣчи? Это, кажется, всего вѣрнѣе. Каковъ же будетъ этотъ вашъ языкъ? Ясно, что онъ будетъ искуственный, вымышленный, поддѣльный, а не живой

языкъ народный. Въ чемъ будетъ состоять ваше занятіе? Въ томъ, что вы будете портить чистый общерусскій литературный языкъ и распространять эту порчу въ народѣ русскомъ чтеніемъ вашихъ сочиненій и переводовъ. Да оно такъ и есть. Нечего сказать, важная услуга!...

Затѣвая образовать въ настоящее время самостоятельную малороссійскую литературу, или книжный, письменный языкъ, ужели въ самомъ дѣлѣ вы не примѣчаете, какъ далеко пятитесь назадъ и чьими хотите быть сообщниками и поборниками? Вѣдь вы служите на самомъ дѣлѣ совсѣмъ не землякамъ своимъ, малороссамъ, а развѣ полякамъ, и іезуитамъ. Вы заявляете себя, къ сожалѣнію, непонимающими того, что такъ хорошо сознавала юго-западная Русь во всѣ времена, не исключая даже времени чужеземнаго въ ней владычества. Ужъ не посовѣтуете ли еще завести намъ у себя латинскую азбуку, въ замѣнъ русской и церковно-славянской?... [1]). При всей мнимой любви вашей къ своей родинѣ Малороссіи, должно быть вы никогда не брали на себя труда внимательно прослѣдить всю, уцѣлѣвшую доселѣ, письменность юго-западной Руси прошедшаго времени: въ противномъ случаѣ вы бы вполнѣ

---

[1]) Нѣчто похожее мы видимъ въ затѣѣ тѣхъ малороссофиловъ нашихъ, которые, въ изданныхъ ими малороссійскихъ книгахъ, совершенно произвольно, безъ всякаго историческаго и филологическаго основанія, измѣнили общепринятое на Руси правописаніе. Они пишутъ, напр., сіно вмѣсто сѣно, сімя вм. сѣмя, віра вмѣсто вѣра и т. д., на томъ ложномъ основаніи, что малороссы дѣйствительно произносятъ букву ѣ за і или и. Не естественнѣе ли было, сохранивъ прежнее общерусское правописаніе, ограничиться здѣсь только замѣчаніемъ, что малороссы букву ѣ обыкновенно читаютъ какъ і или и?... Логическая послѣдовательность этихъ преобразователей нашихъ такова, что они же пишутъ: сила, сижу, одинъ, хотя малороссы произносятъ въ подобныхъ случаяхъ букву и за ы... А букву г они прямо замѣнили латинскимъ g, гдѣ эта буква какъ латинское g у насъ произносится, напр., пишутъ gонта вм. гонта... См. Народ. оповид. Марка Вовчка стр. 76 изд. П. Кулиша, Граматка, стр. 7, изд. того же П. Кулиша.

убѣдились, что родину вашу никогда не оставляло убѣждение, что Русь, эта главная отрасль славянскаго племени, *искони составляетъ одинъ народъ* и говоритъ *однимъ языкомъ*, которому и не можетъ приличествовать другое названіе, кромѣ *русскаго*; что это убѣжденіе было тамъ всегда до-того живо и сильно, что имъ казалось гораздо естественнѣе и справедливѣе считать свое испорченное чужеземнымъ вліяніемъ нарѣчіе чистымъ русскимъ языкомъ, нежели думать, что оно не есть и не должно быть у нихъ прямо русское, а какое-то особенное, малороссійское или бѣлорусское; убѣдились бы, что лучшіе передовые люди юго-западной Руси всегда сознавали сами недостатки своего мѣстнаго литературнаго нарѣчія, и потому были убѣждены, что образцовъ чистаго, правильнаго русскаго языка имъ надобно надобно искать въ Руси сѣверовосточной. Слѣды такого убѣжденія вы найдете даже въ письменности уніатовъ и вообще такихъ русскихъ, которые въ значительной уже степени успѣли ополячиться [1]).

---

[1]) Извѣстно, что когда знаменитый своимъ благочестіемъ и ревностію о сохраненіи православія и русской народности Константинъ Константиновичъ князь Острожскій возъимѣлъ желаніе издать въ отчинѣ своей Острогѣ (1580—1581 г.) всѣ книги Священнаго Писанія на родномъ языкѣ, то изъ многихъ, собранныхъ имъ съ этою цѣлію переводовъ, онъ призналъ совершеннѣйшимъ во всѣхъ отношеніяхъ не переведъ Франциска Скорины (1517—1519 г.), если какой либо другой, а именно Московскій. „Ибо и книгъ“, говоритъ онъ, „глаголемыхъ Вивлія, въ сводъ сего дѣла начальствомъ не имѣхомъ, дабы нашему изволенію, къ начальству сего дѣянія во всемъ была довольна. Но и во всѣхъ странахъ роду нашего языка словенскаго ни едина обрѣтеся совершенна во всѣхъ книгахъ ветхаго завѣта, токмо отъ благочестива и въ православіи изрядно сіятельна Государя и Великаго Князя Іоанна Васильевича Московскаго, съ прилѣжнымъ моленіемъ испрошенную, сподобихомся пріяти совершенную Вивлію.“ (См. предисловіе къ Острожской Библіи.). Такихъ примѣровъ славяно-русская библіографія представляетъ намъ не мало. (См. напр., Опис) старопеч. книгъ славянскихъ и россійскихъ библіотеки графа Ѳед.

Откуда, вы думаете, выходили образцы того, что составляетъ теперь чистую особенность (идіотизмы) малороссійскаго вашего нарѣчія? Вы полагаете изъ среди малороссійскаго простаго народа? Ошибаетесь. Простой народъ нашъ, въ дѣлѣ образованія, какъ теперь, такъ и прежде, шелъ обыкновенно позади. Простой народъ нашъ долго бережетъ старое, особенно если это старое есть чисто его родное, русское. Простой народъ въ дѣлѣ образованія обыкновенно идетъ за своими вождями, людьми передовыми. Но ктоже эти передовые люди, эти просвѣтители юго-западной Руси во времена польскаго тамъ владычества? Прежде всего, конечно, русское духовенство, которое, съ принятіемъ уніи, какъ мы уже замѣтили, значительно олатинилось и ополячилось; потомъ, русскіе вельможи, по милости польскаго правительства тоже олатинившіеся и даже своей народности отрекшіеся; далѣе, непрошенные гости наши поляки, чуждые намъ пришельцы, поселившіеся сперва временно въ нашей землѣ, а потомъ мало-по-малу сдѣлавшіеся тутъ помѣщиками владѣльцами, и безбоязненно, хозяйствовавшіе въ чужомъ домѣ, русской землѣ; наконецъ, польское пра-

---

Андр. Толстова, изд. въ 1829 г. Павломъ Строевымъ, стр. 184. № 80-й, стр. 209. № 81 й, стр. 223. № 100-й, стр. 226. № 101-й..

Замѣчательно, что самъ Скорина, полоцкій уроженецъ, хотя и Францискъ, и себя, и мѣстный, испорченный западнымъ вліяніемъ языкъ свой называетъ не иначе, какъ только русскимъ. „Библія Руска, выложена докторомъ въ лекарскихъ наукахъ Францискомъ, сыномъ Скорининымъ, изъ славнаго града Полоцка, Богу ко чти и людемъ посполитымъ къ доброму научэнію... Азъ тоже недостойный, нароженый въ Рускомъ языку, напредъ Богу въ Троици единному ко чти, и своему прироженому Рускому языку къ науце всего добраго, казалъ есми тиснути Рускимъ языкомъ“... (Опытъ рос. библіогр. Вас. Сопик. изд. 1813 г. ч. I. стр. 26, 34, 36—37). Мысль Домбровскаго, что Скорининъ переводъ Библіи сдѣланъ по повелѣнію польскаго короля Сигизмунда, весьма правдоподобна. Кромѣ Библіи, Скорина издалъ Псалтырь, молитвословъ и другія богослужебныя книги, для церковнаго употребленія.

вительство, незамѣтно для него самого іезуитскою политикою управлявшееся. Вотъ откуда выходили образцы того, что вы называете теперь чистымъ малороссійскимъ нарѣчіемъ. Они выходили изъ-подъ пера королевскихъ секретарей, іезуитовъ, природныхъ, поселившихся въ Россіи, поляковъ, ополячившихся русскихъ помѣщиковъ и, наконецъ, уніатовъ. Вы сомнѣваетесь? Читайте Литовскій Статутъ и выходившія на русскомъ языкѣ королевскія грамоты, читайте переводъ Библіи Франциска Скорины, читайте русскія письма ополячившихся нашихъ вельможъ и польской шляхты XVI и XVII столѣтій, читайте всѣ вообще произведенія русской уніятской письменности, ихъ богословскія сочиненія, ихъ проповѣди и духовныя пѣсни, сличайте все это съ новѣйшими вашими такъ-называемыми малороссійскими сочиненіями и переводами, съ языкомъ нынѣшняго русскаго простонародія южныхъ и западныхъ нашихъ провинцій, сличайте и убѣждайтесь. Нужно ли пояснять вамъ затѣмъ, чѣмъ существенно разнится, какъ прежнее литературное, такъ и нынѣшнее живое мало-россійское нарѣчіе отъ велико-россійскаго? Оно разнится, главнымъ образомъ, значительнымъ количествомъ удѣлѣвшихъ доселѣ латинизмовъ, германизмовъ, а въ особенности полонизмовъ. Другой существенной разницы вовсе нѣтъ [1]).

---

[1]) „Бо якъ польцы," говорится въ сочиненіи Перестрога, „у свой языкъ намѣшали словъ латинскихъ, которыхъ южъ и простые люди зъналогу уживаютъ; такъ-же и Русь у свой языкъ намѣшали словъ польскихъ и оныхъ уживаютъ." Вотъ какъ давнимъ—давно въ самой же юго-западной Руси понималось различіе между прежнимъ, чистымъ обще-русскимъ литературнымъ языкомъ, и позднѣйшимъ, испорченнымъ западнымъ вліяніемъ, ея нарѣчіемъ. „Але присмотрися пильно въ самую рѣчь," говорится въ тойже Перестрогѣ, „и знайдешь, же хоть такіе писма старые змышляютъ, але рѣчь вся Потѣева, якъ бы усты самъ мовилъ. Притомъ знайдешь тамъ слова, вѣка теперешного людми уживаемые, которыхъ старые ирѣдки нашѣ не уживали." Слова эти—именно полонизмы. „Тогды снадно познаешь," заключаетъ авторъ Перестороги, „же то книжки змышленные и неправдивые"... О правосл. церк. братствахъ соч. Флерова, стр. 136. Спб. 1857 г.

Ужели эти жалкія извращенія и искаженія чистаго общерусскаго языка, эти плевелы, насѣянныя въ языкѣ юго-западной Руси въ неблагопріятное для нея время враждебною намъ рукою, эти ненавистные русскому народу памятники чужеземнаго владычества въ нашей родной землѣ—надобно считать украшеніемъ русскаго языка и слѣдуетъ дорожить ими?... Но вѣдь чистая нелѣпость подобной мысли сознается нынѣ очень ясно не только у насъ, но и въ одноплеменной намъ Галицкой и Угорской Руси; сознается не только образованнѣйшимъ классомъ малороссовъ, но и самымъ простонародіемъ мало-россійскимъ [1]).

[1]) Вотъ любопытное объясненіе по этому предмету галицкихъ русиновъ съ поляками, которымъ показалось непріятнымъ, что галичане стараются очистить языкъ свой отъ полонизмовъ и сблизить его съ чистымъ нашимъ общерусскимъ литературнымъ нарѣчіемъ. „Недавно называли поляки русиновъ народомъ въ р. 1848 ново-вынайденнымъ, но видячи, же тая безсмысльна гадка не зотрутила народа до ничества, же народъ якъ былъ, такъ есть и буде, чепилися нынѣ до языка и называютъ языкъ, которымъ Слово (галицкая газета) пише, языкомъ нововыдуманнымъ; бо не есть рускимъ людовымъ, бо мѣшае слова московскіи. Отже то понеже ся тымъ филологамъ видитъ, же нѣкоторіи слова, которыхъ Слово уживае, суть московскіи; про тое кажутъ, же языкъ не есть языкомъ людовымъ, но ново-выдуманнымъ. Зъ того видно, же они бы лише такій языкъ за рускій узнали, въ которомъ бы лише слова черезъ людъ простый уживаныи находилися“... Чит. въ галицк. газ. „Слово;“ „О языцѣ Рускомъ,“ число 69, Львовъ, 9 октября 1861 г. См. письма изъ Венгерской Руси. въ Вѣстн. Юго-западной и Западной Россіи, въ сент. кн. за 1862-й г.

Какъ извѣстно, у насъ есть печатный опытъ проповѣдей на малороссійскомъ языкѣ протоіерея Кам.-Подольской епархіи Василія Гречулевича, изд. въ 1849 г. Мы достовѣрно знаемъ, что не только образованному сословію, но и самому простонародью малороссійскому показались эти опыты профанаціей слова Божія и чистаго языка русскаго. Это весьма натурально. Священная каѳедра требуетъ языка чистаго, современнаго вполнѣ приличнаго мѣсту, достойнаго и слова Божія, и служителя его.

И такъ, пора понять намъ наконецъ, что затѣя образовать въ настоящее время самостоятельную малороссійскую литературу есть одинъ изъ величайшихъ анахронизмовъ настоящаго времени, чтобъ не сказать болѣе. Пора понять намъ, что подъ именемъ малороссійской литературы обыкновенно разумѣется у насъ русская литература юго-западной Руси извѣстнаго періода времени, для отличіи языка ея отъ языка литературы тогоже времени Руси сѣверо-восточной; что она была особеннымъ проявленіемъ одного и того же русскаго языка, проявленіемъ случайнымъ, мѣстнымъ и временнымъ, неблагопріятными для Руси политическими обстоятельствами произведеннымъ; что и въ то время языкъ ея всѣ вообще обыкновенно называли языкомъ русскимъ и весьма рѣдко малороссійскимъ; что немногія позднѣйшія произведенія русской словесности, извѣстныя подъ именемъ малороссійскихъ, были только болѣе или менѣе удачныя подражанія испорченному польскимъ вліяніемъ русскому языку юго-западной Руси, или прежнему книжному, или современному простонародному, а большею частію были пародіей новѣйшаго живаго простонароднаго языка малороссійскаго.

Все это прекрасно понимали всегда лучшіе люди Украины, а потому и писали обыкновенно не на малороссійскомъ языкѣ, а развѣ только о Малороссіи (Маркевичъ, Гоголь); собирали мѣстные замѣчательнѣйшіе памятники изустнаго и письменнаго языка и словесности, но не пародировали живаго современнаго простонароднаго малороссійскаго языка собственными сочиненіями на этомъ нарѣчіи.

«Поэтъ Шевченко,» замѣчаетъ Таволга-Мокрицкій, возражающій Соковенку, «происходя изъ украинскаго народа, пробовалъ писать стихи на русскомъ языкѣ, которые и напечатаны; но они выходили безжизненны, тогда какъ на украинскомъ нарѣчіи прекрасны» [1]) Отвѣчаемъ: причина очень проста такой неудачи Шевченка. Онъ не зналъ хорошо чисто русскаго языка, по самому происхожденію и воспитанію своему не имѣвши случая и возможности вовремя изучить его. За то, какъ даровитый простолюдинъ, онъ хорошо усвоилъ себѣ языкъ простонародія, и, какъ и всякій другой даровитый поэтъ, съ увлеченіемъ писалъ на немъ о томъ, о чемъ, по степени обра-

---

[1]) Газета „День“ за 1862-й годъ № 30-й.

зованія своего, могъ писать, и что, по личному характеру и особенному настроенію, слишкомъ живо занимало его. Какъ всѣ вообще любимыя его идеи, такъ и особенная любовь его къ простонародному малороссійскому нарѣчію, для каждаго сколько-нибудь знакомаго съ его біографіей и характеристикой, вполнѣ объясняются его происхожденіемъ, воспитаніемъ, природными наклонностями, особеннымъ положеніемъ въ свѣтѣ, образовавшимся личнымъ характеромъ и послѣдовавшими затѣмъ особенными обстоятельствами его жизни. Здѣсь не мѣсто распространяться обо всемъ этомъ. Замѣтимъ только, что былобы слишкомъ странно, кому-бы-то ни было, и въ чемъ-бы-то ни было, безусловно подражать Шевченку... А между тѣмъ, землякамъ подражателямъ и особеннымъ почитателямъ его не излишне напомнить здѣсь, что и онъ, ознакомившись лучше съ чистымъ русскимъ языкомъ, даже для дневника своего предпочелъ уже чистое общерусское нарѣчіе мѣстному малороссійскому [1])...

Скажемъ нашу мысль яснѣе. Мы думаемъ, мы убѣждены, что какъ всегда, такъ въ особенности въ настоящее время, великой нашей русской землѣ нуженъ одинъ, общій, чисто-русскій литературный языкъ, а не много испорченныхъ разными провинціализмами, нарѣчій. Собирайте, записывайте замѣчательнѣйшія проявленія простонароднаго не только великорусскаго и малорусскаго, не только бѣлорусскаго и сибирскаго, но и каждаго болѣе частнаго изъ русскихъ провинціальныхъ нарѣчій, (волынскаго, подольскаго, кіевскаго): собирайте и записывайте народныя пѣсни, пословицы, сказки: но не забывайте, въ замѣнъ ихъ, сообщать и отъ себя простому народу что-нибудь по-важнѣе и по-лучше: знакомьте простой народъ и съ научными, необходимыми для него, истинами, съ истинами православной нашей религіи и нравственности, отечествен-

---

[1]) Въ мартовской книжкѣ „Основы" за 1862-й г. публикуется о продажѣ въ рукописи одиннадцати сочиненій Шевченка на великорусскомъ языкѣ. Нѣкоторыя изъ этихъ сочиненій довольно обширны; такъ, напр., „Наймичка" на 15½ листахъ, „Повѣсть о безродномъ Петрусѣ" на 23½ лист., „Прогулка съ удовольствіемъ и не безъ морали" на 46 листахъ.

ной исторіи, сельскаго хозяйства и экономіи, необходимыхъ въ быту житейскомъ, искусствъ и ремеслъ, знакомьте не на малороссійскомъ, не на польско-русскомъ, а на чистомъ общерусскомъ языкѣ. Малороссійскій народъ, какъ и всякій другой, хочетъ идти впередъ, а не назадъ: онъ хочетъ знать не простонародный только свой, не бывшій уніятскій и польско-русскій, а преимущественно настоящій нашъ богослужебный церковно-славянскій и современный чистый русскій языки. Простонародный малороссійскій языкъ хорошо знакомъ ему и безъ васъ, а унія и польское владычество такъ памятны ему, что онъ можетъ слышать о нихъ только съ негодованіемъ или отвращеніемъ.

Вы говорите, что для простолюдина малоросса церковнославянскій и чистый русскій языки не понятны [1]?... Правда ли это?... Да развѣ церковнославянскій, великорусскій и чистый литературный общерусскій языки со вчерашняго дня въ употребленіи въ Малороссіи? А на какомъ же языкѣ предки наши, малороссы, съ 10-го вѣка и до сихъ-поръ слушали и слушаютъ церковное богослуженіе и проповѣдь? На какомъ языкѣ читали они Св. Писаніе, творенія отцовъ церкви, жизнеописанія святыхъ, и всѣ вообще священныя и богослужебныя книги? На какомъ нарѣчіи объяснялся всегда и объясняется теперь простолюдинъ великороссъ съ простолюдиномъ малороссомъ? На какомъ нарѣчіи говорили всегда съ простонародьемъ малороссійскимъ всѣ болѣе или менѣе образованные русскіе люди? На какомъ языкѣ передавались и передаются ему всѣ вообще распоряженія правительства? На какомъ языкѣ читало оно и теперь читаетъ русскія книги?... Или вы думаете, что до заведенія воскресныхъ школъ и до выхода въ свѣтъ вашей украинской граматки, (которой азбуку неизвѣстно почему воображаете себѣ украинскою), изъ малороссійскаго простонародья никто никогда не читалъ ни церковнославянскихъ, ни русскихъ книгъ?... Плохо же вы знаете малороссійское наше простонародье. Должно-быть вы наблюдали его изъ Москвы, изъ Петербурга, изъ Архангельска или Иркутска. Мѣстныя внимательныя наблюденія сказали бы вамъ совсѣмъ другое.

---

[1]) Въ „Сынѣ Отеч." за 1862 г., № 79, „Вѣсти изъ Польши." Въ мартовской книжкѣ „Основы" за 1862 г., стр. 118.

Они убѣдили бы васъ, между прочимъ, что нашему малороссу простолюдину гораздо понятнѣе общерусскій нашъ языкъ, нежели сочиняемый вами книжный украинскій. Причина въ томъ, что первый есть языкъ естественный, временемъ выработанный, а потому языкъ живой, до извѣстной степени чистый, общеупотребительный и современный; а вашъ книжный украинскій— есть языкъ или совершенно искусственный, или слишкомъ мѣстный, (полтавскій, черниговскій), значительною долею словъ и оборотовъ своихъ давнымъ–давно устарѣвшій и слѣд. свое время отжившій.... «Основа» очень кстати къ каждой книжкѣ своей прилагаетъ объясненіе неудобопонятныхъ южнорусскихъ словъ. Безъ этого словаря, дѣйствительно, не понять бы малороссійскихъ сочиненій, помѣщаемыхъ въ «Основѣ,» не только великороссу, но и малороссу. Въ настоящее время, даже въ устной бесѣдѣ, гораздо скорѣе великороссъ не пойметъ идіотизмовъ малороссійскихъ, а правильнѣе сказать—польскорусскихъ, (потому что въ польскорусскомъ нарѣчіи много чуждыхъ, болѣзненныхъ наростовъ), нежели обратно. Причина та, что въ Великороссіи лучше сохранились идіотизмы чисто–русскіе, слѣд. каждому русскому вполнѣ родные. Сколько мнѣ извѣстно, простой малороссійскій народъ, по безотчетному, но вѣрному инстинкту, самъ собою, нерѣдко весьма удачно, замѣняетъ слова и обороты прежняго нарѣчія своего новыми, чисто–русскими. Что же касается собственно языка церковнославянскаго, то вы также совершенно напрасно воображаете себѣ его такимъ непонятнымъ для простолюдина нашего, великоросса или малоросса. Пониманіе языка, какъ всякаго другаго, такъ и церковнославянскаго, наиболѣе зависитъ отъ близкаго практическаго знакомства съ нимъ. Кто чаще читаетъ славянскія книги, или чаще слышитъ это чтеніе, тотъ и понимаетъ легче славянскій языкъ. Въ этомъ отношеніи, будь это безъ обиды сказано, многіе простолюдины наши, въ особенности грамотные, далеко оставятъ за собой весьма многихъ не только полуобразовонныхъ, но и образованныхъ аристократовъ нашихъ, разумѣемъ тѣхъ, которые церковное богослуженіе наше посѣщаютъ рѣдко, а въ славянскую книгу не заглядываютъ никогда. Найдутся, конечно, не въ церковнославянскомъ только, но и русскомъ языкѣ, слова для всякаго непонятныя; но такихъ словъ вообще не много, и для объясненія ихъ мы имѣемъ словари,

(Академическій, Алексѣева, Востокова, Углова), и чистые русскіе переводы славянскихъ книгъ, (Св. Писаніе, отцовъ церкви, Богослужебныхъ канововъ), а для объясненія такихъ словъ неграмотному простонародью есть священники, общенародные христіанскіе учители. Согласимся, наконецъ, съ вами, что богослужебный церковнославянскій и чистый литературный русскій языки непонятны для нашего простолюдина малоросса. Въ такомъ случаѣ, если вы дѣйствительно желаете образованія и вообще добра землякамъ вашимъ, то вы должны озаботиться познакомить ихъ, и скоро и хорошо, съ этими языками. Учась или выучившись сами различнымъ, быть можетъ не только живымъ, но и мертвымъ, иностраннымъ языкамъ, ужели вы рѣшитесь оставить земляка своего, простолюдина малоросса, въ такомъ положеніи, чтобъ ему непонятенъ былъ даже родной его языкъ, чистый общерусскій, и дорогой, священный для всѣхъ насъ языкъ, богослужебный церковнославянскій? Ужели это въ самомъ дѣлѣ будетъ гуманно и прогрессивно?.... Но возвратимся къ главному нашему предмету. Укажемъ остальныя историческія положенія, подтверждаемыя нашимъ памятникомъ.

4) Польское правительство неспособно было хранить честно и свято свои обѣщанія, постановленія и договоры. Въ числѣ главныхъ статей люблинскаго сейма 1569 г. были статьи и о томъ, чтобы правамъ и преимуществамъ обоихъ народовъ (литовской Руси п Польши) быть совершенно равными и вѣроисповѣданію оставаться свободнымъ Но вся послѣдующая исторія литовской Руси и Польши есть исторія безпрерывнаго нарушенія этихъ постановленій со стороны польскаго правительства, не смотря на многократныя сеймовыя подтвержденія этихъ постановленій, не смотря на постоянные протесты православныхъ братствъ и всей вообще русской націи объ ихъ нарушеніи, и не смотря, наконецъ, на безпрестанныя ходатайства по этому предмету московско-русскаго двора. Довольно указать здѣсь на исторію царствованія Сигизмунда III-го и всю современную ему и послѣдовавшую затѣмъ исторію уніи и католичества въ югозападной Руси [1]). Сколько русскаго народа, не смотря на явный ропотъ его, насильно обращено было въ не-

---

[9]) Чит. „Ист. уніи Бантышъ-Каменскаго,“ „О правосл. церк. братствахъ свящ. Флерова,“ „Архивъ юго-запад. Руси т. I.“

навистную ему унію и католичество! Сколько православныхъ храмовъ разграблено, разрушено, превращено въ уніятскія церкви и монастыри! До какого состоянія доведены были потомъ самые уніяты и ихъ церкви, въ которыхъ на родномъ намъ языкѣ славословилось имя Божіе! «Могу ли не возмущаться духомъ, что въ сей новой для меня странѣ, гдѣ отъ лѣтъ древнихъ призывалось имя Твое, Господи, въ союзѣ вѣры единоплеменныхъ между собою народовъ, гдѣ и въ смутныя времена для отечества, подъ различною державою, сохранялось единое стадо единаго пастыря,—могу ли не возмущаться, что святая церковь, возлюбленая невѣста Твоя, вмѣсто того, чтобы облекаться паче и паче въ силу, обновляться въ духѣ и истинѣ, яко первородная, обнаженная внѣшней лѣпоты своей подобно вдовицѣ, изнемогающая конечно отъ преобладающей силы запада, облеклась въ скудость и нищету?...» Вотъ что слышалъ я въ 1832 году въ Каменцѣ—Подольскомъ изъ устъ одного изъ достойнѣйшихъ и краснорѣчивѣйшихъ архипастырей нашихъ, на первомъ священнослуженіи его, при вступленіи на паству подольскую [1]), хотя тогда прошло уже почти полвѣка

---

[1]) Поуч. слова къ подольской паствѣ, говор. Кирилломъ, архіеписк. подольск. и брацл. Москва, 1835 г. „Слово при вступленіи на паству."—Въ годъ прибытія преосв. Кирилла на паству подольскую, въ Каменцѣ-Подольскомъ, въ самомъ городѣ, за исключеніемъ соборной каѳедральной, Троицкой монастырской и домовой архіерейской, была только одна приходская православная церковь, Петро-Павловская; между тѣмъ—какъ, не только во время древняго русскаго, но и литовскаго тамъ владычества, число православныхъ храмовъ было тамъ несравненно больше. Даже во время еще не слишкомъ отъ насъ отдаленное, число православныхъ церквей г. Каменца-Под. значительно превосходило настоящее. Изъ плана этого города, современнаго владѣнію турокъ, видно, что въ 1762 году, кромѣ существующихъ нынѣ, были въ немъ еще слѣдующія православныя церкви, которыхъ теперь и слѣдовъ не находимъ: Никольская, Богородичная, Михайловская, Спасская, Онуфріевская и Рождественская. Подпись же намѣстника каменецъ-подольскаго, Ѳеодора, на актѣ 1641 года, объ избраніи Львов-

послѣ перваго возсоединенія въ этой странѣ уніятовъ въ православіе [1]). Вотъ естественное впечатлѣніе, которое болѣе или менѣе невольно испытываетъ еще и теперь въ югозападной Руси каждый православный, не только великороссъ, но и малороссъ, особенно, если послѣднему случилось когда-нибудь посѣтить Великороссію и потомъ возвратиться опять на свою родину... Поэтъ нашъ современную ему православную церковь югозападной Руси прямо и ясно называетъ *убогою, гонимою, страждущею, подъ крестомъ, во узахъ и въ неволѣ находящеюся*.... Сколько бѣдны были въ югозападной Руси, во время польскаго владычества, храмы русскіе православные, а потомъ даже и уніятскіе, столько богаты, великолѣпны и величественны были тамъ костелы католическіе. Достаточно указать еще и теперь на города: Каменецъ—Подольскъ, Луцкъ, Дубно, даже Острогъ, родовую столицу ревнителя православія,

---

скимъ епископомъ Арсенія Желиборскаго, такими словами; „Федоръ намѣстникъ Каменца-Подольскаго съ духовенствомъ и съ братствами,“—ясно свидѣтельствуетъ,что существовали въ Каменцѣ-Под., кромѣ приходскихъ церквей, даже братства, которыя, какъ извѣстно, по преимуществу учреждались въ мѣстахъ, гдѣ было уже много православныхъ. Чит. любопытную статью А. Сементовскаго: Каменецъ-Подольскій, въ „Архивѣ историч. и практ. свѣдѣній, относящихся до Россіи,“ изд. Никол. Калачова, за 1860—1861 г. кн. 4, стр. 18, 42 и 78.

[1]) Можно сказать безъ всякаго преувеличенія, что только въ другомъ видѣ и въ другихъ формахъ, не такъ явно и далеко не въ такихъ размѣрахъ, какъ во время польскаго владичества, гоненіе на православныхъ и православіе со стороны польской шляхты, проживающей въ юго-западной Руси, главнымъ образомъ въ лицѣ католиковъ—помѣщиковъ, не смотря на постоянныя заботы по этому предмету нашего правительства, непрерывно продолжалось и до сихъ поръ продолжается, и жертвою этихъ гоненій бывали и бываютъ не одни только сельскіе приходскіе священники... Козни этихъ питомцевъ іезуитовъ, этихъ заклятыхъ враговъ православія и русской народности, неописанны, неисчислимы, неизъяснимы...

князя Острожскаго.... Ужъ не эти ли, видимые въ русской землѣ, памятники католицизма и польскаго владычества вводятъ теперь въ заблужденіе поляковъ на счетъ настоящаго значенія этого края? Не потому ли они считаютъ его Польшею?... Но вѣдь эти памятники безмолвно свидѣтельствуютъ такую истину, которая относится далеко не къ чести ихъ. Они говорятъ о бывшемъ насиліи и притѣсненіяхъ кореннымъ обитателямъ этой страны въ самомъ священномъ дѣлѣ, въ дѣлѣ вѣры; говорятъ объ усиліи бывшаго польскаго правительства утвердить, во что бы то ни стало, католицизмъ въ русской православной землѣ. Въ самомъ дѣлѣ, эти костелы выстроены на русской землѣ иждивеніемъ большею частію русскихъ-же вельможъ и русскаго дворянства, въ значительномъ числѣ перешедшаго въ католичество, а во всякомъ случаѣ иждивеніемъ русскаго народа, работавшаго на русское дворянство и польскую шляхту; но для кого и для чего, когда католиковъ тамъ была и есть, сравнительно съ общимъ народонаселеніемъ, самая ничтожная доля, а народонаселеніе все, за исключеніемъ немногихъ выходцевъ поляковъ и довольнаго количества жидовъ, есть чисто-русское [1])?... Замѣчательно, впрочемъ, что костелы эти въ югозападной Руси мы видимъ только большею частію въ мѣстечкахъ и городахъ, гдѣ обыкновенно проживала русская и польская аристократія и мелкая польская шляхта (паны), а весьма рѣдко въ селахъ, гдѣ имѣлъ жительство простой, коренной въ этой странѣ, русскій народъ, (хлопы); что и въ самыхъ многолюдныхъ городахъ этого края обыкновенно мы видимъ, по причинѣ малочисленности католиковъ прихожанъ, не болѣе какъ одинъ приходской костелъ, а прочіе костелы обыкновенно существовали при кляшторахъ, католическихъ монастыряхъ, занятыхъ орденами католическихъ монаховъ, (тринитары, францисканы, доминиканы, кармелиты, іезуиты), пропагандистовъ католицизма. А нерѣдко случалось, что и эта одна приходская католическая церковь оказывалась совершенно излиш-

---

[1]) Точныя и весьма любопытныя статистическія данныя по этому предмету можно видѣть въ 160 № Сѣверной Почты за 1862-й годъ, въ статьѣ: „Населеніе западнаго края Россіи,“ — а также въ Архивѣ Югозападной Россіи, изд. врем. ком. ч. 2-я, т. I, стр. XII. Кіевъ, 1861 г. и въ Вѣстникѣ Юго-западной и зап. Россіи кн. 3, за 18^{62}_{63} г.

нею въ православномъ русскомъ городѣ и потому по необходимости замѣнялась католическимъ монастыремъ [1]).

5) Незаконность и неприличіе свѣтской власти папы, въ настоящее время не только свѣтскими лицами христіанъ западной церкви, но и самими наконецъ священнослужителями ея сознанная [2]), равно-какъ и нечистыя дѣйствія усердныхъ по—

---

[1]) Вотъ что разсказываетъ намъ объ основаніи первой католической приходской церкви въ г. Кременцѣ, волынской губерніи, и дальнѣйшей судьбѣ ея, одинъ изъ католическихъ же писателей. „Королева Бона 3 іюня 1538 года, въ Краковѣ, выдала жалованную грамоту на заложеніе въ г. Кременцѣ приходской католической церкви (kosciołа farnego), съ пожалованіемъ настоятелю той церкви земли и свободнаго побора десятаго снопа съ имѣній, принадлежащихъ староству кременецкому. Грамоту эту на заложеніе католической приходской церкви подтвердилъ 9 мая 1540 года, по распоряженію высшей духовной власти, луцкій епископъ Георгій Хвальчевскій. Но послѣ, по недостаточности доходовъ на содержаніе настоятеля (proboszcza swieckiego), его помощника и школы, приходъ кременецкій отданъ былъ францисканамъ, по обѣту своему избирающимъ нищету и питавшимся нѣкогда милостынею.“ Вѣсти Импер, Русск. географ. Общ. за 1851 г. кн. III. Замѣчательный памятникъ православія въ Кременцѣ, стр. 12.

[2]) 213-й № Спб. Вѣдом. за 1861-й г. „Свѣтская и духовная брошюры противъ свѣтской власти папы.“ Одну изъ этихъ брошюръ написалъ патеръ Пассалія, ученый іезуитъ, одно изъ свѣтилъ католическаго міра, котораго мнѣнія имѣли до-сихъ-поръ огромный авторитетъ во всѣхъ религіозныхъ вопросахъ. Брошюра его издана на латинскомъ языкѣ, подъ заглавіемъ: „Объ итальянскихъ дѣлахъ, католическимъ епископамъ отъ католическаго священника.“—Газета Constitutionel, въ статьѣ подъ заглавіемъ: „Лордъ Пальмерстонъ и итальянскія дѣла,“—между прочимъ дѣлаетъ слѣдующее справедливое замѣчаніе: „Конечно, о свѣтской власти папы все уже высказано, но наиболѣе важное и значительное слово о ней произнесено, недавно, самимъ Піемъ IX: „Свѣтская власть папы не есть догматъ, сказалъ онъ“... Спб. Вѣд. № 79-й за 1862 г.

борниковъ этой власти, іезуитовъ,—всегда болѣе или менѣе ясно, сознаваемы были сынами церкви православной русской. Въ памятникѣ нашемъ мы находимъ довольно цѣлыхъ стихотвореній, исключительно этому предмету посвященныхъ [1]). Кому обращенія поэта нашего къ главѣ римской церкви и западному духовенству покажутся слишкомъ рѣзкими и жесткими, того мы просимъ вспомнить, что это пишетъ поэтъ, которому весьма естественно увлеченіе; что онъ пишетъ подъ вліяніемъ свѣжихъ возмутительныхъ впечатлѣній; что, по всей вѣроятности, онъ самъ былъ не только очевидцемъ, но и участникомъ тѣхъ скорбей и напастей, которыя терпѣлъ тогда, по проискамъ и навѣтамъ католическаго духовенства; почти въ такихъ-же выраженіяхъ говорятъ уже лица, къ католическому вѣроисповѣданію и польской націи принадлежащія. Вотъ, для примѣра, подлинныя слова одного, какъ кажется, именно поляка-католика, очевидца событій, въ 1861 г. происходившихъ въ Варшавѣ. «Въ главѣ уличныхъ смутъ, въ главѣ дикихъ, quasi—религіозныхъ сатурналій, польское духовенство, вѣрное принципамъ Лойолы, взялось вновь за свое гнусное оружіе, за *обскурантизмъ*, и религія, въ рукахъ его, дѣлается опять *средствомъ*, вмѣсто-того, чтобы служить *цѣлію*. Изреченіе: *просите и дастся вамъ*, превращается снова въ грубое, неистовое выраженіе: требуйте, а въ случаѣ неуспѣха, вымогайте, карайте и истязайте, именемъ Того, Который, въ теченіи всей Своей жизни, просилъ за всѣхъ, прощалъ всѣхъ, и въ страданіяхъ за всѣхъ умеръ на крестѣ. .. Повторяемъ: мы удивляемся и сожалѣемъ о людяхъ, которые, подъ вліяніемъ какихъ-те пошлыхъ суевѣрій и какихъ-то необъяснимыхъ призраковъ, могутъ подчиняться, до сей поры, агентамъ ученія,

---

[1]) Чит. стихотворенія: 3-е, „О латинской гордости;“ 7-е, „Папѣжне непокорство Христу;“ 8-е, „Гордость папѣжская;“ 10-е, „Церковь Западная блудитъ;“ 11-е, „О простотѣ ап. Петра;“ 13-е, „О прелестяхъ Римскихъ;“ 16-е, „О мудрости мірской,“ и др. Въ 18-мъ стихотв. читаемъ, между прочимъ, слѣд. характеристику католическаго духовенства:

„Иже суть не кротцы, и якоже волцы,
и злопрехитрыи людемъ душегубцы.“

основаннаго на стяжаніи власти, на сосредоточеніи ея въ рукахъ людей, уничтожающихъ всякую возможность разумнаго, естественнаго развитія, и убивающихъ истину въ самомъ ея зародышѣ.... Неужели, въ самомъ дѣлѣ, для выраженія нуждъ и потребностей цѣлой страны, для введенія въ ней улучшеній административныхъ и судебныхъ, для допущенія полнаго осуществленія началъ народности, необходимо вмѣшательство адептовъ Лойолы, которые, съ 1534-го года, постоянно доказывали, что они съ тѣмъ-же цинизмомъ будутъ проповѣдывать пытки и висѣлицы, съ какимъ проповѣдуютъ нынѣ, въ Польшѣ, либерализмъ и народность? Неужели и въ нашъ вѣкъ, народъ, считающій себя достойнымъ принадлежать къ семьѣ образованнаго передоваго европейскаго населенія, ослѣпленъ дотого, что не видитъ ясно, чего хочетъ и добивается польское духовенство?... Въ газетахъ и періодическихъ изданіяхъ, продолжаетъ авторъ цитуемой нами статьи, мы почти ежедневно встрѣчаемъ статьи, сообщающія публикѣ извѣстія о совершающемся въ предѣлахъ Царства Польскаго, но ни одна изъ статей, которыя мы имѣли случай прочесть, не говоритъ о дѣйствіяхъ польской клерикальной партіи: ни одна статья не обращаетъ вниманія публики на то, чего съ нетерпѣніемъ ожидаютъ послѣдователи Лойолы.... Nulla tam crudelis in mundo bestia est, quemadmodum clericus vel sacerdos malus, сказалъ св. Іеронимъ, обращаясь къ пастырямъ, забывающимъ свою обязанность. Въ настоящую минуту, замѣчаетъ тотъ-же очевидецъ варшавскихъ событій, изреченіе это, къ несчастію, можно примѣнить къ тѣмъ, которые, какъ говорится въ прокламаціи графа Ламберта (24-го октября 1861 г.), *превратили католическіе храмы въ мѣста враждебныхъ правительству изъявленій*. Мы, въ свою очередь, какъ бывшіе очевидцы послѣднихъ варшавскихъ событій, скажемъ болѣе: польскіе клерикалы, пользуясь невѣжествомъ и легковѣріемъ массъ, движимые чисто-корыстолюбивыми цѣлями, имѣя въ виду легкій лишь способъ къ добыванію денегъ, отнимая у бѣднаго класса варшавскаго населенія послѣднюю копейку, на разныя такъ называемыя *божевства*, превратили католическіе храмы въ клубы и концертныя залы, куда стекается народъ не для прославленія Творца вселенной, а для наполненія оскудѣвшаго кошелька ксендзовъ грошами—добытыми народомъ въ

потѣ лица, трудомъ усиленнымъ, работою тяжкою, поденною.... «Братья—поляки! говоритъ въ заключеніе авторъ статьи: клерикальная партія въ Польшѣ,—обратите вниманіе на ловушку, искусно подставляемую вамъ врагами всего человѣчества» [1])... Развѣ выраженія эти, въ сущности, не тоже говорятъ о католическомъ духовенствѣ, что и стихи нашего поэта, съ тою только разницею, что это пишетъ человѣкъ, лично ничего еще, кажется, не потерпѣвшій отъ духовенства западной церкви?

6). Какъ политическая унія Литовской Руси съ Царствомъ Польскимъ, такъ и церковное единеніе ея съ Римомъ, основанное съ обѣихъ сторонъ не на истинномъ убѣжденіи въ правотѣ дѣла, а на лжи и обманѣ, насильственное, а не свободное, было только видимое и притворное, а не дѣйствительное и искреннее. Мы не говоримъ здѣсь о той огромной массѣ русскаго народонаселенія, всѣхъ состояній, которая явнымъ ропотомъ и негодованіемъ встрѣтила римскую унію при самомъ ея появленіи у насъ; не говоримъ о козацкихъ войнахъ, вызванныхъ ею и, по сознанію самыхъ польскихъ историковъ, окончательно сгубившихъ Польшу: мы хотимъ сказать здѣсь только то, что между самими уніатами, даже представителями и защитниками уніи, собственно изъ русскихъ, мы затрудняемся указать людей, искренно и дѣйствительно преданныхъ ей. Не только главные виновники уніи: Кириллъ Терлецкій, Ипатій Поцѣй и Михаилъ Рогоза, но и всѣ послѣдующіе представители ея, обыкновенно принимали унію и держались ея единственно изъ мірскихъ разсчетовъ. Одни положительно искали богатства, власти и почестей; другіе желали избавиться по-крайней-мѣрѣ отъ гоненій и преслѣдованій, тяготѣвшихъ надъ православными. Самые ярые и отчаянные ревнители уніи: Кунцевичъ, Смотрицкій и подобные имъ, не чужды были такихъ своекорыстныхъ разсчетовъ. Въ сущности, они воевали за свои интересы, а не за унію. Унія дорога имъ была только какъ средство для достиженія ихъ своекорыстныхъ цѣлей. Въ памятникѣ нашемъ мы постоянно встрѣчаемъ укоризны въ этомъ уніятамъ. О холодности къ уніи

---

[1]) Спб. Вѣд. 1861 г. № 249.—Объ участіи, даже предводительствѣ польскихъ ксендзовъ въ мятежахъ и разбояхъ, которыми начался 1863-й г. въ Царствѣ Польск., чит. Моск. и Спб. Вѣд. за 1863 г.

простонародья нашего и говорить нечего. Достаточно вспомнить здѣсь извѣстную несчастную кончину полотскаго уніятскаго архіепископа Іосафата Кунцевича, чтобы понять, въ какой степени простой народъ нашъ положительно ненавидѣлъ унію. Его можно было совратить въ унію не иначе, какъ только обманомъ и насиліемъ. Когда, вынужденный преслѣдованіями за вѣру, измѣнялъ православію приходской священникъ, то по—неволѣ становились уніятами и его прихожане. Сохраняя прежнюю обрядность, совершая богослуженіе на прежнемъ церковно-славянскомъ языкѣ и бесѣдуя съ народомъ въ своихъ церковныхъ поученіяхъ на прежнемъ языкѣ славяно-русскомъ, уніятскіе священники достаточно успокоивали этимъ совѣсть простонародья, которое охотно вѣрило поэтому своимъ церковнымъ пастырямъ, что вѣра его совершенно—прежняя, ***старожитная***, ***греческая***... Послѣдующія поколѣнія оставались въ уніи уже и потому, что они родились въ ней, и съ самаго малолѣтства были въ ней воспитаны. Между тѣмъ, постоянные протесты православныхъ братствъ и безпрерывные споры православныхъ ученыхъ съ уніятскими, сильно тревожили совѣсть послѣднихъ, безпрестанно напоминая имъ объ ихъ отступничествѣ. Нѣкоторыхъ уніятовъ споры эти, конечно, только раздражали и ожесточали; но многихъ, весьма многихъ, они сильно смущали и совершенно охлаждали къ уніи [1]). Самые ретивые защитники уніи сознавали въ душѣ своей очень хорошо, что они защищались слабо и несостоятельно; чувствовали, что напрасно стараются успокоить совѣсть свою и послѣдователей своихъ пустыми софизмами. Многіе изъ образованнѣйшаго класса уніятовъ прямо и открыто тяготились уніей. Во многихъ уніятскихъ книгахъ находимъ ясныя доказательства того, что уніяты никогда не выпускали изъ вида прежняго своего, восточнаго, православнаго, вѣроисповѣданія. Во многихъ уніятскихъ книгахъ постоянно встрѣчаемъ напоминанія читателямъ о вѣрѣ православно—каѳолической, вос-

[1]) Lament Smotryckiego, замѣчаетъ Вишневскій въ своей Исторіи литературы (т. VIII, стр. 319), wielkie na Rusi zrobił wrażenie. „Wolimy do meczetów matarskich, raczey do zborów Kalwińskich, niż z kosciołem Rzymskim do iedności:“ takie słyszeć się dawały okrzyki. Zaczęto nawet prześladować unitów, gdzie się w mniejszości znaleźli.

точной, греческой, старожитной—русской, и другія подобныя, хотя нерѣдко двусмысленныя, правда, какъ и сама унія, выраженія. Извѣстно, что многіе уніятскіе священники, при малѣйшей перемѣнѣ благопріятствовавшихъ уніи обстоятельствъ, спѣшили оставить ее, и со всѣми прихожанами своими съ радостію возвращались къ православію, невольно ими оставленному. Припомнимъ уніятскіе соборы, Виленскій (1629 г.) и Замостьскій (1720 г.), они составлены были главнымъ образомъ для скрѣпленія расползавшейся уніи, хотя и не имѣли на самомъ дѣлѣ никакихъ, благопріятныхъ для нея, послѣдствій. Припомнимъ взаимныя жалобы и споры, неудовольствія и укоризны католическаго и уніятскаго духовенства [1]). Припомнимъ, наконецъ, упреки, которые дѣлаемы были самимъ даже представителямъ уніи уніятами—же, людьми, близко знавшими дѣйствительное состояніе уніи. «Теперешніе архіереи,» жаловался въ 1642 году бывшій уніятскій архимандритъ Кассіанъ Саковичъ, за ревность къ уніи нелюбимый самими уніятами и потому вынужденный перейти въ католичество, «теперешніе архіереи носятъ только имя уніи съ римскою церковью, а на самомъ дѣлѣ они во всемъ согласны съ схизматиками, и по ихъ-же книгамъ, полнымъ заблужденій и предразсудковъ, совершаютъ свое богослуженіе.» [2]).

---

[1]) Vide, ex. dr., Testamentum seu protestatio servi Dei Josephi Velamin Rudzki, metropolite Kioviensis, Halicensis totiusque Russia, an. 1634.

[2]) „Unie odmieniłem ia tym przeyściem moim do nabożeństwa Rzymskiego wiary, alem ią ieszcze stwierdzil, postawiwszy nogi moie na mocney opoce wiary ś. katholickiey. Tylkom ia błędy, herezye y zabobony grekoruskie zostawił, których uniatcy przełożeni niestaraią się z Cerkwi swoiey wykorzenić. Y owszem tych, którzy ie chcieli wykorzeniać, prześladowali. Czegom ne sobie och! doznał, gdym w wydaniu książki na świat iawny błąd w starym kalendarzu, a potym w administrowaniu sakramentów i w inszych ceremoniach wielkie błędy y zabobony im pokazał. Za co mię na śmierć prawio prześladowali, y ieden z władyków uniatskich przywodził mię do tego, abym się był publice tey prawdy w kalendarzu napisaney w Cerkwi z ambony wyrzekł... Teraźnieyszy władykowie titulum tylko unionis cum Romana Ecclesia habent, a cum schismaticis we wszystkiem się

Да не подтверждаетъ ли свидѣтельства Саковича, о совершенномъ равнодушіи къ уніи самихъ даже представителей ея, и рукопись наша, сохранившаяся до-сихъ-поръ въ цѣлости въ бывшемъ уніятскомъ монастырѣ? Мудрено было бы уцѣлѣть ей тамъ безъ постояннаго и особеннаго сочувствія православію настоятелей и братіи этого монастыря. Ниже увидимъ, что на самой книгѣ встрѣчаются надписи, доказывающія такое сочувствіе; между—тѣмъ-какъ нигдѣ не встрѣчаемъ на ней надписи, выражающей сочувствіе уніи, папѣ и католичеству.

Ясно затѣмъ и настоящее значеніе бывшей у насъ римской уніи. Какъ ересь, какъ расколъ, несомнѣнно, что она была большимъ зломъ. Она раздѣлила было одинъ и тотъ-же русскій народъ нашъ на два враждебные другъ-другу лагеря и внесла немалую долю чуждыхъ намъ латино-польскихъ элементовъ въ народность русскую. При всемъ томъ, сравнительно съ католичествомъ, унія была и есть зло не-въ-примѣръ меньшее. Будучи чѣмъ-то среднимъ между польскимъ католичествомъ и русскимъ православіемъ, унія много помогла, съ перемѣною обстоятельствъ, легкому и свободному возвращенію русскаго народа въ нѣдра родной ему православной церкви. Сохранивъ прежнюю церковную обрядность и богослуженіе на славянскомъ языкѣ, она весьма много способствовала этимъ сохраненію древнихъ нашихъ священныхъ обычаевъ, нашего языка, нѣкоторыхъ остатковъ прежняго чисто—православнаго вѣроисповѣданія и всей вообще нашей народности. Всѣ почти бывшіе уніяты юго-западной Руси—нынѣ православные, говорятъ и пишутъ по—русски, и никогда не думали и не думаютъ сомнѣваться въ томъ, что они природные русскіе. Не иначе, какъ извѣстно, понимаютъ себя теперь и единоплеменные намъ уніяты, оставшіеся у насъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Царства Польскаго и въ Галиціи. Они не только называютъ себя русскими и Русью, намъ родною, но и откровенно говорятъ о невольномъ отпаденіи своемъ отъ пра-

zgadzaią, y z ichże ksiąg, błędów y zabobonów pełnych, nabożeństwa odprawuią... Y niemiałżem ia słuszney przyczyny do opuszczenia tey powierzchowney uniey, a udania się do utorowaney drogi y królewskiego kościoła powszechnego?“.. (Epanortosis przedmowa.) Объясненіе Саковича въ томъ, почему онъ перешелъ изъ уніи въ католичество, вообще весьма любопытно.

вославной церкви восточной [1]). Но многіе ли изъ древнихъ нашихъ дворянскихъ фамилій, совратившихся прямо въ католичество, возвратились къ своему древнему праотеческому вѣроисповѣданію, и не всѣ ли они воображаютъ себя теперь, въ противность вполнѣ очевидной исторической истинѣ, природными поляками и съ незапамятныхъ временъ католиками?

Происхожденіе представленнаго нами литературнаго памятника Юго-западной Руси мы относимъ къ XVII-му столѣтію. Но почему-же такъ?

XVII-й вѣкъ, какъ извѣстно, былъ временемъ самаго сильнаго разгара гоненій на православіе въ Югозападной Руси. Къ этому именно времени относится найбольшая часть самыхъ замѣчательныхъ сочиненій, уніятами и іезуитами въ защиту, а православными въ опроверженіе уніи написанныхъ. Въ это именно время появились: «Плачъ» (1610 г.) Мелетія Смотрицкаго, «Палинодія» Захарія Копыстенскаго, «Камень» Петра Могилы, «Новая мѣра старой вѣры» Лазаря Барановича, и многія другія полемическія сочиненія [2]). Естественно думать, что и представленныя нами стихотворенія, сходныя съ этими сочиненіями по содержанію своему и тону, принадлежатъ тоже именно этому времени, тѣмъ болѣе, что и языкъ ихъ весьма близокъ

---

[1]) „Дивно бы тутъ было доказывати,“—замѣчаетъ Львовская газета **Слово**, въ отвѣтѣ своемъ на нападенія краковской газеты **Czas** и журнала **Revue Contemporaine**.—„що южнорускій народъ— не поляки; що присоединеніе Червоной Руси и Волыни къ Польщѣ совершилося съ кровопролитіями; що народъ южно-рускій всегда исповѣдалъ одну вѣру въ велико-рускимъ и вовсе не стремился добровольно къ уніи, а отрывался отъ неи упорно и отчаянно: що, наконецъ, названіе **русскихъ** не накиненно великороссіянамъ Екатериною II, а отъ давна было для нихъ народнымъ отечественнымъ прозваньемъ, що названіе Московіи, правильнѣйше— Московщины, могло употреблятися только по отношенію къ другимъ этнографическимъ отдѣламъ русского міра, а національнымъ названіемъ николи не было; що чужинцы, пазывавши Южную Русь— Русіею, а Сѣверную—Московіею, намъ не припись, ибо еще въ XII вѣцѣ митрополиты наши титуловалися мотрополитами **всея Руси**, розумѣючи подъ тымъ весь кругъ русскихъ земель, связанныхъ единствомъ княжескаго рода и церковнаго управленія.“ „Слово“ за 1861-й г. число 69. Си. тамъ-же „Допись отъ Холма.“

[2]) Историч. Словарь писат. духовн. чина, митр. Евгенія. Hist. liter. polsk. Michała Wiszniewskiego, tom VIII, str. 258—405.

къ языку другихъ извѣстныхъ славяно-русскихъ письменныхъ памятниковъ Юго-западной Руси именно этого времени. Въ самомъ памятникѣ встрѣчаемъ сказанія, ясно подтверждающія наше предположеніе. Такъ въ пѣсни: «О святыхъ тѣлахъ печерскихъ,» читаемъ указаніе, что *шестьсотъ лѣтъ* уже *минаетъ* (проходитъ) съ того времени, какъ тѣла угодниковъ Божіихъ въ Кіевскихъ пещерахъ нетлѣнно почиваютъ и вѣрующимъ чудеса источаютъ. Кромѣ того, на оборотѣ 151 листа нашего памятника находимъ слѣдующую подпись на полѣ книги: «рабъ Божій Василій писавъ рукою своею власною въ недѣлю мясопустную року ахлз (1637) мѣсяца февраля ві (12) дня.» Положимъ, что *властною* (собственною) рукою Василія писана одна только эта подпись, а не цѣлая книга стихотвореній, потому что послѣдняя написана совсѣмъ другимъ почеркомъ; но, во всякомъ случаѣ, эта подпись доказываетъ, что въ 1637 году книга эта существовала уже несомнѣнно.

Кромѣ подписи Василія, сохранились на этой книгѣ еще другія три. По двумъ еще изъ нихъ можно догадываться о времени отторженія Загоровскаго монастыря въ унію. Именно, на полѣ 64 листа этой книги написано славянскими буквами, или уставомъ: «Їωаннъ Середнискій: рокꙋ ахчи (1698) авгꙋ. ка: (21),» а на полѣ 96 листа тойже книги подписано полууставомъ: «року Божія ахчи (1698) зосталемъ посесоромъ тей книги Лаврентій, законникъ (монахъ) святыя обители Загоровскія.» Естественно думать, что не уніятъ, а православный могъ желать быть *посесоромъ*, т. е. владѣльцемъ, такой схизматицкой книги; иначе онъ по-крайней-мѣрѣ не заявлялъ бы съ такою откровенностію своего права на нее. Тѣмъ болѣе такъ можно думать, что на листѣ 128-мъ этой книги мы находимъ и такую надпись: «Духъ Святый отъ Отца исходитъ и на Сынѣ почиваетъ: вся иже аще тако не исповѣдаетъ, да будетъ проклятъ предъ Царемъ Небеснымъ, яко-то прегордый папа, святитель прелестный.»

Югозападная Русь, за исключеніемъ Галицкой или Червоной, по волѣ всеблагаго Провидѣнія, послѣ долговременныхъ испытаній, опять слилась съ единоплеменною и единовѣрною ей Русью Сѣверовосточною въ одну великую семью, въ одно живое и нераздѣльное цѣлое; гоненія, по-крайней-мѣрѣ явныя и от-

крытыя, на исповѣдниковъ вѣры православной, въ отечествѣ нашемъ, благодареніе Богу, давно затихли; ненавистной русскому народу уніи съ римскою церковію болѣе у насъ нѣтъ; происки западнаго духовенства въ отечествѣ нашемъ, наслѣдіи Владиміра Сватаго, нынѣ, кажется, не такъ наглы и дерзки, какъ въ былое время; самое значеніе и положеніе папской власти далеко теперь не то, каково было за два съ половиною вѣка до насъ: при всемъ томъ, можетъ ли быть чуждо и безъинтересно для насъ то, что вытерпѣли и выстрадали наши предки и о чемъ жалобы свои запечатали въ родномъ словѣ нашемъ? Можемъ ли не дорожить тѣмъ, чтобъ знать, какъ они въ свое время думали и чувствовали, какъ понимали себя и свое положеніе, какъ относились, съ одной стороны, къ своимъ врагамъ и притѣснителямъ, и ко всему чужеземному, а съ другой, къ своимъ единоплеменникамъ и ко всему родному, къ своимъ праотеческимъ вѣрованіямъ и преданіямъ, къ своимъ прежнимъ нравамъ и обычаямъ, къ своему языку, къ своей народности?... «Не соединены ли,»—замѣчаетъ тотъ-же ученый нашъ, котораго слова привели мы въ началѣ нашей статьи,—«не соединены ли тѣснѣйшими узами самые драгоцѣнные интересы нашей народности съ историческими судьбами и движеніями нашего языка, и можно ли въ настоящее время разсуждать о литературѣ, не нося въ сердцѣ своемъ живыхъ вѣрованій, священныхъ преданій народности, и слѣд. не стремясь сдѣлать себѣ доступнымъ вездѣ и все, что можетъ прибавить къ нимъ хотя каплю силы и ясныхъ удостовѣреній [1])?»

«Да настанетъ нѣкогда,»—говорилъ одинъ изъ благороднѣйшихъ патріотовъ русской земли,—«да настанетъ время пристрастія къ отечественнымъ происшествіямъ, къ своимъ героямъ, къ нравамъ и добродѣтелямъ, которыя суть природныя произрастенія нашего отечества [2]).»

Амвросій Добротворскій.

Нѣжинъ.

3-го февраля 1863 г.

---

[1]) Никитенко, въ отчетѣ, читан. въ торж. собр. Импер. Акад. Наукъ, 29 декаб. 1856 г.

[2]) М. Н. Муравьевъ, въ сочин. „Разсѣянныя чёрты землеописанія Россійскаго."

ГОРОДЛО И ЛЮБЛИНЪ,

или добровольная унія

(1413 — 1569).

Городло (въ Царствѣ Польскомъ) надъ р. Бугомъ, съ лѣвой его стороны,—противъ дер. Чернявки (волынской губерніи),—небольшое мѣстечко, имѣющее жителей 1514, въ томъ числѣ евреевъ 362, домовъ деревянныхъ 271. Самое названіе показываетъ этнографическую его основу. Этому небольшому русскому населенію теченіе историческихъ событій указало быть свидѣтелемъ происшествія, весьма важнаго по своимъ послѣдствіямъ для судьбы всего западнаго и югозападнаго края Россіи.

При кн. Θеодорѣ—Любартѣ, по раздѣлу получившемъ княжества холмское, владимірское и луцкое, женатомъ на дочери князя владимірскаго, *Городло* служилъ мѣстомъ разбирательства пограничныхъ споровъ русскихъ съ поляками. Особенное же обстоятельство выдвинуло этотъ городъ на путь исторической извѣстности. Католическая пропаганда, кромѣ старой и ненавистной для себя совмѣстницы—религіи православной, встрѣтилась съ врагомъ новымъ. Сквозь жмудскіе лѣса и топи крестоносцы проникали въ Польшу и Литву. Съ цѣлію отраженія внѣшнихъ непріятелей и взаимному содѣйствію политическаго могущества соединенныхъ брачными узами обоихъ государствъ, король Владиславъ—Ягелло, въ 1413 году октября 2, созвалъ первый смѣшанный сеймъ въ *Городло*. Это конфедераціонное соединеніе (унія) государствъ, при самостоятельности каждаго, было поводомъ къ постоянному стремленію поляковъ смѣнить, чрезъ посредство религіи, начала федеративныя на доминаціонныя, хотя, вскорѣ за тѣмъ (1429 г.), съѣздъ луцкій былъ

гласнымъ противъ этого протестомъ.

Въ 1427 году, *Городло* былъ свидѣтелемъ скандала, произшедшаго между дряхлымъ старцемъ Ягелломъ и в. кн. Витовтомъ, укорявшимъ короля въ сомнительно—законномъ увеличеніи его потомства третьею беременностью четвертой жены его.

По случаю распри съ в. русско—литов. княземъ Львомъ Свидригайломъ, происходящей вслѣдствіе тѣхъ же польскихъ стремленій, Ягелло, отправляясь на отнятіе у него Луцка, и поджидая къ себѣ поляковъ, занятыхъ опустошеніемъ на пути всѣхъ русскихъ земель, около двухъ недѣль жилъ въ *Городло*, и здѣсь же перешелъ чрезъ Бугъ. По смерти Владислава, кн. мазовецкаго, умершаго безпотомно, въ 1462 году, Польша завладѣла княжествомъ мазовецкимъ и *Городломъ*. Однако русско-литовскіе господари, до послѣдней знаменитой люблинской уніи, непереставали домагаться возврата *Городло*, по тому уваженію, что съ незапамятныхъ временъ это населеніе было русское.

Въ люстраціи 1571 г. показано, что здѣсь находилось три дома православныхъ священниковъ; а въ актѣ, поданномъ козацкими послами на сеймѣ 1659 года, при подтвержденіи договоровъ гадячскихъ статей, коими требовалось возврата принадлежностей древней православной (неуніатской) религіи на всемъ пространствѣ, *какъ далеко простирается языкъ русскій*, показаны между прочими—церкви въ *Городло*, находившіяся во власти уніатовъ [1]; въ послѣдней же люстраціи (1765) упоминается улица *пятницкая*: изъ этого ясно видно, что была церковь св. Параскевіи.

Во время австрійскаго владѣнія, этотъ городъ чрезъ замѣну перешелъ въ частную собственность. Теперь въ *Городло* нѣтъ прежнихъ слѣдовъ нѣкогда важныхъ укрѣпленій, кромѣ остатковъ насыпей или валовъ, внутри коихъ стоитъ каменная церковь.

Польская демонстрація 1861 года, открывшая возмутительныя свои дѣйствія противъ законнаго правительства, водру-

---

[1]) Памят., изд. кіевск. коммиссіею для разб. др. актовъ. Т. III, отд. 3., LXXV.

женнымъ на гродлянскихъ поляхъ крестомъ, заявила предъ судомъ будущаго, что крестъ не есть символъ мира, христіанскаго братолюбія и гражданскаго порядка; но, по ея исключительному понятію, сигналъ мятежа, попранія всѣхъ правъ, грабежа, убійства и разлитія крови.

Люблинъ, нынѣ губернскій городъ Царства Польскаго, при впаденіи Быстрицы въ Вепрь, надъ огромнымъ прудомъ, одинъ изъ красивѣйшихъ городовъ по своему мѣстоположенію. Названіе указываетъ на русское его первоначальное оселеніе въ пріятномъ *любимомъ* мѣстѣ. Населеніе его простирается до 15,630 ж., въ томъ числѣ евреевъ 8,750, домовъ каменныхъ—450 и деревянныхъ—310.

Романъ Мстиславичь Галицкій въ 1205 г. домагался овладѣть имъ. «Идите, говоритъ князь посламъ Лешка Бѣлаго, и рцыте, азъ нехощу землю ваю вредити, толе заплати ми проторъ, ижъ пререкоша; а неможете ли только сребра вскоре собрати, дайте ми *Люблинъ* съ землею, даже выплатите» (Несторъ, по Pads., стр. 300). Въ 1244 г., Даніилъ, вмѣстѣ съ Василькомъ княземъ владимірскимъ, овладѣлъ имъ и укрѣпилъ съ изумительною скоростію, какъ говоритъ Длугошъ, валами и насыпями, а посреди замка возвелъ высокую каменную башню, подобную холмской. «Даніилъ же съ братомъ возвратися, воевавша страну ту.» (Ипат. лѣт.) Что люблинская область и часть судомирской принадлежали галицко—владимірскимъ князьямъ и были населены народомъ русскимъ православнаго исповѣданія—неподлежитъ никакому сомнѣнію [1]).

Съ тѣхъ поръ, во время борьбы между польско-*ходачковою* (лаптевою) *шляхтой* и русско—литовскимъ магнатствомъ [2]), *Люблинъ*, то отнимаемый изъ-подъ владѣнія русскаго, то вновь поступавшій во власть князей русскихъ, при Казимирѣ великомъ, съ 1342 года, остался окончательно польскимъ пограничнымъ городомъ, хотя русско-литовскіе князья не переставали пытаться овладѣть имъ еще и въ 1377 г. пока избраніе Якова—Ягелло, въ латинскомъ новокрещеніи названнаго Влади-

---

[1]) См. Пов. Д. Зубрицкаго. М. 1845 г.

[2]) Dzien. liter. Lwôw. 1852 г. № 48, стр. 378.

славомъ, въ короли польскіе и мужья Ядвиги, неположило конца этимъ домагательствамъ.

Польская аристократія, принесшая въ жертву Ягелло свою королеву, постоянно преслѣдуя надежду соединенія обоихъ государствъ, исторгнутую у него брачными узами, неостанавливалась предъ отрицаніемъ всѣхъ составныхъ частей русско—литовскаго княжества, заявленныхъ народомъ чрезъ вел. князей: Витовта, Свидригайла и Казиміра. На первомъ сеймѣ въ этомъ городѣ, происходившемъ въ 1448 году, возобновлено было желаніе соединиться со всѣми русско-литовскими землями въ одно—(унію), на основаніи постановленія въ Городло, неприведшее дотолѣ ни къ какимъ удовлетворительнымъ результатамъ, по причинѣ несогласія князей, бояръ, народа и самаго великаго князя Казиміра, нехотѣвшаго измѣнить данной присягѣ на сепаративную цѣлость своего княжества Но прошедшее Польши и тогда уже доказывало фактически, что для достиженія своихъ цѣлей, она никогда не остановится предъ средствами: если чего не могла сдѣлать путемъ соглашенія (уніи), того достигала попраніемъ народныхъ правъ, пригнѣтеніемъ совѣсти, вѣроломствомъ. Продолжая и послѣ Казиміра туже систему избранія въ короли великихъ князей литовскихъ изъ дома Ягелло, она постановила соединить безраздѣльно въ лицѣ Александра обѣ короны; отняла у Сигизмунда—Августа, какъ великаго князя и господаря русско-литовскаго, права земскаго владѣнія, и довела короля до такой нищеты, что небыло чемъ погребсти его по смерти; окружая послѣднюю отрасль Ягелло всѣми приманками страстнаго соблазна—отсѣкла всякую надежду на потомство; и, наконецъ, въ виду военныхъ опасностей со стороны Московско-русскаго государства, начавшаго дѣйствіе противъ Литвы, умышленно медля присоединеніемъ для совокупнаго отраженія, съ ножемъ, такъ сказать, у горла, заставила послѣдняго изъ Ягелловъ согласиться во-что-бы-то ни стало присоединить русско-литовское княжество къ королевству Польскому, на основаніи обѣщанія перваго Ягелло. Послѣ неоднократно затѣваемыхъ и неудавшихся попытокъ, Сигизмундъ-Августъ собралъ сеймъ въ Люблинѣ, 23 декабря 1568 года. Дѣйствуя съ необыкновенною настойчивостію, какъ говорятъ польскіе же дѣеписатели, онъ употребилъ всѣ средства убѣжденія, чтобы преклонить къ государственной уніи, не щадя

огромныхъ на то издержекъ, и—только смерть Радзивилла и Чемы, главныхъ противниковъ соединенія, поблагопріятствовала дѣлу вѣроломныхъ. Этотъ, по истинѣ знаменитый, *люблинскій сеймъ* окончился едва чрезъ полгода—11 августа 1569 года, оставивъ въ г. *Люблинѣ*, (странно!) предъ домомъ же Радзивилла, предательскій памятникъ вѣроломства, омываемый и доселѣ братнею кровью [1]).

Посѣянныя въ русской землѣ, на городлянскихъ поляхъ, фальшивыя семена *равенства и свободы* рукою Ягелло и взлелѣянныя католическою пропагандой возрастили *двѣ золотыя розы*, принесенныя въ даръ въ *Люблинѣ* королямъ польскимъ римскими папами; одна (1448 г.)—въ залогъ и благословеніе на порабощеніе всего юго-западнаго и западнаго русскаго края, а другая (1651 г.)—стала предвѣстіемъ его *освобожденія*. Вѣрный историческимъ преданіямъ Хмѣльницкій здѣсь, въ 1655 году, указалъ *рубежъ русскій*.

Еще въ люстраціи 1602 г. показывается въ *Люблинѣ* таможня для очистки пошлиной русскихъ товаровъ. Православная религія, существовавшая здѣсь съ незапамятныхъ временъ, усерднымъ дѣйствіемъ іезуитовъ, подверглась равной участи съ аріанами и евангеликами въ 1627 году, окончившейся, наконецъ, по постановленію люблинскаго трибунала 1658 года, отнятіемъ монастыря и кромѣ того церкви, стоявшей на соломенномъ рынкѣ, а, затѣмъ, и совершеннымъ ея уничтоженіемъ, и только въ 1786 г., русскіе купцы опять исходатайствовали себѣ дозволеніе выстроить скромный православный храмикъ на зеленой улицѣ, на счетъ собственныхъ средствъ своихъ. «Люблинъ лежитъ на самой западной оконечности земли, населенный и до-сихъ-поръ южно-русскимъ племенемъ, принадлежащимъ къ холмской греко-уніатской эпархіи, ополячивающейся нынѣ по нерадѣнію русскихъ туземцевъ, особенно-же греко-унитскаго ихъ духовенства,»—говоритъ одинъ почтенный галиційскій писатель [2]).

---

[1]) Сначала была поставлена колонна изъ тесаннаго камня съ двумя на ней статуями—Ягелло и Ядвиги, а съ 1825 года стоитъ на томъ мѣстѣ чугунный памятникъ.

[2]) Галиц. Истор. Сборникъ. Выпускъ II. Львовъ, 1856. стр. 137.

Двумъ этимъ пунктамъ на западѣ земли русской суждено было вмѣстить въ себя эпоху развитія польской мысли—возобладать Русью отъ Вислы до Днѣпра и Чернаго моря. Хронологическое исчисленіе важнѣйшихъ событій покажетъ постепенное осуществленіе задуманнаго плана порабощенія политической свободы всей западной и юго-западной Россіи.

1413 г. (Окт. 2).—Польская аристократія, видя, что избраніе на польскій престолъ королемъ русско-литовскаго князя Владислава—Ягелло мало способствуетъ къ сліянію съ Польшей русско-литовскихъ земель, пригласила для этой цѣли депутатовъ отъ всѣхъ земель на общій (вальный) сеймъ, на поля *Городла*, надъ Бугомъ. Хотя актъ объ уравненіи правъ и преимуществъ, впрочемъ только католиковъ, какъ королевства, такъ и русско-литовскаго княжества, былъ составленъ,—в. кн. Витовтъ не отказывался, однако, отъ самостоятельности литовско русскаго княжества.

1422 г.—Съ этою же цѣлью король Владиславъ—Ягелло вступаетъ во вторичный бракъ съ Софіею княжною кіевскою, отъ которой онъ имѣлъ двухъ сыновей, впослѣдствіи также королей польскихъ, Владислава III и Казиміра.

1425 г.—Римско-католическая каѳедра подвинулась далѣе въ глубь *Волыни*—изъ Владиміра въ Луцкъ.

1429 г.—Въ 1429 году въ Луцкѣ былъ величайшій съѣздъ сосѣднихъ государей и даже пословъ отъ императора греческаго, а также множество вельможъ русскихъ, литовскихъ и польскихъ, такъ-что окрестныя деревни и предмѣстіе Луцка были заняты гостями. Между другими второстепенными предметами, главнѣйшею цѣлію соглашенія было—со стороны Польши все таже мысль соединенія съ нею русско-литовскаго княжества, а со стороны в. кн. Витовта—удержаніе самостоятельности съ титуломъ королевства. Но это не привело ни къ какому результату, по несоглашенію пановъ польскихъ, давъ только радушному хозяину Витовту случай выказать свое гостепріимство, достойное временъ Гомера, истребленіемъ на содержаніе гостей ежедневно, въ теченіи почти семи недѣль, по 700 бочекъ меду, кромѣ другихъ напитковъ, по 700 быковъ и яловицъ, по 1400 барановъ, по 100 зубровъ, лосей и дикихъ свиней.

1431 г.—Въ 1431 году король Ягелло, по настоянію польскихъ вельможъ, мстя Свидригайлу, сдѣлавшемуся вел. кн. литовско-русскимъ по смерти Витовта, за отобраніе подольскихъ замковъ, пошелъ съ войсками на Волынь. Хотя Свидригайло немедленно поспѣшилъ туда же, но поляки завладѣли Владиміромъ, сожгли его, и двинулись къ Луцку. Сломанный мостъ на Стыри, по распоряженію Свидригайла, не отвратилъ той же участи и г. Луцку.

1432 г.—Для охраненія православной церкви, Свидригайло истребовалъ у поляковъ обезпеченіе, что съ того времени русскія православныя Церкви не будутъ отбираемы на косцёлы (Бандке, Онацевичъ)

1433 г.—Въ 1433 году Луцкъ и вся Волынь возвращены къ литовско-русскому княжеству, и переданы Өеодоромъ княземъ острожскимъ Свидригайлу, уже изгнанному изъ в. княжества поляками, и получившему княжества смоленское и кіевское

1439 г.—Въ 1439 году во Флоренціи былъ соборъ христіянскихъ патріарховъ объ *уніи*—соединеніи восточной, или православной церкви съ западною, или римскою. Гибельныя послѣдствія этого собора, хотя относились равно ко всѣмъ, исповѣдовавшимъ православную вѣру въ юго-западной Руси и в. княжествѣ, но болѣе памятны для Волыни.

1440 г.—Преслѣдуя настойчиво одну и туже цѣль, поляки сдѣлали Казиміра, меньшаго брата короля Владислава III, великимъ княземъ литовскимъ (*). Когда же, по смерти Владислава, выборъ въ короли склонился на Казиміра; зная раздраженіе литовско-русскихъ вельможъ за отдѣленіе отъ кня-

---

(*) Мы уже упомянули выше, что Владиславъ-Ягелло, король польскій, былъ женатъ на **Софіи** княжнѣ кіевской. Отъ этого брака произошли: Владиславъ III и Казиміръ, короли польскіе. Дочь послѣдняго, **Анна**, по замужеству съ померанскимъ княземъ Богуславомъ, имѣла дочь **Софію** за датскимъ королемъ Фридрихомъ, а внукъ Анны, **Адольфъ** Голштейнъ—Готторпскій былъ предкомъ императора **Петра III**, который отъ **Екатерины II** оставилъ императора **Павла I**, дѣда нынѣ благополучно-царствующаго Государя Императора и короля польскаго **Александра II**.

жества къ коронѣ всей Волыни и Подоля, онъ неохотно на это соглашался, и только убѣжденный матерью Софіею изъ княженъ кіевскихъ, принялъ въ Брестѣ (литовскомъ) польскую корону. Тогда русско-литовскіе вельможи заявили требованіе о возвратѣ Волыни и Подоля къ великому княжеству, намѣреваясь въ противномъ случаѣ не выпустить избраннаго въ короли. Это было поводомъ трехлѣтняго безкоролевія. (Бандке, Албертранди).

Таково-то было **единогласное**, на городлянскомъ сеймѣ, соединеніе съ Польшею Литвы, Волыни, Подоля, Кіева, Смоленска, княжества Черниговскаго и Сѣверскаго, признаваемое поляками фактомъ совершившимся. Унія *до-бро-воль-на-я!*

1449—53 г. Такъ-какъ избранный король Казиміръ, дѣлавшись русско-литовскимъ великимъ княземъ, присягалъ на сохраненіе нерушимой цѣлости княжества, считая въ томъ числѣ Волынь и Подолію: вѣрный благородной клятвѣ, онъ отказывался нынѣ отъ королевской присяги—присоединить туже Волынь и Подолію, а также Кіевъ и Украину къ коронѣ и охранять ихъ, какъ добро коронное. Поляки на сеймѣ въ Петриковѣ кричали ему: «ежели онъ этого не исполнитъ,—не будутъ ему повиноваться.» Послѣ шестилѣтней борьбы съ совѣстію, король, уступая силѣ обстоятельствъ, принужденъ былъ, наконецъ, сломать присягу (*Лелевель, Албертранди.*)

Не даромъ учитель дѣтей Казиміра Филипъ Каллимахъ, всмотрѣвшись въ безчинство польской шляхты, говаривалъ: «при такомъ своеволіи, вы не оберетесь отъ враговъ: король всегда въ неволѣ у шляхты, а шляхта—у врага.»

1464 г.—Выработанные, съ 962 года, пятисотлѣтнею *русскою* жизнію правила или законы гражданскаго благоустройства соединены, при в. князѣ Казимірѣ, въ одинъ общій уставъ для всего княжества, писанный на русскомъ языкѣ и извѣстный подъ именемъ *Литовскаго статута*, который въ послѣдствіи (1529 г.) при королѣ Сигизмундѣ, съ польскимъ переводомъ онаго, предлагаемъ былъ на сеймѣ для всего соединеннаго королевства, но поляками отвергнутъ: *не Руси-де для поляковъ писать и давать законы.*

1492 г.—Еще разъ улыбнулась надежда для Руси и Литвы пользоваться свободнымъ развитіемъ по своимъ законамъ и привиллегіямъ. По смерти Казиміра, чины русско-литовскіе, безъ вѣдома рады польской, торжественно провозгласили великимъ

княземъ сына его Александра. Хрептовичъ, вручая ему скипетръ и мечь, выразилъ желаніе всего народа, дабы онъ правилъ не коварно по—итальянски, чешски или нѣмецки; но правдиво, какъ Витовтъ, по—литовски

1495 г.—Для упроченія связей своихъ съ царемъ московскимъ Иваномъ Васильевичемъ (великимъ) Александръ вступилъ въ бракъ съ его дочерью Еленою. Послѣдняя коронованная брачная связь крови русской съ польско—литовскою!

1497 г.—Находя, что г. *Луцкъ*, ключь на всей *Волыни*, испытавъ всѣ возможныя бѣдствія, доведенъ почти до совершеннаго уничтоженія, Александръ является какъ бы новымъ его учредителемъ: привиллегіею, данною въ 1497 году изъ обоза подъ Заславомъ, учреждая все, что относится къ благосостоянію луцкихъ жителей, на случай непріятельскихъ вторженій, приглашаетъ ихъ спѣшить подъ защиту каменныхъ твердынь его.

1501 г.—Съ избраніемъ на польскій престолъ в. князя Александра, угасла для всѣхъ русскихъ земель, связанныхъ съ Литвою, послѣдняя надежда на самобытное существованіе. При избраніи короля, на сеймѣ постановлено: отнынѣ король польскій и великій князь литовскій *заключаются въ одной особѣ*.

Тако, грѣхъ ради нашихъ, скажемъ съ литописцемъ, *Богу попустившу, яко русская земля отъ царствія въ княженіе, а отъ княженія въ воеводство пременися.*

1526 г.—Чувствуя часъ-отъ-часу все сильнѣе натискъ поляковъ на нарушеніе коренныхъ правъ русско-литовской народности, русско-литовское дворянство просило короля Сигизмунда I короновать сына своего на великое княжество литовское съ тою цѣлію, какъ откровенно писали дворяне королю, что, когда великое княжество будетъ имѣть свою корону, нельзя будетъ присоединить его къ коронѣ польской, потому что одна корона въ составъ другой войти не можетъ; а панамъ полякамъ нельзя будетъ желать, чтобы это государство было уничтожено и присоединено къ нимъ; но будетъ равное братство и пріязнь за—одно противъ каждаго непріятеля» (Акты зап. Рос. т. II, стр. 175).

1529 г.—Составленный въ 1464 г., пересмотрѣнный въ 1522 г. Уставъ правъ или законовъ (Статутъ) для всѣхъ земель великаго княжества литовскаго, дополненный нынѣ, изданъ на русскомъ же языкѣ и единогласно всѣми русско-литовскими

чинами принятъ. Въ немъ, между прочимъ, опредѣлялись точныя и вѣчныя границы несмѣшанности обоихъ соединенныхъ государствъ; Польша, по отношенію къ русско литовскому народу, считалась страною *чужеземною*; поляки людьми *заграничными*, *чужеземцами*; король за себя и потомковъ своихъ обязывался въ областяхъ великаго русско-литовскаго княжества не давать *чужеземцамъ* во временное-ли, или вѣчное пользованіе земель, городовъ, мѣстечекъ и какихъ—либо вотчинъ, а равно должностей и почестей въ княжествѣ литовскомъ, кромѣ однимъ только туземцамъ; на основаніи стародавнихъ обычаевъ, ежели король пріѣзжалъ въ великое княжество, то на границѣ должны были оставаться всѣ его сопровождавшіе, а если бы кто изъ нихъ съ нимъ въѣхалъ,—то, какъ чужеземецъ, долженъ быть гостемъ, не вмѣшиваясь ни въ какія дѣла общественныя; если бы отецъ или мать выдали дочь изъ княжества за *чужеземца*—въ *Польшу*, *Мазовію*, или въ какую-либо другую землю, то вступившій въ брачныя узы, какъ пріемышъ, или долженъ подчиниться общимъ законамъ о *чужеземцахъ*, или дозволялось ближайшимъ родственникамъ выкупать имѣнія дворянокъ, вышедшихъ за-мужъ за поляковъ. (Стат. Разд. III и IV, арт. 3 и 9. Собраніе Литов. правъ. Акты юго-запад. Россіи. Т. III). Но всѣ законы противъ кого они направлены охранительны тогда, когда народъ этотъ проникнутъ чувствомъ уваженія къ правамъ другаго, равнаго себѣ народа.

1532 г.—Замки, составляющія личную собственность короля, какъ господаря и великаго князя литовскаго, предоставлены были Сигизмундомъ I, двукратной алчной женѣ своей Бонѣ съ деревнями, принадлежащими къ нимъ, на правахъ старостинскихъ, съ тѣмъ однако, чтобы, пользуясь доходами, она содержала замки въ оборонительномъ положеніи и во всей исправности. Войтовство Луцкое она продала отъ себя въ 1548 г. Ивану Борзобогатому, и Луцкъ не оставилъ о ней никакого воспоминанія; за то въ Кременцѣ, вѣроятно, по дошедшемъ болѣе къ ея романтическому характеру, своею заботливостію о выгодахъ жителей, однако *только* католиковъ, и представленіемъ имъ нѣкоторыхъ правъ и привиллегій, устройствомъ богодѣльни для убогихъ, съ надѣленіемъ для сего 2-хъ ланъ пахатнаго поля, на которомъ вскорѣ за-тѣмъ образовалось населеніе подъ названіемъ *Боновки*, и улучшеніемъ замка,—

сохранилась и доселѣ о ней живая память въ названіи замковой горы ея именемъ.

1544 г.—На брестскомъ сеймѣ заявлены были жалобы русско-литовскаго дворянства за нарушеніе ихъ правъ поляками.

1545.—Для осмотра всѣхъ украинскихъ замковъ въ великомъ княжествѣ литовскомъ, а также волынскихъ и подольскихъ, которые съ давнихъ временъ утратили весь порядокъ и требовали вниманія, король польскій и великій князь литовскій, командировалъ совѣтника своего бискупа луцкаго и берестейскаго Юрія Фальчевскаго съ дьякомъ Львомъ Тышковичемъ. При этомъ, по наказу королевскому, имъ поручено было истребовать отъ всѣхъ князей, пановъ, княгинь, пань, вдовъ, землянъ, дворянъ, архимандритовъ, мѣщанъ и всѣхъ духовныхъ римскаго и греческаго исповѣданій, которые владѣютъ имѣніями, предъявленія правъ на ихъ владѣнія. Въ г. Владимірѣ собралось по приходу Фальчевскаго до 50 землевладѣльцевъ, прочіе уклонились; да и прибывшіе объявили, посовѣтовавшись между собою, что такъ какъ главныя ихъ привиллегіи находятся въ Луцкѣ, то тамъ, на общемъ съѣздѣ старшихъ и младшихъ братій своихъ, они представятъ свои документы и дадутъ надлежащія объясненія по всѣмъ пунктамъ королевской грамоты. Съѣхавшіяся въ г. Луцкѣ: два епископа—Луцкій и Владимірскій, 9 князей владимірскихъ, 16 луцкихъ и 137 пановъ и землянъ обоихъ повѣтовъ, за исключеніемъ вовсе неявившихся князей и княгинь—Острожскихъ, Заславскихъ, Вишневецкихъ, Збаражскихъ, Корецкихъ и другихъ князей и пановъ, съ неудовольствіемъ вышеупомянутому королевскому коммиссару дали письменный отзывъ: что они здѣсь не всѣ и нѣтъ повѣта кременецкаго, а потому не всѣ готовы представить свои *грамоты и привиллегіи*. Такъ было и за нѣсколько лѣтъ предъ симъ—и тоже не могло состояться. Когда же господарь будетъ въ государствѣ своемъ, великомъ княжествѣ Литовскомъ, на общемъ сеймѣ, и если будутъ полагать свои привиллегіи предъ его милостію земля кіевская, полотская, витебская, самогитская, подляшская, то и они представятъ. Впрочемъ, прибавили они, что «вѣдь ни мы сами, ни наши предки не крали же у его милости, господаря, вотчинъ.»—Что же касается до *переписи людей*, то они недо-

умѣваютъ какъ это сдѣлать: *впишешь* кого-либо въ число *своихъ людей*, а завтра его не будетъ: мы живемъ, говорятъ они, на границѣ; люди уходятъ за границу лядскую и расходятся по волямъ княжескимъ и панскимъ.—Отъ дачи *продовольствія и подводъ* посламъ и гонцамъ они освобождены господарскою грамотою, которую и представляли ему на брестскомъ сеймѣ.—Отъ исполненія обязанностей своихъ—*замковыхъ* и *мостовыхъ* не отказываются.—Со временемъ, заключаютъ они, мы будемъ бить челомъ господарю о томъ бремени, которое обрушилось на насъ: по городамъ королевскимъ, княжескимъ и панскимъ, берутъ съ насъ и съ нашихъ крестьянъ тяжкія мыта и большое помѣрное. Хочемъ бить челомъ его милости господарю, предъ панами совѣтниками, на главномъ сеймѣ о томъ: *кто*,—старосты ли наши, или кто-либо изъ землянъ, нашихъ братьевъ,—подвергъ насъ такому неблаговоленію его милости, что на насъ сваливаютъ всѣ эти тяжести? Прежде за господарей и за счастливаго господарствованія отца господаря нащего, его милости короля, никогда этого небыло: напротивъ, мы пользовались благоволеніемъ господарей—по срокамъ держали мозырскую волость, также тіунщину и добровщину; а теперь всего этого нѣтъ, да еще по навѣтамъ господарю, его милости, хотятъ лишить и остатка нашихъ имѣній. Съ господарской казны и съ мѣста луцкаго намъ давали жалованье, и—все это получали мы за то, что не щадили ни жизни своей, ни своего состоянія, ни услугъ, которыя оказывали во многихъ случаяхъ. Да и теперь много братьевъ нашихъ, князей и пановъ земли волынской, взято въ плѣнъ нехристями, отведено въ непріятельскую землю, и—томятся тамъ въ узахъ за его милость—господаря. (Пам. Вр. Ком Т. IV).

Еще тогда, какъ видно, ***Волынь*** была ***вольна*** и самостоятельна; еще моральная связь между князьями, землянами и народомъ была взаимна: князья и паны, отстаивая себя, отстаивали и свободу крестьянъ своихъ. Крѣпостное право *обыдленіе* и *хлопство*, еще было незнакомо; но уже повѣвалъ тлетворный No,—уже крестьяне въ земляхъ коронныхъ *окрѣплены, охлоплены*.

1547.—На виленскомъ сеймѣ предъявлены жалобы всего русско-литовскаго и особенно волынскаго дворянства, что по-

ляки, переходя границы, отдѣляющія Польшу отъ великаго княжества Литовскаго, наносятъ пограничнымъ владѣльцамъ нестерпимыя обиды, производятъ разбои, убиваютъ людей и отнимаютъ земли. Эти жалобы повторялись за тѣмъ часто, особенно въ 1551 и 1554 годахъ.

1548 г.—Смерть короля Сигизмунда I. Личность этого короля весьма замѣчательна: при немъ получаютъ не ясное начало такія событія, развитіе которыхъ при его пріемникахъ, привело Польшу изъ цвѣтущаго ея состоянія къ эпохѣ постепеннаго распаденія. Будучи справедливымъ и совершенно индиферентнымъ къ вѣроисповѣданіямъ,—уважительнымъ къ правамъ подвластныхъ ему народовъ,—маститый старецъ Сигизмундъ пользовался всеобщею любовью. Какъ бы по чувству предвидѣнія, по смерти любимаго короля, Польша вся одѣлась въ годовой по немъ трауръ: прощалась она и съ домомъ Ягелло и съ цвѣтущею своею эпохою. Бона вывозомъ въ Неаполь на 24 подводахъ золота, серебра и другихъ драгоцѣнностей—истощила государственную казну до 200,000 руб. сер. Шляхта *раскокошилась*; своеволіе и безчинство проявилось вмѣсто порядка и воинской отваги: собранное общее ея ополченіе въ количествѣ 150,000 противъ Молдавіи является на поля львовскія, какъ бы въ шутку, вооруженное свертками бумагъ съ просьбами королю, оставивъ потомству насмѣшливое прозваніе *пѣтушей войны* (1530 г.)—Бытъ сельскій пришелъ въ упадокъ, земледѣліе—также; крестьяне закрѣпощены, презрительно названы *хлопами*. Паны и шляхта самовольно присвоили себѣ сеньоральное надъ ними право суда—жизни и смерти; хотя и небыло на то никакого королевскаго повелѣнія или постановленія сейма, но обычай освятилъ самоправіе.—Паны и шляхта рѣшительно домагались уніи. (*Бандке*, *Лелевель*). Таковы зародыши внутреннихъ язвъ Речи-Посполитой, коимъ вскорѣ предстояло развиться на Литвѣ, Волыни, Подолѣ и Украинѣ.

Смерть Сигизмунда I вызвала на польскій престолъ единственнаго его сына, послѣднюю отрасль Ягеллова дома и послѣдняго великаго русско-литовскаго князя—государя Сигизмунда Августа! Худо поведенный и дурно воспитанный въ дѣтствѣ, онъ далъ возможность вполнѣ развиться своеволію польскихъ пановъ и шляхты, подъ видомъ заманчивой свободы.

1557 г.—Составленъ *уставъ о волокахъ* (поземель-

ный), заключающій въ себѣ постановленія или земскія отношенія королевскихъ крестьянъ на всемъ пространствѣ великаго княжества Литовскаго Всякій законъ, служа будущему, вытекаетъ изъ прошедшаго. Этотъ уставъ опредѣлялъ самыя подробныя отношенія крестьянъ, ихъ права и обязанности, можно сказать гумaненъ въ высшей степени: одно только мѣсто (ст. 29) указываетъ, что *личность крестьянина со всѣмъ имуществомъ* принадлежитъ землевладѣльцу.

1564—66 г. Послѣ долговременнаго покоя со стороны Московскаго государства, царь Іоаннъ Васильевичъ, недовольный за денежное (600,000 злотыхъ) пособіе, оказанное великимъ княжествомъ Литовскимъ Лифляндскому ордену, приступилъ къ Полоцку. Король Сигизмундъ-Августъ призывалъ къ оружію поляковъ, но шляхта хладнокровна была къ королевскому призыву, припоминая ему—*унію*. Тогда онъ, возвратясь въ Литву и желая дарованіемъ новыхъ правъ и привиллегій всему русско-литовскому дворянству, съ одной стороны привязать его къ себѣ, а съ другой—возбудить соревнованіе въ полякахъ, при бытности своей въ 1560 г., далъ всему великому княжеству привиллегію, по которой русско-литовское дворянство имѣетъ такое же право избирать пословъ на сеймъ, какъ и Польша; имѣть у себя какъ и въ Польшѣ, суды земскіе и городскіе; въ сеймовыхъ договорахъ—Pacta Conventa—добавлено, что Литва и юго-западная Русь допускаются къ достоинствамъ сенаторскому и королевскому, ко всѣмъ чинамъ и почестямъ, лишь бы только были христіяне; король, какъ великій князь и господарь русско-литовскаго княжества, долженъ былъ отказаться отъ вотчинныхъ правъ въ Литвѣ, а чрезъ то далъ равное право свободнаго избранія короля. При этомъ поляки не забыли и себя, что всего важнѣе: имъ предоставлено право пріобрѣтать поземельную собственность въ Литвѣ и Руси юго-западной (sic!).

Казалось, все уже улажено къ вожделенной народной уніи; король увѣщавалъ, убѣждалъ, уговаривалъ, просилъ; но все еще Литва и юго-западная Русь колебались, все еще чего то хотѣли, зачемъ-то оттягивали, чего-то было жаль имъ, какой то кровавый призракъ пугалъ ихъ. Смерть Радзивилла Чернаго уничтожила преграду; а между тѣмъ—и *іезуиты*, спѣша на дружную помощь, уже занесли ногу на край земли польской (1566)!... (*Лелевель*).

1569 г.—Послѣ первой сходки на поляхъ *Городло* протекло болѣе полутораста лѣтъ. Съ тѣхъ поръ поляки настойчиво преслѣдовали одну и туже мысль Домъ Ягелловъ избранъ былъ къ тому орудіемъ Нельзя не отдать справедливости польскому инстинкту, пріобщивъ къ себѣ собственно литовскія земли, Волынь, Подолію, Кіевское княжество и Украину,—опереться, на перерѣзъ востока и запада Европы, въ два моря Балтійское и Черное. Мысль дѣйствительно богатая, а обстоятельства—улыбались. На достопамятный полугодичный (съ 23 декабря 1568 г. по 11 августа 1569 г.) сеймъ въ *Люблинѣ* прибыли: король, оба сената и депутаты или послы польскіе и русско-литовскіе. Множество сбѣжалось любопытныхъ съ обѣихъ сторонъ. Когда же дошло дѣло до Уніи, или соединенія обоихъ народовъ, многіе паны русско-литовскіе вскочили съ мѣстъ своихъ, говоритъ исторія, и—бѣжали; но другіе, жертвуя выгодами и самостоятельностію своего народа и отчизны, для своей личной пользы, подписали *актъ соединенія*, по примѣру Кіевскаго воеводы Остророга и Волынскаго воеводы Александра князя Чарторыйскаго. Отуманенная шляхта русско-литовская, подписавшая этотъ актъ, недоумѣвала радоваться ли, или скорбѣть: ибо сколько она видѣла для себя личной пользы, столько же мутилъ ее ропотъ множества недовольныхъ (Лелевель). Такъ, близорукій судья, не вникнувъ дѣло, подписываетъ смертный приговоръ невинному, не слыша за собою слезъ осиротѣлыхъ и стоновъ карающей Немезиды. Чтобы не дать времени одуматься и—сразу ошеломить всѣхъ дворянъ западной и юго-западной Россіи, изъ коихъ большая часть вовсѣ была въ невѣдѣніи о совершившемся,—королевскіе комиссары скакали во всѣ мѣста съ королевскимъ грознымъ повелѣніемъ—выполненія присяги: *а—хтобы ся кольвекъ учинити зборонялъ, таковому, яко непослушному зверхности нашой и права посполитого, имення его конфишковать будемъ .... а потомъ, абы имена всѣхъ до насъ черезъ того-жъ комисара нашего намъ послали, абысь мы оттоль ведати могли, противъ которымъ, яко непослушнымъ правомъ, поступовати бысмо мели!*....

Подъ такою угрозою лишиться всего своего достоянія произошло **добровольное** присоединеніе всей западной и юго-за-

падной Россіи къ Польскому королевству, какъ *равный* къ *равному* и *свободный* къ *свободному*,—присоединеніе, въ теченіе трехъ вѣковъ представившее суду исторіи безчисленные протесты, запечатлѣнные кровію и мученическою смертію сыновъ здѣшней Россіи, на своеволіе польскихъ магнатовъ, на несправедливое завладѣніе староствами и высшими государственными должностями, на насилія власти судебной и исполнительной, на грабежи и неистовства польскихъ жолнеровъ и на невиданное въ исторіи, кромѣ Алкорана, преслѣдованіе православной религіи, русскаго языка и народности.

Отсюда начинается трехсотлѣтняя на жизнь или смерть борьба двухъ народностей, усѣянная не *розами* святѣйшихъ отцовъ Николая IV и Иннокентія X, но терніемъ, костьми и кровію!

Ѳеодоръ Китченко.

ВОЛЫНЬ ДО ВРЕМЕНЪ ГЕДИМИНА.

(Окончаніе).

Христіанство и духовенство.

Съ введеніемъ христіанства на Руси принятъ былъ и Номоканонъ, по положеніямъ котораго, кромѣ дѣлъ церковныхъ, подлежали вѣдѣнію и суду епископовъ просвирни, паломники, прощенники, пришельцы, отпущенники, увѣчные, слѣпые, хромые, жившіе при церквахъ, монастырскіе и церковные люди. По Номоканону церкви подлежали и дѣла семейныя: церковь взяла подъ покровительство свое женщину, наблюдала за нравственною ея чистотою и она то возвысила потерянное въ язычествѣ значеніе ея. Въ семействѣ, кромѣ природнаго отца, является отецъ духовный, который отнимаетъ у природнаго всѣ отеческіе его надъ семьею права. Не легко было предкамъ нашимъ, бывшимъ полухристіанами и полуязычниками, переуступать духовнымъ отцамъ свою надъ семьею власть, освященную временемъ и прежнимъ вѣрованіемъ своимъ! Они, не имѣя смѣлости и силы противодѣйствовать этому положительно, стали дѣйствовать отрицательно: считая появленіе служителя алтаря для себя враждебнымъ и зловѣщимъ, они старались удаляться отъ него, или изобрѣтать суевѣрныя средства къ предотвращенію и прекращенію вліянія его—средства—къ прискорбію, не рѣдко употребляемыя и въ настоящее время.

Митрополитъ Иларіонъ—первый изъ уроженцевъ Руси—говоритъ, что князья во всѣхъ дѣлахъ своихъ совѣтывались съ епископами и что они слѣдовали этимъ совѣтамъ съ величай-

шею покорностію и охотою. Духовенство примиряло враждебныхъ князей, укрощало народныя возстанія, защищало невинныхъ и употребляло всѣ мѣры къ водворенію покоя и тишины: «И рече митрополитъ Микифоръ: князи! мы есмы поставлены въ Русской земли отъ Бога востягивати васъ отъ кровопролитія: азъ снимаю съ тебя крестное цѣлованіе и взимаю на ся» [1]).

«Митрополитъ же моляся Рурикови отъ Романа, Рурикъ же послушавъ его и отда ему гнѣвъ не хотя видѣти кровопролитія» [2]).

Священникъ владимірскій избавляетъ отъ смерти семейство Романа великаго, которое хотѣлъ истребить Владиміръ Игоревичъ: «Данила же возьмя дядька передъ ся, Василька же Юрій попъ съ кормилицею возьмя, изыде дырою градною, невѣдяху бо, камо бѣжаше» [3]).

По ослѣпленіи Святополкомъ и Давыдомъ Василька, митрополитъ Николай и игумены погашаютъ пожаръ, разлившійся по всей Руси. Священникъ Василій утѣшаетъ того же Василька въ темницѣ и склоняетъ его къ прощенію враговъ.

Митрополитъ удерживаетъ Юрія Владиміровича не выдавать на руки Ярославу Галицкому несчастнаго Берладника: «грѣхъ ти есть, цѣловавши ему крестъ и державше въ темницѣ нужи и еще хощеши выдать на убійство.»

Въ отсутствіи князя управлялъ волостію митрополитъ или епископъ: такъ, подъ 1287 годомъ, читаемъ: «азъ немочи ради ѣду въ Любомль и се мене мѣсто пискупъ Маркъ.» Говорилъ Владиміръ Васильковичъ.

Митрополитъ Климъ въ княженіе Изяслава Мстиславича переѣхалъ на жительство во Владиміръ: «Изяславъ же обратився съ женою и дѣтьми поѣха Володимерю, поя съ собою митрополита Клима.»

Извѣстно также, что и Климентъ митрополитъ, изгнанный изъ Кіева, жилъ во Владимірѣ волын., гдѣ и написалъ покаянный канонъ и молитвы.

При Даніилѣ въ Галичѣ жилъ митрополитъ Кириллъ и былъ князю во всемъ большею помощею: «Даніилъ же затвори

---

[1]) П. С. Р. Л., Т. II, стр. 145. [2]) Тамъ же, стр. 146. [3]) Тамъ же.

Холмъ ѣха къ брату Васильку, пойма съ собою Курилла митрополита. Куриллъ же митрополитъ посланъ бысть Даниломъ и Василькомъ на поставленіе митрополіи русской. «Тотъ же митрополитъ, заботясь о благѣ Россіи, говоритъ князьямъ: «иноплеменники отъяли отчину вашу: се лѣпо бо вы потрудитись» [1]).

Древняя Русь въ духовномъ отношеніи составляла шестидесятую епархію Греціи; митрополиты большею частію присылаемы были отъ патріарха константинопольскаго, которые поставляли на Руси епископовъ. Епископы избирались князьями и народомъ: такъ писалъ владимірскій епископъ Симеонъ къ печерскому архимандриту Поликарпу: «Пишетъ ко мнѣ княжна Ростиславлева Верхуслава, хощетъ она поставить тебѣ епископомъ и обѣщаетъ, если понадобится для того, роздать и 1000 гривенъ серебра не пожалѣетъ» [2]).

Епископы рукополагали священниковъ, которые могли быть изъ всѣхъ состояній. Патріархъ константинопольскій въ 1228 году писалъ къ митрополиту Кириллу слѣдующее: «Узналъ я, что нѣкоторые въ русской странѣ покупаютъ людей, выучивши ихъ грамотѣ и церковнымъ уставамъ, приводятъ къ епископамъ для поставленія въ духовный санъ, не освободивъ предварительно отъ рабства: Я требую, что бы этого впредь не было» [3]).

Судъ надъ духовными лицами принадлежалъ князю обще съ духовными чинами.

Лица, подлежавшія вѣдѣнію епископовъ, освобождались отъ государственныхъ повинностей и отъ суда намѣстничьяго и тіунскаго: «Городскіе не судятъ владычнихъ десятскихъ и ихъ людей.»

Для содержанія своего духовные имѣли слѣдующіе источники:

а) Владиміръ св. вмѣнилъ въ обязанность каждому князю давать десятину отъ имущества своего главной церкви въ волости;

б) Такому благому наставленію, безъ всякаго сомнѣнія,

---

[1]) П. С. Р. Л., Т. II, стр. 138. [2]) Ист. Сол., ч. III, стр. [3]) Тамъ же.

слѣдовали прочіе міряне, охотно удѣляющіе на приходскія церкви десятую часть со всѣхъ пріобрѣтеній своихъ;

в) Высшія духовныя лица получали содержаніе съ недвижимыхъ имѣній, съ судныхъ и ставленныхъ грамотъ и пошлинъ и т. д.

Князья дарили недвижимыя имѣнія на церкви и монастыри:

«Ярополкъ Изяславичъ владимірскій, ревнующе св. Богородицы и св. Ѳеодосію, вда всю свою жизнь Небльскую волость и Деревскую и Лучскую въ печерскій монастырь;»

«Княгиня его по своемъ животѣ вда пять селъ съ челядью, 600 гривенъ сер. 50 гривенъ золота въ тотъ же монастырь;»

Отецъ этой княгини, Борисъ подарилъ въ печерскій монастырь 600 гривенъ сереб.;

Жена Владиміра св. Рогнѣда по животѣ своемъ дала въ тотъ же монастырь село Бутычевъ;

Владиміръ Васильковичъ купилъ у Давидовича Ѳедорка село Березовичи и далъ апостоламъ.

Въ 1242 году епископы перемышльскій и галицкій замѣшаны были въ возстаніи народа противъ законныхъ князей своихъ; въ слѣдствіе этого воевода Даниловъ Андрей «Удоси епископа и слуги его гордые разграби и тулы ихъ бобровіи и прилбици волчіи и борсуковіи раздрани быша.» Изъ этого обстоятельства заключать можно о выгодномъ содержаніи епископовъ и ихъ слугъ.

Училища и просвѣщеніе вообще.

Въ самомъ началѣ распространенія христіанства князья и пастыри церкви признали необходимымъ сѣять небесное сѣмя на почвѣ дѣтскаго сердца—впечатлительнаго, невиннаго, незанятаго дурными помыслами, стремленіями и навыками. Въ Кіевѣ и Новгородѣ Владиміръ и Ярославъ собираютъ дѣтей отъ избраннѣйшихъ бояръ, велятъ учить ихъ грамотѣ и догматамъ христіанской вѣры. «Къ симъ же и датися веля», говоритъ Ѳеодосій печерскій, «на ученіе Божественныхъ книгъ единому отъ учителей» [1]). «Владиміръ распахалъ и умягчилъ сердца

[1]) Обоз. Рус. Дух. Лит., Т. I, стр. 10

людей,» говоритъ митрополитъ Иларіонъ, «просвѣтивши ихъ крещеніемъ, а Ярославъ засѣялъ ихъ книжными словесы: и мы теперь пожинаемъ плоды книжнаго ученія» [1]). И Несторъ говоритъ такъ объ этомъ: «Книгами бо кажими и учими есмы пути покаянія и мудрость обрѣтаемъ и воздержаніе отъ словесъ книжныхъ; се бо суть рѣки, напаяюще вселенную; книгамъ бо есть ничѣтная глубина; сими бо въ печали утѣшены есмы; сіи суть воздержанія, мудрость бо велика есть» [2]).

На монастыри возложена была забота объ ученіи и приготовленіи учебныхъ книгъ: «Многажде», говоритъ Ѳеодосій печер., «Великому Никону сѣдящу и дѣлающу книги и нити прядущу, яже на потребу книжному дѣлу» [3]).

Черноризецъ «Ларіонъ былъ хитръ писати и по вся дни и ночи писаша книги» [4]).

Святоша князь луцкій покупалъ дорогою цѣною книги, которыя и подарилъ въ печерскій монастырь. По его настоянію инокъ Ѳеодосій перевелъ на славянскій языкъ Посланіе къ Флавію Льва папы римскаго [5]).

Ярославъ Владиміровичъ галицкій, отлично знавшій нѣсколько иностранныхъ языковъ, понуждалъ духовныхъ лицъ учить повсемѣстно народъ, опредѣлялъ монаховъ учителями и монастырскіе доходы обращалъ на содержаніе училищъ [6]).

«Владиміръ Васильковичъ, разумѣя притчи и темно слово, зане бысть книжникъ великій и философъ» [7]).

Доказательствомъ распространенія книжнаго ученія на Волыни могутъ служить слѣдующія слова одного писателя XII вѣка: «Если воители міра сего и люди, занятые житейскими работами, обнаруживаютъ сильную охоту къ ученію: то сколько болѣе потребно намъ учиться и всѣмъ сердцемъ искать свѣдѣнія въ Словѣ Божіемъ, писанномъ о спасеніи душъ нашихъ» [8]).

Если Романъ Ростиславичъ смоленскій въ XI вѣкѣ ввелъ въ смоленскомъ училищѣ преподаваніе языковъ греческаго и латинскаго, то не подлежитъ сомнѣнію, что тѣхъ же языкамъ учили и на Волыни, гдѣ знаніе ихъ было болѣе необходимо;

---

[1]), [2]), [3]). Обоз. Рус. Дух. Лит., Т. I, стр. 13, 15 и 33. [4]) Ист. Сол., ч. III, стр. 186. [5]), [6]), [7]), [8]) Тамъ же, стр. 283, 370, 283 и 284.

въ заключеніи этомъ утверждаетъ насъ составитель волынской лѣтописи, который, по собственному признанію, зналъ Гомера.

Многіе силятся доказать, что въ первоначальныхъ училищахъ нашихъ приготовлялись только лица, поступавшія въ духовное званіе и чины; но мнѣніе это противорѣчитъ словамъ лѣтописи: «и велѣ собирати дѣтей отъ именитыхъ бояръ,» которые не поступали же въ духовное званіе. Притомъ, извѣстно, что были женскія училища, какъ напр: въ Кіевѣ на горахъ и въ Полоцкѣ; то неужели и тамъ приготовлялись дѣвицы для той же цѣли?

Что на Волыни были училища—это можемъ видѣть изъ словъ священника Василія, который говоритъ: «въ 1097 году случилось мнѣ быть въ Владимірѣ поставленія ради учителей.»

Литературные памятники Волыни, принадлежащіе описываемому мною времени, слѣдующіе:

1) Кирилла епископа туровскаго:

а) 10 Словъ по 10 Господскихъ праздниковъ,
б) Посланіе къ игумену Василію.
} Приб. къ III отд. 1851 года.

в) Покаянный канонъ—изд. Акад. Т. V. 1586 г.

г) Молитвы—Прав. Собесѣд. Казань 1857 г.

2) Священника Василія:

Повѣствованіе объ ослѣпленіи Василька Ростиславича и о послѣдствіяхъ онаго. Приб. къ Нестор. Лѣт—стр. 109.—116.

3) Неизвѣстнаго:

Слово о полку Игоревѣ, писанное на западномъ берегу Днѣпра.

4) Митрополита Климента, по изгнаніи изъ Кіева жившаго во Владимерѣ Вол,

Канонъ—Обоз. Рус. Дух. Лит. Т. 1-й, стр. 47.

5 Неизвѣстнаго:

Лѣтопись волынская, писанная въ княженіе Мстислава луцкаго.

6) Владиміра Васильковича князя влад.:

Двѣ грамоты, писанныя писаремъ Ѳедоркомъ.

7) Мстислава Васильк. луцкаго:

Грамота. Соб. Госуд. грам. и договоровъ.

8) Неизвѣстнаго:

Евангеліе галицкое—въ Синод. библіот.

9) Епископа галицкаго Петра:

Извѣстіе о нашествіи татаръ на Русь, переданное уже Матѳеемъ парижскимъ. Об. Рус. Дух. Лит. Т. I, стр. 27.

10) Владиміра и Мстиглава Васильковичей:

Грамоты луцкимъ монастырямъ пречистенскому и васильевскому, подтвержденныя Свидригайломъ. Кіевлянинъ.

11) Петра митрополита москов.:

а) Окружное посланіе къ духовенству; } Въ сборникѣ Великолешкаго Леонида № 282.
б) Поученіе предъ великимъ постомъ. }

12) Неизвѣстнаго:

Сказаніе о смерти Батыя. Ист. Сол., ч. IV, стр. 392.

13) По свидѣтельству волынской лѣтописи Мстиславъ положилъ два великіе Сборники Владиміровы въ гакичскомъ и каменецкомъ монастыряхъ. Волын. лѣт. 218 стр.

Изъ такъ ограниченнаго числа литературныхъ памятниковъ мы не можемъ имѣть выгоднаго понятія о благосостояніи училищъ въ описываемое время; но въ защиту этого мы можемъ сказать слѣдущее:

а) Многіе литературные памятники погибли отъ времени, пожаровъ и другихъ причинъ; многіе истреблены татарами и недоброжелателями православія и Россіи, наконецъ многіе, можетъ быть, хранятся въ библіотекахъ, недоступныхъ для насъ— напр: Сангушки—послѣ князей Острожскихъ, Плятера—послѣ Вишневецкихъ и т. д.

б) Училища были въ младенчествѣ, направленіе въ нихъ было одностороннее, принаровленное къ пользамъ религіи, чего требовалъ самый духъ народа, хотѣвшій имѣть въ основаніи всѣхъ пріобрѣтаемыхъ знаній—эту высшую силу;

в) Польза тогдашнихъ училищъ составляла достояніе будущихъ—послѣдующихъ временъ, и знанія, пріобрѣтенныя въ этой колыбели, выражались болѣе въ примѣненіи ихъ къ жизни, чѣмъ въ литературѣ.

Батый съ полумилліономъ войска, закаленнаго въ бояхъ и упоеннаго повсѣмѣстными побѣдами, не можетъ взять приступомъ двухъ городовъ Волыни: Кременца и Колодежна, которые, конечно, защищаемы были не силою, а искусствомъ.

Романъ великій и сыновья его покоряютъ ятвяговъ и ли-

товцевъ; одерживаютъ побѣды надъ венграми, поляками и чехами; подчиняютъ себѣ кіевскій столъ и возводятъ галицкое княжество на степень королевства,—и все это не силою, а знаніемъ воинскаго дѣла и искусствомъ.

Художники родомъ русскіе, ученики только греческіе, по приказанію князей, строятъ и украшаютъ города, какихъ, по свидѣтельству венгерскаго короля, не было во всей нѣмецкой землѣ; строятъ величественные и великолѣпные храмы и дворцы и за успѣхъ свой, изумлявшій нашихъ предковъ, получаютъ названіе хитрецовъ—напр: Авдѣй и Олекса.

Толпами приходятъ и поселяются на Волыни армяне, нѣмцы, татары, жиды и свои соотечественники, новгородцы и суражцы; при этомъ умножается число удѣловъ въ этой странѣ,—а это много говоритъ въ пользу благосостоянія края, въ пользу просвѣщенія и науки—единственныхъ виновниковъ онаго.

Наконецъ, лѣтопись разсказываетъ намъ о двухъ галицкихъ мудрецахъ: Тимофеѣ и Иліи Щипановскомъ, разсказываетъ о славномъ пѣвцѣ Матусѣ—все это убѣждаетъ насъ вѣрить, что на Волыни, въ такъ отдаленное отъ насъ время, если не было много лучшаго, то не было и хуже настоящаго. Но скажутъ: чему могли научить первоначальные вѣроучители наши, когда они и сами, будучи питомцами устарѣлой и дряхлѣвшей Византіи, ни о чемъ не имѣли понятія? Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ, мы въ свою очередь можемъ спросить: Да у кого же болѣе знаній, опытности, какъ не у тѣхъ, кто долѣе пожилъ и испыталъ? Да притомъ, чѣмъ же лучше нашихъ были и западные вѣроучители? Послѣ того, какъ папа Григорій св. велѣлъ сжечь библіотеку Palatinum, и съ нею вмѣстѣ и прочія книги, сохранявшіяся въ библіотекахъ монастырскихъ и училищныхъ, Кассіодоръ вынужденъ былъ всѣ роды и отрасли наукъ совмѣстить въ своей книгѣ подъ заглавіемъ: «De artibus et disciplinis liberalium litterarum.» Книга эта въ семи частяхъ преподавалась въ trivium и quadrivium и заключала въ себѣ всѣ вѣковыя пріобрѣтенія человѣческаго ума. Исидоръ испанскій епископъ, намѣреваясь сколько-нибудь расширить кругъ преподаваемыхъ предметовъ, издалъ: «Origenis libri viginti и Artes doctrinae liberalis—вотъ и все, что могло научить послѣдователей и вѣроучителей Запада. Что же они и вынесть

могли изъ этого слишкомъ тѣснаго круга—вопросовъ очень много, а отвѣтовъ слишкомъ мало!

Ереси. Латинство.

Къ числу причинъ, замѣдлявшихъ ходъ просвѣщенія и благоденствія Волыни до гедиминовскихъ временъ, относятся ереси и латинство.

1) **Ереси**.—Сказано уже было много, что первоначальные предки наши приняли христіанскую вѣру болѣе въ буквѣ и формѣ, чѣмъ въ сущности ея; буква же и форма не могли совершенно подавить язычества и по необходимости породили только борьбу началъ новой и прежней вѣры, кончившуюся порожденіемъ суевѣрій, предразсудковъ и ересей, или же отступничествомъ—едва ли не большимъ еще зломъ въ христіанскомъ мірѣ.

Монахъ Адріянъ въ 1004 году распространялъ ересь павликіанъ или богомиловъ; но, заключенный въ прорубъ, онъ отказался отъ своего ученія. Черезъ 119 лѣтъ возобновилъ ученіе это нѣкто (Друж) Дмитро, сосланный по суду въ заточеніе.

Въ 1149 году явился въ Кіевѣ костантинопольскій житель Мартинъ, который распространялъ ересь свою въ книгѣ подъ заглавіемъ «Правда» Семь лѣтъ еретикъ этотъ ходилъ по Руси и многихъ уже привлекъ къ ученію своему, но въ 1157 году соборъ осудилъ его, отослалъ къ патріарху, гдѣ онъ и былъ сожженъ.

Около того же времени явилась секта бичовниковъ, встревожившихъ фантастическимъ ученіемъ своимъ весь христіанскій міръ. Остатки секты этой суть наши хлестовщики или хлестуны, которыхъ и теперь такое множество на Кавказѣ. Въ 1126 году или въ 1162 году епископъ суздальскій Леонъ требовалъ, чтобы міряне не ѣли мяса въ господскіе праздники, случавшіеся по пятницамъ и средамъ. Поликарпъ игуменъ печерскій требовалъ, чтобы даже монахи ѣли сыръ, масло, яица и молоко въ господскіе праздники, въ какіе бы дни они ни приходились Возникшіе по этому случаю споры, несоласія не могли быть даже окончены и соборомъ, созваннымъ Мстиславомъ Изяславичемъ. Споръ длился съ ожесточеніемъ и между послѣдователями той и другой стороны пало не мало жертвъ

изъ свѣтскихъ и духовныхъ лицъ, волею или неволею вмѣшавшихся въ эту борьбу.

2) **Латинство.**—Не подлежитъ уже болѣе сомнѣнію, что всѣ безъ исключенія славяне: моравцы, богемцы, поляки, чехи приняли въ началѣ распространенія христіанства православіе. Германскіе императоры, получивъ титулъ римскихъ, приняли на себя обязанность распространенія латинства и между славянами.

Успѣхи ихъ съ Венгріею, Чехіею и Польшею дали имъ смѣлость распространить свои виды чрезъ посредство этихъ прозелитовъ и на Россію. И вотъ родственная связь Святополка туровскаго даетъ мысль Болеславу породить въ Руси смуты, которыя бы полезны были въ политическомъ и религіозномъ отношеніи. Съ дочерью Болеслава прибылъ въ Туровъ и епископъ Рейнебергъ, какъ орудіе для достиженія замысловъ Болеслава. Дѣло было начато удачно; но Владиміръ, узнавши объ этомъ, заключилъ съ епископомъ и виновныхъ въ тюрьму и прекратилъ злой умыселъ этотъ въ самомъ его началѣ. По этому поводу возникла война, стоившая не мало жертвъ для обѣихъ воевавшихъ сторонъ. Ярославъ Святополковичъ, княжившій въ Галичѣ, скрывалъ отъ народа отступничество свое и переносилъ ляхамъ обо всемъ, что только ни дѣлалъ на Руси Ярополкъ, и галичане выгнали его за то изъ волости. Ярославъ явился съ ляхами подъ стѣнами Галича, но былъ на голову разбитъ—въ 1138 году [1]).

Одновременно съ этимъ, миссіонеръ Бруно склонилъ многихъ руссовъ къ принятію латинства, но рѣшительность Владиміра возвратила заблудшихъ на правый путь.

Католики упрекаютъ руссовъ, будто сами они отправили пословъ къ императору Оттону III и просили у него епископа и священниковъ латинскихъ; но слѣдующія слова объясняютъ намъ обстоятельство это: «ficte, ut post claruit, ad regem venientes Episcopum et presbiteros genti Rugorum petebant.»

Дѣйствія папъ къ распространенію латинства на Руси были слѣдующія.

а) 1230 папа Григорій IX пишетъ къ архидіакону и схоластику краковскому, чтобы онъ не дозволялъ браковъ рус—

---

[1]) Monumenta Russiae Historica, T. I.

скихъ съ католиками: «Non pati volumus, nec debemus, quod fideles perditis matremoniali copula conjungantur, eo quod lucis ad tenebras conventio non existat, nec deceat membra Salvatoris Christi membris satanae perditi sociari, aut picem cum balsamo commisceri?» Мы не хотимъ и не должны терпѣть, чтобы вѣрные съ невѣрными брачнымъ союзомъ сочитались; ибо совмѣстимъ ли свѣтъ со тьмою, и можно ли соединять члены Христовы съ членами погибшаго сатаны, или же соединять бальзамъ съ смолою?

б) Того же папы къ епископамъ польскимъ 1232 года о перенесеніи архіепископскаго стола изъ Галича во Львовъ: «Dux Laudislaus Opuliensis nobis humiliter suplicavit, ut sedem Archiepiscopalem in urbem Lembergensem transferremus, qui principalis et insignior est terrae Russiae, muris clausus et aliter bene munitus et populo plenus. Князь Владиславъ Опальскій, униженно проситъ насъ о перенесеніи стола архіепископскаго изъ Галича во Львовъ—главный городъ русской земли, который обведенъ каменною стѣною и укрѣпленъ и полонъ живущаго въ немъ народа.

в) Папа Иннокентій въ 1247 году благословляетъ Даніила галицкаго на успѣхъ въ отыскиваемыхъ имъ волостяхъ и земляхъ: «Vestris justis precibus inclinati, recuperandi possessiones, terras et alia bona, ad vos hereditaria, quae alii Reges, qui in devotione Eclesiae non permanent, contra justicium detinent, liberam vobis concedimus auctoritate predicte facultatem.» Склоняясь на справедливыя просьбы ваши, я своею властію разрѣшаю вамъ отыскивать волости, земли и другія по наслѣдству принадлежащія вамъ владѣнія, которыми неправильно владѣютъ другіе цари, непринадлежащіе къ нашей церкви.

4) Того же папы къ Даніилу 1247 года:

«Carissime in Christo fili! tuis suplicationibus inclinati, Episcopis et aliis presbiteris in Russia ut liceat eis, more suo, ex frumentato conficere et alios eorum ritus, qui fidei catolicae, quam Eclesia Romana tenet, non obviant, observare, auctoritate presentium indulgemus.»

Любезнѣйшій о Христѣ сынъ! Склоняясь на просьбы твои, я дозволяю, чтобы епископы и священники русскіе, по своему обычаю, служили на заквашенномъ хлѣбѣ и сохраняли другіе

обряды, не противорѣчащіе католической вѣрѣ, которую держитъ римская церковь.

5) Тотъ же папа къ архіепископу Руси и Ливоніи 1247 года.

Sicut omnes, quos extra archam invenit diluvium, feriunt, ita omnes, qui sunt extra comunionem ecclesiae, nisi conversi ad ejus unitatem redierint, in eternae damnationis suplicium deportantur. Hac siquidem consideratione inductus Clarissimus in Christo filius noster Daniel, rex Russiae illustris, cujus mentem dominus, qui non vult mortem pecatoris, sed ut convertatur et vivat, sua misericordia illustravit,—per litteras speciales et nuncios quos propter hoc transmisit nuper ad nostram presentiam cum humilitate et instantia et postulavit a nobis, ut ipsum et totum gentem et regnum ejus hactenus a fidei unione precisos, ad unitatem eclesiasticam et dovotionem Eclesiae Romanae, quae aliarum omnium caput est, recipere de benignitate curaremus. Quocirca monemus, quatenus personaliter ad partes illas accedens, si prefectus rex, in tam sancto proposito perseveraris, tam ipse, quam archiepiscopi, episcopi et alii magnates regni sui schismate quolibet ponitus adjurato, promiserint et jurauerint, eos auctoritate nostra reconsilies, idque per loca et regna, in quibus expedire videris, publicas et facius etiam publicari.

Какъ погибли тѣ, которые были не въ ковчегѣ во время потопа, такъ погибнутъ и тѣ, которые остаются внѣ единой церкви, если они не возвратятся къ оной Руководимый непреложною этою истиною любезнѣйшій о Христѣ сынъ нашъ Даніилъ, король русскій, котораго умъ просвѣтилъ Господь, не хотящій смерти грѣшника, но еже обратитися и живу быти, письмомъ, присланнымъ къ намъ черезъ пословъ, смиренно и неотступно проситъ, чтобы его самаго и весь народъ русскій, отступившій отъ единства, принять въ единство вѣры и въ послушаніе церкви римской, которая есть мать общая всѣхъ церквей. Поелику это касается лично вѣденія вашего, то я васъ прошу, если упомянутый царь, пребывающій въ такъ благомъ намѣреніи, архіепископы, епископы и вельможи его, отчуждавшись совершенно схизмы, присоединятся къ церкви римской и принесутъ присягу въ томъ, то ты, властію нашею ихъ возсоединивъ, сдѣлай обстоятельство это извѣстнымъ въ тѣхъ мѣстахъ и царствахъ, гдѣ признаешь нужнымъ.

6) Того же папы къ Даніилу и брату его Васильку 1247 году.

Etsi proponamus illustrium ac nobilium et aliorum Eclesiae devotorum personas, quantum cum Deo possumus honorare, vos tamen, quos Deus per misericordiam suam ad unitatem eclesiae revocavit, tantum propensiori volumus, prosequi prerogativa fauoris et gratiae specialis, quanto in revocatione vestra ad devotionem Eclesiae non hominis sed divinae potentiae munus dinoscitur operata. Ea propter Carissimi in Christo filii, vestris precibus inclinati, personas vestras et regna, familias, possessiones et alia omnia bona vestra, tam mobilia, quam immobilia, qua in presentiarium rationabiliter possidetis, aut in futurum justis modis, prestante Domino, poteritis adipisci, sub Beati Petro et nostra protectione suscipimus et Ea vobis vestrisque heredibus, in eclesiastica devotione persistentibus, auctoritate apostolica confirmamus.

Если мы считаемъ обязанностію, сколько можемъ о Господѣ, уважать знатныя и благородныя и другія лица, пребывающія въ послушаніи нашей церкви; то васъ, которыхъ Богъ по милосердію своему призвалъ къ единству церкви, желаемъ почтить столько, сколько съ вашей стороны будетъ рвенія къ соединенію съ церковію нашею; ибо въ этомъ мы видимъ даръ, ниспосылаемый Богомъ, а не людьми. Поэтому, любезнѣйшіе о Христѣ сыны, склонясь на просьбы ваши, мы будемъ подъ покровительствомъ святаго Петра и нашимъ особы ваши и царства, фамиліи, волости и всякое имѣніе ваше, какъ движимое, такъ и недвижимое, которыми вы дѣйствительно владѣете и которымъ въ будущемъ времени при помощи Божіей владѣть будете.

7) Того же папы къ князю владимірскому Васильку 1247 года.

Etsi conjunctio copulae conjugatis in tertio et quarto consanguinitatis vet affinitatis linei sacris canonibus interdicta; provide tamen super his interdum Romana dispensat ecclesia, maxime, cum urget necessitas vel evidens utilitas id exposcit.

Cum igitur, Carissime in Christo fili, Dubroviae reginae ukori tuae, cui tu in tertio consanguinitatis gradu attines, matremonialiter sis conjunctus, nos atendentes devotionem, quam habes ad Romanam ecclesiam, quodque in ea munere disideres inducere alios

ad eandem; auctoritate predicta dispensamus, ut in hujus—modi matrimonio, non obstanta impedimento predicto, remanere liber valeas.

Хотя по уставу каноническому воспрещается благословеніе браковъ въ третьей и четвертой степени свойства и родства, однако иногда римская церковь въ видахъ необходимости и очевидной пользы, разрѣшаетъ таковой бракъ.

Ты, любезнѣйшій о Христѣ сынъ, вступилъ въ брачный союзъ съ Дубровкою, состоящею въ третьей степени съ тобою родства; но принимая во вниманіе ревность, которую питаешь ты къ Римской церкви и къ которой склоняешь другихъ, я разрѣшаю своею властію, чтобы, не примѣняя къ себѣ сказанныхъ препятствій, свободно могъ оставаться въ заключенномъ союзѣ. Такого же рода письмо послано и къ самой Дубровкѣ.

8) Папа Александръ къ Данилу 1257 года.

Tu olim cupiens de infedelitatis tenebris, quae postquam renatus fuisti fonte baptismatis, oculis tuae mentis involvebant et ad lumen Catholicae fidei (sine qua nemo solvetur) et ad obedientiam Eclesiae Romanae, non sine divina inspiratione redire juramento prestiti promisisti, Eclesiae predictaę tamquam fidelis Ejus filius obedire, ac fidem Catholicam, sicut alii órtodoxi mundi principes, observare. Propter quod Eclesia eadem volens te in sui devotione congruis firmare, favoribus et condignis gratiis confovere, personam tuam ad regalis dignitatis apicem sublimavit, faciendo te inungi sacri crismatis oleo, tuoque imponi capite regum diadema. Sed tu, sicut ad audientiam nostram non sine cordis turbatione pervenit, tam spiritualium, quam temporalium beneficiorum ipsius Eclesiae immemor, tantae-que gratiae prorsus ingratus, prestiti juramenti Religione contempta, id quod circa obedientiam Ejusdem Eclesiae ac observationem fidei promisisse dinosceris, post modum non curasti in animae tuae periculum ipsius injuriam fidei Eclesiae contemptum et oprobrium Jesu Christi. Super quo tanto vehementius contristamur, quanto faventius super omnia cordis nostris desiderabilia cupimus, ut cultum Ejusdem fidei per orbem longius, latiusque difusus continuum, auctore Domino, suscipiat incrementum. Volentes igitur apostolicis apud te super huc insistere munitis, et ad veritatem, quae Christus est, paternis te persuasionibus revocare, ac sperantes, quod te graviter contra Deum et

Ejus Eclesiae diliquisse consederans, condigne poeniteas, et erro-rem tuum corrigere studeas per te ipsum. Magnitudinem tuam monendam duximus atentius et hortandam, quatenus ad tuam memoriam revocans: quanto studio quantaqua solicitudine circa exaltacionem tuam Sedes Apostolica laboravit? Consideramus etiam, quod non Eclesiam, sed te ipsum decipis, tuum in hac parte promissum damnabiliter non servando perditionis viam, qua graderis, non disferas abjurare, et id, quod de ipsius observatione fidei et predictae Eclesiae obedientia juramento prestito promisisti inviolabiliter observare, procures. Jd quod nos tuorum laudabilium operum percepto odore, multa exinde perfisi lęticia dulcia ipsius Eclesiae ubera, qui copiose dudum in multarum beneficiorum perceptione suxisti, tibi tuis exigentibus meritis perrigamus, Alioquin venerabilibus fratribus nostris Olmicensi et Wratislaviensi Episcopis litteris nostris injungimus, ut te ad id per censuram celesiasticam appellatum remotu compellant. Non obstantibus aliquibus litteris Apostolicis cujuscunque generis, per quas effectus presentium impediri valeat vel differri et constitutione de duabus dictis edita in consilio generali. Laterani Jdibus Februaris.

Ты, желавшій нѣкогда выйти изъ мрака невѣрія купелью святаго крещенія, просвѣтить свой умъ свѣтомъ католической вѣры и подчиниться римской церкви—безъ чего не можетъ быть спасеніе, дѣлалъ все это не безъ божескаго вдохновенія и по той же самой благодати ты обѣщалъ пребыватъ вѣрнымъ сыномъ католической вѣры, такъ, какъ и всѣ прочіе вселенскіе князья сего міра. И церковь съ своей стороны, желая содѣлать тебя причастникомъ своея славы, утвердить въ вѣрѣ милостями и щедротами, возвела тебя на царскій престолъ, излила на главу твою священный елей и возложила царскую діадему. Но ты, какъ дошло до свѣдѣнія моего,—не безъ сердечнаго горя—забылъ всѣ духовныя и временныя благодѣянія этой церкви, остался неблагодарнымъ за всѣ ея милости, нарушилъ присягу, презрѣлъ религію ту, въ повиновеніи которой оставаться ты далъ обѣтъ; но о сохраненіи этого ты не заботился въ погибель души твоей, въ поруганіе Церкви и въ униженіе Іисуса Христа. И тѣмъ больнѣе для сердца нашего, чѣмъ большія были стремленія его, дабы Церковь Христова, при помощи Божіей, какъ можно дальше распространялась и какъ можно большее получила приращеніе. Желая апостольскими увѣщаніями вразу-

мить тебя въ твоемъ поступкѣ и возвать къ тебѣ отеческими увѣщаніями, надѣемся, что ты самъ, сознавъ вину свою противъ Бога и Его церкви, пожалѣешь о томъ и позаботишься объ исправленіи. Ссылаемся на великодушіе и память твою о томъ, какіе труды, какое стараніе употреблялъ апостольскій престолъ для возвеличенія твоего? Мы даже думаемъ, что ты отрѣшился не отъ Церкви, а отъ самаго себя, а потому и отъ обѣта, и что ты, для сохраненія себя отъ погибели, не станешь отказываться отъ присяги, въ постоянномъ повиновеніи римской церкви. И если мы услышимъ объ оправданіи нашихъ ожиданій и надеждъ, то по справедливымъ заслугамъ твоимъ, далеко болѣе и щедрѣе будешь вознагражденъ дарами церкви, которыми ты по милосердію до сего времени былъ надѣляемъ. Въ противномъ же случаѣ, я писалъ къ почтеннымъ братіямъ нашимъ епископамъ ольмюцкому и вротиславскому, чтобы они безъ апелляціонно предали тебя церковному суду, не стѣсняясь какими-бы то нибыло апостольскими письмами, которыми исполненіе приговора можетъ быть затрудненно и двумя постановленіями, изданными по сему предмету въ главномъ совѣтѣ.

Въ предписаніяхъ епископамъ папа велѣлъ силою и оружіемъ вѣрныхъ приневолить Даніила къ католичеству римскому.

9. Архіепископу Гнѣздненскому папа Григорій IX 1232 г.

Duces Poloniae non contenti, quod pro exercendi mutuo gerrarum disrimine, de quo damna rerum, strages corporum et pericula proveniunt animarum, utuntur potentia brachia Christiani, verum etiam in eorum sucursum Seracinos, Rutenos et alios Catholicae fidei inimicos advocant, per quos, ut dolentes accepimus preter multa, quae presumunt enormia, velut quiviam Domini non agnoscunt, et Eclesiae diruunt et horribilius, quam deceat exprimi, tractare sacratissimum corpus Domini non verentur. Mandamus, quatenus memoratos duces ad paciset concordiae gratiam reducere satagentes, eos piis monitis et sedulis exhortacionibus ad hoc efficaciter inducatis, quod in Ejusmodi gerris suis perfidarum nationum subsidia exposcere non presumant, presertim, cum ex illarum perfidia sinceritas fidelium maculetur et consurgant inde multa dispendia—Domino et hominibus multipliciter inimica.

Quod si monitis vestris acquiescere forte noluerint, eos ad hujusmodi presumptione desistere per censuram ecclesiasticam, appellatione remota, cogatis. Anagniae Kalendas Martii.

Польскіе князья, не довольствуясь тѣмъ, что, ведя постоянныя войны между собою, уничтожаютъ свое имущество, истребляютъ людей и души свои обрекаютъ погибели; но еще въ помощь себѣ не только призываютъ христіанъ, но даже сарациновъ, русскихъ и другихъ враговъ католической церкви, которые, какъ мы съ болью сердца услышали о томъ, кромѣ многихъ ужасовъ, совершаемыхъ ими, по невнанію пути Господа, разоряютъ, и что еще ужаснѣе, оскорбляютъ святѣйшее тѣло Христово.

Почему повелѣваемъ употребить всевозможное стараніе, чтобы водворить между ними согласіе и миръ;—и склоняйте ихъ къ тому благими совѣтами и постоянными увѣщаніями, дабы они не призывали въ помощь себѣ невѣрныхъ, потому что отъ невѣрности ихъ и самая искренность вѣрныхъ охладѣваетъ и возникаютъ многія дѣла, Богу и людямъ противныя. Если же они не послушаютъ совѣтовъ вашихъ, то вы въ правѣ удержать ихъ отъ этого церковнымъ судомъ, которому и предать можете ихъ безъ всякой со стороны ихъ аппелляціи.

10 Того же—папы къ пріору доминиканскому и братьямъ—1232 года.

Mandamus, omnibus, qui ad solennem praedicationem vestram accesserunt, quando fueritis in Russia de omnipotentis Dei misericordia de Beaterum Pauli et Petri Apostolorum confisi, quadraginta dies ibis poenitentia relaxamus, auctoritate vobis pr. sentium concedentes ut pauperibus. debilibus et infirmis in partibus Russiae constitutis, qui pro incendiis et violentia manuum injunctione in clericos vel alias rliegiosas personas in canonem inciderint, sententiae promulgatae nequentis, sedem apostolicam personaliter laborare; dummodo passis damna et injurias satisfecerint, competenter absolutionis impendalis, nisi forte ipsorum adeo difficilis et enormis excessus, quód propter hoc merito ad sedem Apostolicam sunt mitendi. Anagniae Jdibus Martii.

Повелѣваемъ: всѣмъ тѣмъ, кто приступитъ къ торжественному проповѣдыванію вашему, когда вы будете въ Россіи, по милосердію всемогущаго Бога и блаженныхъ апостоловъ Петра и Павла, мы опредѣляемъ только сорокъ дней покаянія, какъ бѣднымъ, слабымъ, немощнымъ и т. д.

11. Ulrico et fratribus suis eorumque concivibus Gordius IX 1234 an.—in Kief.

Sacrosancta Romana Ecclesia devotos ac humiles ex asveto

pictatio officio propensius deligere consuevit et eos, tanquam pia mater, suae protectionis munimine conforvere. Cum igitur, sicut acupimus, zelo fidei acecnsi vos murum deftensionis opponatis in partibus Russiae pro cultibus Divini Nominis ampliando et occasione hujusmodi a persecutoribus fidei Christianae sepius molestatis; nam vobis assiduas ponunt incidias: Nos justis vestribus inclinati personas vestras cum familiis et bonis vestris, qnae in presentiarum rationabiliter possidentis, in futurum usque communimus. Nulli igitur omnium hominum liceat hanc paginam nostrae concessionis inpringere vel ei ausu temerario extruere. Si vero quis hoc adememptare presumpserit, indignationem Dei et Beati Pauli et Petri apostolorum Ejus si noverit incursurum. Gaetae—Kalendas Julii.

Святѣйшая римская церкокь, по благочестивому обыкновенію своему, какъ благочестивая и сердобольная мать, беретъ подъ покровительство свое сыновъ и покорившихся ей. Поелику же мы узнали, что вы, руководимые ревностію вѣры и не поколебимымъ постоянствомъ въ распространеніи имени Божія, стали много терпѣть отъ преслѣдователей вѣры Христовой, ставящихъ вамъ сѣти на каждомъ шагу, терпите лишенія и обиды притомъ; то мы, уважая просьбу вашу, беремъ васъ, съ вашими семействами и имуществомъ, какъ настоящимъ, такъ и будущимъ, подъ особенное покровительство свое. Никто изъ людей да не осмѣлится письмо это безбоязненно уничтожить или измѣнить; въ противномъ случаѣ да постигнетъ его судъ Божій и неблагословеніе апостоловъ Петра и Павла.

12. Decano Lodomiriensi et Sholastico—отъ того же папы 1234 г.

Cum delectum filium Ulricum, fratres eos et concives eorum latinos in Kief sub protectione suscipimus Beati Pauli et Petri et nostra, mandamus, quatenus non permitatis eosdem contra nostrae protectionis tenorem ab aliqnibus indebile molestari. Molestatores hujusmodi per censuras Ecclesiasticas cogantur. Gaetae Kalendas Julii.

Поелику мы любезнѣйшаго сына Ульриха, его братій и согражданъ латинянъ въ Кіевѣ приняли подъ покровительство св. апостолъ Петра и Павла и наше, то мы приказываемъ вамъ, дабы никто, въ нарушеніе важности покровительства нашего, не осмѣлился ихъ обижать. Обидчики же ихъ должны судиться церковнымъ судомъ.

Пр. а. Къ тому самому времени относится изгнаніе изъ Кіева братій римскаго закона маріавитовъ, проповѣдывавшихъ заблужденія греческой вѣры.

б., Съ 1232 по 1240 годъ,- по старанію архіепископа краковскаго Иво и королевы Гремиславы, было на Руси 8 монастырей доминиканскихъ,—въ чемъ согласны всѣ историки польскіе.

в., Въ лѣтописи подъ 1253 годомъ читаемъ: «Присла папа Никентій пискупа Бересскаго и Каменецкаго ко Данилу, река ему: пріими вѣнецъ королевскій! Никентій бо кляняше тѣхъ хулящихъ вѣру греческую православную и хотящу ему сборъ творити о соединеніи церкви.» Какое же послѣ этого двоедушіе у Иннокентія! Согласивъ письма Иннокентія съ словами лѣтописи, проявляется вся гнусность образа его дѣйствія. Видно, что латинство это сильно тревожило первоначальныхъ отцовъ нашей церкви, если встрѣчаемъ въ посланіяхъ и поученіяхъ ихъ предостереженія отъ козней ихъ и указанія на заблужденія ихъ. Такъ писали: Өеодосій печерскій, Георгій митрополитъ кіевскій и Іоаннъ митрополитъ. Этотъ послѣдній іерархъ писалъ и послалъ даже обличеніе въ заблужденіяхъ латинства къ папѣ римскому Виберту. [1]).

Стрыйковскій подъ 1205 годомъ говоритъ, что Романъ Великій до того былъ ожесточенъ латинниками, что грозилъ покорить всю Польшу и уничтожить имя латинства со всею письменностію и обрядами его; и, въ потвержденіе словъ своихъ, приводитъ слѣдующую пѣсню:

«Выбрали собе Галичане
Въ князя Коломана,
Но Русь того не хотѣла,
Чтобъ короля—латинника имѣла,
Чтобъ король и пански магнаты
Не стали вѣры Русской зневажати
За что Венгровъ и Поляковъ побыли
А другихъ въ плинъ захватыли
А тыхъ, что богатши были
За гроши зъ неволи пустыли
Ксендзовъ и Латынекъ ихъ служены

[1]) Обоз. рус. дух. лит., ч. I, стр. 13.

Выгнали зъ края, яко бѣсовъ зъ рая
А все то было за Коломана
По смерти Великаго Романа.» [1]).

Волынь образовалась изъ слившихся въ одно политическое тѣло славянскихъ племенъ, поселившихся на почвѣ, на которой не было народа, оставившаго какіе-нибудь слѣды исторіи его, выработанной трудами и опытомъ. Получивъ въ наслѣдственное достояніе землю, воды и лѣса, первоначальнымъ предкамъ нашимъ пришлось начать историческую свою жизнь одпѣми своими силами, безъ участія и помощи людей, опередившихъ ихъ на этомъ трудномъ поприщѣ. Если въ самомъ началѣ развитія каждаго физическаго организма неизбѣжна болѣзненная борьба между существовавшимъ и зараждающимся міромъ, между мертвящей и живительной, между внѣшней и внутренней силой: то сколько болѣе эта борьба должна быть неизбѣжна въ зародышѣ политическаго тѣла, во всѣхъ составныхъ частяхъ его, пока наконецъ не освободилось оно отъ гнета силъ враждебныхъ, препятствовавшихъ самостоятельному и свободн омусуществованію и развитію его. Первоначальныхъ предковъ нашихъ мы называемъ первобытными жителями Волыни—во первыхъ, потому что не имѣемъ никакихъ извѣстій: существовалъ ли на той землѣ прежде ихъ какой-либо народъ? Во вторыхъ, потому что народъ, говорящій однимъ языкомъ, исповѣдывающій одну религію, имѣющій однѣ повѣрья, преданія, обычаи, типы, обряды, пороки, добродѣтели и заведшій отъ себя множество кліентовъ въ другихъ мѣстахъ—долженъ по всѣмъ правамъ называться первобытнымъ.

Подчиненіе Волыни кіевскимъ князьямъ положило начало слiянію волынцевъ съ восточною братіею своею, въ которомъ то сліяніи и есть зародышъ великой Руси—великаго политическаго тѣла. Этотъ зарыдышъ нужно было лелеять, пѣстовать, развивать и оберегать отъ вліянія враждебныхъ—противодѣйствующихъ силъ. И вотъ Волынь беретъ на себя эту трудную задачу, эту до чрезвычайности хлопотливую обязанность и собственною грудью защищаетъ сердце зародыша этого отъ частыхъ и многостороннихъ вліяній сосѣдей: венгровъ, поляковъ, чеховъ, ятвяговъ, отъ частыхъ враждебныхъ столкновеній и кровавыхъ

[1]) Стрыйковка, стр. 218.

замысловъ ихъ. Борется Волынь за это святое дѣло, за этотъ кровный союзъ въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ, тратитъ лучшіе годы и силы свои и падаетъ, обезсиленная, изможденная подъ мечемъ Гедимина, оставивъ въ утѣшеніе свое одну только утѣшавшую ее мысль, что она выполнила свое значеніе, что оберегаемый ею зародышъ Руси подвинулся на сѣверъ для болѣе широкаго своего развитія, для болѣе просторной жизни. Борется также Волынь и сама съ собою, тратитъ силы и достояніе свое на пріобрѣтеніе себѣ права имѣть наслѣдственныхъ князей, которые бы не отдѣляли выгодъ и жизни своей отъ подвластнаго имъ народа. Достигнувъ этого, Волынь дѣлается великою славянскою страною, распоряжается кіевскимъ столомъ, получаетъ значеніе королевства, покоряетъ ятвяговъ, владѣетъ Литвою, побѣждаетъ венгровъ, чеховъ и поляковъ. Но это не своевременное и не упроченное возвышеніе и расширеніе ея было новымъ поводомъ къ глубокому паденію ея. И тѣмъ больнѣе для этой бѣдной страны, что она подпала подъ власть тѣхъ странъ, которыя въ былыя времена ползали и раболѣпствовали передъ ней и съ которыми она вынуждена была и въ паденіи своемъ бороться за права народности и религіи своей.

Со всѣмъ другое явленіе мы видимъ на сѣверѣ, гдѣ уже окрѣпшій зародышъ; утвердившееся и отчасти выработанное начало жизни и духовнаго развитія своего перенесены были изъ юго-запада, куда постоянно повторялся наплывъ юго-западныхъ бѣглецовъ, тянувшихъ къ центру и къ сердцу будущей великой Россіи; тамъ все было продолженіе начатаго, повтореніе прошедшаго и утвержденіе основаннаго.

Иное также явленіе мы видимъ и у западныхъ славянъ: зародышъ государственной ихъ жизни развивался подъ вліяніемъ германскимъ, дѣйствовавшимъ на умъ и сердце ихъ съ помощь римскихъ началъ. Чуждое ученіе, чуждая народность, подъ вліяніемъ которыхъ развилась жизнь порабощенныхъ братій нашихъ, нанесли сильный ударъ ихъ самобытности и изгладили даже изъ духа и образа ихъ жизни всѣ прекрасныя черты и душевныя красоты славянина. Католическій или западный міръ, владѣвшій въ то время всѣми достояніями и пріобрѣтеніями человѣческаго ума, сблизилъ братій нашихъ съ богатствомъ этимъ, и они стали по видимому выше и умнѣе насъ; но этотъ не свойственный славянской крови прищепъ, это насиль-

ное усвоеніе чужой народности и религіи содѣлали ихъ только орудіемъ для пользы и выгодъ воспитателей ихъ; и на развалинахъ самостоятельнаго существованія и смысла ихъ утвердилась германская держава и тотъ глубокій умъ и смыслъ, произведенія котораго только и понять можно человѣку, знающему печальное событіе это. Напримѣръ, прагскій епископъ Іоаннъ, родомъ нѣмецъ, требуетъ отъ чеховъ, чтобы они забыли отечественный свой языкъ и въ теченіи пяти лѣтъ выучились бы языку нѣмецкому, подъ опасеніемъ, въ случаѣ непослушанія, изгнанія изъ края. Чешскіе короли, Вячеславъ 2 и Претыскъ 2, по вліянію нѣмецкому, изгоняютъ славянъ изъ стольныхъ городовъ своихъ, которые и населяютъ нѣмцами. Одинъ изъ польскихъ епископовъ, родомъ нѣмецъ, предписалъ подвѣдомымъ себѣ ксендзамъ: «precipue operam dabant, ut ritus gentices, quos neophitici nondum ex integro exposuerint, depelierent.» Особенное должны прилагать стараніе, чтобы народные обычаи уничтожить; ибо новокрещенныя никогда отъ нихъ не могутъ быть совершенно свободны.

Тѣ же самые латине предлагали и намъ услуги свои, но предки наши не приняли ихъ; предки не хотѣли для минутнаго и мишурнаго блеска жертвовать тѣмъ, что было драгоцѣннѣйшаго для сердца ихъ т. е. народностію и религіею своею. Но все таки время и упорная нѣмецкая настойчивость латинянъ взяли свое: многіе изъ предковъ нашихъ поддались вѣроученію римлянъ и ввергли страну свою въ тѣ неисчислимыя бѣдствія, которыя испытала она со времени соединенія ея съ Польшею, по 1774 годъ.

III

СЛОВО РУССКАГО КЪ МЯТЕЖНЫМЪ [1]) ПОЛЯКАМЪ.

Мы уже много разъ имѣли случай и побужденіе говорить съ русскими о польскомъ возстаніи. Не смотря на споръ двухъ достойнѣйшихъ собратій Вѣстника югозападной Россіи на счетъ иниціативы русскихъ протестовъ противъ затѣй, клеветъ и притязаній старыхъ *пріятелей* нашихъ—поляковъ, честь этой иниціативы безспорно принадлежитъ Вѣстнику. Это весьма натурально. Характеръ этого изданія, его цѣль, близость къ сценѣ, на которой разыгривается настоящая трагедія, короткое знакомство съ дѣйствующими лицами—все-все давало Вѣстнику средства и побужденія говорить раньше, видѣть больше, предвидѣть дальше, наблюдать явленія безошибочнѣй его собратій. Съ первыхъ книжекъ Вѣстника онъ выступилъ съ полемикой противъ лжей и клеветъ, разсѣеваемыхъ польскими революціонерами и у насъ и заграницей, съ первыхъ книжекъ онъ занялъ обсерваціонный постъ на самомъ полѣ битвы и повелъ канонаду противъ затѣй и незаконныхъ притязаній латинопольской пропаганды, казавшихся для большинства русскихъ наблюдателей невинными, безвредными, ничтожными. Зоркость Вѣстника возвысила его очень рано до пониманія характера всѣхъ этихъ явленій, до способности предвидѣнія катастрофы

[1]) Оглавленіе нашей бесѣды показываетъ, что она обращена не ко всѣмъ, а только къ мятежнымъ полякамъ.

10 генваря. Не много стоитъ труда, чтобы провѣрить эти факты статьями Вѣстника и временемъ ихъ появленія, чтобы взять обратно укоръ въ самомнительности, дѣлаемый Вѣстнику однимъ нашимъ органомъ. Нѣкоторые просмотрѣли, кажется, плугъ и воловъ, а тудаже кричатъ: «и мы пахали.» Мы думаемъ, что и къ заслугамъ Вѣстника можно бы быть внимательнѣе и справедливѣе.

Но это только à propos; дѣло въ томъ, что мы часто говорили съ русскими о полякахъ, но ничего не говорили непосредственно къ полякамъ, тогда какъ они своими подпольными и неподпольными прокламаціями и заявленіями, словами и дѣлами, давно уже вызывали насъ на эту бесѣду. Теперь мы нашли нужнымъ пополнить этотъ пробѣлъ Вѣстника.

«Прежде всего, господа, позвольте намъ спросить васъ: отъ чего» вы (выразимся словами нашего поэта) взбунтовались въ вашей лужѣ?» Вы скажете: насъ угнетали? Но гдѣ факты этого угнетенія, гдѣ его жертвы? Нужно быть безъ глазъ и совѣсти, чтобы не назвать этого угнетенія одною изъ тѣхъ клеветъ и придирокъ, на сочиненіе которыхъ такъ изобрѣтательно ваше воображеніе. Ваша личность, ваши права, ваша собственность были гарантированы русскимъ законодательствомъ такъ вѣрно, такъ сильно, какъ онѣ никогда не были гарантированы въ былой Рѣчи-посполитой, главный законъ которой былъ: кто сильнѣе тотъ и правъ, одна шляхта—люди. Царство Польское сдѣлалось въ послѣднее время территоріей, на которую *по преимуществу* излились щедроды нашего Монарха,—націей, которой не разъ приходилось завидовать русскимъ. Мы не можемъ опредѣлить теперь конца и мѣры этихъ щедротъ, потому только, что ваше буйство остановило ихъ едвали не на половинѣ развитія. Мы не исчисляемъ теперь этихъ щедротъ, потому что онѣ нѣсколько разъ были уже обнародованы въ вашей прессѣ. Довольно того, что вы именно тогда-то и загрозили, когда милости царскія вскружили вамъ голову и, вмѣсто чувства благодарности, породили въ духѣ вашемъ жажду прихотливыхъ, безграничныхъ, странныхъ до безразсудства желаній. Этотъ фактъ наглядно подтверждаетъ ту истину, что вы не хотѣли получать отъ Россіи даже благодѣяній, что мѣры

порядка и гуманности, обязанныя инициативой Россіи и сулившія продолжительный миръ и счастье, могли только приводить васъ въ ожесточеніе, побуждать къ реакціи, къ заторможенію русскаго прогресса; что не гнетъ, а благодѣянія могутъ вызвать ваши крамолы, что только подъ гнетомъ вы можете быть тѣмъ, чѣмъ должны быть, «ниже, то есть, (по русской пословицѣ) травы и тише воды.» Не гнѣвайтесь, господа, за святую правду. Загляньте въ прошедшее, и вы увидите, что 30 годъ есть сѣмя конституціи 15 года, что 63 послѣдовалъ за предшествовавшими ему льготами и благодѣтельными реформами въ Царствѣ, что въ 30, 40 и 50 годахъ вы сидѣли для поляковъ довольно тихо, вели себя если не **caste** то **cavte**, шушукали кое-что втихомолку, болтали кое-о-чемъ въ разныхъ мѣстахъ Европы, а все-таки не выходили изъ предѣловъ порядка и повиновенія законной власти, а все-таки страна не разорялась, кровь не лилась рѣкой. Быть-можетъ вамъ это и не нравилось, но на вкусъ каждаго не угодишь, да мы и толкуемъ объ истинѣ, а не о капризахъ разныхъ вкусовъ.

А послѣдній рекрутскій наборъ, скажете вы? Развѣ и это не было угнетеніе? Не было и тысячу разъ не было! Вы можете, что угодно и сколько угодно вопить предъ Европой на счетъ этого набора; въ ней вы даже найдете людей готовыхъ повѣрить вашей іереміадѣ, прослезиться при описаніи жестокостей, которыми отяготѣлъ надъ вами москаль; но когда вы говорите съ нами, эти продѣлки забавны и жалки. Мы давно знакомы другъ сь другомъ и между нами нѣтъ секретовъ, мы съ вами хорошо знаемъ, что съ 59 года въ Польшѣ установлена самая прогрессивная конскрипція вмѣсто рекрутскаго набора, что выбираютъ и составляютъ списки конскриптовъ сами общины,—ближайшая власть (составленная въ послѣдніе годы изъ однихъ поляковъ) только повѣряетъ правильность конскрипціи. Позвольте повторить вамъ весьма умѣстную здѣсь тираду изъ отвѣта Вѣстника на рѣчь принца Наполеона. «Послѣ 7-лѣтней свободы отъ рекрутской повинности, конскрипція была произведена въ концѣ 62 и началѣ 63 годовъ. Прежде случались въ Царствѣ Польскомъ *рекрутскіе наборы* и чаще и тяжелѣ, а между тѣмъ поляки не выходили изъ порядка и нормальныхъ отношеній къ Россіи; но послѣдняя конскрипція не вездѣ прошла такъ тихо и законно, какъ прежніе рекрутскіе наборы.

По поводу ея, революція сдѣлала только второй шагъ возстанія, и явленія отрывочныя обобщились значительнѣе, лава, клокотавшая внутри сопки, вылилась наружу скорѣй и обильнѣе.... Видя, что не далекая отъ своего развитія революція въ польскихъ конскриптахъ потеряетъ много рукъ, пригодныхъ для пролитія русской крови, революціонный комитетъ предписалъ бѣгство конскриптовъ, отбитіе поступившихъ уже на службу, уничтоженіе списковъ—еще не поступившихъ,—и за тѣмъ издалъ продиктованную адомъ прокламацію поголовнаго истребленія сонныхъ русскихъ воиновъ въ Царствѣ Польскомъ. При такихъ обстоятельствахъ послѣдней конскрипціи, она, естественно, не могла совершиться вполнѣ гуманно и нормально. Семейства и общины, способствовавшія укрытію конскриптовъ, должны были пополнять ихъ весьма законно, хоть и несовсѣмъ охотно, другими недѣлимыми. Если эта недоимка пополнялась иногда пролетаріями, замѣченными полиціей въ революціонныхъ продѣлкахъ; то мы думаемъ, что въ этой мѣрѣ ничего не теряло ни человѣчество, ни правда, ни чувство самосохраненія. Не можетъ же никто сказать намъ: вы не смѣли брать въ солдаты тѣхъ людей, которые точили ножи на ваше горло и которые такъ нужны были для польской революціи. Въ другихъ націяхъ съ подобными конскриптами поступили бы иначе. Было бы безумно конскриптовъ съ такой аттестаціей оставлять на почвѣ ихъ буйства,—въ рядахъ русскихъ воиновъ, расположенныхъ въ Царствѣ Польскомъ, для произведенія надъ ними варѳоломеевской ночи. Отъ того польскіе конскрипты и прикомандированы къ отрядамъ нашихъ войскъ въ такихъ мѣстахъ, гдѣ лучше была гарантирована наша обоюдная безопасность.» Мы могли бы продолжить выписку въ этомъ духѣ нѣсколько далѣе, но къ чему доказывать очевидное, когда мы съ вами очень хорошо знаемъ, что революціонныя движенія начались за полтора года до послѣдней конскрипціи, что не рекрутскій наборъ былъ причиною революціи, а революція, ясно обозначившая для русскаго правительства свой объемъ и характеръ, причиною конскрипціи, что одинокіе выстрѣлы сдѣланы были въ русскихъ прежде набора, что безъ рекрутскаго набора, варѳоломеевская ночь и вооруженное буйство случились бы только мѣсяцомъ позже.

Нѣтъ, panowie, не угнетеніе, не рекрутскій наборъ заста-

вили васъ взяться за револьверы, ножи, петли и косы, а что-то постарѣй и покрупнѣе! Развѣ угнетеніе поляковъ русскими было причиною того, что предки ваши, съ своими избѣгами, самозванцами, королевичами, іезуитами—вообще пропагандой политичесхой и религіозной, доходили до самой Москвы, что они присвоили себѣ чужія области русскія, тиранили въ теченіи вѣковъ все русское, православное? Развѣ угнетеніе поляковъ русскими, развѣ рекрутскій наборъ заставляли васъ всегда примыкать къ рядамъ враговъ Россіи, интриговать противъ нея по всей Европѣ, затѣвать 30 годъ послѣ самой шляхетской и своевольной конституціи 15 года? Нѣтъ, причины вашей ненависти къ намъ слишкомъ сложны, слишкомъ давни, слишкомъ раздражительны. Вы, ренегаты славянства, вы оторвались отъ родпаго дерева и не привились къ чужому. Вы, ренегаты православія, а потому вы не можете не быть фанатиками, пропагандистами, іезуитами; всякъ изъ васъ, въ большемъ или меньшемъ размѣрѣ, или Гозій, или Іеремія Вишневецкій: довольно теперь быть русскимъ, православнымъ, чтобъ быть вѣчнымъ врагомъ вашимъ. Папа и Западъ толкали васъ впередъ, сдѣлали васъ своими застрѣльщиками противъ Россіи, не обезпечивъ даже отступленія вашего. Подстрекаемые разными патерами и личнымъ эгоизмомъ, вы съ безразсудною запальчивостію бросались на все русское, православное и въ опьяненіи двойнымъ фанатизмомъ не замѣчали даже, что дѣлали пять шаговъ назадъ, тогда какъ вамъ казалось, что вы сдѣлали шагъ впередъ. Вы не съумѣли даже понять той простой истины, что нація безъ народа—нуль безъ цифры, что дружба и единство не достигаются путемъ варварскихъ насилій и жестокостей, что унія—религіозная ли, политическая ли, возможна только подъ условіемъ полюбовнаго соглашенія. Вы выбивались изъ силъ, чтобы навязать русскимъ славянамъ то, что имѣли несчастіе получить отъ Запада сами,—чтобы втянуть ихъ и въ вашу пришлую цивилизацію, и въ ваше чуждое мирному, истому славянину католичество,—и вамъ было досадно, что ваши противники твердо и энергично отстаивали свою вѣру и народность, не поддавались натиску вашей пропаганды. Въ этой жалкой борьбѣ не по силамъ, въ этомъ вѣчномъ забіячествѣ, да въ разныхъ излишествахъ и нелогичностяхъ домашнихъ и безурядицахъ гражданскихъ и полити-

ческихъ, вы истощили силы націи, промотали въ нѣсколько вѣковъ такую жизнь, которая, при большемъ благоразуміи и умѣренности, могла бы длиться тысящелѣтія; вы остались безъ народа, безъ законовъ, безъ правительства, безъ христіанства даже; потому что катихизисъ іезуитовъ—катихизисъ, конечно, не христіанскій, ученіе ихъ и дѣятельность, конечно—не въ духѣ ученія и жизни Христовой. Такая жизнь націи всегда тѣсно граничитъ съ ея смертію; такое частое повтореніе пароксизмовъ, такихъ тяжкихъ недуговъ физическихъ и нравственныхъ, каковы фанатизмъ, насиліе, отрѣшеніе отъ національной жизни и дѣятельности участія народа, тиранія надъ федеративными съ Польшей областями русскими, разгулъ, тщеславіе, буйство и самоволіе шляхты, вѣчныя дрязги и рѣзня между собой и сосѣдями,—неминуемо должны были кончиться распаденіемъ оплакиваемой вами, убитой вами же самими, Польши. А между тѣмъ противникъ вашъ—православная Россія, шагъ за шагомъ, тихо, но твердо и вѣрно шелъ *отъ силы въ силу и отъ славы въ славу*. По планамъ Провидѣнія, самое зло политическое всегда обращалось для Россіи въ добро нравственное,—въ уроки терпѣнія и единодушія, въ отеческое наказаніе за нѣкоторыя прегрѣшенія невѣденія, за разныя усобицы семейныя. Вглядитесь безпристрастнѣй и пристальнѣе въ исторію Россіи, и вы увидите, что она полна чудесъ Божіей къ ней милости, невидимыхъ только для близорукаго, животнаго невѣрія. Изучите періодъ порабощенія татарскаго, исторію вашего протеже—лже-Димитрія, вспомните 1612 г., съ его двумя героями, съ безвыходнымъ по понятію человѣческому положеніемъ Россіи, припомните недалекій отъ насъ 1812 годъ,—съ его сверхъестественными морозами, съ относительною слабостію Россіи въ сравненіи съ нахлынувшею на нее Европой, подъ предводительствомъ перваго въ мірѣ полководца,—вглядитесь зорче и въ текущія событія,—въ безсиліе нравственное и физическое вашихъ защитниковъ, спутанныхъ какими-то невидимыми, какъ будто случайными и ничтожными, а въ существѣ дѣла, мудро и твердо выведенными, нитями обстоятельствъ, около года связывающими умъ и руки друзей вашихъ и удерживающими ихъ отъ желаннаго употребленія,—изучите, говоримъ, вспомните, взвѣсьте все это и многое другое,—и вы по неволѣ воскликнете: великъ Богъ русскій, не-

побѣдима Россія, несокрушимо православіе! Но едвали не напрасно мы призываемъ васъ къ этому великолѣпному созерцанію, къ этимъ поучительнымъ воспоминаніямъ и наблюденіямъ. Фанатизмъ, зависть и отчаяніе до того раздули вашу къ намъ ненависть, до того помрачили вашу сообразительность, что вы видите явленія, не постигая и даже не желая постигнуть ихъ причинъ. Ваша память до того измѣнила вамъ, что въ былой Польшѣ вы ничего не видите, кромѣ «страны святыхъ чудесъ,» въ вашемъ фанатизмѣ, ужасахъ даже инквизиціи,—ничего, кромѣ «миссіи святаго католичества,» въ вашихъ буйствахъ, насиліяхъ—ничего, кромѣ «свободы, равенства,»—въ Россіи—ничего, кромѣ варварства, татаріи и гнета. Васъ не могутъ вразумить даже ваши историки, похожіе, впрочемъ, скорѣе на романистовъ, панигиристовъ, нежели хронографовъ, этнографовъ и историковъ. Если кто нибудь изъ нихъ и выскажетъ вамъ горькую истину, вы найдете самые смѣшные предлоги къ названію его измѣнникомъ, пасквилантомъ, купленнымъ Москвою. Вы имѣете несчастную способность возводить дикіе наѣзды и другія насилія вашихъ предковъ въ эпическіе подвиги и экзальтировать ими и себя и другихъ, видѣть въ іезуитскихъ интригахъ и притязаніяхъ слѣды мудрости и патріотизма вашихъ историческихъ дѣятелей, въ казненныхъ преступникахъ—польскихъ мучениковъ. Вы обладаете счастливымъ талантомъ забывать или не видѣть мрачныхъ пятенъ вашей исторіи, а русскія неловкости и шереховатости возводить въ квадратъ. Эта двойная способность самообольщенія, самообманыванья, самообожанія, самоудивленія, до того извратила ваши понятія и воззрѣнія, что вамъ все прошедшее и настоящее представляется въ обратномъ видѣ, что вы промахнули нѣсколько вѣковъ, и все еще считаете себя поляками временъ Баторія, а русскихъ варварами Грознаго, что вы и не замѣтили, какъ области русскія возвратились къ родной Россіи—и все еще признаете ихъ принадлежностью (хищническою) покойной Рѣчи-посполитой, что вы даже и не замѣчаете своей смерти политической, и конвульсивными движеніями трупа хотите доказать и себѣ и Европѣ, что вы продолжаете свое существованіе. Вы имѣете несчастную способность радикально извращать понятіе о своемъ счастіи и несчастіи Когда клочекъ, оторванный отъ былой Польши, вручала жестокая къ вамъ Европа волѣ Александра I,

вы кричали на весь міръ о великодушіи «Wskrzesiciela Polskiey;» когда этотъ wskrzesiciel даровалъ вамъ конституцію, превзошедшую всѣ ваши ожиданія, едва не поработившую другой разъ польскимъ панамъ областей русскихъ, вы начали вопить о вашемъ несчастіи, угнетеніи на всю Европу и взялись за ножи. Когда послѣ того, *по праву завоеванія*, дѣлили Польшу на губерніи, уничтожали ея между-русскія границы, парализовали всѣ элементы ея народности и автономіи, вы щеголяли другъ предъ другомъ въ наборѣ самыхъ льстивыхъ словъ для выраженія вашихъ вѣрноподданническихъ чувствъ, вашей любви къ виновнику этихъ явленій; а когда на васъ излились рѣкой милости русскаго Монарха въ 56—58 годахъ; когда разныя льготы, преимущества и либеральныя учрежденія, дарованныя Польшѣ въ послѣдніе годы ея Королемъ, поставили ее на пути къ возможному счастію и автономіи,—вы расплакались предъ Европой о своемъ угнетеніи и злополучіи, вы унизились до разбоя и вареоломеевской ночи, а когда могучая десница русскаго патріота отяготѣла надъ вами, вы принялись за присяги и адрессы. Да, *все ваше несчастіе въ счастіи Россіи*, въ ея прогрессѣ, силѣ и величіи; все ваше угнетеніе въ запретѣ, въ невозможности панскаго своеволія, въ заведеніи порядковъ, устраняющихъ всякую надежду на безпорядокъ и распущенность, все горе—въ крѣпости православія, въ безсиліи противъ него всякой пропаганды, въ нѣмомъ, но грозномъ обличеніи святымъ православіемъ вашего ренегатства, отпаденія отъ Вѣры Христовой панскаго католичества,—*все*, говоримъ, *ваше злополучіе—въ невозможности сдѣлать злополучною Россію*, страдальческимъ—православіе,—возвратить свое, хоть и безобразное, безправное, но разгульное и шляхетское, былое Польши,—въ невозможности другой разъ сдѣлать областей русскихъ польскими провинціями. Если присовокупить къ этимъ несчастіямъ послѣднее горе панское—отнятіе у него холопа и обращеніе его въ человѣка; то мы достаточно поймемъ причины и побужденія настоящаго движенія вашего. Мы очень хорошо знаемъ, что привыкшій жить чужимъ трудомъ—панъ, безъ холопа и самоволія—тоже, что рыба безъ воды, механикъ безъ машины, экономъ безъ *нагая*.

Теперь мы ясно видимъ, чего вамъ хочется. Вамъ хочется, чтобы въ Польшѣ все было нуль, кромѣ шляхты, чтобы

время и событія шли назадъ, а не впередъ; чтобы для васъ настали вновь средніе вѣка, съ ихъ liberum veto, конфедераціями, заѣздами, niepodległością, równością на словахъ и тираніей и азіатскою спѣсью на дѣлѣ, чтобы Россія сдѣлалась Польшей, а православіе католичествомъ, чтобы Польша вступила въ черту 1772 года и чтобы въ этой чертѣ снова завелись порядки—или точнѣе безпорядки—Рѣчи-посполитой. Нечего сказать—*скромное* желаніе! Но посовѣтовались ли вы, panowie, съ исторіей, этнографіей, здравымъ смысломъ, когда въ духѣ вашемъ зароилась эта жалкая химера? Обратили ль вы вниманіе на то обстоятельство, что если всѣ націи станутъ требовать реставрацій и метаморфозовъ прошлаго столѣтія; то немногія изъ нихъ останутся въ прежнихъ границахъ, при своемъ названіи? Подумали ль вы о томъ, что области, на которыя вы претендуете, не были ни польскими, ни католическими даже и тогда, когда вѣковыя ваши насилія хотѣли сдѣлать ихъ такими, тѣмъ болѣе не были ими прежде, тѣмъ болѣе—теперь? Не припомните ли вы и того обстоятельства, что вы вступили въ федерацію съ русскими областями, «какъ равный съ равнымъ,» что эта федерація была закрѣплена извѣстными добровольными условіями, нарушеніе которыхъ, съ чьей бы то ни было стороны, дѣлало эту федерацію расторгнутою, не существующею? Не припомните ли вы и такихъ условій этой федераціи, по которымъ въ русскихъ областяхъ должна господствовать полная свобода и неприкосновенность народной вѣры и языка, полная равноправность русскаго съ полякомъ во всѣхъ случаяхъ жизни домашней и общественной,—по которымъ полякамъ *рѣшительно было запрещено пріобрѣтать на Руси землю* продажею, мѣною, духовнымъ завѣщаніемъ, брачными узами,—но которыя, какъ и всѣ другія pacta conventa, договоры, законы, декреты королей и сеймовыя постановленія постоянно и радикально были нарушаемы вами? Не вправѣ ли была Русь отмежиться отъ васъ, возвратиться къ родному руслу *при первомъ* нарушеніи какой либо статьи обоюднаго договора, а особенно послѣ нарушенія всѣхъ статей, длившагося въ теченіи вѣковъ, безпрерывнымъ рядомъ опытовъ доказавшаго, что у васъ съ Русью ничего не можетъ быть общаго, что она не можетъ жить съ вами въ мирной федераціи, безъ гнета съ вашей стороны, безъ притязаній и

насилій? Развѣ теперь Русь сдѣлалась болѣе польскою, болѣе католическою, чѣмъ была при Богданѣ Хмѣльницкомъ и развѣ съ тѣхъ поръ вы пріобрѣли на нее какія нибудь *новыя* права, которыхъ не было тогда, которыя нажиты вами послѣ 1772 года? Ужели вы не знаете и того, что въ областяхъ, которыми вы хотите оживить и отѣлесить скелетъ Польши, живетъ около 8 милльоновъ русскихъ—православныхъ, заявившихъ недавно предъ всѣмъ свѣтомъ, что они не могутъ вспомнить объ васъ безъ ужаса, негодованій и проклятій, что оторвать ихъ отъ великой, единовѣрной и единокровной Россіи, отъ подданства ея природному Монарху—то же, что оторвать душу отъ тѣла? Припомните, panowie, хоть пословицу: «насильно милымъ не будешь никому» и не забывайте той исторической истины, что вы вкрались въ русскія области, какъ карманщикъ, или подѣлались въ нихъ землевладѣльцами—поляками путемъ религіозной измѣны! Вчитайтесь въ тѣ обѣты, съ которыми явились недавно южные и западные сыны Россіи предъ обожаемымъ Монархомъ—отцемъ—освободителемъ, вспомните тѣ любезности, съ которыми вездѣ встрѣчали эти сыны Россіи вашихъ повстанцевъ, ваши затѣи, золотыя грамоты, подкупы, обольщенія, насилія,—вспомните, говоримъ, все это, и вы сами увидите болѣе чѣмъ безразсудство вашихъ желаній, увлеченій, посягательствъ. Но къ чему всѣ эти истины, воспоминанія и вопросы для людей, желанія которыхъ и дѣйствія находятся внѣ условій исторіи и логики, которые мыслятъ и дѣйствуютъ подъ вліяніемъ страстей, убивающихъ способность здравомыслія и безпристрастія. Мы и говоримъ все это къ тѣмъ полякамъ, которые не утратили еще способности сознанія, которые честно и трезво относятся къ нашимъ правамъ, къ буйству своихъ собратій, къ явленіямъ обоюдной нашей жизни—прошедшей и настоящей,—равно и къ тѣмъ, которые переживутъ же когда нибудь настоящій угаръ разсудка и, послѣ тяжкаго похмѣлья, спокойно взглянутъ на отношенія и событія. О, дай Богъ, чтобы способность самосознанія скорѣе возвратилась къ этимъ несчастнымъ?

Но допустимъ, что цѣли ваши возвышенны, стремленія патріотичны, химеры сбыточны, миражи осуществимы; какія жъ средства употребляете вы для достиженія этихъ цѣлей, для проявленія вашего патріотизма? Едва ли нужно и доказывать,

что, во второй половинѣ XIX вѣка, правило оо. іезуитовъ: цѣль оправдываетъ средства—болѣе чѣмъ преступно; что ни одинъ дикарь не держится такой догмы: можно зарѣзать человѣка, чтобъ отнятыми у него деньгами подѣлиться съ нищимъ, можно позволить прозелиту исповѣданіе обрядовъ и регулъ языческихъ, лишь бы онъ увѣровалъ въ Христа и въ папу; можно отрѣзать ближнему голову, для прекращенія его головной боли и проч. А вы, къ стыду человѣчества, и держитесь именно такихъ правилъ. Но ни какія кощунственныя сопоставленія, никакая натяжка мысли, никакіе опыты прошедшаго не сдѣлаютъ средствъ, употребляемыхъ вами для достиженія цѣлей, ни болѣе законными, ни христіанскими, ни человѣчными. Ужели догматы вашего катихизиса, отравленія, поджоги, грабежъ, разбой могутъ быть извинены какими бы то ни было цѣлями? Гдѣ же послѣ этого будетъ точка опоры для нравственнаго начала—и христіанскаго и общечеловѣческаго, что послѣ этого можно будетъ назвать зломъ, если всѣ исчисленныя недавно мерзости, низости, варварства, сквернящія всю душу и тѣло злодѣя, возвести въ значеніе добродѣтелей? Если не вполнѣ только чистое средство сквернитъ весь прекрасный поступокъ, всю душу христіанина, подобно тому какъ капля стрихнина отравляетъ цѣлительное лѣкарство и человѣка его употребившаго; то что сказать о вашихъ *средствахъ*, радикально противоположныхъ и заповѣдямъ божескимъ и постановленіямъ человѣческимъ, извратившихъ смыслъ всего того, что человѣческая цивилизація и христіанство признали истиннымъ, честнымъ и законнымъ! И къ чему молитвы къ Богу о помощи вашему дѣлу вашего святаго отца, вашихъ прелатовъ, вашихъ женщинъ! Развѣ Богъ любви и мира, незлобія и кротости можетъ внимать такимъ молитвамъ: помоги намъ, Господи, красть, грабить, обманывать москалей, рѣзать, колоть, вѣшать, отравлять ихъ по одиночкѣ? Мы думаемъ, что подобная молитва была бы отвратительна и предъ требищемъ Молоха, не только предъ Спасителемъ міра, молившимся за Своихъ распинателей. Напрасно вы будете возражать намъ: мы такъ не молимся! Мы не можемъ допустить въ духѣ человѣческомъ такого противорѣчія самому себѣ, чтобъ онъ иначе думалъ, а иначе поступалъ, чтобъ онъ молился, вѣрилъ такъ, а дѣйствовалъ совсѣмъ напротивъ. Мы познаемъ вѣру чело—

вѣка, характеръ его молитвы—отъ дѣлъ его, отъ явленій его жизни. А если бы вы просили у Христа терпѣнія, братолюбія, а на дѣлѣ занимались клятво-преступленіемъ, грабежомъ, разбоемъ, то какой грѣхъ можетъ быть богопротивнѣе вашей молитвы, то что вы скажете предъ Христомъ, когда онъ потребуетъ у васъ объясненія того противорѣчія, какое существуетъ между вашей молитвой и нравственностью, вѣрой и дѣлами? Да, дѣла ваши громко вопіютъ, что вы не христіане, что вы хуже язычниковъ!....

Вы скажете: и москали поступаютъ съ нами не лучше. Боже мой! ужели у васъ до того помрачено сознаніе, до того изсякло нравственное чувство, что вы уже не видите различія между дѣлами вашими и нашими? Между вами и нами такое же различіе, какое между разбойникомъ и судьею, между бунтовщикомъ и законной властью. Вы колете, терзаете, вѣшаете, отравляете лучшихъ гражданъ, лучшихъ христіанъ, остающихся вѣрными присягѣ, умѣющихъ цѣнить права другихъ, чуткихъ къ воплямъ истины, чести и совѣсти; а мы только наказываемъ преступниковъ, душегубцевъ, предводителей шаекъ, нарушившихъ долгъ свой и присягу, возставшихъ противъ законной власти и общественнаго покоя и счастія. Вы колете, стрѣляете изъ-за угла, вѣшаете старца, женщину, младенца, плѣннаго—въ лѣсу; а мы наказываемъ злодѣевъ открыто, по суду, на которомъ никогда не будетъ обвиненъ невинный,—по одному не основательному (какъ это принято у васъ) подозрѣнію, безъ очевидныхъ доказательствъ. Вашему преступнику мы предоставляемъ всѣ средства защиты и невыразимо радуемся, когда онъ докажетъ свою невинность и избавитъ насъ отъ несчастія—отнять жизнь у человѣка, а вы убиваете праведниковъ прежде, чѣмъ они успѣютъ вздохнуть къ Богу, сказать слово въ свое оправданіе, вѣшаете лучшихъ изъ служителей Христовыхъ, не позволяя даже имъ приготовиться къ переходу въ вѣчную жизнь предсмертною молитвою. Конечно, вы дѣлаете это не даромъ: вы знаете, что̀ могла бы сказать ваша жертва, предсмертная молитва праведника—страшный укоръ для не совсѣмъ уснувшей совѣсти злодѣя,—и вы торопитесь поскорѣе избавиться и отъ этого грознаго укора и отъ выслушанія непріятной для васъ истины. Мы не наказали смертью и сотни злодѣевъ, мы простили тысячи людей, кото-

рые во всякой другой, *гуманной* націи познакомились бы съ петлей, либо пулей, мы болѣемъ душею всякій разъ, когда вы ставите насъ въ тяжкую необходимость карать; а вы истерзали тысячи мирныхъ, честныхъ гражданъ, вы теряли свою изобрѣтательность на выдумки самыхъ многосложныхъ, мучительныхъ и варварскихъ истязаній вашихъ жертвъ, вы оставались глухи и нѣмы къ такимъ обстановкамъ пытки и казни, драматичнѣе которыхъ не создавала фантазія никакого поэта. Теперь вы смѣло можете разсчитывать на безсмертіе историческое. Наши дѣти и внуки будутъ пугать вами своихъ дѣтей и внуковъ. Да, дѣла ваши показываютъ, что между вами и нами такое же почти различіе, какое между христіанами и язычниками.

Вы скажете: вамъ можно быть гуманными, справедливыми, когда на вашей сторонѣ сила и право, а намъ что прикажете дѣлать, когда мы не можемъ противопоставить своего права вашему, открытой силы—вашей силѣ? Что?.... Молчать, когда нечего сказать,—сидѣть тихо, когда нѣтъ силъ бороться, или бороться открыто по европейски, по христіански, когда есть средства, есть надежда на успѣхъ. Какъ будто сомнителенъ выборъ между преступленіемъ и затрудненіемъ, между поступкомъ законнымъ и безчестнымъ. Ужели голодный смѣетъ красть, сердитый—убивать? Мы думаемъ, что голодный могъ бы честнымъ трудомъ или милостыней утолить свой голодъ, сердитый могъ бы утишить свой гнѣвъ размышленіемъ, совѣтами благоразумнаго друга, а въ случаѣ невозможности совладѣть съ своею заядлостью, могъ бы рвать на себѣ волосы, биться головой о стѣну каменную и т. под.

Вы думаете, что терроръ волей-неволей заставитъ трусливыхъ примыкать къ рядамъ вашимъ, уступить вашимъ нелѣпымъ желаніямъ. Многихъ ли, на долго ли? Вотъ ужъ вы террорствуете 9 мѣсяцевъ, а слишкомъ ли увеличилась отъ того ваша группа, слишкомъ ли сократилась отъ того цифра людей честныхъ, уменьшились ряды русскихъ воиновъ? Странные вы, право, люди съ вашими софизмами и расчетомъ на терроръ! Развѣ вы незнаете, что всякое насиліе вызываетъ месть, реакцію, что въ этой борьбѣ шансы побѣды всегда останутся на сторонѣ силы и права, что чѣмъ больше будетъ вѣшателей, грабителей отравителей и проч., тѣмъ больше бу-

детъ проклинаемыхъ, казненныхъ, отталкивающихъ отъ себя мысль и чувство всякаго честнаго, хоть сколько нибудь порядочнаго, человѣка? Вы уже не разъ видѣли, какъ неумолима месть нашего войска, правда нашего закона къ вашимъ жандармамъ—вѣшателямъ и одинокимъ разбойникамъ; вы уже видѣли скольких изъ нихъ постигла вполнѣ заслуженная участь. Если эта убыль будетъ продолжаться и если мѣсто убитыхъ будутъ занимать новые любители петли, кинжала, отравы; то, по расчету самому математическому, васъ станетъ не надолго. А если вы заколете, повѣсите, отравите, положимъ, еще одну-другую тысячу невинныхъ гражданъ—патріотовъ, то Россія прочувствуетъ только нравственную утрату своихъ сыновъ, но вовсе не почувствуетъ сокращенія 70 милльонной націи. Вслучаѣ нужды, Россія можетъ восполнить эту убыль 2 милльонной арміей, а вамъ своей восполнять будетъ не-кѣмъ Между самыми дикими демагогами, авантюристами и пролетаріями разныхъ націй, принявшими участіе въ вашемъ возстаніи, едва ли одинъ согласится исправлять, въ Европѣ, въ послѣдней половинѣ XIX вѣка, должность вѣшателя, отравителя, убійцы. У нихъ даже замѣтно охладѣла охота сражаться рядомъ съ вами. Многіе изъ нихъ положили кости въ чужихъ лѣсахъ, многіе увезены туда, гдѣ простынетъ какая угодно симпатія, какой угодно воинственный жаръ, а многіе, узнавъ, съ кѣмъ имѣютъ дѣло, наскучивъ постыднымъ методомъ вашей войны, съ полнымъ къ вамъ презрѣніемъ, убрались восвояси.

Но, когда вы брались за ножи, вы, конечно, разсчитывали на болѣе дѣйствительную субсидію Европы, нежели та, какую вы находили досселѣ въ навербованныхъ вами за границей демагогахъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что эта субсидія даже обѣщана вамъ. Изъ тѣхъ нареканій, которыми осыпаетъ Францію Gazeta Narodowa и другіе подпольные и не подпольные органы ваши, весьма видно (помимо даже *петицій*) на кого надѣялись, откуда ожидали вы этой субсидіи. Ожидайте, друзья, ожидайте подолѣе; а мы вамъ отвѣтимъ вашими же пословицами: obiecanka—cacanka, a głupiemu radość, nadzieia—szczęście głupich. У Европы довольно своихъ дѣлъ и счетовъ, интригъ и опасеній, чтобы не слишкомъ заботиться о судьбѣ Польши. Скитаясь, подобно разсѣянному Израилю, по всему

міру, вы, конечно, успѣли усилить кое-гдѣ, кое-какія чувства въ отношеніи къ Россіи; но не тщеславьтесь преждевременно; вамъ даже не можетъ принадлежать жалкая иниціатива этихъ чувствъ. Мы не даромъ употребили недавно слово—*усилить*: вы только задѣли чуткій нервъ Европы, попали въ ея больное мѣсто, и вамъ показалось, что вамъ симпатизируетъ Европа. Европа такая эгоистка, что не проронила бъ изъ-за васъ и одного слова, если бы вы были не нужны для ея расчетовъ. Скажемъ вамъ по секрету, что ваше прошедшее и настоящее, ваши теоріи и подвиги не могутъ ни въ комъ возбудить къ вамъ прочной и основательной симпатіи, и что если ее поставляютъ намъ теперь на видъ ваши мнимые защитники, то это только потому, что у Европы не было (особенно назадъ тому полгода) сколько нибудь сносной придирки къ Россіи, сколько нибудь законнаго повода къ вмѣшательству въ чужое дѣло. Дѣло тутъ вовсе *не въ васъ, а въ Россіи,* въ ея силѣ, въ ея громадности, а особенно въ ея православіи. Европа симпатизируетъ не лично вамъ, а тѣмъ принципамъ и тенденціямъ, изъ-за которыхъ вы рѣжетесь съ Россіей. Вы только попали въ тактъ ея мысли и чувства; она почти [1]) столько же, какъ и вы, ненавидитъ Россію, завидуетъ ей, боится ее; она также, какъ вы, чуетъ въ ней огромный резервуаръ силы славянскаго міра—православнаго,—силы грозной, не початой, не исходившей еще на міровую дѣятельность,—она призадумалась и толкнула впередъ пигмеевъ, противъ колосса славянскаго. А вы, съ дѣтскою самомнительностію, возмечтали, что въ васъ влюблена Европа, что она у васъ въ услуженіи, что вы перлъ человѣчества! Вы были бы ничто для растерзавшей васъ Европы, еслибы ей не хотѣлось сокрушить силу Россіи, съузить ея границы, отбросить, пожалуй, въ Азію. Не симпатіи къ вамъ заставили Европу нахлынуть на Россію въ 12 году,—явиться подъ стѣнами Севастополя, вступиться за васъ теперь. Вы счастливы только тѣмъ, что имѣли несчастіе сойдтись съ Европой въ мнѣніяхъ и желаніяхъ на счетъ Россіи.

---

[1]) Говоримъ **почти**, потому что большая или меньшая степень чувства зависитъ отъ большаго или меньшаго разстоянія извѣстной націи отъ Россіи и отъ историческихъ съ нею столкновеній.

Мы говоримъ *имѣли несчастіе*, и говоримъ не для одной только игры словъ. Прочитайте со вниманіемъ свою исторію, и вы ужаснетесь отъ количества и качества тѣхъ жертвъ, которыхъ стоила *симпатія* Европы къ вамъ и ваша къ ней. Вглядитесь пристальнѣй въ современныя явленія, и вы содрогнетесь при видѣ того опустошенія, въ которое повергла вашу злополучную территорію симпатія коварныхъ, либо робкихъ друзей вашихъ. Не будь этихъ симпатій, вы бы не истратили ни одного злотаго, не лишились бы ни одного члена общества, а главное—вы бы не нажили укора совѣсти, лишняго пятна въ исторіи, не загрязнили чести человѣка и званія христіанина, не унизились бы до самыхъ циническихъ глумленій надъ правомъ и добродѣтелью. Между тѣмъ вотъ уже проходитъ 9 мѣсяцевъ, какъ вамъ симпатизируетъ Европа, а чѣмъ осчастливили васъ эти *словесныя* симпатіи? Послѣ того, какъ длилось полгода ваше истребленіе, *добрый другъ* и сосѣдъ вашъ—Австрія, сочинила для васъ 6 знаменитыхъ пунктовъ, подхваченныхъ остальными друзьями вашими. Неужели вы не видите, что эти 6 пунктовъ—самая горькая насмѣшка надъ вашею кровью, надъ вашимъ ожесточеніемъ? Ужели вы осмѣлитесь отвергать тотъ фактъ, что католическая религія была въ Царствѣ вполнѣ господствующею, что польскій языкъ не былъ тамъ изгнанъ ни изъ школъ, ни изъ юриспруденціи, что вы уже пользовались народными учрежденіями, что во всемъ Царствѣ Польскомъ было только 8 высшихъ русскихъ чиновниковъ, тогда какъ въ конституціонной Галиціи нѣтъ ни одного поляка на государственной службѣ? Мы думаемъ, что великодушіе вашего Монарха даровало бы вамъ вдвое больше того, чего домагались въ 6 пунктахъ ваши симпатизаторы. Мы думаемъ, что вы взялись за ножи наканунѣ такой автономіи, на которую вы не имѣли ни права, ни надежды; что вы затѣяли варѳоломеевскую ночь, быть можетъ, на канунѣ такого сейма, какой недавно открытъ былъ въ Гельсингфорсѣ великимъ княземъ Финляндіи. Но теперь мы не думаемъ, чтобы вы заслуживали тѣ милости, которыя сами такъ жестоко и дерзко оттолкнули отъ себя, чтобы Монархъ нашъ оказалъ предпочтеніе буйнымъ, преступнымъ пріемышамъ предъ родными, почтительными дѣтьми, чтобы разбой и клятвопреступленіе остались ненаказанными. Теперь вы ожидайте улучшенія своей участи

отъ симпатіи друзей, отъ настоящей своей профессіи, такъ какъ вы отвергли и благодѣянія и амнистію вашего Монарха.

Правда, кромѣ знакомыхъ 6 пунктовъ, симпатія нѣкоторыхъ друзей вашихъ выразилась еще и въ маленькомъ прибавленіи—о перемиріи и конгрессѣ изъ восьми державъ; но эти желанія для того только и были заявлены, что онѣ неудобны къ исполненію, что онѣ навѣрно будутъ отвергнуты. Россія не такъ слаба и безчестна, чтобы заключала перемиріе съ бунтовщиками своими, грабителями, убійцами, съ воображаемымъ ржондомъ вашимъ, чтобы предоставляла право всякому встрѣчному трактовать о правахъ ея и отношеніяхъ къ Польшѣ, а у князя Горчакова довольно патріотизма для того, чтобъ уважить народное чувство и довольно мудрости для того, чтобы подмѣчать абсурды, придирки, слабость и заносчивость друзей вашихъ и отвѣчать на нихъ съ авторитетомъ учителя, съ достоинствомъ русскаго министра. Даже теперь, когда учитель сказалъ ученикамъ: замолчите, сіи послѣдніе ухватились не за мечи, а за перья. Результатомъ этого дешеваго и безкровнаго героизма будетъ, говорятъ, объявленіе поляковъ воюющею стороною, либо лишеніе Россіи права на владѣніе Польшею, за нарушеніе *якобы* первою трактатовъ 15 г. въ отношеніи къ послѣдней,—либо то и другое вмѣстѣ. Не нужно быть спеціалистомъ по части политики, дипломатіи, чтобы видѣть въ этихъ *техническихъ фразахъ* продолженіе прежняго дипломатическаго толченья воды въ решетѣ, чтобы видѣть въ этихъ хитростяхъ нуль безъ цифры. Ну, положимъ, что вы будете признаны воюющею стороною,—что жъ далѣе? Вы будете воевать? Вы и теперь воюете, какъ можете и какъ вамъ нравится! Вы будете сражаться храбрѣе, сдѣлаетесь сильнѣе, мы слабѣе? Не думаемъ! Война ваша будетъ законнѣе? Избави Богъ! Вы сдѣлаетесь воюющею стороною de jure и de fakto? Ничего не бывало! Сторона грабящая, бунтующая, разбивающая, бѣгущая въ лѣсъ при видѣ русскаго козака, завоевавшая доселѣ только острова болотные, тундры да топи, отличавшаяся доселѣ только прыткостью ногъ, умѣющая только прятаться такъ ловко, что ее отыскать трудно, храбрая только тогда, когда 20 вояковъ приходится на одного русскаго,—не сдѣлается стороною воюющею отъ того только, что своимъ людямъ будетъ угодно назвать ее такою. Васъ пріурочиваютъ къ

южнымъ штатамъ Америки? Весьма не логично! Южные штаты половина одного и тогоже народа, одной націи, съ однимъ языкомъ, одною религіею: тамъ очевидное межцоусобіе, тамъ шансы права равны на обѣихъ сторонахъ, тамъ оба правительства равно *очевидны*, тамъ война изъ-за принципа, при обобщеніи котораго, casus belli уничтожается самъ собою; а вы прямые бунтовщики (если выразиться точно и кратко), рѣжущіеся безъ законной причины, добивающіеся чужаго самыми противозаконными средствами. Одно только и есть сходство у васъ съ южными штатами: и вы и они рѣжетесь изъ за невольничества. Европа хочетъ признать нарушенными Россіей трактаты 15 г.? Но развѣ отъ этого признанія они точно сдѣлаются нарушенными? Говорить—не всегда еще значитъ говорить истину. Сказать, что Россія не исполнила въ отношеніи къ вамъ трактатовъ вѣнскаго конгресса—не значитъ еще доказать это. Трактаты эти точно нарушали всѣ, кто хотѣлъ и въ главѣ ихъ тотъ, кто считаетъ трактаты эти «мертвыми,» кому нельзя вспомнить о нихъ, безъ династическихъ опасеній, кто нарушилъ инициативу, цѣль и сущность вѣнскаго конгресса, кто періодическими набѣгами въ разныхъ концахъ земнаго шара постоянно противорѣчилъ фразѣ: «имперія—это миръ;» *одна только Россія* уважала и честно выполняла между-народные договоры. Она и вамъ дала больше, чѣмъ обѣщалась, и дала бы еще болѣе, если бы вы и ваши друзья не помѣшали ей этого сдѣлать. Пусть вспомнятъ друзья ваши и то, что въ 13—15 годахъ Россія исполняла миссію миротворительницы Европы, что главой и законодателемъ вѣнскаго конгресса былъ императоръ Александръ I, и потому Александръ II, въ дѣлѣ выполненія или невыполненія вѣнскихъ трактатовъ, имѣетъ полное право помѣняться съ вашими друзьями ролью совѣтника и руководителя. Ваши протекторы хотятъ лишить Россію права на владѣніе Польшей? Если на словахъ только, то слова эти, очевидно, напрасны: онѣ не уменьшаютъ правъ Россіи и не сдѣлаютъ Польши независимѣе; а если на дѣлѣ, то милости просимъ! Намъ не привыкать отбиваться отъ самоправства и насилія сосѣдей. Мы и теперь докажемъ вашимъ симпатизаторамъ, что Россію легче стращать, чѣмъ напугать, легче лишать ее разныхъ правъ и областей на словахъ, нежели на дѣлѣ. Севастопольскій урокъ не прошелъ для

насъ безслѣдно; мы уже не намѣрены повторять прежнихъ ошибокъ—стратегическихъ и хозяйственныхъ; мы будемъ сражаться равнымъ оружіемъ; мы постоянно *учимся* и постоянно приготовляемся къ встрѣчѣ незванныхъ гостей. Не окажутъ ли вамъ друзья ваши этимъ лишеніемъ правъ Россіи на владѣніе Польшею услуги, подобной той, какую оказалъ медвѣдь пустыннику, въ извѣстной баснѣ? Конечно, да! Послѣ этой услуги, Россія будетъ свободна отъ всякой отвѣтственности за послѣдствія, у нея будутъ развязаны руки и совѣсть. Теперь Россія щадитъ въ васъ русскихъ подданныхъ, расточаетъ, хоть безплодно, свою гуманность; а тогда, когда васъ признаютъ воюющею стороною, когда васъ, хоть самоправно, отчуждятъ отъ Россіи,—мы съ вами не станемъ церемониться, пройдемъ вашу страну крамолъ и злодѣяній огнемъ и мечемъ, пощадимъ села и невинный народъ, и на мѣстѣ городовъ вашихъ посѣемъ соль.

Но, положимъ, что друзья ваши перестанутъ сочинять софизмы и, потерявъ 200 тысячную армію, займутъ, наконецъ Царство Польское; положимъ, что мы не прогонимъ ихъ обратно, не захотимъ пожертвовать безцѣльному [1]) упорству такою же арміей, взорвемъ крѣпости, обратимъ въ муссоръ Варшаву, сожгемъ мосты и очистимъ Польшу,—чтожъ будетъ послѣ? Не думаемъ, чтобы друзья ваши имѣли неосторожность двинуться далѣе: они расквартируются въ Царствѣ, разорятъ его окончательно, объявятъ самобытность Польши, вамъ укажутъ короля, оставятъ въ родѣ защиты, гарантіи спокойствія Европы, или *экзекуціи*, 20 тысячный корпусъ французовъ [2]), и вы начнете жить совершенно по польски, рѣшительно по пански. Позволите ли въ настоящій моментъ явиться намъ пророками? Если позволите, то мы нарисуемъ самую вѣрную картину вашего будущаго. Если вамъ самимъ предоставятъ

---

[1]) Царство Польское само по себѣ не стоило бы никакихъ жертвъ, какъ бы они малы ни были, еслибы съ отстаиваньемъ его не были такъ тѣсно связаны честь и права Россіи.

[2]) Это уже будетъ третій,—такъ что, чрезъ одинъ другой десятокъ лѣтъ французы будутъ караульными во всѣхъ столицахъ націй, имѣвшихъ несчастіе нуждаться въ ихъ помощи, или испытывать ихъ насиліе.

право выбирать короля, у васъ явится вдругъ около 5 претендентовъ. У каждаго изъ нихъ будетъ своя партія, болѣе или менѣе равносильная другимъ. Эти партіи начнутъ интриговать, кричать до надрыва легкихъ на сеймѣ, быть можетъ, порѣжутся немножко, наконецъ несчастный король выбранъ. И подлинно несчастный! Если судить о немъ по значенію и власти послѣднихъ 5 королей польскихъ, то лучше быть подданнымъ въ Турціи, нежели королемъ въ Польшѣ. Онъ вамъ будетъ указывать на свои права, а вы скажете ему: ты король сегодня, а я завтра, а то, пожалуй, отвѣтите пощечиной. Онъ будетъ отстаивать національные, общечеловѣчные, а вы шляхетскіе принципы. Онъ будетъ узаконять вѣротерпимость, равноправность, а вы будете шушукать съ іезуитами и жидами, надѣлаете холоповъ, начнете сочинять панскую конституцію, донкихотствовать по старому; королю, конечно, это не понравится, и вы приметесь за конфедераціи, отрѣшеніе короля отъ должности, *куриныя войны* и проч. и проч. Не говорите, что вы покаялись въ старыхъ грѣхахъ, что горькій опытъ научилъ васъ многому; что вы измѣнились къ лучшему; мы вамъ не повѣримъ. Настоящія ваши теоріи и подвиги, экзальтаціи и низости наглядно показываютъ, что вы не исправимы, что примѣты національныя неизгладимы, *что рысю легче измѣнить пестроту свою, эѳіопу—кожу*, нежели истому шляхтичу—свою натуру. А между тѣмъ, какое значеніе будетъ имѣть ваша нація въ семьѣ европейскихъ державъ? Мы выразимся весьма мѣтко, если сравнимъ ее съ лягушкой, затертою между тремя скалами различной высоты и крѣпости. Одна изъ этихъ скалъ постоянно будетъ заслонять для васъ жизнь и свѣтъ,—тревожить васъ своею высотой и крѣпостью, особностью своей формаціи. У васъ непремѣнно родится охота понизить ея высоту, поузить размѣры, если можно—сдвинуть съ мѣста. Подстрекаемые Западомъ, который сдѣлаетъ васъ и своимъ аванпостомъ противъ Россіи, и складочнымъ мѣстомъ оружія, и сборнымъ пунктомъ разныхъ авантюристовъ, и центромъ политическихъ демонстрацій,—вы сдѣлаетесь для Россіи западнымъ Кавказомъ, безъ его лишь храбрости, безъ стремнинъ и ущелій кавказскихъ, а мы, при первомъ, серьозномъ движеніи вашемъ, при первомъ нарушеніи между-народныхъ отношеній, сотремъ васъ съ лица земли, прежде чѣмъ узна-

ютъ о томъ западныя державы, или, по праву побѣдителя, предоставимъ вамъ право наслаждаться, по выбору, конституціей прусской [1]), или австрійской; а между тѣмъ попросимъ собратій вашихъ, вкравшихся въ земли русскія, продать въ опредѣленный срокъ свое недвижимое имѣніе избавить насъ отъ своего сосѣдства и пожинать вмѣстѣ съ вами плоды шляхетской конституціи, а ренегатамъ русской вѣры и народности предоставимъ право осѣдлости и землевладѣнія въ Россіи, подъ условіемъ только обратнаго движенія къ вѣрѣ и народности ихъ предковъ. Быть можетъ, мы поступимъ тогда и не совсѣмъ прогрессивно, но за то юридически—справедливо и предусмотрительно,—какъ потому, что будемъ платить wet za wet, что мы будемъ поставлены въ необходимость выбирать изъ двухъ золъ меньшее, такъ и потому что мы должны же, наконецъ, сокрушить ту точку опоры, которую вы находите въ захваченной вами землѣ, уничтожить тѣ центры революцій, тѣ гнѣзда пропаганды, которые образуютъ вокругъ насъ нравственныя сѣти, связанныя невидимыми петлями, постоянно разрываемыя нами и постоянно возобновляемыя вами. Мы бы могли при этомъ удобномъ случаѣ предсказать кое-что и друзьямъ вашимъ; но это васъ не касается. Скажемъ только мимоходомъ, что, въ случаѣ движенія ихъ противъ права и Россіи, они могутъ чрезъ два—три года не узнать самихъ себя, съ трудомъ отыскать границы своихъ территорій. Быть можетъ, это таинственное будущее и тревожитъ смутно ихъ воображеніе, когда они такъ долго говорятъ и такъ туго приступаютъ къ дѣлу.

Чтожъ дѣлать намъ и вамъ? Дѣлайте себѣ, что угодно, а мы будемъ дѣйствовать сообразно обстоятельствамъ и во всякомъ случаѣ такъ, какъ велитъ честь и право, здравый смыслъ и совѣсть. Вы можете, по прежнему, красть, грабить, вѣшать, обращать отрывки уничтоженныхъ бандъ въ шайки разбойниковъ,—терять вамъ уже нечего; а мы будемъ карать преступниковъ, неутомимо и безпощадно преслѣдовать остатки чудо-

---

[1]) Мы знаемъ многихъ познанскихъ поляковъ, нѣсколько лѣтъ живущихъ въ западныхъ губерніяхъ и доселѣ не научившихся говорить по-польски.

вищъ, пятнающихъ человѣчество, конфисковать (слово Высочайше утвержденной бумаги), секвестровать имѣнія, взимать контрибуціи до тѣхъ поръ, пока не покроемъ вызванныхъ вами военныхъ издержекъ, пока не пополнимъ украденныхъ повстанцами милльоновъ казенныхъ и частныхъ. Пользуясь маленькими неудобствами лѣсной жизни во время осенней слякоти и зимняго холода, вы будете закапывать въ лѣсахъ, прятать въ подвалахъ, въ навозѣ, въ огородахъ и другихъ скрытныхъ мѣстахъ разное оружіе, боевые припасы и тайкомъ пробираться въ города и села,—будете (нѣкоторые) являться къ русскому правительству съ притворнымъ раскаяніемъ въ своемъ *увлеченіи*, присягать на вѣрность нашему Монарху, уполномочивать разныхъ пановъ для заявленія предъ Нимъ вѣрноподданническихъ адрессовъ; а мы ни на секунду не измѣнимъ той увѣренности, что вы не даромъ же прячете оружіе, что оно обережено тамъ до весны, что отцу святому и ксендзамъ вашимъ не первый разъ придется тогда разрѣшить васъ отъ присяги; мы будемъ зорко слѣдить за возвращающимися изъ лѣсу, примемъ съ отверстыми объятіями кающихся, не повѣримъ на слово импровизированнымъ друзьямъ Россіи и ни на минуту не спустимъ глазъ съ движеній души ихъ и тѣла. Надѣясь на стороннюю помощь весною, вы будете стараться, чтобы зимою мятежъ тлѣлъ какъ нибудь, перебивался грабежемъ, карманною болтовнею невидимаго ржонда, пыркомъ кинжала; а мы будемъ думать, что у Европы довольно было времени для того, чтобы помочь вамъ не одними словами, что будущій апрѣль и май могутъ пройдти также, какъ и минувшіе, что, въ случаѣ самоправнаго вмѣшательства въ наше дѣло Европы, она застанетъ насъ совершенно готовыми къ ея услугамъ. Вы будете въ теченіи зимы еще громче вопить, еще театральнѣе слезиться предъ Европой о своемъ злополучіи, еще больше лгать, интриговать, располагать къ себѣ, на краденныя деньги, заграничную прессу, быть можетъ, вызовете какую нибудь отдѣльную или коллективную ноту; а мы не сдѣлаемся отъ того ни жесточе, ни безправнѣе, и, конечно, не станемъ отвѣчать на дальнѣйшее резонерство Европы; потому что насъ никто не опровергнулъ, потому что мы дали слово—прекратить безполезное разглагольствіе, потому что мы уже сказали все, что внушалъ здравый смыслъ и совѣсть, исторія и право. И это

молчаніе Россіи будетъ самымъ краснорѣчивымъ, самымъ достойнымъ ея отвѣтомъ Европѣ.

Чѣмъ же мы покончимъ нашу бесѣду съ вами и какія заявимъ съ своей стороны чувства къ вамъ и отношенія? Мы вѣримъ пословицѣ вашей: iak swiat swiatem, tak polak moskalowi nie będzie bratem; повѣрьте жъ и вы намъ, когда мы скажемъ, что вы пользуетесь полнѣйшею взаимностью чувствъ съ нашей стороны. Мы не унизимся до невѣжества, либо жалкой роли тѣхъ немногихъ псевдо-русскихъ, которые толкуютъ о братнихъ съ вами объятіяхъ, лобзаніяхъ, забвеніи прошедшаго, *вѣчной* дружбѣ. Они либо космополиты, либо невѣжды, не знающіе азбуки польской исторіи, судящіе о васъ по двумъ—тремъ франтамъ столичнымъ, всегда мягкимъ, эластичнымъ, ловкимъ, вкрадчивымъ, снаружи неукоризненнымъ. Насъ вы не проведете этой мишурою; мы изучили васъ окончательно, знаемъ васъ не-погрѣшимо, видимъ насквозь,—мы знаемъ, что всѣ эти эластичности суть пріемы вашей миссіи, догматы вашего катихизиса. Мы не скажемъ вамъ вмѣстѣ съ однимъ нашимъ двуличнымъ органомъ: «мало того, чтобъ (ы) къ веснѣ Польша была усмирена; она къ этому времени должна быть намъ предана» [1]). Мы умѣемъ различать Польшу отъ взбунтовавшихся поляковъ; мы знаемъ, что большинство ***польскаго народа***, не смотря на ужасы самого варварскаго террора, остается вѣрнымъ (вопреки лживому и коварному заявленію тогоже органа) присягѣ, и предано Россіи, и что взбунтовавшейся

---

[1]) Быть можетъ этотъ органъ для того навязываетъ намъ такую скороспѣлую, обоюдную любовь, чтобы къ веснѣ имѣть право прокричать: „вы не съумѣли въ теченіи зимы влюбить въ себя поляковъ; теперь пеняйте жъ сами на себя." Отъ чего жъ мы не можемъ влюблять ихъ весной и лѣтомъ? Быть можетъ отъ того, что тогда можно рѣзаться, прятаться въ лѣсахъ? Странная, право, эта любовь, пріуроченная только къ зимнему сезону, когда чувства наши должны бы гармонировать съ состояніемъ атмосферы.

шляхты никакое чудо не сдѣлаетъ *къ весть преданною* Россіи. Мы знаемъ, что эту шляхту можно сдѣлать, при репрессивныхъ мѣрахъ, на нѣкоторое время, спокойною, безвредною, но нельзя сдѣлать, *при какой угодно гуманности, любящею* Россію. Мы знаемъ, что тысячелѣтняя вражда не обращается чрезъ полгода въ любовь, «по щучьему велѣнью,» что католическій фанатизмъ никогда не помирится *искренно* съ православіемъ, не откажется отъ мірской власти, отъ своей пропаганды; мы понимаемъ свойство ненависти ренегатовъ, тенденціи революціонеровъ, подстрекательство ихъ Западомъ. Мы знаемъ, что для между-народной любви необходима полная гармонія симпатій, убѣжденій, единство историческихъ преданій, нравовъ, частію языка, а особенно религіи, что она не достигается какими нибудь внѣшними операціями, уніями, договорами, федераціями и проч.; а у насъ-то съ поляками всего менѣе этихъ точекъ соприкосновенія, этихъ гармоній въ мысляхъ и чувствахъ. Если нельзя чрезъ полгода заставить влюбиться южные штаты Америки въ сѣверные, Австрію въ Италію, Сербію въ Турцію и проч.; то какъ же сдѣлать это чудо съ поляками? Отдать имъ Россію по Смоленскъ? Развѣ! Но тогда мы только осуществимъ миражъ шляхты, сократимъ объемъ Россіи, допустимъ низость, возбудимъ къ себѣ презрѣніе самихъ же поляковъ, но ни на одинъ градусъ не повысимъ уровня симпатій ихъ къ ненавистной, не католической Россіи. Есть два только радикальныя средства для пріобрѣтенія поляками нашей дружбы *искренней*,—это полный и вѣчный разрывъ съ Западомъ и слитіе съ нами въ одну семью посредствомъ обобщенія всѣхъ условій народной и гражданской жизни. Пока не послѣдуетъ такой уніи, мы не повѣримъ ни какимъ фразамъ на счетъ дружбы къ намъ исповѣдниковъ польскаго катихизиса, а ихъ просимъ не вѣрить намъ, если бы кому либо изъ насъ захотѣлось предъ ними немножко поподличать, и считать любовныя декларацій нашихъ немногихъ выродковъ личною ихъ низостью либо космополитизмомъ.

Къ чему жъ, скажете, было и бесѣдовать съ нами, когда вы только укоряете насъ, требуете отъ насъ такъ много жертвъ, а сами не хотите сдѣлать въ нашу пользу ни малѣй-

шихъ уступокъ? Мы вовсе не для того взялись и за перо, чтобъ извиняться въ чемъ либо предъ вами, дѣлать новыя уступки. Исторія отмѣтила со стороны нашей нѣсколько такихъ уступокъ, нѣсколько попытокъ къ сближенію съ вами. Всѣ онѣ остались напрасны, надъ всѣми ими поглумилась спѣсь и злоба шляхто-католическая; роль эта намъ наскучила, она теперь намъ не къ лицу, и мы не намѣрены впредь унижаться до повторенія этихъ опытовъ,—обѣщать то, къ чему не обязаны, отказываться отъ правъ своихъ въ пользу вашего самоправія. Мы рѣшились объясниться съ вами откровенно для того лишь, чтобъ уличить васъ предъ всѣмъ міромъ въ неразуміи и варварствѣ, уяснить причины вашего бунта, доказать, что мы не подали къ нему никакого повода, показать несбыточность вашихъ надеждъ, высокомѣріе притязаній, уродливость и варварство средствъ, употребляемыхъ вами для уловленія миража, легкомысліе и опасность выжиданія сторонней помощи, нелогичность и трусливость западной дипломатіи,—а главное мы должны были уяснить взаимныя наши чувства и отношенія и доказать необходимость прекращенія statu quo какими нибудь радикальными мѣрами: или *внутреннимъ* слитіемъ Польши съ Россіей единствомъ симпатій и убѣжденій, или, при упорствѣ вашемъ, окончательнымъ уничтоженіемъ вашей національности, или отмежеваніемъ безпокойнаго Царства Польскаго къ Австріи или Пруссіи, всего скорѣе къ послѣдней.

То, чего мы не досказали здѣсь, можете гг. революціонеры, вычитать изъ извѣстнаго письма вашего собрата г. Питкевича, отъ 4 августа, писаннаго изъ Лемберга на имя вашего національнаго правительства, имѣвшаго свои причины скрыть это письмо и побудившаго этою низостью автора письма обнародовать его посредствомъ напечатанія на французскомъ языкѣ, съ котораго оно переведено на многіе другіе, въ томъ числѣ и на русскій. Письмо это вы можете прочитать и въ настоящей книжкѣ Вѣстника. Здѣсь остается только замѣтить, что человѣка, изувѣченнаго въ стычкѣ съ русскими, живущаго въ Лембергѣ, вы, конечно, не отважитесь обвинить въ пристрастіи и лукавствѣ.

С......ъ.

Вильно,
1 октября 1863 г.

ЗАМѢТКА

РЕДАКТОРА ВѢСТНИКА, ПО ПОВОДУ ПОМѢЩЕННОЙ НИЖЕ, ВЪ IV ОТДѢЛѢ, СТАТЕЙКИ «ГОЛОСЪ ИЗЪ БАТУРИНА.»

Мы сами было намѣтили статейку Голоса «Батуринъ» (№ 247) съ тѣмъ, чтобы сказать о ней, что нужно; но почтеннѣйшій сотрудникъ нашъ, зорко слѣдящій за всякою рознью нашей литературы общерусскому строю, облегчилъ нашъ трудъ. Принося ему душевную благодарность какъ за это облегченіе трудовъ нашихъ, такъ равно и за новыя улики на лицо, на мѣстѣ преступленія, нашихъ хохломановъ,—мы пользуемся случаемъ сказать имъ еще нѣсколько правдивыхъ словъ и подѣлиться съ читателями Вѣстника нашими наблюденіями.

Мы думали, что вопросъ о хохломаніи рѣшенъ окончательно, что всѣ quasi—аргументы хохломановъ разбиты на голову, что они должны были умолкнуть однажды на всегда. Еслибы дѣло шло объ изысканіи истинѣ, они, точно, должны былибы замолчать; потому что имъ уже ничего нельзя сказать новаго, потому что уже сказать нечего; но такъ какъ дѣло пошло на упрямство и отстаиванье не убѣжденій, а тенденцій; то здѣсь и тамъ изъ хохлацкой лужи еще высказываются пальцы хохломановъ, подражающіе движенію стригущихъ ножницъ [1]). Не

[1]) Сравненіе заимствовано отъ ходячаго южно-русскаго анекдота, въ которомъ описывается споръ жены съ мужемъ о томъ—брито или стрижено. Будучи не въ состояніи урезонить жены, мужъ утопилъ ее; но жена, выставивъ руку изъ воды, стригла въ воздухѣ указательнымъ и среднимъ пальцами.

удивительно, если не выѣзжавшій изъ Петербурга туристъ начнетъ описывать проѣздомъ въ Москву (?) Батуринъ для того лишь, чтобы лишній разъ повторить ту, сто разъ опровергнутую, нелѣпость, что малороссы не понимаютъ *русскаго* языка, что они желаютъ обучать дѣтей своихъ на мѣстномъ просторѣчьи; не удивительно, если г. Стояновъ ругнетъ своихъ обличителей по кабацки и, не имѣя возможности доказать, что въ его школѣ учили по русски, преподавали Законъ Божій, начнетъ расходовать свою щепетильную дѣятельность на доказательство пустяковъ, не стоющихъ критическаго взгляда [1]); не удивительно, если одинъ—другой десятокъ больныхъ хохлатчиной головъ не вполнѣ еще отказались отъ своихъ промаховъ и миражей и шныряютъ по закаулкамъ литературы и Малороссіи съ своею пропагандой: удивительно то, что такіе органы серьозные, какъ Журналъ министерства народнаго просвѣщенія, другой, не менѣе почтенный органъ и Кіевскія епарх. вѣдомости позволили себѣ увлечься миражами и нелѣпостями небольшаго числа хохломановъ ex officio.

Журналъ мин. народнаго просвѣщенія (сентябрь 1863 г.) трактуетъ «о нѣкоторыхъ фонетическихъ и грамматическихъ особенностяхъ южнорусскаго (малорусскаго) языка (?), не сходныхъ съ великорусскимъ (?) и польскимъ.» Еслибъ авторъ этой статейки не выходилъ изъ границъ своей темы, никто-бы не возражалъ ему ни слова. Кто станетъ говорить противъ той истины, что всякое *нарѣчіе* имѣетъ свои особенности, которыми оно отличается отъ *языка*, что не будь этихъ особенностей, у него не былобъ и тѣхъ отличительныхъ признаковъ, по которымъ ему усвоено названіе нарѣчія извѣстнаго языка,—проще, его бы вовсе не было, а былъ бы на его мѣстѣ

[1]) Признаемся, что мы говоримъ объ этомъ по наслышкѣ. Намъ нечего терять дорогого времени на чтеніе знакомаго намъ краснорѣчія г Стоянова. Намъ только сказали нѣкоторые знакомые, что онъ выступилъ противъ Вѣстника и его редактора съ новымъ ругательствомъ, въ которомъ хочетъ что-то доказать. Пусть себѣ донкихотствуетъ, мы съ нимъ никакихъ счетовъ имѣть не будемъ, а только предваримъ мимоходомъ, что подмѣтили кое-что новое въ дѣятельности г. Стоянова.

языкъ. Никто не споритъ и противъ той истины, что малорусское нарѣчіе имѣетъ свои примѣты, отличающія его отъ общерусскаго и польскаго языковъ, иначе его бы не было, а былъ бы *на мѣстѣ его языкъ* или русскій или польскій. Но что жь изъ этого слѣдуетъ? Только то, что эти примѣты существуютъ,—не болѣе. Но авторъ статейки изъ этой посылки вывелъ то заключеніе, что «малорусское нарѣчіе *самобытно*, что оно правильно образовано (?), что оно не есть случайное смѣшеніе» (?). Этотъ выводъ нелогиченъ, а клеветы на малорусское нарѣчіе ниже критики. *Самобытное нарѣчіе*—равняется нулю безъ единицы, дѣйствію безъ причины, части безъ цѣлаго. Коль скоро оно нарѣчіе, то оно уже не самобытно. Правильная организація малорусскаго нарѣчія существуетъ только въ воображеніи хохломановъ. Можетъ ли быть правильная организація въ томъ нарѣчіи, которое существовало и существуетъ внѣ всякихъ правилъ, внѣ всякихъ историко-филологическихъ данныхъ, которыми могли бы провѣряться эти правила? Можетъ ли имѣть правильную организацію нарѣчіе, на которомъ до Котляревскаго и Артемовскаго не написано ни слова, на которомъ ничего не писалъ, ничего не говорилъ самъ Сковорода, и которое безпокойнымъ только капризомъ малорусскаго Кобзаря хотѣло-было подняться до значенія обособленнаго языка? Можетъ ли имѣть правильную формацію нарѣчіе, которое никогда не выходило изъ сферы *просторѣчья*, не проникло ни въ какую письменность, и на которомъ каждая изъ 8 южно-русскихъ губерній говоритъ иначе? Хоть авторъ статейки «объ особенностяхъ» и проч. и подводитъ безчисленные и неуловимые капризы малорусскаго нарѣчія подъ сочиненныя имъ правила грамматическія; но это трудъ напрасный и безконечный. Нарѣчіе такого народа, который перешолъ всевозможныя комбинаціи, столкновенія, переселенія, не можетъ быть формулировано правильными логико-филологическими законами Каждое правило вы должны будете обусловить десятками исключеній и подъисключеній. Для нарѣчія всякой губерніи вы должны будете писать особую грамматику, а для нѣкоторыхъ—по двѣ и по три. Эти грамматики будутъ венигретомъ грамматикъ всѣхъ сосѣдей южноруссца, съ которыми онъ имѣлъ какія нибудь дѣла. Въ тѣхъ правилахъ, изъ которыхъ составятся эти грамматики, будетъ такая путаница, столько противорѣчій

другъ-другу, что эти правила составятъ безконечный рядъ произвольныхъ регулъ, ускользающихъ отъ всякой логичности, единства и законовъ филологическихъ. Всякая почти форма грамматическая будетъ метаться изъ одного языка въ другой, отъ одной грамматики въ другую. Дядько, наприм., до дательнаго падежа будетъ идти по русской грамматикѣ, съ дательнаго— уже метнется къ польской, частію славянской (дядькови), чрезъ винительный пройдетъ благополучно, а въ звательномъ снова ударится къ польской формаціи (дядьку—(wóiaszku), въ другихъ мѣстахъ дядько). Тѣже капризы малорусскаго языка и метанья изъ грамматики въ грамматику вы найдете и въ спряженіяхъ и другихъ видоизмѣненіяхъ грамматическихъ. Гдѣжъ тутъ самобытность и правильность формаціи [1])! Очевидное дѣло, что въ говорь малорусскаго простолюдья бралось что попало, что подслушалось у человѣка пришлаго, вошедшаго въ ближайшія сношенія съ туземцемъ, бралось цѣликомъ, безъ всякаго даже принаровленья къ существовавшимъ условіямъ живаго нарѣчья. Не хотѣлось разстаться съ исковерканнымъ русскимъ дядя, такъ по крайней мѣрѣ нужно дать ему дательный и звательный польскіе, чтобы легче поняли говорящаго сосѣди южноруссa, въ теченіи вѣковъ,—поляки. Мы не погрѣшимъ противъ исторіи и филологіи, если скажемъ, что это малорусское просторѣчье также составилось изъ смѣси разныхъ говоровъ, какъ составлялась изъ разныхъ прищлецовъ сѣчь запорожская—родоначальница настоящаго малорусскаго говора.

Авторъ статейки «объ особенностяхъ малорусскаго языка» и проч напрасно также усиливается отвергнуть вліяніе польскаго языка на формацію южно-русскаго просторѣчья. Если бы мы не имѣли никакого понятія ни о русскомъ языкѣ, ни о малорускомъ просторѣчьи; то довольно для насъ знанія малорусской исторіи, вліянія на бытъ простаго народа пановъ польскихъ и ихъ дворни, чтобы найти эту натяжку болѣе чѣмъ несостоятельною. Ясно, какъ день, что унія языка болѣе отразилась на малорусскомъ говорѣ, чѣмъ унія религіозная на

---

1) Мы могли бы многія изъ правилъ статейки опровергнуть противорѣчащими имъ употребленіями въ малорусскомъ языкѣ, но этотъ трудъ мы отлагаемъ на будущее время.

его вѣрѣ. Кромѣ безчисленныхъ словъ, нарѣчіе малорусское заимствовало множество фразъ и грамматическихъ видоизмѣненій изъ польскаго языка. Мы бы никогда не окончили настоящей замѣтки, еслибы хотѣли подкрѣпить эту истину цитатами. Если же въ малорусскій говоръ вошло много словъ и изъ другихъ языковъ; то это отъ того, что въ сѣчь запорожскую заходили и литвины, и молдаване, и русскіе, и татаре, и сербы и проч. и принесли частичку своего участія въ образованіе малорусскаго просторѣчья. Но, всячески, въ составѣ его больше элемента славяно-русскаго, чѣмъ пришлаго; отъ того въ немъ нѣтъ и звука **dz.** Впрочемъ эта послѣдняя стойкость малорусскаго нарѣчья можетъ быть объяснена и тѣмъ, что мягкій звукъ **dz** не пришелся по дебелому уху южно-русскаго простолюдина, а звукъ **rz** есть и въ русскомъ языкѣ и въ малорусскомъ нарѣчіи,—напр. ржу, ржа или ржавчина и др. Правда, этотъ звукъ рѣже слышится въ русскомъ говорѣ и его нарѣчіяхъ, чѣмъ въ польскомъ; но это отъ того, что онъ труднѣе произносится, чѣмъ русское *ре*, *ра* и проч. Отъ того въ русскихъ говорахъ нѣтъ звука **prz** [1]). Удареніе на предпослѣднемъ слогѣ малорусское нарѣчіе часто заимствовало, вмѣстѣ съ фразами и словами, изъ польскаго: добры'-дэнь, якъ се маешь, пан-óтче, громáда и безчисленныя другія,—такъ что только слова, схожія съ русскимъ либо славянскимъ, имѣютъ разнообразныя ударенія. Прочія отличія отъ польскаго ничего не доказываютъ или доказываютъ только то, что въ формаціи малорусскаго жаргона принимали участіе и другія комбинаціи.

Въ одномъ духовномъ журналѣ, одинъ господинъ трактуетъ «о малороссійскихъ сочиненіяхъ духовнаго содержанія.» Приступая къ чтенію статейки подъ этимъ названіемъ, мы думали встрѣтить въ ней критическій взглядъ на кощунство нѣкоторыхъ господъ, коверкающихъ святыя истины религіи на вульгарнѣйшемъ и смѣшаннѣйшемъ изъ просторѣчій,—на непотребность этихъ и всякихъ другихъ сочиненій на этомъ просторѣчіи, когда есть родной выработанный языкъ,

---

[1]) Языкъ русскаго и чей угодно можетъ произнести только звукъ **рш**, но никогда не выговоритъ, какъ слѣдуетъ, какъ выговоритъ полякъ, звука **prz**.

но эти весьма законныя надежды наши оказались неудовлетворенными: авторъ названной статьи рѣшаетъ вопросъ: какъ *нужно* писать на малорусскомъ нарѣчіи книги духовнаго содержанія? Стало быть этотъ авторъ считаетъ вопросъ рѣшеннымъ, что книги малороссійскія духовнаго содержанія необходимы и потому счелъ нужнымъ *руководить* только пастырей сельскихъ на пути подражанія о. Опатовичу, метнувшему недавно *бисеръ честный* во что попало. Мы думаемъ, что это *руководство* довольно *неумѣстно* и не совсѣмъ логично На концѣ своей статейки, авторъ ея говоритъ: «если книгамъ малороссійскимъ быть надобно,» а на протяженіи всей статейки *категорически* разсуждаетъ о томъ: какъ писать по малорусски. Тутъ что нибудь да лишнее: или сомнѣніе на счетъ необходимости книгъ малорусскихъ, или трактація о составленіи этихъ книгъ. Но въ томъ-то и вся суть, что этимъ книгамъ *быть ненадобно*, что безъ нихъ могли обходиться малороссы цѣлые вѣка и могутъ обходиться цѣлыя тысящелѣтія, ровно ничего не теряя какъ русскіе, и какъ православные,—что вопросъ объ обособленіи малорусскаго нарѣчія (какъ и всякаго другаго), объ особенной малорусской литературѣ рѣшенъ такъ окончательно, что дальнѣйшая объ немъ трактація уже не можетъ быть извинена однимъ упрямствомъ и по неволѣ заставляетъ подразумѣвать стимулъ для самаго упрямства. При такомъ взглядѣ на дѣло, совершенно дѣлаются излишними совѣты, какъ писать по малорусски, и при томъ книги *духовнаго содержанія*. Взглядъ противоположный не къ лицу теперь всякому русскому органу, особенно духовному. Этакъ онъ, пожалуй, можетъ поруководствовать до обособленія языка, а потомъ и чего нибудь другаго. И самые совѣты авторъ названной статейки, какъ писать на малорусскомъ нарѣчіи книги духовнаго содержанія, наглядно показываютъ что этимъ книгамъ «быть не надобно.» Если въ малорусскомъ просторѣчіи нѣтъ словъ и выраженій для предметовъ церковныхъ, для идей религіозныхъ, нѣтъ отвлеченыхъ понятій, если въ немъ не можетъ быть высоко (не *высокій* ли это слогъ?) выраженіе о предметахъ человѣческаго знанія;» то на что жъ оно и годится, кромѣ обыденной *гуторки*, то къ чему усиливаться путемъ заимствованія—обѣими руками—дѣлать богатою его нищету на счетъ чужаго богатства, то какимъ образомъ оно пре-

вратится изъ нарѣчія въ языкъ *самобытный*? Всякое нарѣчіе обусловливается однимъ только *словеснымъ* употребленіемъ. Перешагнувъ это употребленіе, оно уже дѣлается языкомъ, а всѣ другіе говоры одного и того же племени дѣлаются его нарѣчіями. Отъ того въ данный моментъ нѣтъ двухъ латинскихъ, двухъ греческихъ, двухъ французскихъ, нѣмецкихъ языковъ, отъ того не можетъ и не должно быть двухъ русскихъ языковъ. А еслибъ это и было возможно, то, конечно, не малорусскому жаргону выдерживать конкурсъ съ языкомъ Россіи!

Далѣе, авторъ статейки совѣтуетъ малорусскому нарѣчію, неспособному къ выраженію религіозныхъ (и какихъ бы то ни было научныхъ) понятій, помимпутно брать на прокатъ все нужное въ другихъ языкахъ, особенно въ русскомъ (спасибо, что хоть не въ польскомъ, какъ это дѣлаютъ другіе хохломаны); что жъ послѣ этого останется въ нарѣчіи его собственнаго, кромѣ порченаго выговора и правописанія? Одно изъ двухъ: или заимствованныя слова и выраженія понятны будутъ для малоросса, или непонятны. Если понятны, то къ чему было переносить ихъ въ нарѣчіе изъ языка, на которомъ онѣ были такъ же понятны, какъ и въ нарѣчіи; если непонятны, то эмиграціи, внушаемыя авторомъ статейки совершенно напрасны и даже вредны.

Въ Кіевскихъ епархіальныхъ вѣдомостяхъ (№№ 17, 18, 1863 г.) помѣщенъ некрологъ незабвеннаго для многихъ протоіерея I. Скворцова. Казалось бы, въ такомъ невинномъ твореніи, какъ некрологъ, нѣтъ даже возможности проговориться; но эта невозможность не существовала для автора вышеназваннаго некролога. Есть люди, болѣющіе неизлѣчимымъ парадоксомъ и увлеченіемъ, есть писатели съ такимъ *конькомъ*, который готовъ летѣть, куда угодно, сдѣлать какой угодно крюкъ, лишь бы примчать своего хозяина къ любимому его мѣсту. Къ числу такихъ авторовъ безспорно принадлежитъ г. Θ. Лебединцевъ. Во всѣхъ (не многихъ) его сочиненіяхъ слышенъ одинъ и тотъ же букетъ, всѣ онѣ преслѣдуютъ одну идею,—такъ или иначе идеализируютъ Малороссію. Даже въ некрологѣ конекъ г. Θ. Лебединцева наровитъ къ любимому мѣсту. Можно, пожалуй, любить Шевченка, любить Малороссію, какъ любятъ дымъ отечества, но не нужно увлекаться до искаженія истины, нужно подчинять чувство условіямъ исторіи и логики;

мы думаемъ, что эти простыя внушенія здраваго смысла нарушены г. Лебединцевымъ довольно замѣтно.

Собственно некрологъ начинается такъ: «по мѣсту рожденія и воспитанія Иванъ Михайловичъ принадлежитъ Сѣверу, по жизни и дѣятельности онъ *нашъ*.» Что это за *Сѣверъ*, г. Лебединцевъ, и чей это *нашъ*? Стало быть, еслибы жизнь и дѣятельность Ивана Михайловича развились на *Сѣверѣ*, то онъ не былъ бы нашъ; стало быть Сѣверъ для насъ и мы для Сѣвера—чужіе; стало быть между Сѣверомъ и нами нѣтъ ничего общаго, зіяетъ пропасть бездонная? Не думаемъ, чтобы вы, г. Лебединцевъ, смогли доказать намъ натяжку этихъ вопросовъ и не правильный переводъ вашей фразы. Туда же тянутъ и фразы: «скудный и простой бытъ духовенства *того края*» (вѣроятно Россіи), *сего-бочная и того-бочная Украйна*, *польско*-русскія области, своеволіе и корыстолюбіе чиновниковъ въ областяхъ, отошедшихъ (?!) къ *Москвѣ*, нужно было ждать помощи *отынуды* (подумаешь—изъ Англіи, если не далѣе) началась новая *колонизація* (къ чему тутъ многоточіе?......), Иванъ Михайловичъ былъ въ числѣ первыхъ дѣятелей этой колонизаціи» и проч.

Нужно не имѣть никакого обонянія, чтобы не слышать, чѣмъ пахнутъ эти *отынуды*, *тотъ край*, *Москва*, *колонизаціи*, этотъ длинный и совершенно лишній въ некрологѣ панегирикъ культурѣ *Украйны* и проч. *Тотъ* край!.... Да хоть бы во имя грамматики сказали какой. Колонизація!.... Подумаешь, что дѣло идетъ о колонизаціи нѣмцовъ въ Сан-Доминго, французовъ въ южной Америкѣ, а не о переѣздѣ русскаго изъ одной губерніи въ другую, о перемѣщеніи русскихъ чиновниковъ съ мѣста на мѣсто. Не забудьте и того, что г. Ѳ. Лебединцевъ не безъ умысла называетъ Россію то *отынуды*, то *Москвою*, то *тѣмъ краемъ*, то Сѣверомъ (какъ выше доказано—чужимъ), а нигдѣ не назвалъ Россіею, или хоть бы великою Россіею. Во избѣжаніе, вѣроятно, непріятнаго созвучія, даже Мало*россія* названа то Югомъ, то Украйною и притомъ какою то *сегобочною* и *тогобочною*.

Другіе недостатки некролога, какъ-то: слишкомъ продолжительная остановка воззрѣнія на «суровомъ и крайне бѣдномъ духовномъ воспитаніи, на суровой его обстановкѣ» излишекъ ѳиміама лести, котораго не могутъ обонять мертвые, и въ ко-

торой покойный о. протоіерей Скворцовъ не имѣетъ нужды, напрасно усвояемая ему иниціатива нѣкоторыхъ дѣлъ и предпріятій—насъ не касается.

Изъ сказаннаго видно, что нѣкоторые хохломаны и доселѣ не урезониваются и, если не могутъ сказать дѣла, то хоть стригутъ пальцами. Они доселѣ морочили Петербургъ (Москва не повѣрила имъ), что народъ малорусскій не понимаетъ русскаго говора и что они уполномочены отъ народа на изданіе малорусскихъ книгъ и обученіе на нихъ его дѣтей. Клевета—самая безчестная на невинный народъ! Онъ не зналъ бы и о существованіи хохломановъ, о возможности учиться на мужицкомъ (эпитетъ, употребляемый народомъ) нарѣчьи, еслибъ они сами не шныряли по всѣмъ закоулкамъ Малороссіи и не навязывались всякому встрѣчному съ своими книженками, съ хохлацкою учебой. Ужели есть еще хоть одинъ простодушный, который бы повѣрилъ, что иниціатива разныхъ затѣй хохлацкихъ на счетъ обособленія языка, шла отъ народа, а не отъ нѣкоторыхъ пропагандистовъ? Ужели есть идіотъ, который повѣрилъ бы, что малороссъ не понимаетъ, когда ему говорятъ просто, ясно—по русски? У насъ снова накопилось столько опытовъ презрѣнія малороссовъ къ ихнему просторѣчію, желанія скорѣй овладѣть рускимъ языкомъ,—учиться на немъ,—что мы затрудняемся заявленіемъ этихъ опытовъ. Поэтому представимъ имъ хоть нѣсколько для вразумленія упорныхъ. Мы нѣсколько разъ заводили разговоръ на туземномъ нарѣчіи съ черниговскими козаками, квартирующими теперь въ Кіевѣ, и только однажды козакъ отвѣчалъ намъ своимъ природнымъ говоромъ [1]), а при всѣхъ другихъ случаяхъ козаки оскорблялись обиднымъ понятіемъ нашимъ о степени ихъ развитія, краснѣли отъ негодованія за то, что мы относимся къ нимъ

---

[1]) Вѣроятно, онъ жилъ въ какомъ нибудь захолустьѣ остерскаго уѣзда и никогда доселѣ не имѣлъ случая свыкнуться съ русскимъ языкомъ. Но когда мы изъ любопытства начали объясняться съ нимъ по русски, онъ свободно понималъ насъ и отвѣчалъ по своему.

на ихъ просторѣчьи, болѣе нетерпѣливые выразили это негодованіе словами, и всѣ вообще довольно порядочно объяснялись по русски. У насъ недавно по дѣлу былъ волостной старшина В. М., изъ села С. (волынской губ.), который тоже обидился, когда мы заговорили къ нему по малорусски и сказалъ намъ, что онъ уже «старается забывать это просторѣчіе, что на русскомъ языкѣ учатся ихъ дѣти въ школѣ, а отцамъ ихъ стыдно отставать отъ дѣтей, что на этомъ языкѣ говоритъ къ нимъ священникъ, начальство, на немъ пишутся книги, законы, а отъ тѣхъ, которые говорятъ съ нами по мужицки, научиться намъ нечему.» Къ священнику мѣстечка Б. (подольской губ.) приходили почетнѣйшіе прихожане съ жалобой на дьячка, за то, что сей послѣдній объясняется съ ихъ дѣтьми въ школѣ *не совсѣмъ чисто* по русски. Священникъ села К. (кіевской губ.) и многіе другіе увѣряютъ насъ іерейскою совѣстію, что дѣти простолюдиновъ, когда имъ предлагали выборъ между грамотностью русскою и малорусскою, съ презрѣніемъ отвергали послѣднюю и съ неописаннымъ соревнованіемъ стараются скорѣй овладѣть первою. Одинъ изъ нашихъ корреспондентовъ (изъ числа самыхъ развитыхъ малороссовъ) вотъ что писалъ намъ недавно: «Еще прежде я удивлялся, читая въ новомъ проэктѣ народныхъ училищъ, что въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ родной языкъ не есть русскій, преподаваніе совершается вначалѣ на мѣстномъ нарѣчіи,» а также, что въ первомъ классѣ Законъ Божій преподается на мѣстномъ нарѣчіи и съ сожалѣніемъ слышалъ, какъ ссылались на такое одобреніе правительствомъ этой идеи ея ревнители у насъ, хоть весьма малочисленные, да и то на словахъ лишь. Большинство людей непредубѣжденныхъ и практическихъ понимаютъ ее какъ слѣдуетъ. Простой же народъ у насъ счелъ бы для себя за оскорбленіе, если бы мы предоставили себѣ право выключить изъ курса первоначальнаго обученія нынѣшнія книги русскія: «за чѣмъ, подумаетъ онъ невольно, учатъ его только на мужицкомъ языкѣ, а не на томъ, на которомъ говорятъ и пишутъ всѣ мало-мальски образованные изъ насъ же малороссіянъ и на которомъ очень часто говоримъ мы съ народомъ.» Этотъ образъ мыслей народный очень удачно подмѣченъ или угаданъ вами и я именно подобное сужденіе часто слышалъ отъ грамотнаго простолюдья. О вредѣ хохломанскихъ затѣй собственно для

югозападнаго края и говорить нечего: странно, если кто либо можетъ въ томъ сомнѣваться, или отрицать это, а тѣмъ болѣе утверждать противное въ настоящее время, въ виду совершающихся событій.»

Не имѣя чего противопоставить непобѣдимымъ истинамъ и явленіямъ, которыми поражаютъ хохломановъ люди здраваго смысла и законныхъ стремленій, они начали угощать мыслящихъ людей такою сентенціей: «къ чему спорить о малорусской грамотности! предоставимъ это дѣло времени и посмотримъ, что́ будетъ. Если желаніе наше обособить малорусское нарѣчіе, создать на немъ отдѣльную литературу—несбыточныя химеры, то всѣ усилія наши будутъ напрасны; еслижъ оно совпадаетъ съ желаніемъ народа, то вы ни чѣмъ не остановите этого дѣла.» Прекрасно! мы перестанемъ толковать о хохлачинѣ [1]; только ужъ чуръ, гг. хохломаны, и вы сидите молча, не пишите хохлацкихъ книгъ, не егозите съ ними по селамъ, не групируйте своихъ шаекъ. А то вѣдь вы хотите стѣснить условіемъ бездѣйствія одну противную сторону, а сами въ то же время станете работать обѣими руками. Условіе безчестное и не логичное! До Шевченка вы молчали, молчали и мы, и скажите, пожалуста, желалъ ли народъ хохлацкой грамотности, литературы? Очевидно, что только вы хлопочете о возбужденіи въ немъ этого желанія, а мы обязаны доказывать его уродливость и сепаративность. И къ чему свое нечистое дѣло пріурочивать къ мнѣнію Гамаліила на счетъ святѣйшаго ученія Христова! Quod licet Jovi, non libet bovi; всякому свое: иная честь ученію Христа, и совсѣмъ иная ученію Ш. К. съ К°. Иначе, если станемъ дѣлать кощунственное принаровленіе словъ мудреца еврейскаго ко всякому дѣлу, то можетъ составиться слѣдующая мораль: къ чему усмирять мятежниковъ, защищаться отъ разбойниковъ, ловить воровъ! Если дѣло ихъ нечисто, то оно разстроится само собою. На что лѣчить болѣзнь, отрѣзывать членъ тѣла, пораженный антоновымъ огнемъ. Если болѣзь не къ смерти, она пройдетъ, антоновъ огонь прекратится самъ собою. Не правда ли хороша мораль и раціональна ги-

---

[1]) Вы думаете что намъ пріятно, особенно теперь, возиться съ вами, когда намъ и безъ васъ довольно дѣла.

гіенна! А силлогизмъ хохломановъ построенъ именно на такихъ основаніяхъ.

Просимъ покорно гг хохломановъ пріобщить заявленные здѣсь резоны и факты къ массѣ тѣхъ, которые въ такомъ обиліи разбросаны въ Вѣстникѣ и нѣкоторыхъ другихъ органахъ.

К. Г.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ ОБЪ ЕВРОПЕЙСКОМЪ КОНГРЕССѢ ВЪ ПАРИЖѢ.

Къ тому, что сказано въ нашей и заграничной прессѣ о тронной рѣчи императора французовъ, мы можемъ прибавить весьма немногое. Тема эта, можно сказать, исчерпана; кое-что только просмотрѣно въ ея развитіи, кое-что не такъ поставлено. Вотъ тѣ «нѣсколько словъ,» которыми обѣщались мы, въ заголовкѣ настоящей статейки, подѣлиться съ читателями Вѣстника касательно явленія, обратившаго на себя вниманіе Европы.

Французскіе публицисты встрѣтили рѣчь 5 ноября такимъ куреньемъ лести, такими восторженными возгласами, къ какимъ способенъ каждый изъ нихъ по своей натурѣ, убѣжденіямъ и отношеніямъ къ престолу. Похвала рѣчи Наполеоновой нѣкоторыхъ органовъ парижскихъ сильно можетъ быть заподозрѣна *въ похвалѣ самаго себя*. Это весьма естественно. Всякъ изъ насъ болѣе или менѣе склоненъ къ самоуслажденію, самовосхваленію. Французамъ ближе всего восторгаться краснорѣчіемъ своего императора—особенно, когда противоположное явленіе ведетъ къ опалѣ и закрытію органа. И мы не прочь отъ похвалы рѣчи 5 ноября, какъ произведенія ораторскаго краснорѣчія, отъ названія ее блистательною; но эта похвала не мѣшаетъ намъ въ тоже время назвать ее нѣсколько заносчивою и немножко не логичною.

Рѣчь Людовика Наполеона названа нами *нѣсколько заносчивою*. Дѣла стоятъ такъ: поляки взбунтовались противъ

законнаго правительства [1]); у нихъ явился меценатъ, любящій воскресеніе умершихъ національностей, затѣвающій разные политическіе метаморфозы и, какъ кажется, подстрекнувшій поляковъ къ возстанію. У него было довольно ума для того, чтобы не отважиться самому вступиться за своихъ протеже, и довольно ловкости для того, что бы навербовать порядочную массу единомысленниковъ. Этихъ послѣднихъ сначала было около дюжины; но дѣло покончилось на двухъ. Въ Тюльери думалось, что и этой коалиціи болѣе чѣмъ достаточно для задуманной ломки. Но опытъ доказалъ, что дружба политическая есть дружба самая ненадежная, что подъ ея личиной весьма часто скрывается что то похожее на зависть, ненависть,—на желаніе поставить друга въ трудное, если можно, безвыходное положеніе. Подъ розами даже *вѣчнаго мира* скрываются шипы неизмѣнной вражды. Всѣ знаютъ, какъ велись переговоры съ Россіей трехъ союзницъ. Тотъ былъ очень близорукъ, кто хоть на мгновенье находилъ единодушіе и искренность въ дѣйствіяхъ союзниковъ, кто—скажемъ болѣе—не видѣлъ желанья двухъ союзниковъ затянуть третьяго въ возможно болѣе опасное положеніе. Оттого изъ сент-джемскаго кабинета выходили самые грозные намеки, самыя неудобоисполнимыя предложенія; оттого вѣнскій кабинетъ такъ торопливо и запальчиво отвѣчалъ на желаніе Россіи составить конференцію изъ державъ, въ составъ которыхъ вошла раздѣленная Польша; оттого Morning Post отличался самымъ рѣзкимъ противъ Россіи тономъ...... Думалось повторить мексиканскую шутку, только въ болѣе опасномъ размѣрѣ.... Въ Тюльери, кажется, замѣтили *эту мнимость* негодованія двухъ союзницъ противъ Россіи, это желаніе надуть другъ друга, вспомнили кое-какіе счеты между друзьями и плотно держались въ шеренгѣ союзниковъ, опасаясь выступить изъ нея хотя бы то на одну математическую линію. Такъ дѣло шло до извѣстнаго: *замолчите*, сказаннаго Россіей Европѣ. Одна союзница замолчала, другая, замѣтивъ, что пріятель ея задѣтъ этимъ «замолчите» за живое и не оставитъ удара не отпарированнымъ,—сказала, что слѣдуетъ: признала дѣйствія Россіи не противорѣчащими между-народнымъ отно-

[1]) Просимъ извиненія у читателей Вѣстника, что мы поставлены въ необходимость вспомнить здѣсь всѣмъ извѣстное.

шеніямъ, а Императора русскаго—законнымъ Королемъ польскимъ,—короче: объяснила, *наконецъ*, *подлинныя* свои отношенія къ Россіи [1]). Третья союзница не могла говорить съ человѣкомъ, въ молчаніи котораго была напередъ увѣрена, но не могла и замолчать: послушаніе разумному учителю не въ ея натурѣ,—и вотъ она задумала говорить tutti, въ компаніи съ Европой,—застращать еще разъ Россію созваніемъ конгресса въ Парижѣ. Кто жъ это кличетъ къ себѣ такъ безцеремонно, *безъ особыхъ причинъ*, ни болѣе ни менѣе какъ—всѣхъ владѣтельныхъ особъ Европы, женируясь даже посылать къ нѣкоторымъ изъ нихъ отдѣльныя приглашенія и удостоивая ихъ только *соборнаго посланія*? Это человѣкъ, котораго біографія, права на тронъ французскій, характеръ, дѣла и намѣренія извѣстны всякому на столько, что распространяться о нихъ—значитъ терять слова даромъ. Это человѣкъ, который не можетъ простить урока, даннаго ему княземъ Горчаковымъ, который яснѣе другихъ сознаетъ изолированность Франціи и, въ свалкѣ противоположныхъ убѣжденій, желаній, въ разноголосицѣ мнѣній, столкновеніи интересовъ и эгоизмовъ, какіе обнаружатся на конгрессѣ,—думаетъ удобнѣй изучить практическую психологію и, посредствомъ разныхъ мѣстныхъ махинацій, найдти друзей Франціи или по крайней мѣрѣ враговъ Россіи. Затѣя довольно ловкая, хоть и не новая. Напрасно французы усвояютъ ея инціативу своему императору! Кто не видитъ въ парижскомъ конгрессѣ копіи франкфуртскаго, парижскаго (46 г.), а особенно—*контръ-конгресса* вѣнскому 15 г.? Но, кому бы ни принадлежала инціатива парижскаго конгресса, дѣло въ томъ, что созывалъ его *не тотъ*, кому бы слѣдовало, *не туда*, куда нужно, гдѣ бы можно найдти мирныя, между-народныя отношенія,—а главное—*не тѣхъ*, которые готовы летѣть по манію гамскаго узника, куда онъ укажетъ. Нужно быть слишкомъ падкимъ на визиты, чтобы, по первому намеку, расточать ихъ всякому встрѣчному; нужно

---

[1]) Мы оставляемъ здѣсь безъ вниманія депешу лорда Росселя на счетъ лишенія Россіи правъ на владѣніе Польшей. Эта пуфъ-депеша, кажется, была тоже одной изъ ловушекъ, въ которую чуть-чуть не поймался главнѣйшій симпатизаторъ поляковъ?

слишкомъ мало дорожитъ своею особой, что бы на кличъ всякаго прожектера: не угодно ли ко мнѣ, отвѣчать, не задумываясь: съ большимъ удо ольствіемъ. Есть личности, къ которымъ по преимуществу нейдетъ безразборчивая фамильярность.

Но къ чему, скажутъ, эти китайскія церемоніи, когда дѣло идетъ о спокойствіи Европы? Да, можно бъ, и не слишкомъ церемониться, еслибы въ результатѣ парижскаго конгресса или въ намѣреніи того, кто его созываетъ, можно было предвидѣть миръ. Но въ томъ-то и дѣло, что созваніе этого конгресса есть только *новая* попытка втянуть Европу въ самую кровавую изъ войнъ. Мы знаемъ по опыту, какъ нужно понимать нѣкоторыя фразы въ устахъ нѣкоторыхъ господъ, что нужно разумѣть подъ словомъ миръ, когда его произноситъ сочинитель извѣстнаго афоризма: «имперія—это миръ.» Мы убѣждены всѣмъ естествомъ въ той истинѣ, что *конгрессъ возможенъ только послѣ войны или предъ войною*; мы держимъ сто противъ одного, что европейскій *конгрессъ въ Парижѣ*, на который созываетъ Людовикъ Наполеонъ, и *европейская война—синонимы*. Вамъ угодно доказательствъ? Извольте! Конгрессъ имѣетъ въ виду ломки видимыя; а возможны ли онѣ безъ внѣшнихъ орудій, безъ потерь, безъ ушибовъ, безъ нелѣпыхъ самопожертвованій. Какъ вы урезоните Турцію отъ преобладанія, или хоть отъ тираніи, надъ подвластными ей племенами славянскими [1])? Чѣмъ вы заставите Россію глядѣть апатично на ампутацію своихъ членовъ, или хоть на отнятіе у нея Польши, когда краснорѣчіе Европы на эту тему израсходовано напрасно? Какъ вы убѣдите Австрію отказаться отъ наростовъ славянскихъ, венгерскихъ, итальянскихъ, когда безъ нихъ она останется *цѣлымъ безъ частей*? Какъ вы помирите Италію съ папскимъ Римомъ, съ австрійскою Венеціей, съ этими status in statu, пока будетъ продолжаться statu quo? Чѣмъ вы заставите Англію отказаться отъ Гибралтара и другихъ приморскихъ укрѣпленій, которыя сдѣлали изъ нея христіанскаго Нептуна, и которыми она держитъ въ блокадѣ Европу? Чѣмъ вы заставите самую Францію отказаться отъ Алжира, Ниццы, Савоіи, вывести войска изъ Рима,

---

[1]) Этотъ вопросъ долженъ стоять на первомъ планѣ конгресса, если онъ составится изъ кого бы то ни было.

Мексики, а главное—отказатьса отъ слишкомъ безцеремоннаго хозяйничанья на всемъ земномъ шарѣ и посягательства на его непрошенные метаморфозы? Подобнымъ вопросамъ не было бы конца, если бъ у насъ стало терпѣнія исчислять всѣ тѣ комбинаціи, сепараціи, всѣ тѣ ампутаціи, для произведенія которыхъ надъ самими собою, «безъ заднихъ мыслей,» такъ *простодушно* приглашаетъ въ Парижъ вѣнценосныхъ особъ *обладатель* французскаго престола. Теперь трудно опредѣлить, какіе начерталъ онъ планы для превращенія мысли въ дѣло, гдѣ начнутся, чѣмъ кончатся ломки, смѣта которыхъ, быть можетъ, уже составлена если не на бумагѣ, то въ головѣ хозяина Тюльери. Но, судя по нѣкоторымъ намекамъ его рѣчи, по возгласу: нѣтъ болѣе трактатовъ 15 года,—по намеку на обветшалость Европы, на необходимость повсюдныхъ реставрацій—можно быть увѣреннымъ, что эти планы не мирны, широки и заносчивы. Мы даже нѣсколько опасаемся за вѣнценосцевъ,... хоть это опасеніе и слишкомъ смѣлое и оригинальное.

Мы назвали рѣчь Наполеона III немножко *нелогичною*, и постараемся доказать это. Французскій ораторъ желаетъ уничтоженія трактатовъ, а между тѣмъ усиливается закрѣпить самобытность Польши какими то правами, основанными на трактатахъ. Какъ согласить это противорѣчіе? Не такъ ли, что только трактаты 15 г. обветшалы и разорваны, а прочіе, хоть и древнѣйшіе, остаются во всей своей силѣ? Быть можетъ! Но отъ чего жъ такая исключительная антипатія къ трактатамъ 15 г.? Быть можетъ признавать ихъ силу не совсѣмъ удобно, когда на престолѣ французовъ сидитъ *Наполеонъ*, и когда послѣднее слово (меморандумъ) Россіи ясно доказало, что она дѣйствуетъ на основаніи трактатовъ 15 г. Но если такъ, то отъ чего жъ трактаты позднѣйшіе устарѣли прежде давнѣйшихъ? Какой опредѣлить срокъ для обветшалости трактатовъ,—норму для ихъ крѣпости? Не будутъ ли прочны и хороши тѣ только трактаты, которые приходятся по вкусу и намѣреніямъ одного человѣка? На чемъ опереть прочность того трактата, который получится въ результатѣ парижскаго конгресса и кто поручится, что любитель новыхъ трактатовъ, чрезъ пять-шесть лѣтъ, не скажетъ, «нѣтъ болѣе парижскаго трактата (64 года); онъ обветшалъ?»

При всей ловкости, съ которою Людовикъ Наполеонъ завинулъ польскій вопросъ въ общеевропейскіе интерессы, для обсужденія которыхъ созывается конгрессъ, этотъ вопросъ дѣлается его иниціативой и цѣлью. Въ этомъ снова убѣждаетъ насъ и ходъ дѣла и слова самаго Наполеона. Послѣ своеобразнаго обсужденія характера польскаго возстанія и дѣйствій дипломатіи по польскому вопросу, ораторъ непосредственно приходитъ къ идеѣ: «представить польское дѣло на судъ Европы.» Далѣе, вслѣдъ за прекращеніемъ Россіей дипломатическихъ словопрѣній, за окончательнымъ доказательствомъ несостоятельности притязаній поляковъ и друзей ихъ, полученнымъ во Франціи отъ нашего Вице-канцлера,—родилась охота созвать конгрессъ. Такимъ образомъ идея парижскаго конгресса имѣетъ съ дѣломъ польскимъ связь и логическую, и хронологическую. Не будь русскаго *замолчите*, заяви Австрія и Англія желаніе идти за Франціей далѣе дипломатической войны съ Россіей, и о парижскомъ конгрессѣ въ рѣчи Наполеона не было бъ и помину. Такимъ образомъ, хоть повелитель французовъ и прячетъ свою главную и задушевную мысль въ звучныя фразы объ европейскомъ мирѣ, о «перестройкѣ зданія, подточеннаго временемъ и по частямъ разрушеннаго революціями;» но мы осязательно видимъ, что конгрессъ созывается *преимущественно* для возстановленія Польши, для образованія коалиціи противъ Россіи, что одной Франціи вступиться теперь за поляковъ болѣе реальнымъ образомъ не приходится, а для коллективной борьбы съ Россіей союзниковъ что-то не находится. Другіе вопросы могутъ быть подняты на конгрессѣ для компаніи, для маскировки дѣла, или, какъ говорятъ французы, à propos. Если такъ, то Людовикъ Наполеонъ хочетъ быть если не европейскимъ совѣтникомъ, главою, Юпитеромъ европейскаго Олимпа, то, конечно, третейскимъ судьею Россіи. Если такъ, то Россія, представши предъ грозныя очи этого судьи—Юпитера, сядетъ на скамейкѣ подсудимыхъ и *фактически подвергнется тому униженію, котораго не хотѣла испытать даже на бумагѣ* Не думаемъ, чтобъ и нѣкоторыя другія честныя націи захотѣли, въ виду самозваннаго законодателя, занять второстепенныя мѣста и роли. Пусть онъ себѣ побесѣдуетъ въ сладость съ друзьями своими, разовьетъ предъ ними широту своихъ проэктовъ, усладится ихъ

рукоплесканіями; мы имъ завидовать не станемъ, а пугаться— и того менѣе. Мы видимъ, что теперь какъ-то не удаются разныя конференціи, коалиціи; мы увѣрены, что въ результатѣ ихъ будетъ тотъ же нуль, который оказался въ остаткѣ франкфуртской конференціи и европейской, по польскому вопросу, дипломатіи. А если ужъ и придется разорвать трактаты 15 года путемъ конгресса, то всего раціональнѣе тамъ, гдѣ они составлены, или въ Петербургѣ. Послѣдній выборъ былъ бы умѣстнѣе и логичнѣе. Но въ такомъ случаѣ Петербургъ будетъ на столько вѣжливъ, что вмѣсто безпокойства всѣхъ вѣнчанныхъ особъ Европы, удовольствуется четырьмя (много пятью) представителями Англіи, Франціи, Пруссіи и Австріи, хотя по ходу дѣла достаточно было бъ и двухъ послѣднихъ. Если на вѣнскомъ конгрессѣ было дѣйствующихъ лицъ болѣе, то это потому лишь, что тогда было больше обиженныхъ самоправствомъ французскаго императора и болѣе тѣхъ, которые должны были условиться на счетъ починки и постройки разшатанныхъ, или разрушенныхъ имъ политическихъ зданій,—тогда какъ теперь бунтуются (*безъ всякаго основанія*) одни поляки, усмирять которыхъ есть обязанность одной Россіи не имѣющей нужды къ подавленію мятежа въ сторонней помощи.

Хотя Людовикъ Наполеонъ и говоритъ, что «Россія уже объявила, что конференціи, въ которыхъ были бы обсуждены всѣ другіе, волнующіе Европу вопросы, не оскорбятъ ни чѣмъ ея достоинства;» но изъ этихъ словъ *(еслибъ они и были сказаны)* не слѣдуетъ еще, что Россія предоставила право *императору французовъ* созывать конгрессъ въ Парижѣ *для обсужденія польскаго вопроса*: «конференціи»—не конгрессъ, «*всѣ другіе, волнующіе Европу вопросы» не польскій вопросъ*. Конференціи могутъ быть ведены и обыкновеннымъ путемъ дипломатіи. На это толкованіе наводятъ насъ и слова князя Горчакова на счетъ «дружественнаго обмѣна мыслей (и притомъ) на основаніи и въ предѣлахъ трактатовъ 15 г.,» рѣшительный отказъ Россіи на счетъ созванія конгресса изъ представителей державъ, подписавшихъ вѣнскій трактатъ, и желаніе войдти въ сношеніе, по польскому дѣлу, *съ Пруссіей только и Австріей*. Не думаемъ, чтобы ораторъ 5 ноября могъ найдти противорѣчіе въ документахъ нашего министра иностранныхъ дѣлъ и чтобы Россія захотѣла

говорить на словахъ о томъ, о чемъ отказалась она говорить на бумагѣ, что бы перемѣна пера на живое слово могла перемѣнить существо дѣла и взглядъ на него Россіи. Если она отвергала конгрессъ по польскому дѣлу изъ 8 державъ; то тѣмъ болѣе должна отвергнуть конгрессъ изъ 20. Большинство голосовъ на этотъ конгрессъ едва ли было бы на сторонѣ ея интересовъ.

Мы не говоримъ о тонѣ и значеніи тѣхъ фразъ рѣчи Наполеона, въ которыхъ онъ считаетъ поляковъ чуть не святыми, укоряетъ Россію за то, что она топчетъ въ Варшавѣ трактаты 15 года [1]) (къ чему вступаться за такую ветошь?); узаконяетъ мятежъ польскій какимъ то правомъ и трактатами, трактуетъ о зданіяхъ, подточенныхъ временемъ, о тайныхъ замыслахъ, боящихся дневнаго свѣта, о сохраненіи разваливающагося прошлаго [2]) и проч.,—онѣ результатъ той любви, въ которой, за нѣсколько строкъ выше, объясняется предъ Россіей парижскій миротворецъ. Честь его уму и сердцу! Вѣроятно эта любовь досталась ему въ наслѣдство послѣ дяди. И тотъ былъ влюбленъ въ Россію послѣ тильзитскаго мира, и этотъ почувствовалъ нечаянный приливъ любви къ Россіи послѣ парижскаго. И тотъ хотѣлъ выторговать у насъ согласіе на подрывъ англійской торговли, и этотъ обезопасилъ себя на счетъ похода въ Италію и выторговалъ Ниццу и Савоію—посредствомъ тойже любви. И тотъ, послѣ любви къ Россіи, нахлынулъ на нее нечаянно со всей Европой, и этотъ сердечно желалъ за дружбу Россіи отблагодарить тѣмъ же, да только теперь *пѣшки*, *ладьи*, *офицеры*, *башни*, *слоны*, *королевы и короли* стоятъ на *шахматной доскѣ* Европы не совсѣмъ удобно для повторенія дядюшкина *хода*,—и вотъ захотѣлось пригласить

---

[1]) Нельзя не удивляться польности (или чему либо другому) перевода рѣчи Наполеоновой тѣми органами нашими, которые выбросили въ немъ это мѣсто.

[2]) Пусть себѣ толкуетъ эти и подобныя мѣста рѣчи Наполеоновой кто какъ хочетъ, а мы очень хорошо понимаемъ, къ кому онѣ относятся по преимуществу.

сперва Европу въ Парижъ [1]), а потомъ уже, переставивъ *шашки* какъ слѣдуетъ, сдѣлать съ нею (если удастся) *шахъ и матъ* Россіи. Чтожъ? Милости просимъ! Прижмемъ дорогихъ гостей къ сердцу по русски;—

Есть мѣсто имъ въ степяхъ Россіи,
Среди нечуждыхъ имъ гробовъ.

---

[1]) Впрочемъ, кромѣ удовольствія—поставить на своемъ, порисоваться между представителями европейскаго человѣчества, занять между ними что то похожее на роль законодателя,—Франція не останется въ убыткѣ отъ конгресса, если въ Парижѣ останется послѣ него 15—20 милльоновъ франковъ европейской звонкой монеты.

IV.

ЗАМѢТКА
объ улучшеніи быта духовенства юго-западнаго края Россіи.

Православное сельское духовенство, служившее при церквахъ, въ юго-западномъ краѣ Россіи, нѣсколько прошедшихъ вѣковъ, находилось въ невыразимо-бѣдственномъ состояніи, относительно средствъ къ матеріальному существованію. Съ начала нынѣшняго столѣтія и до 1842 года, духовенство юго-западнаго края оставалось при двухъ только способахъ къ содержанію — земледѣльческій трудъ и копѣечное вознагражденіе за приходскія требы. Нуждаясь въ необходимыхъ для устройства и развитія сельскаго хозяйства капиталахъ, не имѣя достаточныхъ средствъ построить домы и службы хозяйственныя, не получая отъ многихъ помѣщиковъ католиковъ ни отопленія, ни лѣсныхъ матеріаловъ, необходимыхъ въ домашнемъ быту, для устройства новыхъ и поддержанія старыхъ службъ; лишаемое часто владѣльческими экономіями не только работниковъ, но даже иногда единственной домашней прислуги,—духовенство сельское, намѣренно угнетаемое польскою пропагандой, страдало бѣдностію, униженіемъ, не много разнилось отъ сословія крестьянскаго и нерѣдко несло на себѣ всю тяжесть разнообразнаго плинѳодѣлія земледѣльческаго... Жены и дочери сельскихъ священниковъ, по причинѣ бѣдности и угнетенія, лишены были всякаго общественнаго образованія; рѣдкія изъ нихъ знали славянскій букварь и не умѣли даже объясняться на русскомъ языкѣ, ограничиваясь только знаніемъ не хитраго поваренняго искусства и простыхъ пріемовъ сельскаго хозяйства. Не удивительно, по

сему, если духовное сословіе юго-западной Россіи, озабоченное разными нуждами житейскими, подведенное складомъ историческихъ обстоятельствъ подъ одинъ почти уровень съ туземными простолюдинами, нуждаясь постоянно въ его помощи матеріальной, не имѣло возможности нравственно влiять на простой класъ народа. Слѣдствіемъ сего было то, что духовенство сельское не пользовалось должнымъ уваженіемъ не только у враждебнаго по вѣрѣ и обстановкѣ жизни дворянства польскаго и мелкой шляхты, но даже у евреевъ, усердныхъ адептовъ польскихъ пановъ... Быть можетъ, такое безвыходное положеніе духовенства, обитавшаго въ юго-западной Россіи, продлилось бы и до настоящаго времени, если бы въ Бозѣ почившій Императоръ Николай I не благоволилъ даровать новаго и лучшаго устройства быту сельскаго православнаго духовенства. Сей благосердый и мудрый Монархъ, въ своихъ неутомимыхъ, царственныхъ заботахъ о благоденствіи народовъ россійскаго государства, обратилъ державный взоръ свой и на духовное сословіе, угнетаемое бѣдностію съ незапамятныхъ временъ. Высочайше утвержденными положеніями въ 1842 году, 20 іюля, православному сельскому духовенству, въ юго-западныхъ епархіяхъ, по Высочайшей волѣ, опредѣлены постоянные оклады жалованья, количество котораго зависѣло отъ количества церковныхъ земель и числительности прихожанъ. Въ тоже время, благосостояніе сельскихъ священниковъ обезпечено было введеніемъ въ дѣйствіе Высочайше утвержденныхъ проэктовъ, въ силу которыхъ прихожане обязаны были обработывать для приходскихъ священниковъ определенное проэктомъ количество земли церковной (10 десятинъ) и при поступленіи ихъ на приходъ помогать имъ и прочимъ служителямъ церкви [1]) хлѣбомъ и деньгами, а постройку церковныхъ домовъ и всѣхъ службъ, со всѣмъ ихъ ремонтомъ, велено отнести на обязанность прихожанъ и владѣльцевъ, обязанныхъ выдавать лѣсной

---

[1]) Полож. 1842 г. іюля 20—священнику 30 р., діакону 20 р. причетнику 15 р. сереб. Кромѣ того, новоопредѣленному на приходъ священнику положено отпускать, изъ запасныхъ сельскихъ магазиновъ, по $1^1/_2$ пуда муки въ мѣсяцъ на каждаго члена семейства, въ теченіи всего года. См. тоже положеніе.

матеріалъ для церковныхъ строеній. Подобныя благодѣтельныя распоряженія правительства мало-по-малу подняли сельское православное духовенство на лучшую и болѣе прочную степень матеріальнаго и нравственнаго его состоянія, замѣтно улучшивавшагося послѣ достопамятнаго 1842 года.

Но улучшеніе быта сельскаго духовенства юго-западнаго края, чрезъ 20 лѣтъ, послѣ 40 годовъ, значительно измѣнилось. Оклады жалованья, назначенные духовенству въ 1842 году, въ настоящее время, утратили уже болѣе чѣмъ половину своей цѣнности, а потому и духовенство уже потеряло болѣе чѣмъ половину тѣхъ выгодъ, какія предоставлены ему въ этомъ источникѣ содержанія. Цѣны, какъ на содержаніе дѣтей въ училищахъ, на наемъ квартиръ въ городѣ, учителей и учительницъ, такъ равно на обзаведеніе хозяйствомъ, скотомъ рабочимъ, домашнею прислугою, на наемъ рабочихъ рукъ, послѣ 1842 года, увеличились въ три—четыре раза, особенно послѣ дарованной крестьянскому сословію свободы отъ крѣпостной зависимости. Ремонтъ на содержаніе домовъ церковныхъ, починка строеній церковныхъ, отопленіе ихъ, обработка полей, указанные проэктомъ, приводятся въ исполненіе весьма медленно, а индѣ и вовсе не приводятся. Оттого священники поставлены въ прискорбную необходимость затрачивать на означенныя нужды не только все получаемое ими скудное жалованье отъ правительства, но даже и послѣднюю трудовую копѣйку, выручаемую отъ продажи хлѣба и отъ доброхотныхъ даяній прихожанъ за такъ называемыя необязательныя приходскія требы... Эта «бѣдность и недостаточность обезпеченія матеріальнаго состоянія нашего духовенства», — какъ заявлено въ одномъ современномъ журналѣ [1])», давно уже заставляли говорить о себѣ и духовные и свѣтскіе журналы, давно уже вызывали необходимость обратить на себя вниманіе и позаботиться объ улучшеніи быта духовенства, давно уже составляли современный вопросъ и требовали фактическаго отвѣта. «Къ отысканію этого отвѣта, къ давно желанному улучшенію средствъ матеріальнаго обезпеченія приходскаго духовенства, къ расширенію его гражданскихъ правъ и преимуществъ, къ открытію дѣтямъ духовенста путей къ обезпеченію своего существованія и призываетъ нынѣ ду-

[1]) См. Сын. Отеч. 1863 г. № X. (Воскресный).

ховное сословіе Августѣйшая благость и милость милосердаго и человѣколюбиваго Монарха нашего АЛЕКСАНДРА II, предоставляя самому же духовенству обсудить всѣ вопросы, касающіеся улучшенія его быта, учредивъ для сей цѣли «общее присутствіе изъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ». Какъ же и повелѣніемъ Высочайшимъ, и предложеніемъ епархіальнаго начальства предоставлено теперь право каждому приходскому священнику заявлять свое мнѣніе о нуждахъ своихъ и о томъ, чѣмъ можетъ быть улучшено наше положеніе; то мы смѣемъ надѣяться, что и «Вѣстникъ Юго-Западной и Западной Россіи» удѣлитъ уголокъ на своихъ страницахъ и нашей замѣткѣ [1])? Чѣмъ можно-бы улучшить не вполнѣ еще обезпеченный матеріальный бытъ сельскаго духовенства?

Какъ первою и главнѣйшею потребностію и заботою, въ настоящій вѣкъ прогресса и цивилизаціи, для родителей, должно быть воспитаніе и образованіе дѣтей ихъ въ училищахъ науками: то и первымъ желаніемъ духовенства всегда было и есть желаніе обладать, по возможности, болѣе обширными средствами, нужными для полнаго и окончательнаго образованія дѣтей своихъ въ училищахъ. Но достаточны ли къ сему тѣ средства, которыя имѣетъ духовенство въ получаемыхъ имъ нынѣ окладахъ жалованья? На этотъ вопросъ весьма вѣрный отвѣтъ представленъ въ кіевскихъ епархіальныхъ вѣдомостяхъ [2]). Там заявлено, что «самое скромное содержаніе сына въ го-«родѣ не можетъ стоить менѣе 100 р. сереб. [3]) и при томъ «большая часть этой суммы нужна наличными деньгами, въ «опредѣленное время, а не когда вздумается, или когда есть «возможность. А если у священника два, три сына въ училищахъ?...» Въ самомъ дѣлѣ, возможно ли сельскому священнику, получающему среднимъ числомъ около 100 р. содержанія въ годъ, на все свое семейство, воспитать въ училищахъ двухъ, трехъ, а иногда и пятерыхъ сыновей? Если содержаніе одного сына въ городѣ обходится не менѣе 100: то воспитаніе 3, 4 необходимо обойдется въ такую цифру,

---

[1]) Съ удовольствіемъ. Ред.

[2]) Смотр. № 7 Кіев. Епар. Вѣд. 1863 г.

[3]) И 150 р., будетъ цифра рѣшительно недостаточная. Ред.

какая произойдетъ отъ умноженія 3, 4 на 100, и въ произведеніи тогда получится 300, 400 р. Гдѣ же бѣдному сельскому священнику взять столько денегъ?...—Не говоримъ уже о бѣдныхъ причетникахъ, получающихъ отъ 30—35 р. сер. въ годъ всего жалованья, и то не своевременно выдаваемаго изъ уѣздныхъ казначействъ; умалчиваемъ здѣсь и о бѣднѣйшихъ вдовахъ священно и церковнослужителей, получающихъ изъ попечительства около 10 р. въ годъ, и часто поставленныхъ въ прискорбную необходимость отдавать и эту нищенскую лепту на содержаніе дѣтей, съ трудомъ и препятствіями принимаемыхъ въ училища на полуказенное содержаніе, или на такъ называемую «взносную сумму?»... А отъ недостатка средствъ, необходимыхъ для воспитанія въ училищахъ дѣтей, особенно сиротскихъ и причетническихъ, а также многосемейныхъ священниковъ, сколько останется въ домахъ родительскихъ дѣтей, обреченныхъ на земледѣльческіе труды и невѣжество, сколько ихъ, по необходимости, поступаетъ на должности пономарей и сторожей; тогда какъ, напротивъ, получивши приличное воспитаніе въ учебныхъ заведеніяхъ онѣ могли бы быть, въ послѣдствіи, полезнѣйшими членами для церкви, престола и отечества!... Такимъ образомъ, по крайнему нашему разумѣнію, необходимо бы, прежде всякаго другаго обезпеченія, въ духовномъ сословіи, обезпечить содержаніе въ училищахъ дѣтей духовенства въ юго-западномъ краѣ Россіи, а для сего слѣдовало бы устроить слѣдующее: изъ духовно-учебныхъ капиталовъ построить особыя общія квартиры или духовный *квартирный корпусъ*, въ который были бы принимаемы дѣти многосемейныхъ и бѣднѣйшихъ сельскихъ священниковъ на казенное содержаніе или смотря по состоянію родителей съ небольшою платою за содержаніе.

Если же эта, благодѣтельная для улучшенія быта духовенства, мѣра не могла бы, въ скоромъ времени, осуществиться на дѣлѣ, по чему-бы то ни было; то не менѣе благодѣтельно-бы было отпустить, изъ извѣстныхъ правительству суммъ, на воспитаніе каждаго сына священниковъ около 80 р. сереб. въ годъ, каковой окладъ можетъ и прекращаться, послѣ окончанія учебныхъ курсовъ дѣтьми священно-служителей и поступленія ихъ изъ училищнаго въ епархіальное вѣдомство. Приложеніе къ практикѣ этого проэкта много улучшило бы ма-

теріальной бытъ духовенства; а въ нравственномъ отношеніи было бы полезно тѣмъ, что дѣти, живя въ одномъ корпусѣ, подъ руководствомъ и надзоромъ опытныхъ смотрителей и наставниковъ, проникались-бы однимъ направленіемъ, привыкали-бы къ порядку и, несомнѣнно, могли бы оказывать гораздо лучшіе успѣхи въ наукахъ, не развлекаясь хозяйственными хлопотами и квартирными соблазнами, не утомляясь не близкимъ хожденіемъ, въ холодную и ненастную погоду, изъ своихъ квартиръ въ духовныя заведенія. Для самихъ же родителей упомянутая мѣра была-бы благотворна въ томъ отношеніи, что священники избавились-бы отъ тяжелой обязанности отыскивать дѣтямъ своимъ часто невыгодныя и далеко отстоящія отъ училища квартиры и видѣть ихъ порчу нравственную, происходящую отъ невозможности училищному начальству слѣдить зорко и постоянно за поведеніемъ учениковъ, разсѣянныхъ по всему городу и нерѣдко затерянныхъ въ закаулкахъ, почти недоступныхъ для контроля.

Но если обезпеченіе семействъ и пособіе для воспитанія дѣтей духовенства въ училищахъ необходимо и при жизни ихъ родителей; то оно далеко необходимѣе по смерти сихъ послѣднихъ. Пока живы отцы, до тѣхъ поръ и семейства ихъ имѣютъ хотя бѣдное содержаніе, хотя убогое, обезпеченіе, пристанище, покровъ и вспомоществованіе, получаемое то отъ правительства въ окладахъ жалованья, земляхъ пахатныхъ и церковныхъ квартирахъ, то отъ прихожанъ въ доходахъ за требоисправленіе. Что же ожидаетъ осиротѣвшія духовныя семейства, по смерти главы семейства? Та горькая и плачевная участь, та крайняя бѣдность и безпріютность, которыя такъ вѣрно и краснорѣчиво описаны въ очеркѣ быта «вдовы сельскаго священника» [1]). Какъ же помочь этому горю и безпріютности семействъ духовныхъ, что бы можно придумать для матеріальнаго улучшенія ихъ быта?... Кромѣ пособія, ожидаемаго отъ правительства для сиротъ духовнаго званія, а также небольшихъ пособій, получаемыхъ нынѣ изъ епархіальныхъ попечительствъ, слѣдовало-бы образовать особую попечительскую кассу изъ небольшихъ жертвъ самихъ же священниковъ

---

[1]) Смотр. Руков. для сел. паст. 1860 г. ч. I. стр. 324.

кандидатовъ священства, и даже причетниковъ; пусть всѣ священники, ежегодно, вносятъ въ общую кассу, положимъ, неменѣе 5 р., а причетники не менѣе 1 р. въ годъ. Подобный умѣренный взносъ въ пользу сиротъ духовныхъ едва-ли былъ-бы обременителенъ для духовенства: а между тѣмъ изъ этихъ добровольныхъ жертвъ, въ общей ихъ сложности, могъ-бы образоваться чрезъ нѣсколько лѣтъ не малый капиталъ, который, могъ-бы быть залогомъ значительнаго обезпеченія многихъ осиротѣвшихъ духовныхъ семействъ. «Тогда», говоритъ одинъ духовный журналъ,» всякій священникъ, не умѣвшій или немогшій ничего скопить для обезпеченія своего семейства, могъ-бы быть вполнѣ увѣренъ, что онъ не оставляетъ его вовсе безъ средствъ; тогда не было-бы такой подавляющей часто заботы священника о будущности его семейства [1])». Но справедливость требуетъ, что-бы нетолько дѣйствительно служащіе священно и церковнослужители на приходахъ, но и вновь опредѣляемые на приходы, особенно же сиротскіе, кандидаты священства жертвовали-бы, что либо изъ полученнаго ими приданнаго, на содержаніе осиротѣвшихъ семействъ, или же, по крайнѣй мѣрѣ, жертвовали-бы въ общую сиротскую кассу хоть половину тѣхъ 30 р. сереб., которые выдаются каждому кандидату священства изъ консисторіи, при опредѣленіи на приходъ и въ которыхъ большинство молодыхъ священниковъ не имѣетъ нужды. Не было-бы также несправедливо, если-бы новопоступившіе священники выдѣляли сиротамъ умершаго своего собрата, хоть малую часть земли церковной пахатной и усадебной. Тогда «всякій священникъ, жертвуя частію своихъ средствъ въ пользу другаго семейства, могъ-бы быть увѣренъ, что и его семейство, послѣ его смерти, будетъ непремѣнно обезпечено его преемникомъ точно такимъ же образомъ» [2]).

Говоря о средствахъ, нужныхъ для обезпеченія осиротѣвшихъ духовныхъ семействъ, нельзя умолчать о многихъ престарѣлыхъ и подверженныхъ болѣзнямъ священно-служителяхъ, прослужившихъ честно и безукоризненно на своихъ должностяхъ отъ 25 до 50 годовъ и увольненныхъ въ заштатъ. Извѣстно, что во всѣхъ другихъ вѣдомствахъ, лицо, прослужившее установленное закономъ число лѣтъ, награждается по окончаніи

---

[1]) Смотр. „Духъ христіанина", за 1863 г. [2]) Тамъ-же.

службы, пожизненнымъ пансіономъ, который, по смерти мужей, продолжаютъ получать ихъ жены или дѣти, если не весь, то ½ или ⅓ часть. Если это милосердое дѣло оказывается лицамъ другихъ вѣдомствъ то почему же не награждать пожизненными пансіонами уволенныхъ въ заштатъ, при поведеніи честномъ, престарѣлыхъ священниковъ? Не ужели долголѣтняя и усердная служба церкви и отечеству этихъ тружениковъ менѣе важна, полезна и достойна награды и обезпеченія, чѣмъ служба и дѣятельность кого либо другаго?

Кромѣ престарѣлыхъ священниковъ, достойныхъ сострадалія и улучшенія быта ихъ за долголѣтнюю службу,—есть лица духовнаго званія, лишившіяся, по болѣзни, употребленія чувства зрѣнія, слуха, дара слова, искалеченные, парализованные, хромые, умалишенные—неужели эти несчастные, не могущіе нынѣ исполнять своихъ должностей, питавшихъ недавно какъ ихъ самихъ, такъ и семейства, должны остаться нищими и безпомощными, потому только, что Богу угодно было посѣтить ихъ болѣзнями? Пишущій сіи строки не безъ скорби и даже слезъ вспоминаетъ о подобномъ жалкомъ положеніи двухъ извѣстныхъ ему достойныхъ пастырей, въ нашемъ юго-западномъ краѣ. Одинъ изъ нихъ (О. А. А...скій) кончилъ курсъ к... семинаріи первымъ студентомъ и, не пожелавши поступить въ академію, былъ опредѣленъ учителемъ и инспекторомъ въ одно уѣздное училище. Наскучивъ однообразіемъ и мелочностью своихъ занятій, по убѣжденію одного изъ бывшихъ его наставниковъ семинаріи, онъ оставилъ свои учительскія занятія и поступилъ въ кіевскую д. академію. Окончивши курсъ въ ней со степенью магистра, О. А. А... получилъ должность профессора семинаріи и, чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ, женившись, получилъ мѣсто священническое, въ Кіевѣ. Что же случилось, въ послѣдствіи, съ этимъ достойнѣйшимъ пастыремъ?—Получивъ параличъ въ ногахъ отъ ревматизма, О. А., по болѣзни, долженъ былъ оставить каѳедру профессора и должность городскаго священника,—и нынѣ, безъ всякой надѣжды на выздоровленіе, влачитъ дни жизни своей, въ сельской глуши, у отца жены своей, получая единственное вспомоществованіе 100 р. за свою академическую степень. А сколько есть увѣчныхъ служителей церкви, не получающихъ и этого жалкаго вспомоществованія и неимѣющихъ ученой академической степени? Другой священ-

никъ, [1]) окончившій курсъ прежде бывшей академіи кіевской, исполняя должность пастыря на одномъ сельскомъ приходѣ болѣе 40 лѣтъ, выбился наконецъ изъ силъ и теперь, не получая накакого ни жалованья, ни пансіона, не имѣя чѣмъ содержать себя, не смотря на свою дряхлость, ходитъ по сосѣднимъ селамъ и у своихъ собратій–священниковъ испрашиваетъ милостыню, въ качествѣ странника или нищаго... Не достойно ли слезъ подобное положеніе старца священника?.. Эти и многіе другіе въ этомъ родѣ факты вопіютъ о необходимости возможно–скорѣйшаго улучшенія матеріальнаго быта сельскихъ–престарѣлыхъ, заштатныхъ и больныхъ священно–служителей!

Но не однимъ заштатнымъ и болѣзненнымъ духовнымъ лицамъ слѣдуетъ положить по–жизненные оклады денежные. Справедливость требуетъ не оставить безъ особыхъ окладовъ и всѣхъ должностныхъ лицъ, какъ то: благочинныхъ церквей, наблюдателей сельскихъ школъ, духовныхъ депутатовъ, законоучителей приходскихъ школъ и проч. Всѣ указанные нами должности, возлагаемыя епархіальною администраціею на лицъ духовныхъ, довольно трудны, весьма важны и полезны для церкви, престола и отечества; но при всемъ томъ, съ должностями этими у насъ, въ духовномъ вѣдомствѣ, не соединяется никакихъ матеріальныхъ выгодъ, тогда какъ съ ними соединены особые труды, трата времени и издержекъ. Поѣздки благочинныхъ и депутатовъ за 100 и болѣе верстъ для производства слѣдственныхъ дѣлъ или путевыя издержки наблюдателей сельскихъ училищъ, разъѣзжающихъ по цѣлому уѣзду безъ всякихъ прогоновъ, безъ кормовыхъ денегъ–мало ли стоятъ для должностныхъ лицъ?., Объ этомъ пробѣлѣ въ епархіальной духовной администраціи замѣчено даже въ одномъ современномъ свѣтскомъ журналѣ. [2])

Послѣ обезпеченія дѣтей духовенства содержаніемъ въ училищахъ, послѣ улучшенія быта и обезпеченія по–жизненными окладами заштатнихъ, больныхъ, престарѣлыхъ священниковъ, и вознагражденія должностныхъ лицъ особыми окладами, необходимо бы еще обратить попечительное вниманіе на домашнее

---

[1]) О. І. Ц..ій и нынѣ живъ,-и два раза даже посѣщалъ домъ пищущаго эти строки.

[2]) Смотр. Сынъ Отеч. 1863 г. м. апрѣль.

хозяйство сельскаго духовенства, обработку земель церковныхъ, отопленіе домовъ, ремонтъ ихъ, прислугу и проч. Правильное и единообразное исполненіе показанныхъ условій, необходимыхъ въ матеріальной жизни, весьма много обезпечило бы бытъ духовнаго сословія. Опытъ доказываетъ, что отъ благопріятныхъ условій жизни матеріальной, много зависитъ возвышеніе и усовершенствованіе жизни умственной и нравственной человѣка, нечуждаго образованія. Не менѣе вѣрно и то, что исправность, усердіе и любовь къ какой-бы то ни было должности общественной, много зависятъ отъ благопріятныхъ условій быта домашняго каждаго должностнаго человѣка, а въ томъ числѣ и пастыря церкви. Можетъ ли явиться у сельскаго пастыря желаніе и охота къ чтенію книгъ или сочиненію проповѣдей, когда у него семейство голодаетъ безъ пищи, страдаетъ безъ одежды, лишено теплаго жилища, когда синовья, обучающіеся въ училищахъ, письменно просятъ денегъ на уплату квартиры и для постройки нужнаго платья?.. Прійдетъ ли на умъ взяться за сочиненіе, за чтеніе журналовъ духовныхъ и свѣтскихъ, заняться усердно приходскою школою и обучающимися въ ней дѣтьми поселянскими,-когда, за неимѣніемъ прислуги и рабочихъ рукъ, сельскій пастырь бываетъ вынужденъ лично заниматься воздѣланіемъ поля, сборомъ травы съ сѣнокоса, посѣвомъ даже молотьбою,-или, когда дозрѣлый хлѣбъ, гибнущій на полѣ церковномъ, некому собрать?.. Эти явленія весьма часто встрѣчаются въ быту сельскаго духовенства, вопіютъ объ улучшеніи и обезпеченіи его хозяйства, о необходимости дать ему нужныя средства: а) обработку земли,-б) на отопленіе домовъ церковныхъ и в) на наемъ прислуги. Предлагаемъ свои соображенія по сему предмѣту:

а) *Объ обработкѣ земель церковныхъ.*

По положеніямъ Высочайше утвержденнымъ 20 іюля, 1842 года, объ обезпеченіи быта сельскаго православнаго духовенства, обработка земель церковныхъ возложена была на обязанность прихожанъ. Но справедливость требуетъ сказать, что выполненіе этого распоряженія, въ сущности своей благодѣтельнаго для духовенства, всегда соединялось съ большими трудностями для бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, а для священниковъ сельскихъ—съ горькими неудобствами, униженіями, нескончаемыми процессами и непріятностями. Крестьяне, обя-

занные работать въ пользу помѣщиковъ, прежде всего пахали и обрабатывали ихъ земли, собирали хлѣба озимые, яровые и травы первѣе всего,—своимъ владѣльцамъ; послѣ барской работы, заботились о своихъ поляхъ и о сборѣ своего хлѣба, какъ о единственномъ источникѣ для извлеченія капиталовъ, необходимыхъ на удовлетвореніе налоговъ и матеріальныхъ нуждъ домашнихъ, хозяйственныхъ и общественныхъ,—обработка же земель церковныхъ всегда относилась на задній планъ, т. е. считалась обыкновеннымъ дѣломъ, почти необязательнымъ, можно сказать третьестепеннымъ, принудительнымъ. Да и какъ обработывалась земля церковная, находившаяся въ пользованіи священниковъ? — Грустно и подумать, а еще грустнѣе разсказывать?—Почти всегда и вездѣ позже всѣхъ пахалось и сѣялось на священническихъ участкахъ тамъ, гдѣ надѣялись на исполненіе проэкта прихожанами; хлѣбъ и сѣно собирались то урывками, то за угощеніе водкою, то въ праздники и высокоторжественные дни, то въ послѣдній (индѣ) день недѣли, когда утомленный прихожанинъ не хотѣлъ уже идти на помѣщичью и свою работу... очевидно, что такая урывочная и несвоевременная обработка земель священническихъ ни куда негодилась, сопровождалась, и нынѣ сопровождается, большими препятствіями, затрудненіями для духовенства и самыми горькими столкновеніями пастыря съ пасомыми, возбуждающими взаимное несогласіе, дрязги и разныя неудовольствія перваго съ послѣдними,—вмѣсто мира, любви и взаимнаго доброжелательства... А обработываемая не въ пору, поздо засѣянная земля церковная не приносила и половины той пользы, какой можно ожидать земледѣльцу, при своевременной и правильной обработкѣ земли. Съ уничтоженіемъ же власти помѣщиковъ надъ бывшими ихъ крестьянами, они теперь вовсе не желали бы заниматься обработкою полей священническихъ, считая это дѣло даже немалымъ стѣсненіемъ для своей гражданской, дарованной имъ свободы. А потому, если оставить обработку полей церковныхъ, по прежнему, на обязанности крестьянскихъ общинъ,—то это съ одной стороны послужитъ стѣсненіемъ свободы крестьянъ, а съ другой стороны не принесетъ (какъ и прежде не приносило) надлежащей пользы для духовныхъ землевладѣльцевъ. Чтобъ избѣжать этихъ неудобствъ остается одно средство по мнѣнію многихъ священниковъ, (съ которыми ни-

щущій сіи строки входилъ по этому предмету въ собесѣдованія и разсужденія), лучше было бы, если бы правительство назначило денежные оклады сельскому духовенству на обработку земель церковныхъ, приспособленные къ цѣнамъ, какія въ юго-западномъ краѣ нынѣ существуютъ на рабочія руки, тогда бы и земля у священниковъ обработывалась своевременно, и приносила больше урожая и другихъ выгодъ; а общины сельскія избавились бы отъ принудительныхъ работъ, стѣсняющихъ нынѣ ихъ гражданскую свободу и парализующихъ самыя мирныя и добрыя отношенія пастыря съ пасомыми...

б) *Объ отопленіи домовъ церковныхъ*. Положеніе, касательно отопленія помѣщеній сельскихъ причтовъ юго-западнаго края, весьма мало обезпечивало эту нужду православнаго духовенства и не достигало цѣли правительства, по милости враждебныхъ намъ владѣльцевъ-католиковъ... Закрѣпленное проэктами количество топлива существовало только на бумагѣ. До 19 февраля 1861 г., т. е. до обнародованія Высочайшаго манифеста объ освобожденіи крестьянъ изъ-подъ власти помѣщиковъ, владѣльческія экономіи, хоть не безъ тяжкихъ усилій со стороны духовенства, отыскивали ему въ нѣкоторыхъ лѣсистыхъ мѣстностяхъ сажени двѣ-три гнилыхъ дровъ изъ валежника, а въ другихъ, безлѣсныхъ мѣстахъ Украины отпускаема была для отопленія домовъ церковныхъ солома отъ экономіи или общества сельскаго. Но съ 1861 года и по настоящее время, всѣ почти экономіи помѣщичьи единогласно и совершенно отказались доставлять отопленіе для домовъ церковныхъ. Прихожане, будучи бѣдны и сами нуждаясь въ отопленіи, отказанномъ и имъ всѣми почти помѣщиками,—сами теперь не имѣютъ отопленія и причтовъ церковныхъ отказываются снабжать не только дровами, но даже соломою. Въ такой крайности, причты церковные вынуждены покупать у сосѣднихъ экономій, кто въ состояніи, дрова для отопленія, а кто солому. Для доказательства несомнѣнности этого лишенія представляемъ самый достовѣрный фактъ, продолжающійся 12 лѣтъ въ моемъ N приходѣ. Еще въ ноябрѣ 1850 года проэктомъ, Высочайше утвержденнымъ для причта N церкви положено слѣдующее отопленіе: «для отопленія дома священника (выписываемъ подлинныя слова проэкта) помѣщикъ жертвуетъ отъ себя изъ валежника 4 сажени дровъ, считая каждый по

8 фуръ; а для дьячка, пономаря и просфорни, прихожане здѣшней церкви, согласно 53, 54 и 55 стат. положенія, должны доставлять ежегодно по двѣ сажени дла каждаго озимой мятой соломы.» Но горькій, двѣнадцатилѣтній опытъ доказалъ, что до 1861 г. для отопленія домовъ священника, съ большими затрудненіями, отпускалось экономіею мѣстною только 2 сажня дровъ изъ валежника, а остальныхъ двухъ саженей не было никогда выдаваемо экономіею, будто бы по причинѣ малаго количества лѣса въ этомъ имѣніи. Что касается причетниковъ, то они, благодаря польской экономической администраціи, вовсе не получали положеннаго имъ отопленія ни отъ помѣщика, который отсылалъ просителей за отопленіемъ къ прихожанамъ, ни отъ прихожанъ, которые отговаривались тѣмъ, что ихъ громадскій хлѣбъ съ соломою находится въ рукахъ помѣщика, и они не имѣютъ права распорядиться,—даже своею собственностію; словомъ, чтобы не умерѣть отъ зимняго холода, причетники вынуждены были испрашивать, въ видѣ милостыни, отопленіе или у сосѣднихъ помѣщиковъ, или же покупать солому за свои деньги у своихъ же мѣстныхъ владѣльцевъ. Чтобы не повторялись подобные горькіе случаи, относительно отопленія,—по мнѣнію многихъ сельскихъ священниковъ, необходимо ассигновать хоть малый окладъ отъ правительства или отъ сельскихъ общинъ на отопленіе домовъ священно и церковно—служительскихъ.

в) О *прислугѣ*. Для священно-служителей, какъ домохозяевъ, имѣющихъ семейства, занимающихся земледѣліемъ, скотоводствомъ (иногда пчеловодствомъ), садоводствомъ и другими отраслями сельскаго хозяйства, необходима домашняя прислуга, безъ помощи которой не только трудно, но и рѣшительно невозможно содержать въ порядкѣ домъ, хозяйство, семейство и проч. Но кому неизвѣстно, какъ нынѣ не дешево обходится наемъ порядочной прислуги для каждаго, не только городскаго, но и сельскаго жителя!.. До времени дарованія свободы крестьянамъ, когда не были формулированы цѣны рабочимъ рукамъ, прислугою пользовались сельскіе священники за туже цѣну, какую угодно было платить вольно—наемной прислугѣ помѣщикамъ и прочимъ сельскимъ обывателямъ. Порядочнаго человѣка, знающаго хозяйство, на его одеждѣ, можно было прежде нанять за 15 р. сереб. въ годъ; опытную жен-

шину стряпуху можно было договорить за 10 р. сереб. въ годъ; мальчикъ, для присмотра за скотомъ, нанимался за 4—5 р., дѣвчонка для присмотра за дѣтьми довольствовалась 3, 4 рублями сереб. Съ измѣненіемъ же денежной единицы, съ опредѣленіемъ цѣны рабочаго дня, особенно-же—съ освобожденіемъ крестьянъ изъ подъ власти помѣщиковъ, цѣны на прислугу и вообще на рабочія руки возвысились почти въ три-четыре раза дороже противъ прежняго. Теперь, какъ помѣщики, такъ и сельскіе священники, заключая добровольныя условія съ прислугою, принуждены платить работнику, способному заниматься хозяйствомъ, не менѣе 25 р. сереб., молодому парню, способному досматривать лошадей 20 р. сереб., стряпухѣ 20 р., дѣвчонкѣ — нянькѣ, на ея одѣяніи, 12 р., мальчику-пастуху 10 р. сереб. Итого, для найма самой необходимой прислуги, нужно для священника 87 р.

Какъ же сельскому священнику, занимающемуся хозяйствомъ, большею частію обремененному семействомъ, при самомъ умѣренномъ хозяйствѣ, необходимо держать прислуги мужеской не менѣе 3, а женской 2 лицъ; то на наемъ ихъ необходимо каждому сельскому священнику назначить дополнительный окладъ, какой окажется возможнымъ, изъ тѣхъ-же самыхъ источниковъ, изъ которыхъ уже ассигнована къ ежегодному отпуску, сумма для домовъ монастырскихъ, въ замѣнъ назначенія штатныхъ служителей,—что было публиковано въ № 8 кіевскихъ епархіальныхъ вѣдомостей за текущій 1863 годъ. Подобное вспомоществованіе, оказанное сельскому духовенству, для необходимаго въ хозяйственномъ отношеніи найма прислуги, много улучшило-бы матеріальный бытъ духовенства... Тогда сельское духовенство, большинство прислуги котораго составляютъ слѣпые, хромые, глухіе или нѣмые, избавилось-бы отъ этихъ тунеядцевъ и неспособныхъ ни къ чему работниковъ, а, обзаведшись лучшею и здоровою прислугою, гораздо успѣшнѣе повело-бы и свое домашнее хозяйство, ходъ и успѣхъ котораго постоянно замедлялся и теперь замедляется отъ недостатка хорошей прислуги.

Наконецъ улучшенію быта духовенства, по мнѣнію многихъ сельскихъ священниковъ, много способствовало-бы прибавленіе земель церковныхъ въ тѣхъ приходахъ, гдѣ только выдѣлено 33 десят. земли, т. е. указанная пропорція. Обыкно-

венно, по распоряженію епархіальнаго начальства, каждый сельскій священникъ обязанъ выдѣлить 3 часть земли пахатной и усадебной для причетниковъ: дьячка, пономаря и просфорни (гдѣ она есть.) Если-это сдѣлать, то на долю сельскаго священника изъ 10 десятиннаго участка земли остается 6⅓ десятины: обезпеченіе очень неудовлетворительное!—гдѣ-же взять земли, чтобы придать ее духовенству, въ большемъ количествѣ? Извѣстно, что при весьма многихъ церквахъ юго-западнаго края существуютъ такъ называемыя «эрекціальныя земли», количество которыхъ превышаетъ казенную пропорцію земли въ два, три и даже четыре раза. Въ уѣздахъ: сквирскомъ, липовецкомъ, бердичевскомъ, таращанскомъ, васильковскомъ, звенигородскомъ, уманскомъ и другихъ есть церкви, которыя владѣютъ 80, 120 и 150 десятинами участками земли тогда, какъ при нѣкоторыхъ церквахъ кіевской епархіи нѣтъ и 30 десятинъ земли. А потому не было бы несправедливо, если бы земли церковныя были вездѣ уравнены по возможности, т. е., имѣющихъ двойную и особенно тройную пропорцію земли отрѣзать нѣсколько десятинъ и придать тѣмъ церквамъ, которыя мало имѣютъ земли по количеству, или худую землю по ея качеству. Это можно бы сдѣлать такъ: земли, превышающія указную пропорцію, отрѣзать и продать помѣщикамъ или крестьянамъ-собственникамъ, по установленнымъ Высочайшими положеніями цѣнамъ; за вырученную сумму отъ продажи излишка земель церковныхъ прикупить земли тѣмъ церквамъ, которыя имѣютъ ее въ маломъ количествѣ, а еще болѣе въ худомъ качествѣ. [1]) Если же эта мѣра, для улучшенія быта духовенства, оказалась бы неудобоисполнимою, то слѣдовало бы сдѣлать въ приходѣ казеннаго вѣдомства такъ, какъ предположено Высочайше учрежденнымъ присутстіемъ по дѣламъ православнаго духовенства, т. е. кромѣ 33-хъ десятинной пропорціи земли, отвѣсти увеличенные размѣры земель, тамъ, гдѣ для этого окажутся свободныя земли казенныя; а также, преимущественно въ западномъ краѣ, передать въ постоянное пользованіе приходскихъ священниковъ большее или меньшее число казенныхъ арендныхъ статей (фермъ, земель, мельницъ, рыб-

---

[1]) Смотр. № 25 Кіев. Губ. Вѣд. стр. 285. Указ. прав. сен. отъ 4 іюля 1863 года.

ныхъ ловель), въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ по размѣрамъ о доходности этихъ статей и по другимъ условіямъ, таковая передача будетъ признана возможною.» [1]) Въ имѣніяхъ же польскихъ помѣщиковъ, гдѣ многія имѣнія будутъ подлежать секвестру, за участіе владѣльцевъ въ мятежѣ польскомъ,—было бы справедливо выдѣлить священникамъ земли пахатной по нѣсколько десятинъ изъ секвестрованныхъ имѣній. Уравненіе и прибавка земель при церквахъ, а также и окладовъ жалованья, кромѣ матеріальнаго улучшенія бѣдныхъ причтовъ юго-западнаго края, была бы еще выгодна и въ другомъ отношеніи. Извѣстно, что готовящіеся быть священниками въ сельскихъ приходахъ, по окончаніи курса наукъ, стараются занимать, большею частію, лучшіе и выгоднѣйшіе приходы и смотрятъ на приходъ не какъ на паству І. Христа, а какъ на имѣніе съ извѣстнымъ количествомъ земли, ищутъ приходовъ съ большимъ числомъ прихожанъ, и большимъ количествомъ окладовъ жалованья. Отсюда происходитъ то неудобство, что приходы, бѣдны народонаселеніемъ или количествомъ земли, какъ не выгодные въ матеріальномъ отношеніи, часто и при томъ долгое время остаются безъ священниковъ. Съ уравненіемъ же земель и жалованья, — это неудобство устранилось бы. Тогда всякій приходъ былъ бы хорошъ; потому что онъ равенъ другимъ, по матеріальнымъ выгодамъ, количеству земли, окладу жалованья и проч; тогда съ удовольствіемъ и охотою кандидаты священства спѣшили бы занимать даже меньшіе приходы, какъ менѣе требующіе пастырскихъ трудовъ; [2]) тогда они не употребляли бы, при занятіи приходовъ, тѣхъ, часто нечистыхъ средствъ и незаконныхъ мѣръ, которыя, къ сожалѣнію,

---

[1]) А если церковной земли не захочетъ никто купить, а въ другомъ мѣстѣ не укого будетъ купить? Ред.

[2]) Тогда всѣ гонялись бы за малыми приходами, а большіе въ свою очередь „часто и притомъ долгое время оставались бы безъ священниковъ,“ а особенно тогда бы пастырскіе труды вознаграждались слишкомъ неравномѣрно и не раціонально; священникъ 2000-наго прихода, раскинутаго на пространствѣ 10—20-ти верстъ, получалъ бы тѣже выгоды отъ прихода, что и священникъ сельца въ 300—400 душъ обоего пола. Вообще мы не

иногда употребляются кандидатами пастырскаго сана при занятіи хорошихъ приходовъ, или при обмѣнѣ худшаго на лучшій?

Таковыя соображенія наши, касающіяся къ улучшенію матеріальнаго быта православнаго духовенства юго-западнаго края! Вѣрны ли и насколько удовлетворительны наши, въ собраніяхъ братскихъ обсуждаемыя соображенія,—представляемъ гласности, на судъ общественнаго мнѣнія...

Сельскій священникъ П... С...ій.

вполнѣ сочувствуемъ указаннымъ здѣсь О. С. мѣрамъ къ поднятію благополучія сельскаго духовенства и помѣщаемъ его замѣтку частію потому, что въ ней наглядно обрисованы вопіющія лишенія нашего духовенства, частію потому, что нѣкоторыя изъ мѣръ, указанныхъ О. С. къ улучшенію быта духовенства въ здѣшнемъ краѣ, отличаются или оригинальностью, или согласіемъ съ мѣрами, указанными другими мыслителями и, слѣдовательно, высказанными большинствомъ, и потому болѣе авторитетными. Ред.

ГОРДІЕВЪ УЗЕЛЪ.

Знаніе прошедшаго необходимо для яснаго пониманія настоящаго. Это истина всѣми признаваемая.

Знать, *чѣмъ началось* польское движеніе въ сѣверо-западной Руси, необходимо для того, чтобы сумѣть во время прекратить его и пресѣчь всякую возможность его возобновленія въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ. Эту истину не признаютъ только развѣ тѣ лица, которыя тайно или явно сочувствуютъ мятежу.

Невѣроятно безсовѣстною ложью началось это движеніе и неслыханно нахально велось оно немногими коноводами.

Прежде чѣмъ приступить къ предмету статьи, я долженъ сдѣлать отступленіе.

Всякому извѣстно, что поляковъ въ Бѣлоруссіи весьма мало, но всякому *должно быть* извѣстно и то, что они здѣсь весьма сильны, составляя собою высшіе слои общества. Главою возстанія, какъ и слѣдовало ожидать, оказались помѣщики, языками его ксендзы, а сильными и ловкими руками чиновники, которые здѣсь до сего времени почти всѣ были поляки.

Преимуществами своего положенія паны умѣли воспользоваться превосходно. Видя невозможность прямой, открытой борьбы, они рѣшились брать предательствомъ и, коварно надѣвши на себя личину преданности къ отечеству, чуть чуть недостигли своей цѣли.

Первымъ ихъ дѣломъ было разъединить русское правительство съ русскимъ народомъ. *Усмиренія крестьянъ* ободрили пановъ, какъ удача самая полная. Неснимая еще съ себя личину, паны вызвали *шляхетское* движеніе, ознамено-

вавшееся пѣніемъ гимновъ, *жалобою*, преслѣдованіемъ всего русскаго и т. п.

Это послѣднее движеніе исходило изъ гимназій, монастырей и присутственныхъ мѣстъ.

Постоянно усиливая вызванное ими движеніе, паны клялись передъ начальствомъ, что они преданы душою правительству, что ихъ увлекаетъ «демократія», но что они смѣются надъ замыслами «молодой Польши».

Ложь эта необходима была панамъ для того, чтобы начальство обольщенное ихъ медовыми рѣчами, помогло имъ отнять у народа самое святое его достояніе, языкъ народный русскій и навязать ему *свой* языкъ.

Чтобы достигнуть своей народной цѣли, паны отъ одной лжи переходили къ другой. Обличенію ихъ гадкой, возмутительной крамолы—я посвящаю настоящее письмо.

Еще оговорка. У насъ при господствѣ въ литературѣ, такъ называемаго, обличительнаго направленія дозволяется писать о взяткахъ или, скорѣе, о крайней бѣдности и неразвитости мелкаго чиновничества, но Боже сохрани говорить что-либо о беззаконіи поляковъ чиновниковъ или учителей и т. п. губителей сѣвера-западной Руси.

Не смотря на это, я рѣшаюсь выставить къ позорному столбу лжецовъ поляковъ. Пора познакомить съ бичемъ обличенія этихъ татей, посягнувшихъ на душу русскаго крестьянства...

Во II т. «*Замѣчаній на проэктъ устава общеобразовательныхъ учебныхъ заведеній и на проэктъ общаго плана устройства народныхъ училищъ*» помѣщены мнѣнія педагогическихъ совѣтовъ гимназій и прогимназій виленскаго учебнаго округа и «*интиллигенціи*» этого края.

На страницѣ 462 помѣщены замѣчанія редактора «Виленскаго Вѣстника» А. Киркора, замѣчанія поразительно нечестивыя, полныя дерзкой, отчаянной лжи. Чтобы понять отвагу «*интилигенціи*» надо принять къ соображенію то, что эти господа разсчитывали на полное незнаніе запада-Руси великорусскимъ обществомъ, которое только недавно начало знакомиться съ несчастнымъ угломъ отечества.

Чтобъ нельзя было обвинить меня въ пристрастномъ или одностороннемъ сужденіи, я выписываю цѣликомъ слѣдующія вопіющія строки.

«Я не педагогъ, и потому не считаю себя въ правѣ разсматривать эти проэкты съ педагогической точки зрѣнія; но какъ публицистъ и хорошо знакомый съ мѣстными условіями здѣшняго края, рѣшаюсь представить нѣсколько общихъ замѣчаній; *высказываю въ нихъ не столько свое собственное, сколько общественное мнѣніе просвѣщеннѣйшихъ изъ здѣшнихъ жителей*.

«1. Проэктъ устава общеобразовательныхъ учебныхъ заведеній нераспространяется на учебныя заведенія Дерптскаго округа, Царства Польскаго и Кавказскаго края. Не распространяется конечно потому, что условія жизни этихъ провинцій, ихъ прошедшее, вѣра, языкъ и обычаи несогласны съ жизнію внутреннихъ губерній и потребовали бы особыхъ, примѣненныхъ къ мѣстности, положеній. Четыре губерніи: виленская, гродненская, ковенская и минская, составляющія виленскій учебный округъ, не подлежатъ этому изъятію и должны будутъ руководствоваться общими правилами. Между тѣмъ, кажется, никто не станетъ оспаривать, что эти губерніи, по народнымъ элементамъ, въ многомъ различествуютъ отъ внутреннихъ губерній и должны бы, кажется, по примѣру дерптскаго округа, получить особыя постановленія по этой части, или по крайней мѣрѣ, измѣненія въ общихъ правилахъ, сообразныя съ мѣстными потребностями. Въ этихъ губерніяхъ— 3,732,755 жит. обоего пола, и въ этомъ числѣ 1,784,101 католиковъ, т. е. *больше половины всего населенія, если принять въ соображеніе, кромѣ православнаго и другія исповѣданія*. Въ отношеніи языка, около милліона говорящихъ по литовски, или по жмудски; остальные говорятъ по польски, или такъ называемымъ бѣлорусскимъ нарѣчіемъ; но въ общественномъ отношеніи, во всѣхъ четырехъ губерніяхъ, и въ особенности въ сословіи дворянскомъ и городскихъ населеніяхъ, польскій языкъ преобладаетъ. *Наконецъ, если принять въ соображеніе нравы, обычаи, преданія, то каждому, хотя бы немного изучившему мѣстную этнографію легко замѣтить совершенно другія начала, другія условія жизни и слѣдовательно другія требованія въ отношеніи народнаго образованія*.

«2. Главное неудобство въ народномъ образованіи, доселѣ существовавшее и новымъ уставомъ не устраняемое, это—пре-

подаваніе предметовъ на языкѣ, который не былъ первымъ лепетомъ младенца, на которомъ мать его не изучала молитвы Господней, языкъ его мыслей и чувствъ. Общественный голосъ, мнѣнія благонамѣренныхъ педагоговъ требуютъ, чтобы въ здѣшнихъ учебныхъ заведеніяхъ предметы преподавались на польскомъ языкѣ, что не можетъ воспрепятсвовать точному и правильному изученію русскаго языка. Наши педагоги увѣряютъ, и мнѣніе ихъ подтверждается многочисленными примѣрами, что юноша, окончившій въ здѣшнихъ учебныхъ заведеніяхъ образованіе, если не поступитъ въ университетъ, или не станетъ изучать какой либо отрасли знаній собственными силами остается чуждымъ не только наукѣ, но и всякому умственному развитію.

«3 Каждая эпоха жизни народа вызываетъ особенныя, соотвѣтственныя потребности стремленія и дѣятельность. Въ настоящую минуту, когда, съ уничтоженіемъ крѣпостнаго права, общество призвано къ развитію новыхъ силъ, соотношеній и новыхъ обязанностей, первою и самою священною для всѣхъ является народное образованіе».

Не говоря о томъ, какъ безсовѣстно-убѣдительно старается *публицистъ* доказать, что «*народнымъ образованіемъ*» въ западной Руси должно считать ея образованіе польское, я укажу на чрезъ чуръ размашистое вранье *публициста*.

Всего жителей въ 4 губерніяхъ 3,732,755, «и въ этомъ числѣ 1,784,101 католиковъ, т. е. болѣе половины всего населенія»?

«Около милліона говорятъ по литовски или по жмудски: остальныя по польски, или такъ называемымъ бѣлорусскимъ нарѣчіемъ.»

По литовски и по жмудски въ этихъ губерніяхъ говорятъ не болѣе 800,000 т. обоего пола. Вблизи бѣлорусскихъ селеній, глубоко врѣзывающихся полосами въ ковенскую губернію, а также около сельскихъ дорогъ въ этой губерніи, всѣ литовцы прекрасно объясняются по русски (разумѣется на мѣстномъ нарѣчіи) и, если въ глуши *не всѣ* понимаютъ по русски, то благодаря тому, что паны изо всѣхъ сельскихъ училищъ изгнали русскій языкъ, замѣнивши его въ нихъ, равно какъ и въ сельскихъ и волостныхъ правленіяхъ, ненавистнымъ народу языкомъ польскимъ.

Что касается до городовъ, то и здѣсь польскій языкъ есть далеко не преобладающій языкъ. Мѣщанство, католики всѣ говорятъ хорошо по русски. Виленецъ, или гродненинъ говоритъ даже чище, чѣмъ какой нибудь вунчулякъ. Кромѣ того евреи, составляющіе большинство населенія нашихъ городовъ, усвоили себѣ и часъ отъ часу болѣе и болѣе усвоиваютъ русскій языкъ. Въ значительныхъ городахъ есть множество евреевъ, прекрасно владѣющихъ русскою рѣчью и перомъ.

Чтобы не утомить читателей совершенно краткими объясненіями недобросовѣстности коноводовъ *польскаго общественнаго мнѣнія въ Бѣлоруссіи*,—я перехожу снова къ выпискамъ.

Стр. 475. Мнѣніе минскаго губернскаго продводителя дворянства А. Лѣппы.

«Имѣя въ виду, что здѣшніе горожане, земледѣльцы-католики и весь многочисленный классъ бѣдныхъ дворянъ-однодворцевъ, а также значительная часть присоединенныхъ изъ уніи къ православію жителей первую молитву начинаютъ выговаривать на польскомъ языкѣ, основныя начала вѣры узнаютъ отъ матерей на томъ же языкѣ и отношенія сельскихъ поселянъ, какъ католиковъ такъ и православныхъ и земледѣльцевъ (землевладѣльцемъ), у которыхъ дома и въ экономической администраціи господствуетъ языкъ польскій, произвели то, что *кромѣ мѣстнаго нарѣчія, понятенъ рабочему классу одинъ только польскій языкъ*, я полагаю необходимымъ установить для преподаванія предметовъ въ народныхъ училищахъ языкъ польскій, чтобы этимъ облегчить учащимся пониманіе излагаемаго и способствовать развитію ихъ соображеній»

Часто человѣкъ залѣзши въ величавые лѣса мысли и, заблудясь, несетъ дичь.

Еще нелѣпыя замѣчанія новогрудскаго уѣзднаго предводителя дворянства Брохоцкаго.

«Необходимо возвратить преподаваніе всѣхъ наукъ на мѣстномъ польскомъ языкѣ во всѣхъ низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ западнаго края; *даже языкъ русскій слѣдуетъ преподавать по польски*, покрайней мѣрѣ, въ низшихъ классахъ, *пока ученикъ не приготовится достаточно говорить и писать правильно по русски*. Если возвращеніе польскаго языка для преподаванія на немъ всѣхъ предметовъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ необходимо, то тѣмъ

очевиднѣе оно необходимо въ сельскихъ и приходскихъ училищахъ. *Простой народъ здѣшняго края, менѣе чѣмъ поляки, понимаетъ по русски. Языкъ его есть славяно-польское нарѣчіе*, языкъ столь бѣдный, что крестьянинъ, для выраженія сколько нибудь серьезной мысли, употребляетъ часто польскія слова.

«И потому, въ приходскихъ и сельскихъ училищахъ науки должны быть изучаемы только на польскомъ языкѣ. *Иначе всѣ заботы и старанія о просвѣщеніи крестьянскаго сословія здѣшняго края недостигнутъ предполагаемой цѣли.*

Вотъ что говоритъ почетный попечитель минской гимназіи Наркевичъ-Іодко.

«Общеизвѣстно, что въ девяти западныхъ губерніяхъ весь высшій образованный и образующійся слой народонаселенія говоритъ по польски, почему же признаваемое справедливымъ и полезнымъ въ трехъ губерніяхъ остзейскихъ не примѣняется въ 9 губерніяхъ братскаго славянскаго народонаселенія! Принужденіе дѣтей которыхъ отцовскій и метеринскій языкъ есть языкъ польскій,—обучаться не на природномъ, а на русскомъ языкѣ, съ одної стороны потушаетъ стремленіе къ просвѣщенію, а съ другой *вмѣсто ожидаемаго правительствомъ сближенія, разрываетъ связь между нимъ и цѣлымъ слоемъ образованнаго и образующагося народонаселенія 9 губерній.* Истинная признаваемая польза и желаемая нынѣ польза государства отъ народнаго просвѣщенія требуетъ оказать столько справедливости и для братскихъ славянъ, сколько оказывается оной для нѣмцевъ До 1832 г. преподаваніе наукъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ въ 9 западныхъ губерніяхъ было на польскомъ языкѣ.»

Эти нахальныя притязанія также настойчиво поддерживаются вице-предсѣдателемъ виленской археологической коммисіи Балинскимъ, почетнымъ смотрителемъ училищъ новогрудскаго уѣзда княземъ Радзивиломъ и, болѣе или менѣе, всѣми педагогическими совѣтами гимназій и прогимназій виленскаго учебнаго округа.

Кромѣ этого требованія украсть у народа его родной языкъ, замѣнивши его языкомъ пошлой «*интелигенціи*» паны заявляютъ еще слѣдующее: 1, чтобы всѣ училища подчи-

нялись вліянію общества, т. е. *«интелигенціи»* 2,—чтобы почетнымъ попечителямъ, т. е. панамъ же,—была дана нѣкоторая власть надъ гимназіями и 3,—чтобы не заводило правительство семинарій для приготовленія учителей въ сельскія училища.

Эти требованія, безъ пополненій, краснорѣчиво говорятъ о настроеніи «интелигенціи.» Печальныя слѣдствія настроенія наставниковъ обнаружились вскорѣ, а до какой степени они были печальными слѣдствіями,—можно видѣть изъ этой вопіющей вѣдомости.

Состояло учениковъ въ 1863 году.

НАЗВАНІЕ ЗАВЕДЕНІЙ.	Къ 1-му января.	Къ 1-му мая.	Выбыло.
Виленскій двор. институтъ.	136	120	16
Гимназіи: Виленская . . .	621	521	100
— Свенцянская . . .	187	162	25
— Минская	648	460	186
— Новогрудская . . .	351	260	91
— Пинская	300	266	34
— Мозырская . . .	181	120	61
— Слуцкая	384	313	71
— Гродненская . . .	371	254	117
— Бѣлостокская . . .	410	286	124
— Ковенская . . .	401	206	195
— Кейданская . . .	387	133	254
— Шавельская . . .	488	264	224
— Поневѣжская . . .	426	218	208
			1706

Это *страшное число жертвъ* — незаконныхъ мечтаній «интелигенціи»; но тутъ еще не всѣ жертвы исчислены. Извѣстно, что до 1-го января и послѣ 1 мая многіе бросили гимназіи.. А прогимназіи—лишились, говорятъ, не меньшаго числа учениковъ.

Эта несчастная учащаяся молодежь,—была очистительною жертвою преступныхъ притязаній «интелигенціи».. Вооружен-

ное возстаніе открыло глаза правительству и обществу русскому.. Теперь, конечно, невозможно повтореніе такихъ безумныхъ требованій..

Но нельзя не согласиться, что пришла пора зрѣло обдумать средства къ уничтоженію возможности новыхъ безчестныхъ попытокъ.. Всякій, прочитавшій книгу, изъ которой сдѣланы мною вышеприведенныя выписки, прійдетъ къ тому заключенію, что Гордіевъ узелъ можетъ быть распутанъ только нанесеніемъ рѣшительнаго удара. У польскихъ коноводовъ должна быть отнята всякая надежда на осуществленіе ихъ нелѣпыхъ мѣчтаній снова поработить Польшѣ западную Русь, — лишеніемъ польскаго языка правъ гражданства и окончательнымъ изгнаніемъ его изъ присутственныхъ мѣстъ, театровъ, музеумовъ, училищъ и т. д.

Всѣмъ, желающимъ изучить польское движеніе въ западной Руси, совѣтуемъ прочесть книгу, о которой шла рѣчь. Я увѣренъ, что если бы наше русское общество повнимательнѣе захотѣло заняться участію бѣдной родины,-вѣсти изъ Бѣлоруссіи не были бы такъ безотрадны,-потому что стоитъ только узнать *все* основательно, чтобы *немедленно* исцѣлить страшныя язвы, нанесенныя ей измѣнниками.

Н. Виноградовъ.

1-го октября 1863 года.
Августовъ.

ГОЛОСЪ ИЗЪ—ПОДЪ БАТУРИНА.

Въ 247 № петербургской газеты «*Голосъ*,» настоящаго года, напечатана статья подъ титуломъ: «*Батуринъ (черниговской губерніи;) корреспонденція Голоса*». — Въ этой статьѣ какой-то «*проѣзжающій по дорогѣ изъ Кіева въ Москву*» говоритъ между прочимъ, что онъ замѣтилъ *(по дорогѣ!)* «*въ жителяхъ Батурина сильное желаніе учиться, и нашелъ въ тамошней приходской школѣ до 60 учениковъ, а всѣхъ жителей въ Батуринѣ онъ насчитываетъ около трехъ тысячъ человѣкъ.*» Одно другому,—какъ видите, очень противорѣчитъ: вотъ если бы онъ

нашелъ въ тамошней школѣ по крайней мѣрѣ 300 учениковъ, то могъ бы еще заключить *о сильномъ желанiи учиться,* а то — 60 учениковъ изъ трехъ тысячъ жителей, — ну, что тутъ за-радость?—Но... умыселъ другой тутъ былъ»... «Проѣзжающiй» говоритъ далѣе», будто батуринцы желали бы учить своихъ дѣтей *«не на языкѣ, мало (?!?) для нихъ доступномъ,»* т. е. не по-славянски и не по-русски, но на хохлацкомъ жаргонѣ, который теперь извѣстная партiя хохломановъ усиливается поднять на степень какого-то *самостоятельнаго* «украинскаго языка.»

Будучи близкими сосѣдами батуринцевъ, мы долгомъ нашимъ почитаемъ сказать всенародно, что замѣчанiе «проѣзжающаго»—совершенная ложь. Безспорно, что нѣкоторые люди (не извѣстно, изъ какихъ побужденiй) усиливаются теперь увѣрить нашихъ простодушныхъ земляковъ, будто дѣтямъ ихъ гораздо легче было бы учиться грамотѣ по *«граматкѣ Кулиша,»* или по *«букварю Шевченка,»* нежели по букварю, изданному св. синодомъ; но наши земляки вовсе не убѣждены въ этомъ, и доселѣ, благодаря природному здравому смыслу, стараются обучать своихъ дѣтей сперва славянской грамотѣ, *«чтобы они умѣли молиться Богу,»* а потомъ уже дѣти свободно переходятъ и къ *гражданской* громотѣ на русскомъ языкѣ, съ тѣмъ справедливымъ сознанiемъ, что они—граждане одного, общаго отечества нашего, Россiи.

Далѣе «проѣзжающiй» увѣдомляетъ, что *батуринская громада (???) рѣшилась участвовать въ складчинѣ на пополненiе капитала, назначеннаго* (позвольте спросить, ***кѣмъ*** назначеннаго?) *на изданiе учебниковъ* (разумѣется, на малороссiйскомъ жаргонѣ). ***Въ одинъ день собрано 60 рублей. Деньги эти отосланы Н. И. Костомарову. Громада ждетъ не дождется*** (чистая брехня!) *появленiя учебниковъ на родномъ языкѣ.»* (Брехня! брехня!.)

Ежели отъ громады собрано 60 рублей на изданiе «украинскихъ учебниковъ» (чему мы, впрочемъ, не совсѣмъ довѣряемъ), то зная громаду, *какъ вообще громаду,* которая иногда бываетъ, по пословицѣ, *великимъ человѣкомъ*, а иногда *великимъ дурнемъ,* смѣемъ увѣрить читателей, что «батуринская громада» (ежели только она существуетъ) доселѣ не знаетъ отчетливо: на какой именно предметъ собраны съ нея

деньги. Объявлена «общая польза;» показанъ «примѣръ» вліятельнаго лица; гдѣ нужно было «прикрикнуть»—тамъ прикрикнули, — вотъ и собрано по поламъ съ грѣхомъ 60 рублей съ 3000 простодушныхъ малороссіянъ. Подобныя дѣла всегда дѣлаются такимъ образомъ. А чтобы эту затѣю возвести «въ перлъ созданія,» какой-нибудь «проѣзжающій» (поѣздка, кажется, вымышленная) и тиснетъ статейку въ газетѣ: такимъ образомъ партія хохломановъ всегда усиливается настроить въ свою пользу общественное мнѣніе.—Quousque tandem, Николай Ивановичъ, abutere patientiâ nostrâ? Доколѣ вы будете съ простодушныхъ нашихъ земляковъ сдирать деньги на изданіе хохлацкихъ книгъ? Доколѣ вы будете морочить православный народъ вашею сепаративною затѣей создать ненужную никому и нетребоемую никѣмъ «украинскую грамотность и украинскую литературу?» Не пора ли вамъ оставить эту затѣю? Ей—ей пора!

Изъ подъ—Батурина.

P. S. По окончаніи этой статьи, мы случайно узнали, что недавно проѣзжалъ чрезъ Батуринъ нѣкто г. Л—ій, извѣстный намъ хохломанъ; заходилъ въ школу, старался познакомиться съ жителями, и убѣждалъ ихъ, чтобъ они обучали своихъ дѣтей читать не по-славянски и не по-русски, но по «украински.» Чтобъ заохотить ихъ къ этому, онъ раздарилъ имъ до 200 экземпляровъ свящ. исторіи на малороссійскомъ нарѣчіи (*оповиданя*) священника Стефана Опатовича. — Вотъ какъ дѣла дѣлаются.

ОПЫТЪ

дипломатической записки безъ лукавства и многословія.

Извѣстный дипломатъ, крамольникъ сказалъ, что даръ слова данъ человѣку именно для того, чтобы онъ умѣлъ **скрывать свои мысли.** Эти знаменитыя слова сдѣлались постояннымъ правиломъ западной дипломатіи, которая, какъ **искусство**, подраздѣляется на

многіе виды, на примѣръ: a.) на искусство много говорить и ничего не сказать, b.) искусство самымъ любезнѣйшимъ образомъ высказать самыя горькія и обидныя предложенія, c.) искусство отдѣлаться такою двусмысленностью, что во всякомъ случаѣ ты правъ, а противникъ виноватъ, d.) искусство переливать изъ пустаго въ порожнее и т. и. и т. п.

Съ появленія первыхъ дипломатическихъ нотъ по настоящему **польскому вопросу**, это искусство теперь находится въ Европѣ на всемъ ходу, и составляетъ любопытнѣйшій предметъ для наблюдателя. Со стороны просвѣщеннѣйшихъ державъ Европы это искусство обнаружилось теперь **въ мастерскомъ многословіи**, и **лукавствѣ**, затемняющемъ и искажающемъ историческую истину.

Изъ любви къ дипломатіи, какъ искусству, и еще болѣе изъ сожалѣнія о несчастныхъ полякахъ, стремящихся къ собственной погибели, мы рѣшились очистить польскій вопросъ отъ многословія, и лукавства, поставить его прямо противъ зеркала исторіи, и благосклонному вниманію всѣхъ здравомыслящихъ людей представить слѣдующій **опытъ дипломатической записки безъ лукавства и многословія**.

Польша, до перваго раздѣленія ея въ 1772 году, **не имѣла никакого образа правленія, и была самою несчастною страною.**

Свидѣтельствомъ этому служатъ слова польскаго историка **Нарушевича**, который лично говорилъ королю Станиславу-Августу такъ: **„трудно намъ, ваше величество, обманывать самихъ себя: мы никогда не имѣли систематическаго правленія, и никогда не были народомъ счастливымъ“.** Trudno sobie pochlebiać, Nayiasneyszy Panie; nigdyś my nie byli narodem systematycznie rządnym, a zatym i szczęśliwym. **Ad. Naruszewicza Historya narodu Polskiego T. VII. (1804)** do króla; стр. 8.)

Свидѣтельствомъ тому служитъ **собственное признаніе** всего польскаго народа, оставшееся въ слѣдующей народной польской пословицѣ: **„Польша основана на безпорядкѣ“.** Polska stoi nierządem. **(Bronisława Trentowskiego Chowana, czyli system Pedagogiki narodowéj 1842 T. II.).**

Свидѣтельствомъ тому служитъ вся исторія Польши, т. е. ис-

торія постоянныхъ междоусобій ея, постоянный разгулъ кулачнаго права, постоянныя конфедераціи ея, похвалки и наязды (pochwałki i odpowiedzi).

Свидѣтельствомъ тому служитъ та плачевная историческая истина, что Польша, до 1772 года, постоянно старалась истребить въ своихъ областяхъ христіанскую вѣру грековосточнаго исповѣданія, будучи руководима въ этомъ святопосягательствѣ своими епископами Солтыкомъ, Залуцкимъ, Красинскимъ и папскимъ нуціемъ Висконти. А извѣстно всему міру, что христіанскій народъ, попирающій христіанство, самъ себя обрекаетъ на погибель.

Наконецъ, свидѣтельствомъ тому служитъ даже оффиціальное прозваніе королевства польскаго **Рѣчью посполитою**, т. е. республикою. **Королевство, не стыдившееся назвать себя республикою**, было такою уродливостью между царствами земными, что изъ уваженія къ здравому разсудку, другія державы должны были уничтожить его.

Необходимость уничтожить Польшу первый созналъ молдавскій господарь Михаилъ, еще въ царствованіе Сигизмунда III предлагавшій раздробить ее между Австріей, Россіей, Швеціей и Молдавіей.

Въ 1770 году султанъ турецкій предлагалъ австрійскому посланнику Тугуту раздѣлить Польшу между Австріей и Турціей.

Мысль о раздѣлѣ Польши, послѣдовавшемъ въ 1772 году, родилась въ умѣ прусскаго короля Фридриха II, который склонилъ къ тому и австрійскую императрицу Марію—Терезію. Наконецъ Австрія и Пруссія пригласили и россійскую императрицу Екатерину II участвовать въ этомъ раздѣлѣ.

Второй и третій раздѣлъ Польши были неизбѣжнымъ слѣдствіемъ перваго раздѣла, инициатива котораго принадлежитъ, какъ выше сказано, вовсе на Россіи.

Слѣдовательно, **ежели поляки непремѣнно хотятъ обвинять и ненавидѣть, за раздѣлъ Польши, не себя самихъ, но кого-либо другаго, то должны обвинять и ненавидѣть отнюдь не Россію, которая менѣе всѣхъ и позже всѣхъ причинилась къ этому дѣлу.**

По первому раздѣлу, Россія обратно получила отъ Польши свое древнее достояніе Бѣлоруссію, т. е. древнія русскія земли между Днѣпромъ, западною Двиною и Другемъ.

По второму раздѣлу, Россія обратно получила отъ Польши свои древнія русскія области, волынскую, подольскую и минскую.

По третьему раздѣлу, Россія получила отъ Польши обратно гродненскую область и съ нею область литовскую, заселенную на половину русскимъ народомъ.

Слѣдовательно — при всѣхъ трехъ раздѣлахъ Польши, Россія взяла отъ нея не польскую территорію и не съ польскими жителями, но обратно взяла свою древнюю территорію съ русскимъ сплошнымъ народонаселеніемъ, кромѣ немногихъ колонистовъ поляковъ, поселившихся на этой, русской территоріи. Возвращеніе своей собственности ни по какой логикѣ не можетъ быть названо захватомъ чуждаго.

Судьба Варшавскаго Герцогства очень извѣстна. Это герцогство, какъ эфемерная выдумка Наполеона I., вмѣстѣ съ его паденіемъ должно было пасть и обратиться въ ничто. На вѣнскомъ конгрессѣ 1815 года, Англія, Австрія и Франція (нынѣшнія покровительницы Польши!!!) настоятельно требовали уничтоженія этого несчастнаго герцогства посредствомъ раздѣленія его между Австріей, Пруссіей и Россіей. Но кн. Адамъ Чарторижскій ночью, тайно отъ нѣмцовъ и французовъ, привелъ къ русскому императору Александру I депутатовъ отъ всѣхъ воеводствъ герцогства, и вмѣстѣ съ ними палъ на колѣни предъ Александромъ; всѣ они хватали цѣловать ноги Императора и со слезами просили его, чтобъ онъ не отдавалъ ихъ нѣмцамъ, но что бы принялъ Польшу въ нераздѣльный составъ Россійской Имперіи безъ всякихъ условій. (Прислушайтесь, поляки, къ этой слезной просьбѣ вашихъ отцовъ!!) [1]).

Александръ I., на перекоръ всей Европѣ, не допустилъ Варшавское Герцогство до уничтоженія, переименовалъ его „Царствомъ Польскимъ“, и принялъ въ свое подданство. Вѣнскій конгресъ рѣшилъ: присоединить Царство Польское къ Россійской Имперіи, съ неограниченнымъ правомъ россійскаго императора дать царству такое учрежденіе, какое онъ самъ за-благоразсудитъ.

---

[1]) См. Вѣстникъ юго-западной и западной Россіи. кн. 8. 1863 года. Отдѣлъ II. стр. 53 и 54.

Слѣдовательно—**поляки сами упросились въ подданство къ россійскому императору, со слезами безъ всякихъ условій упросились въ нераздѣльный составъ Россійской Имперіи.**

Польша назвала Александра I своимъ „**воскресителемъ**". Онъ далъ ей конституцію 12 декабря 1815 года, которая залечила всѣ раны несчастной Польши такъ, что **въ 10 лѣтъ царствованія Александра I народонаселеніе Царства Польскаго почти удвоилось.**

Преемникъ и братъ Александра, Николай I, продолжалъ благо творить Польшѣ, и началъ свое царствованіе такимъ благодѣяніемъ на которое не рѣшился даже Александръ „**воскреситель**". Онъ призналъ въ лицѣ Европы, автономію Польши, торжественно короновавшись въ Варшавѣ, какъ **король польскій**.

Чѣмъ же воздала Польша за всѣ такія благодѣянія?..

Не имѣя рѣшительно никакихъ причинъ къ неудвольствію на русское правительство, Польша въ 1831 году осрамила себя предъ современниками и предъ исторіей такою постыдною революціей, которая на вѣки будетъ свидѣтельствовать о самой гнусной неблагодарности и тупоуміи поляковъ. Мы сказали: „**тупоуміи**" и спѣшимъ доказать справедливость этого упрека: революція польская 1831 года была приготовлена Адамомъ Чарторижскимъ изъ его личной досады на русское правительство за то, что не его сдѣлали намѣстникомъ Царства Польскаго. А несчастные поляки, проливая свою кровь по интригамъ Чарторижска о, думали, что они сражаются за **ойчизну**... Несчастные!...

Слѣдовательно, **поляки своею революціей 1831 года доказали только свою неблагодарность, свою неспособность пользоваться благодѣяніями Россіи, и вообще свою неспособность быть благоустроеннымъ царствомъ.**

Польская революція 1831 года уничтожила польскую конституцію 12 декабря 1815 года: это понятно безъ доказательствъ. По закону справедливаго возмездія, Николай I. долженъ былъ бы совсѣмъ уничтожить Польшу, какъ гнѣздо крамолъ и измѣны, но Онъ не сдѣлалъ этого, а только отмѣнилъ конституцію 1815 года.

Императоръ АЛЕКСАНДРЪ II, по безпримѣрному великодущію своему, добровольно рѣшился возстановить въ Царствѣ Польскомъ,

по возможности конституцію 1815 года: уже даровалъ Польшѣ университетъ и административную автономію... Но едва только Онъ началъ возстановленіе конституціи, за которую дядя Его получилъ названіе „воскресителя Польши“, какъ вдругъ поляки показали себя такими варварами, которые недостойны никакого человѣколюбія! Они стрѣляли въ намѣстника царскаго; стрѣляли въ родного брата своего Царя, и наконецъ, повторивши знакомые имъ ужасы тайнаго душегубства надъ безоружными русскими войнами, оскорбили землю новою и уже, должно быть, послѣднею революціей, гнуснѣе которой небыло еще на свѣтѣ ни въ какомъ государствѣ.

Польское р. католическое духовенство, эта **мерзость запустѣнія на мѣстѣ святомъ**, первое нарушило свою вѣрноподданническую присягу, и начало богохульствовать въ костелахъ, проклиная законное русское правительство, и употребляя религію Христову какъ средство и побужденіе къ убійству. Очень многіе ксендзы пошли въ разбойники до лясу: съ крестомъ и топоромъ въ рукахъ!... Польскіе епископы не могли, или не хотѣли удержать свою паству и своихъ ксендзовъ отъ разбойничества. Этого мало, поляки желали бы обмануть самаго Господа Бога, но какъ это не возможно, то они постарались обмануть по крайней мѣрѣ своего „непогрѣшнаго отца папу“: увѣрили полуживаго старика, будто католическая религія теперь въ Царствѣ Польскомъ терпитъ гоненіе, въ слѣдствіе чего папа повѣлѣлъ молиться о дарованіи полякамъ побѣды: трудно выдумать гнуснѣйшее кощунство!

Еще не все.

Поляки, обворовавши государственное казначейство, этими деньгами подкупили почти всю европейскую журналистику, чтобъ, она, если можно, обратила **общественное мнѣніе** Европы въ ихъ пользу.

Нѣкоторыя европейскія державы, давно извѣстныя, впрочемъ, своею честностью, сочинили такъ называемый **„польскій вопросъ“** чтобы, пользуясь этимъ случаемъ, привязаться немножко къ Россіи, которая не совсѣмъ нравится имъ рѣшительно по другимъ причинамъ, а не по ея отношеніямъ къ Польшѣ. Поляки же, въ жалкомъ самообольщеніи думая, что эти державы вступаются за нихъ, продолжа-

ютъ воровать, разбойничать, душегубствовать, издѣваясь надъ религіей и человѣчествомъ.

Спрашивается: имѣетъ ли право на политическое существованіе народъ, кощунствующій надъ своею религіей, поправшій свою присягу, и состоящій (конечно, не весь, но большею частью) изъ воровъ, лжецовъ и разбойниковъ?

Всѣ частные результаты изъ этой записки, въ своей совокупности, естественнымъ образомъ рождаютъ слѣдующій ультиматумъ:

Поляки не имѣютъ никакого права обвинять Россію за первые три раздѣла Польши, съ 1772 по 1796 годъ. Иниціатива этого уничтоженія Польши принадлежитъ не Россіи; да она же взяла отъ Польши не польскія земли и не съ польскимъ народонаселеніемъ, но свои древнія русскія земли съ русскими жителями. Эти земли и эти жители во всѣхъ, даже польскихъ актахъ были называемы «*Русью*» и «*Бѣлою Русью.*» Возвращеніе похищенной собственности нигдѣ и никогда не было называемо захватомъ чужаго.

По изгнаніи Наполеона I, вся Европа требовала уничтоженія Варшавскаго Герцогства, но жители этого герцогства сами, со слезами, упросились въ подданство къ россійскому императору, въ нераздѣльный составъ его имперіи, безъ всякихъ условій. Россійскій императоръ сдѣлалъ для нихъ несравненно больше, чѣмъ они просили: онъ переименовалъ герцогство «царствомъ Польскимъ,» и далъ ему такую конституцію, за которую поляки сами нарекли его своимъ «воскресителемъ.» Императоръ Николай I столько сдѣлалъ Польшѣ чести, что даже короновался ея короною.

Но поляки, при всѣхъ такихъ милостяхъ къ нимъ, едва только оправились въ своихъ силахъ, сейчасъ же, по проискамъ Адама Чарторійскаго, взбунтовались противъ русскаго правительства и хотѣли отложиться отъ всероссійской короны.

Польскій бунтъ 1831 года, естественно, уничтожилъ конституцію 1815 года. — Слѣдовало бы тогда же уничтожить и все Царство Польское (т. е. *не вырѣзать его, но сплотить воедино съ Россіей*); но Николай I не сдѣлалъ этого.

Императоръ АЛЕКСАНДРЪ II, по собственному своему великодушію, рѣшился возвратить Польшѣ конституцію, потерянную

ею въ 1831 году. Но едва только началъ онъ это великодушное дѣло, какъ поляки взбунтовались, предатели начали рѣзать и душить русскихъ солдатъ и расточали самую гнусную революцію, состоящую изъ непрерывныхъ фактовъ богохульства, кощунства, лжи, воровства, разбоя и душегубства. Эта постыдная революція доселѣ несовсѣмъ еще прекратилась.

Что же дѣлать намъ съ Польшею?... По человѣчеству, жалко погубить и истребить ее.—Надобно исправить ее: а для этого одно, самое надежное средство—*отдать ее нѣмцамъ на исправленіе*, т. е. раздѣлить «*Царство Польское*» между Австріей и Пруссіей, а въ замѣнъ его примежевать къ Россіи единокровную ей *Галицію*.

Если же три извѣстныя европейскія державы, по недостатку человѣколюбія, рѣшатся *непремѣнно погубить Польшу*, то для этого самое вѣрное средство: предоставить ее собственному ея жребію, даровавши ей «золотую вольность» избирать себѣ короля, составлять вооруженныя конфедераціи, и рѣзать другъ друга, пока паны не вырѣжутъ сами себя до послѣдняго. Но ежели, при такой «золотой вольности,» Польша пожелала бы присоединить къ себѣ русскія и литовско-бѣлорусскія области, которыя на польскомъ языкѣ неправильно называются «забранымъ краемъ,»—то этотъ русскій «край,» во имя своей русской національности и своего русскаго православія, прежде всего выгонитъ отъ себя всѣхъ своихъ колонистовъ-поляковъ, а потомъ весь край возстанетъ, какъ одинъ человѣкъ, и, при помощи русскихъ штыковъ, истребитъ всю Польшу въ конецъ.

И. К.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

(*Басни*).

1.

Оселъ—путешественникъ.

Съ ученой цѣлію отправился Оселъ
Въ чужія страны.
Философически онъ изучить хотѣлъ,
Какъ за—моремъ живутъ ослы и обезьяны,
Чтобъ знать домашній ихъ и соціяльный бытъ.

И вотъ—въ вагонѣ нашъ Оселъ сидитъ,
Катитъ,
Куда везутъ его огненны кони!
Исправнымъ образомъ платя прогоны,
Изъ одного въ другой садясь вагонъ,
Пріѣхалъ наконецъ въ Неаполь онъ,
Оттуда въ Римъ, потомъ въ Парижъ, въ Лондонъ.
Не зная языковъ, онъ не скучалъ незнаньемъ:
Отдѣлался вездѣ двусмысленнымъ мычаньемъ,
Да щедро денежки платилъ,
И ровно въ годъ свой путь ученый совершилъ;
Затѣмъ вернулся въ сторону родную.
Ну, угадайте же, какую
Премудрость онъ на родину привезъ?..
Такую дичь и брань *на-все свое* понесъ,
Что земляки пришли въ остолбененье:
«И край нашъ-дрянь, и дрянь у насъ правленье;
«О *культѣ* нашемъ... лучше помолчать;
«Исторію родной страны нельзя читать,
«Что за исторія у насъ такая?
«Галиматья пустая!
«Герои наши всѣ прошедшихъ дней
«Забава только для дѣтей.
«А наши нравы? наши всѣ преданья?..
«Все, все у насъ достойно посмѣянья!»...
— Скажите же, почтеннѣйшій Оселъ:
Какъ лучше бы все это намъ исправить?
«Какъ лучше?» нашъ философъ заревѣлъ,
«А вотъ какъ—жалованья намъ прибавить!
Тогда мы все у насъ иначе заведемъ,
Мы даже за прогрессъ впередъ перешагнемъ!»

2.

Зеркало.

«Зачѣмъ ты, Зеркало, такъ живо отражаешь
И солнца свѣтлый лучъ, и синій неба сводъ?
Стекло—не болѣе, а ты еще мечтаешь
Быть выраженіемъ превыспреннихъ красотъ!

Случись тебѣ упасть, или пускай рука
Неосторожная толкнетъ тебя слегка,
Ты въ мелки дребезги мгновенно разлѣтишься,
И—ни къ чему ужъ негодишься!!»...
А Зеркало отвѣтъ дало такой:
— Пока не пало я и не разбилось,
Я дѣлаю, что мнѣ назначено судьбой;
Но еслибъ въ дребезги разбиться мнѣ случилось,
Никто не посмѣется надо мной;
Скорѣе пожалѣютъ
Всѣ тѣ, которые цѣнить меня умѣютъ.

3.

Собаки.

Эмблемма вѣрности, извѣстно кто—собака.
Двѣ-три Собаки стало стерегли;
Хоть *частная* у нихъ не разъ бывала драка,
Но службу *общую* согласно всѣ несли,
И дружно берегли имъ ввѣренное стадо.
«Что, братцы, въ помочь вамъ четвертаго не надо?
И я хотѣлъ бы съ вами здѣсь служить,
Примите въ вашу дружбу:
На ревностную съ вами службу
Всю жизнь мою готовъ я посвятить.»
Такъ, подошедши къ нимъ, сказалъ прохожій
Собака-не собака, волкъ-не волкъ,
Какой то звѣрь на обоихъ похожій
Сказалъ, и все зубами щелкъ да щелкъ...
Три псы прохожаго сей часъ же окружили,
Обнюхали его кругомъ,
Потомъ
Что отвѣчать ему, никакъ не находили.
«Чего боитесь вы?» сказалъ имъ гость:
«Отъ вашихъ я костей родная кость
Такой же, какъ и вы, собака»...
— Нѣтъ, братецъ, знаемъ мы, какой ты забіяка,

Надувшись, сказали Псы ему:
— Не надо намъ тебя! а знаешь, почему?
Хоть у тебя собачьи кости
Да волчьимъ мясомъ обросли,
Ну, какъ же бы тебя мы въ дружбу взять могли?
Проваливай, и впредь не приходи къ намъ въ гости. [1])

ШЛЯХТО-КСЕНДЗОВСКІЙ МЯТЕЖЪ.

(Извлеченія изъ газетъ и журналовъ).

ЦИРКУЛЯРНОЕ ПРЕДЛОЖЕНІЕ

генералъ-губернатора Муравьева начальникамъ виленской ковенской, гродненской, минской, витебской и могилевской губерній, отъ 3-го октября 1863 года.

Съ подавленіемъ мятежа и уничтоженіемъ шаекъ, многіе изъ участвовавшихъ въ мятежныхъ дѣйствіяхъ возвращаются добровольно на мѣста жительства съ изъявленіемъ раскаянія; остальные, укрывающіеся въ лѣсахъ отъ преслѣдованія, забираются нашими войсками и сельскими караулами; но ни явившіеся добровольно, ни захваченные въ лѣсахъ, не имѣютъ при себѣ, по большей части, никакого оружія. Это обстоятельство заставляетъ предполагать, что оружіе или брошено или укрыто ими въ лѣсахъ и въ другихъ мѣстахъ.

Независимо отъ того, у нѣкоторыхъ лицъ городскаго и сель-

---

[1]) Эта басня напоминаетъ одинъ случай изъ всероссійской исторіи объ извѣстномъ Адамѣ Киселѣ. Русскій по происхожденію и по вѣрѣ, Кисѣль былъ усерднымъ агентомъ поляковъ противъ своихъ русскихъ собратій. Одинъ разъ, уговаривая козаковъ малороссійскихъ поддаться Рѣчи Посполитой и дѣйствовать за одно съ нею, онъ, для большаго убѣжденія земляковъ, сказалъ имъ: „я, братцы, кость отъ костей вашихъ.“ Но козаки отвѣчали ему такъ: „мы знаемъ, что ты кость отъ костей нашихъ, да жаль, что твои кости обросли польскимъ жиромъ и мясомъ.

скаго населенія открываются вновь оружіе и огнестрѣлные снаряды.

Вслѣдствіе сего, дабы лишить на будущее время злоумышленниковъ возможности имѣть какое либо оружіе и употреблять оное для исполненія своихъ преступныхъ замысловъ, а равнымъ образомъ, чтобы положить наконецъ предѣлъ безнаказанному укрывательству оружія лицами, неимѣющими права имѣть у себя таковое, я предлагаю вашему превосходительству:

1) Распорядиться, по сношенію съ начальниками войскъ, объ обезоруженіи вновь, какъ въ городахъ, такъ и въ уѣздахъ, всѣхъ землевладѣльцевъ и дворовыхъ управленій съ ихъ прислугою, арендаторовъ какъ казенныхъ такъ и частныхъ имѣній, шляхту, однодворцевъ, ксендзовъ и монастырей, возложивъ на военныхъ уѣздныхъ начальниковъ, становыхъ военныхъ офицеровъ и на чиновъ уѣздной полиціи, при содѣйствіи войскъ и сельской стражи, произвести это обезуреженіе на точномъ основаніи 6, 7 и 8 пунктовъ инструкціи 24-го мая для военно-гражданскаго управленія

Примѣчаніе. Распоряженіе это не должно относиться до лицъ русскаго происхожденія и тѣхъ, которые имѣютъ дозволеніе начальства на содержаніе оружія; что касается крестьянъ казенныхъ и временно-обязанныхъ, то какъ они показали на дѣлѣ преданность свою правительству, за тѣмъ произвѣсти обезоруженіе только тѣхъ крестьянскихъ обществъ, которыя, по свѣдѣніямъ начальства, оказались бы неблагонадежными.

2) Поручить военнымъ уѣзднымъ начальникамъ и подвѣдомственной имъ уѣздной полиціи, чтобы они сдѣлали старательный и строгій осмотръ казенныхъ и частныхъ лѣсовъ, такъ какъ въ нихъ наиболѣе укрыто бѣжавшими мятежниками оружія и военныхъ снарядовъ. Осмотръ этотъ и поиски по лѣсамъ должны быть произведены немедленно, доколѣ еще благопріятствуетъ погода, и для таковаго могутъ быть употребляемы сельскіе караулы, а также крестьяне вообще по наряду, подъ наблюденіемъ военныхъ командъ.

3) Вмѣнить въ непремѣнную обязанность лѣсникамъ и вообще лѣсной стражѣ какъ въ казенныхъ, такъ и во владѣльческихъ лѣсахъ, чтобы они немедленно отыскали и указали, гдѣ находится въ лѣсахъ укрытое мятежниками оружіе, а также огнестрѣльные и другіе военные снаряды и представили бы таковые начальству. За дѣйствіями

сихъ лѣсниковъ имѣть ближайшее наблюденіе, и такъ какъ они болѣе или менѣе содѣйствовали мятежникамъ и потому должны знать, гдѣ находится укрытое сими послѣдними оружіе и другіе снаряды, то тѣхъ изъ нихъ, которые будутъ уклоняться отъ исполненія вышесказанного, или не будутъ исполнять въ точности,—брать подъ стражу и предавать военному суду для поступленія съ ними какъ съ участниками въ мятежѣ.

4) Подтвердить крестьянамъ, какъ казеннымъ, такъ и временнообязаннымъ, чтобы они тщательно наблюдали, дабы отнюдь не было никакого оружія и огнестрѣльныхъ снарядовъ въ дворовыхъ и фольварковыхъ управленіяхъ, у дворовой прислуги, въ шляхетскихъ околицахъ и у иныхъ обывателей, какого бы званія и состоянія они ни были, живущихъ въ чертѣ сельскаго общества и приписанныхъ къ оному; равнымъ образомъ, чтобы нигдѣ не хранились никакіе аммуничные запасы для мятежниковъ, именно: обувь, зимняя одежда, бѣлье и проч. Всѣмъ крестьянамъ, а въ особенности сельскимъ старшинамъ, на которыхъ лежитъ отвѣтственность за порядкомъ, внушить, чтобы они, если освѣдомятся о нахожденіи гдѣ либо и у кого бы ни было оружія, военныхъ снарядовъ и поименованныхъ выше запасовъ, немедленно отбирали оные и представляли ближайшему полицейскому или военному начальству. Поручить также сельскимъ обществамъ, чтобы они въ лѣсахъ, какъ помѣщичьихъ, такъ и казенныхъ, заключающихся въ чертѣ общества и находящихся вблизи оной, сдѣлали тщательный осмотръ и подобрали оружіе, брошенное мятежниками, а также старались открыть мѣста, въ которыхъ оружіе зарыто въ землю, или инымъ образомъ схоронено, и представили таковое ближайшей мѣстной власти, имѣя въ виду, что если въ послѣдствіи будутъ отысканы оружіе или другіе военные снаряды безъ предъявленія о нихъ со стороны общества, то отвѣтственность за сіе падетъ на то общество, въ чертѣ котораго сказанные предметы будутъ найдены.

5) Выдавать крестьянамъ за отысканное и представленное ими оружіе отъ 50 коп. до 3-хъ руб. за каждое. Выдача эта должна быть производима съ разрѣшенія начальника губерніи и по представленіямъ военныхъ уѣздныхъ начальниковъ, въ которыхъ сіи послѣдніе

должны обозначить размѣръ вознагражденія, сообразно роду и годности представленнаго оружія.

6) Вмѣнить въ обязанность военнымъ уѣзднымъ начальникамъ и подвѣдомственнымъ имъ полицейскимъ управленіямъ, чтобы обезоруженіе было окончено непремѣнно въ теченіи 7-ми дней со времени полученія ими настоящаго распоряженія. За тѣмъ, всѣхъ тѣхъ, которые по истеченіи сего срока не представятъ находящагося у нихъ оружія и другихъ военныхъ снарядовъ, кромѣ преданія суду, какъ участниковъ въ мятежѣ, подвергать взысканію съ нихъ втрое противу дѣйствительной стоимости найденнаго у нихъ какъ оружія, такъ и другихъ военныхъ и аммуничныхъ запасовъ.

7) Поиски въ лѣсахъ и самый подробный осмотръ шляхетскихъ околицъ окончить къ 20-му числу настоящаго октября; и

8) О результатахъ, какъ обезоруженія, такъ и поисковъ въ лѣсахъ оружія и другихъ военныхъ снарядовъ, уѣздные военные начальники обязаны представить начальнику губерніи подробныя донесенія.

Поручая особенной заботливости вашего превосходительства наблюденіе за точнымъ исполненіемъ всего вышеизложеннаго, я покорнѣйше прошу васъ, милостивый государь, донести мнѣ своевременно о послѣдствіяхъ настоящаго распоряженія.

Подлинное подписалъ: генералъ отъ инфантеріи **Муравьевъ 2-й.**

Соотвѣтственно сему распоряженію сдѣлано и по подвѣдомственной г. главному начальнику края августовской губерніи Царства Польскаго.

ВИЛЬНО.

ВСЕПОДДАННѢЙШЕЕ ПИСЬМО

дворянъ гродненской губерніи, представленное г. главному начальнику края 29-го сентября.

„Всемилостивѣйшій Государь!"

„Возстаніе въ Царствѣ Польскомъ, къ крайнему прискорбію, отразилось въ гродненской губерніи.

По случаю происходившихъ революціонныхъ дѣйствій, страна

ввергнута въ несчастное положеніе, въ особенности дворяне, владѣющіе недвижимыми имѣніями.

Составляя одно цѣлое и нераздѣльное съ Россіею, подъ державнымъ Твоимъ, Государь, скипетромъ, дворянство гродненской губерніи отвергаетъ всякое участіе въ революціонныхъ дѣйствіяхъ и осмѣливается просить Твоего, Августѣйшій Монархъ, милосердія.

Повергая судьбу нашу на Всемилостивѣйшее воззрѣніе, заявляемъ чистосердечно Тебѣ, Великій Государь, чувства нашей вѣрноподданнической преданности."

По довѣренности уполномочившихъ дворянъ, подписалъ губернскій предводитель дворянства Ю. Кржнвицкій.

Число дворянъ, уполномочившихъ губернскаго предводителя подписать всеподданнѣйшее письмо 1600. Подписка продолжается.

ПИСЬМО ПОЛЬСКАГО ПАТРІОТА КЪ ПОЛЬСКОМУ НАЦІОНАЛЬНОМУ ПРАВИТЕЛЬСТВУ.

ПРЕДИСЛОВІЕ ИЗДАТЕЛЯ. Въ томъ, что мы предлагаемъ теперь нашимъ читателямъ, нѣтъ ничего нашего, кромѣ редакціи. Предметъ брошюры, доводы и окончательный выводъ содержатся въ одной рукописи, доставленной намъ съ просьбою напечатать ее, исправивъ ея слогъ, который, вслѣдствіе непривычки автора выражаться по-французски, былъ нѣсколько тяжелъ, а иногда и непонятенъ.

Если мы согласились принять на себя такую работу, то это потому, что нашли въ этомъ сочиненіи полезныя истины и заслуживающіе вниманія факты.

Что касается доводовъ автора, и выводимыхъ имъ заключеній, мы не можемъ согласиться съ ними, по крайней мѣрѣ безъ оговорокъ, тѣмъ болѣе, что живость его патріотическихъ чувствъ иногда увлекаетъ его до противорѣчій съ самимъ собою. Такъ, напримѣръ, онъ весьма логично доказываетъ, что присоединеніе областей съ непольскимъ населеніемъ къ настоящей Польшѣ было бы вредно для интересовъ польскаго народа, а между тѣмъ, на слѣдующихъ страницахъ,

у него проглядываетъ сожалѣніе о необходимости сознаться, что эти области никогда не будутъ принадлежать Польшѣ.

Относительно выводовъ автора и совѣтовъ, которые онъ считалъ своимъ долгомъ сообщить варшавскому революціонному правительству, мы вполнѣ готовы признать ихъ практическое достоинство, и однако-же мы не рѣшились бы высказать тѣже мнѣнія отъ нашего имени.

Мало, очень мало вѣроятностей на то, чтобы вожди революціи согласились принять благоразумныя и умѣренныя предложенія польскаго патріота. Положеніе публициста печально въ томъ отношеніи, что высказываемыя имъ мнѣнія появляются почти всегда въ такое время, когда страсти уже слишкомъ возбуждены для того, чтобы могло быть принято въ соображеніе все логическое и справедливое въ его выводахъ и предложеніяхъ. Впослѣдствіи, когда разсудокъ, вступаетъ снова въ свои неотъемлемыя права, достоинство отвергнутыхъ совѣтовъ иногда признается вполнѣ; но тогда большею частью бываетъ уже слишкомъ поздно, такъ какъ событія до того измѣняютъ положеніе дѣлъ, что мѣра, которая еще вчера была раціональна и благотворна, сегодня уже не имѣетъ смысла.

Дай Богъ, чтобы исполненные благоразумія совѣты польскаго патріота имѣли больше успѣха, чѣмъ наши, высказанные въ концѣ прошлаго апрѣля!

Примѣчанія, сдѣланныя нами къ нѣкоторымъ мѣстамъ текста, не имѣютъ въ виду опровергнуть или ослабить доводы автора. Нѣкоторыя поправки въ числахъ или цифрахъ, нѣкоторыя подробности, назначаемыя для уясненія читателямъ намѣковъ на факты, которые авторъ предполагаетъ уже извѣстными,—вотъ все, что мы позволили себя присоединить къ его сочиненію.

Послѣ этого короткаго объясненія съ читателями, приводимъ рукопись польскаго патріота, вмѣстѣ съ письмомъ, при которомъ она намъ доставлена.

Д. К. Скедо-Ферроти.

Брюссель, половина
сентября 1863.

ПИСЬМО АВТОРА КЪ Г. СКЕДО-ФЕРРОТИ.—М. г., 4-го августа я писалъ польскому національному правительству, и для доставленія ему моего посланія избралъ путь, который я по опыту считалъ вѣрнѣйшимъ. Я былъ въ правѣ ожидать, что мнѣ отвѣтятъ; но какъ до сихъ поръ я даже не увѣдомленъ о полученіи моего письма, то я имѣю основаніе предполагать, что или мое письмо перехвачено русскимъ правительствомъ, или гг. члены національнаго правительства сочли его незаслуживающимъ отвѣта, т. е. не стоющимъ вниманія.

Если вѣрно первое изъ этихъ предположеній, то я думаю оказать услугу національному правительству, доставивъ ему мои соображенія такимъ путемъ, который не можетъ быть прерванъ русскимъ правительствомъ, т. е. путемъ европейской гласности; если же, напротивъ того, люди, властвующіе надъ возставшей Польшей, оказываются глухи къ голосу патріотизма и благоразумія, если они полагаютъ пожертвовать будущностью нашего святаго отечества чувству личнаго тщеславія, высокомѣрному удовольствію поддерживать до конца всю совокупность притязаній, заявленныхъ ими именемъ страны,— то я почитаю священнымъ долгомъ протестовать противъ такого образа дѣйствій предъ общественнымъ мнѣніемъ, какъ Польши, такъ и Европы, обнародованіемъ моего письма отъ 4-го августа.

Мнѣ было бы легко напечатать здѣсь копію съ рукописи, посланной національному правительству, но польскій языкъ доступенъ лишь весьма малому числу читателей въ западной Европѣ; поэтому я предпочитаю напечатать мое письмо на французскомъ языкѣ, и съ этою цѣлью беру смѣлость доставить вамъ точный переводъ письма, съ просьбою издать его по исправленіи тѣхъ оборотовъ рѣчи, которые слишкомъ рѣзко обнаруживаютъ мою непривычку писать по-французски.

Ошибся ли я, думая, что вы согласитесь принять на себя трудъ исправленія перевода, или лучше передѣлку и новую редакцію моей рукописи [1])? Надѣюсь, что нѣтъ, ибо дѣло идетъ о судьбѣ Польши, въ которой вы принимаете столь живое участіе. Съ тѣхъ поръ какъ я сталъ выздоравливать и живу въ Лембергѣ, я прочелъ значительное

[1]) «И пожалуйста, настоящаго письма, если вы и его напечатаете». (Слова, написанныя на поляхъ рукою автора).

число сочиненій о Польшѣ и нынѣшнемъ ея возстаніи, начиная съ брошюръ самыхъ умѣренныхъ, какова напр. брошюра графа Любенскаго [1]), до самыхъ крайнихъ панегириковъ, печатаемыхъ какъ здѣсь, такъ и во Франціи. Авторы этихъ сочиненій, защищая польское дѣло, каждый съ своей точки зрѣнія, конечно доказали свой патріотизмъ и свою привязанность къ Польшѣ, но я не колеблюсь сказать, что между ними нѣтъ ни одного, который бы оказался искреннимъ другомъ Польши въ такой же степени, какъ вы. Самая строгость, съ какою вы осуждаете заблужденія, въ которыя вовлекъ вождей возстанія крайній патріотизмъ, доказываетъ, какъ горячо вы принимаете къ сердцу наше дѣло, о чемъ свидѣтельствуетъ до очевидности предлагаемое вами порѣшеніе польскаго вопроса. Поэтому я обращаюсь не къ равнодушному человѣку, а къ другу Польши, съ просьбой объ изданіи моего письма къ національному правительству.

Пересмотрѣнное вами и появившись подъ прикрытіемъ столь извѣстнаго и столь уважаемаго имени, какъ ваше, мое сочиненіе не замедлитъ обратить на себя вниманіе иностранной журналистики, и дойдетъ такимъ образомъ до свѣдѣнія національнаго правительства, которое уже не будетъ имѣть ни причины, ни предлога игнорировать предложенія, которыя по мнѣнію значительнаго, весьма значительнаго большинства польскихъ патріотовъ, суть единственныя, могущія спасти наше несчастное отечество отъ окончательной гибели.

Позвольте, м. г., въ заключеніе этого письма, просить васъ принять увѣреніе въ почтеніи,

съ коимъ имѣю честь быть
вашимъ покорнѣйшимъ слугою

Лембергъ, 4-го сентября 1863. Іосифъ Питкевичъ.

ПИСЬМО ПОЛЬСКАГО ПАТРІОТА КЪ ПОЛЬСКОМУ НАЦІОНАЛЬНОМУ ПРАВИТЕЛЬСТВУ. Милостивые государи [2])! Отвергнувъ прокламаціей 13-го (1-го) мая предложенную русскимъ Императоромъ

---

[1]) Мы, съ своей стороны, не можемъ назвать умѣренною брошюру графа Любенскаго, такъ-какъ онъ предлагаетъ административное сліяніе западныхъ губерній съ Царствомъ Польскимъ. Прим. Ред. «С.-Пет. Вѣд.».

[2]) Мы затрудняемся передать въ точности французскія слова: puissants seigneurs, которыми передано привѣтствіе польскаго подлинника въ переводимой нами брошюрѣ. Ред. «С.-Пет. Вѣд.».

амнистію, варшавскій центральный комитетъ окончателвно разошелся съ русскимъ правительствомъ, которое онъ вскорѣ сталъ отрицать совсѣмъ, требуя для себя самаго названія: польское національное правительство. Съ этой минуты всякое примиреніе сдѣлалось невозможнымъ, никакое соглашеніе, никакая уступка уже не могли быть приняты; борьба объявлена смертельною и, какъ сказано въ прокламаціи 13-го мая, могла кончиться лишь побѣдою или смертью польской національности.

Побѣда была бы прекрасна! Но „смерть польской національности“ есть такая страшная возможность, что надо было питать сильную вѣру въ исходъ борьбы, чтобы принять ея послѣдствія, выраженныя такимъ образомъ. Поэтому мы въ правѣ спросить: на чемъ основывалось національное правительство, отвергая столь безусловно всякую мысль о соглашеніи съ Россіей, вмѣсто того, чтобы требовать гарантій для вольностей, которыя были намъ обѣщаны?

Возвращаясь къ положенію дѣлъ 13-го мая, нельзя отрицать, что представители исполнительной власти польскаго возстанія имѣли полное основаніе дѣйствовать такимъ образомъ.

Журналы всѣхъ странъ и всѣхъ цвѣтовъ были полны заявленіями сочувствія къ Польшѣ и соперничали въ краснорѣчіи, чтобы доказать Европѣ ея обязанность—идти на помощь угнетенному народу. Въ Туринѣ, Стокгольмѣ, Мадритѣ, Лондонѣ, устроивались митинги въ нашу пользу; вездѣ открывались подписки на польское дѣло; адресы, представленные правительствамъ Франціи, Англіи и Италіи, требовали войны съ Россіей, и даже во французскомъ сенатѣ раздались голоса, призывавшие къ оружію. Весь этотъ воинственный шумъ о войнѣ за освобожденіе Польши дѣйствительно могъ ободрить національное правительство къ настойчивости. Оно имѣло основаніе вѣрить въ возможность скораго ополченія всей Европы, тѣмъ болѣе, что кабинеты парижскій, лондонскій и вѣнскій, своими апрѣльскими нотами, положили начало исполненію проектированнаго вмѣшательства, о которомъ толковали всѣ журналы.

Съ другой стороны, событія въ Россіи, и особенно отношеніе къ намъ русской либеральной журналистики могли только усилить увѣ-

ренность національнаго правительства въ томъ, что оно найдетъ союзниковъ даже и въ непріятельскомъ лагерѣ [1]).

Студентская свалка, петербургскіе пожары и нѣкоторыя нарушенія дисциплины въ военныхъ школахъ выставлялись какъ предвѣстія всеобщаго возстанія противъ правительства. Г. Герценъ и К° увѣряли, что находятся во главѣ обширнаго заговора, обнимающаго всю Россію, и до того простирали свое хвастовство, что предлагали Польшѣ содѣйствіе такъ-называемаго ими „русскаго революціоннаго комитета". Польскіе патріоты, къ которымъ эти господа обратились, доказали свою проницательность, отказавшись вести дѣло съ этими горланами русскаго либерализма, у которыхъ они требовали доказательствъ дѣйствительнаго ихъ вліянія, прежде чѣмъ принять ихъ предложеніе о союзѣ. Вмѣсто доказательствъ, редакторы „Колокола" представили лишь хвастливыя увѣренія въ своей революціонной силѣ; поэтому они и были отстранены безъ особеннаго снисхожденія къ ихъ самолюбію, какъ люди, уличенные въ хвастовствѣ.

Это было благоразумно; но почему же члены національнаго правительства не простерли свою проницательность дальше; почему не замѣтили, что не только роль вождей русскаго возстанія, которую приписывалъ себѣ лондонскій тріумвиратъ, но даже и готовность къ возстанію, существовавшая, по ихъ увѣренію, въ Россіи, были чистою выдумкой?

Что сталось съ сочувствіемъ студентовъ къ польскому дѣлу, тайными обществами русскихъ офицеровъ съ обществами раскольниковъ, составленными будто бы для сверженія съ ихъ ига? Ничего этого не было въ дѣйствительности, все это существовало только въ хвастливыхъ столбцахъ „Колокола", котораго редакторы лгали сознательно, чтобы доставить себѣ дѣтское удовольствіе слыть за вождей сильной революціонной партіи.

Студенты изъ первыхъ заявили свою преданность Императору, русскіе офицеры и не помышляютъ оставлять свои полки, солдаты

[1]) Это мнѣніе автора совершенно ошибочно. Мы незнаемъ ни одного журнала въ Россіи, который относился бы не враждебно къ притязаніямъ поляковъ на западно-русскій край. [*]) О полякахъ сожалѣли, какъ о безполезныхъ жертвахъ безнадежной революціи, и только Прим Ред. «С.-Пет. Вѣд.».

[*]) А мы знаемъ такіе изъ періодическихъ петербургскихъ изданій, которые съ желчью и злобою отозвались о «Днѣ» и Вѣстникѣ юго-западной Россіи, прежде всѣхъ ополчившихся противъ притязаній поляковъ. Прим. Ред. Вѣстн. юго-зап. Россіи.

ни на минуту не перестають громить нашихъ, а раскольники являются нашими жесточайшими врагами, литовскіе—опустошая наши помѣщичьи замки, а московскіе — предлагая царю свою кровь и капиталы.

Да накажетъ Богъ русскихъ хвастуновъ въ Лондонѣ и такъ-называемыхъ друзей Польши въ Парижѣ, за зло, которое они причинили намъ, первые — выдумавъ басню о содѣйствіи со стороны русскихъ, вторые — преувеличивая важность помощи, которую готовы подать намъ западныя державы! Пусть падетъ на нихъ кровь, безполезно пролитая съ 13-го мая, ибо безъ лживыхъ увѣреній съ одной стороны и безъ возбужденій съ другой, варшавскій центральный комитетъ вмѣсто того, чтобы разорвать окончательно союзъ съ русскимъ правительствомъ, воспользовался бы аминистіей и положилъ бы конецъ рѣзнѣ; онъ сослался бы на самыя выраженія манифеста, чтобы просить административной автономіи, которая была бы дарована вполнѣ, хотя бы съ цѣлью доказать кабинетамъ парижскому, лондонскому и вѣнскому, что ноты, посланныя ими въ апрѣлѣ, были несвоевременны и что для исполненія законныхъ требованій Польши иноземное вмѣшательство безполезно.

Вмѣсто этого... Но къ чему жалобы на прошедшее? Обстоятельства, какъ я уже говорилъ, были таковы, что Польша, по видимому, имѣла право разсчитывать на полное свое возрожденіе, ибо всѣ, казалось, были готовы оказать намъ помощь — т. е., какъ Европа, такъ и самый русскій народъ; вотъ почему центральный варшавскій комитетъ поддался на приманку тѣхъ обѣщаній, которыми насъ тѣшили, и мы всѣ были ими обмануты, — да и я наравнѣ съ другими. Вмѣсто того, чтобы положить оружіе 13-го (1-го) мая, я продолжалъ сражаться и надѣяться, что наши кочующіе отряды выберутся, наконецъ, изъ болотъ и лѣсовъ, въ которыхъ вынуждены скрываться, что разбросанныя польскія силы будутъ въ состояніи наконецъ собраться подъ щитомъ франко-австрійскаго корпуса. Не раньше 16-го мая вышелъ я изъ лѣсовъ нашихъ, въ которыхъ оставилъ лѣвую руку и часть бедра. Съ тѣхъ поръ я пересталъ сражаться, хотя и гордился тѣмъ, что сражался прежде, и все еще надѣялся; но, два мѣсяца спустя, день въ день, когда я 16-гоіюля прочиталъ въ газетахъ депеши трехъ державъ (отъ 17-го іюня), я даже пересталъ на-

дѣяться и — скажу вамъ съ горестью, но безъ ложнаго стыда — жалѣлъ о томъ, что дрался за дѣло, само по себѣ священное, но изъ котораго суетность и высокомѣріе однихъ и хвастливость и легкомысліе другихъ , въ соединеніи съ непостижимымъ ослѣпленіемъ всѣхъ, сдѣлали самое нелѣпое предпріятіе, самую преступную попытку.

Что мы, скрывающіеся въ люблинскихъ лѣсахъ, вѣрили еще въ возможность вооруженнаго вмѣшательства великихъ западныхъ державъ — это было довольно естественно, потому что мы знали о положеніи дѣлъ только то, что намъ говорили наши товарищи, прибывавшіе изъ Галиціи и судившіе въ свою очередь на основаніи газетныхъ извѣстій; но что центральный комитетъ — или, если угодно, народное правительство — не зналъ о настроеніи кабинетовъ парижскаго, лондонскаго и вѣнскаго, — это весьма трудно допустить. Что же дѣлали ваши дипломатическіе агенты, что дѣлалъ парижскій комитетъ? Заблуждались ли они сами, или васъ вводили въ заблужденіе на счетъ дѣйствительныхъ намѣреній великихъ державъ, или, наконецъ, узнавъ истину, вы полагали нужнымъ скрыть ее отъ страны, чтобы не повергать инсургентовъ въ уныніе и поддерживать волненіе, — въ той надеждѣ, что стеченіе случайныхъ обстоятельствъ побудитъ наконецъ Европу дать намъ что нибудь другое, кромѣ рукоплесканій и симпатическихъ рѣчей.

Какъ бы то нибыло, — обманывали ли вы другихъ, или сами были обмануты, — вы, въ настояще время, не имѣете болѣе возможности играть ту или другую изъ этихъ двухъ ролей, потому что обнародыванныя во всѣхъ газетахъ депеши трехъ державъ не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, чего вамъ остается ожидать отъ Европы. Намъ предлагаютъ дипломатическое вмѣшательство, ноты, слова; Россію убѣждаютъ принять для насъ шесть пунктовъ, — и притворяются, будто ихъ достаточно для того, чтобы сдѣлать Польшу свободною и счастливою!

Но эти шесть пунктовъ — самая горькая насмѣшка, брошенная въ окровавленное лице народа, который гибнетъ отъ междоусобной войны, предпринятой въ надеждѣ достигнуть перемѣны его политическаго положенія! Россію формально просятъ милостиво даровать намъ то, на что она согласилась еще до начала войны; с.-петербургскому кабинету предлагаютъ великодушно предать забвенію всѣ

крайности мятежа и возвратиться къ тому положенію, въ какомъ находились дѣла 21-го (9-го) января! Ошибаюсь ли я, говоря такимъ образомъ? Для того, чтобы убѣдиться въ этомъ, разсмотримъ содержаніе шести пунктовъ, но будемъ правдивы и выскажемъ то, что существуетъ въ дѣйствительности. Нѣкоторые изъ нашихъ соотечественниковъ сочли священнымъ для себя долгомъ тщательно скрывать истину всякій разъ, когда она оскорбляла народное самолюбіе, или не высказывала противъ русскихъ всего того зла, которое бы они желали пустить въ ходъ. По моему мнѣнію, это дурная система, потому что ложь всегда бываетъ поступкомъ и безчестнымъ и неловкимъ. Еслибъ я полагалъ оказать этимъ услугу нашему дѣлу, то у меня достало бы патріотизма на то, чтобы дѣйствовать, подобно многимъ другимъ, которые, вмѣсто того, чтобы сражаться за Польшу, только лгали за отечество. Я выбралъ противоположный путь, сражался за независимость моей родины, но лгать не буду.

Начинаю съ важнѣйшаго пункта—четвертаго: полной свободы совѣсти и отмѣны преградъ католическому вѣроисповѣданію.

Что это за преграды?—я ихъ не знаю, потому что въ Польшѣ, точно также, какъ и въ Россіи, католическая церковь пользуется всею свободой, какую предоставляетъ ей признанное закономъ исповѣданіе. Ни для числа храмовъ, ни для числа священнослужителей и благотворительныхъ учрежденій не существуетъ никакихъ ограниченій—богослуженіе совершается публично, съ всею желанною торжественностью, и русское правительство возставало только противъ обращенія храмовъ въ политическія собранія. Единственное ограниченіе, какому подвержена католическая церковь, касается смѣшанныхъ браковъ. Католическая церковь признаетъ дѣйствительными лишь тѣ браки, которые она благословила; но прежде чѣмъ совершить бракосочетаніе между лицами католическаго и другаго исповѣданія, ксендзы наши требуютъ, чтобы имъ было дано торжественное обѣщаніе, что дѣти, которыя родятся отъ этого брака, будутъ крещены и воспитываемы по правиламъ католической вѣры. Такъ поступаютъ, безъ всякаго вмѣшательства со стороны правительства, въ отношеніи къ протестантамъ, лютеранамъ и реформатамъ,—и все стѣсненіе, на которое жалуются, состоитъ въ томъ, что правительство не допускаетъ такого порядка, если иновѣрецъ исповѣдываетъ православную

вѣру. Тогда дѣти, вмѣсто того, чтобы сдѣлаться католиками, должны быть окрещены по обрядамъ православной религіи. Это, конечно, нарушеніе свободы совѣсти, но развѣ образъ дѣйствій нашихъ ксендзовъ не нарушаетъ точно также религіозной свободы, и развѣ мы въ правѣ требовать, чтобы русская церковъ выказывала больше терпимости, чѣмъ католическая? Что бы сказали наши ксендзы, еслибъ русское правительство согласилось отмѣнить законъ о смѣшанныхъ бракахъ лицъ православнаго исповѣданія,—но съ тѣмъ условіемъ, чтобы и ксендзы не требовали болѣе никакихъ обѣщаній отъ лютеранъ, реформатовъ и проч., которые сочетаются бракомъ съ католичками, и наоборотъ? Еслибъ они согласились принять это условіе, то сдѣлали бы большую ошибку, потому что съ точки зрѣнія католической пропаганды они отъ этого потеряли бы, такъ какъ число протестантовъ въ Польшѣ превышаетъ число православныхъ [1]). Но какъ скоро правительство провозгласитъ **безусловное равенство всѣхъ вѣроисповѣданій**, оно будетъ имѣть право требовать, чтобы католическая церковь отказалась отъ преимуществъ, доставляемыхъ ей надъ всѣми другими вѣроисповѣданіями, кромѣ одного, обычаемъ и терпимостью властей. Это требованіе, заявленное именемъ Польши, доказываетъ полное незнаніе истиннаго положенія дѣлъ, если только оно не есть ловушка, поставленная врагами католической церкви.

Назначеніе поляковъ въ общественныя должности, упоминаемое въ 3-мъ пунктѣ, уже состоялось до 22-го января и значительно облегчило нашу задачу, когда понадобилось поднять страну. Благодаря стараніямъ маркиза, заслуги котораго національному дѣлу не были довольно оцѣнены, русскіе чиновники были изгнаны, и отъ малѣйшаго писца до губернатора всѣ должностныя лица были поляки. Я не имѣю ничего сказать противъ этой мѣры: необходимо сохранить ее, чтобы не отнять у страны всякую самодѣятельность въ бу-

---

[1]) Это увѣреніе польскаго патріота кажется намъ ошибочнымъ. Хотя въ нѣкоторыхъ городахъ, какъ напр. **Лодзѣ и Донской Волѣ**, населеніе исключительно протестантское, и въ остальной части края, какъ и въ самой Варшавѣ, имѣются лютеранскія церкви, однако мы весьма сомнѣваемся въ томъ, чтобы общее число приверженцевъ протестантизма доходило до числа русскихъ (православныхъ) солдатъ, разсѣянныхъ по всей Польшѣ. Само собою разумѣется, что по примѣру автора мы разумѣемъ подъ именемъ **Польши** одно только бывшее Герцогство Варшавское. Въ областяхъ, которыхъ домагаются поляки, православные образуютъ огромное большинство. —

Прим. г. Скедо-Феррoти.

дущемъ; я заявляю только, что не покровительствующія державы придумали сдѣлать эту уступку національному чувству, но что она сдѣлана петербургскимъ правительствомъ еще до 22-го января.

Признаніе польскаго языка оффиціальнымъ (пятый пунктъ) также совершилось прежде, и естественно вытекало изъ того, что всѣ чиновники назначались исключительно изъ поляковъ: начиная съ самыхъ низшихъ присутственныхъ мѣстъ до государственнаго совѣта Царства, вездѣ говорятъ и пишутъ только по-польски, и изъ всѣхъ иностранныхъ языковъ всего строже исключенъ, конечно, русскій. Если въ присутственное мѣсто явится нѣмецъ, французъ, итальянецъ, то они всегда найдутъ людей, которые могутъ отвѣчать имъ; но если придетъ русскій, говорящій на одномъ только своемъ языкѣ, то ему навѣрно надобно искать переводчика. Одни—и это большинство—не поняли бы его, другіе притворились бы, что не понимаютъ,—не для того, чтобы сдѣлать ему непріятность, но для того, чтобы окончательно установилось исключеніе русскаго языка изъ оффиціальныхъ сношеній. Что же значитъ, послѣ этого, смѣшное постановленіе пятаго пункта?

Установленіе правильной и законной системы набора, требуемое шестымъ пунктомъ, есть также возвращеніе къ порядку вещей, существующему до варшавскихъ патріотическихъ демонстрацій. Рекрутскій уставъ, которымъ **отмѣняется** старый обычай, введенный въ 1816 году и основанный на **произвольномъ назначеніи** рекрутъ, былъ обнародованъ указомъ отъ 15-го (3-го) марта 1859 года. Этотъ уставъ не былъ примѣненъ, потому что со смерти Императора Николая не было набора, но онъ существовалъ при началѣ смутъ, и если маркизъ Велепольскій дѣйствовалъ не по этому новому уставу, если онъ произвольно назначилъ людей въ солдаты, **согласно съ прежнимъ, закономъ**, то тутъ нельзя не видѣть злоупотребленія власти, но нельзя видѣть отмѣны устава 15-го (3-го) марта 1859 года Этотъ уставъ еще существуетъ и—отчего не признать этого— онъ составленъ раціонально и льготно; слѣдовательно, дѣло идетъ не объ установленіи новой системы набора, но о примѣненіи уже установленной системы.

Неужели гг. Россель и Друэнъ-де-Люисъ не знали этихъ фактовъ? Если не знали, то что же дѣлаютъ ваши дипломатическіе аген-

ты въ Парижѣ и въ Лондонѣ? Въ противномъ случаѣ, что значитъ праздное предложеніе шестаго пункта?

Амнистія, требуемая первымъ пунктомъ, есть естественное послѣдствіе прекращенія возстанія. Императоръ Александръ II уже предложилъ ее и теперь еще дасть полную амнистію; слѣдовательно, и это предложеніе не болѣе какъ пустая фраза, придуманная для того, чтобы растянуть программу и увеличить число постановленій, склеенныхъ покровительствующими державами, съ цѣлью сказать народу, принимающему въ насъ участіе: вы видите, что мы принимаемъ къ сердцу польское дѣло; мы предложили шесть важныхъ уступокъ, чтобы упрочить счастіе и свободу поляковъ.

Мы показали, что остается отъ этихъ шести уступокъ; остается только одна, требующая „національнаго представительства" для Польши.

Это имѣло бы свое, даже большое значеніе, еслибъ въ депешахъ покровительствующихъ державъ не было прибавлено: „съ властью, подобною той, которая была установлена конституціей 27-го (15-го) ноября 1815 года". Извѣстна ли конституція 1815 года державамъ, которыя думаютъ удовлетворить желанія Польши, снабдивъ ее національнымъ представительствомъ съ властью, подобною той, какая была установлена актомъ Императора Александра I? Знаютъ ли онѣ четвертую главу этой конституціи, ту, въ которой говорится о національномъ представительствѣ? Если знаютъ, то издѣваются надъ нами, предлагая намъ подобную конституцію; если же не знаютъ, то нельзя не назвать преступнымъ легкомысліемъ такого легкаго обращенія съ вопросомъ жизненнымъ, касающимся будущности цѣлаго народа, и требованіе для него такого порядка вещей, съ которымъ даже не потрудились ознакомиться.

Вотъ что постановляетъ конституція 1815 года относительно національнаго представительства:

Ст. 85 Національное представительство будетъ составлено согласно съ изложеннымъ въ статьѣ 31-й (то есть, оно будетъ состоять изъ сейма—короля и двухъ палатъ; въ одной палатѣ будутъ засѣдать сенаторы, въ другой—послы и депутаты общинъ).

Ст. 86. Законодательная власть принадлежитъ королю и двумъ палатамъ сейма.

Ст. 87. Обыкновенный сеймъ собирается каждые два года въ Варшавѣ въ назначенное королевскимъ созывнымъ актомъ время. Сессія продолжается тридцать дней. Одинъ только король можетъ временно отсрочивать ее, временно закрывать и совсѣмъ распускать палаты.

Ст. 88. Король созываетъ чрезвычайный сеймъ, когда находитъ это нужнымъ.

Ст. 90. Сеймъ совѣщается о всѣхъ проектахъ законовъ, которые будутъ присланы ему, именемъ короля, государственнымъ совѣтомъ.

Ст. 91. По обсужденіи сообщеній государя, сеймъ совѣщается объ увеличеніи или сокращеніи налоговъ, податей, сборовъ..., а также и обо всѣхъ предметахъ, указанныхъ ему государемъ.

Ст. 92... Сеймъ, постановивъ свое рѣшеніе по всѣмъ этимъ предметамъ [1]), получаетъ сообщенія, просьбы или жалобы, представляемыя послами и депутатами общинъ, для пользы ихъ довѣрителей. Онъ передаетъ эти сообщенія, просьбы или жалобы государственному совѣту, который представляетъ ихъ на воззрѣнія государя. Когда онѣ обратно отосланы въ сеймъ государемъ, тогда сеймъ совѣщается о законодательнихъ проектахъ, къ которымъ подали поводъ эти жалобы.

Ст. 94. Сеймъ можетъ заниматься только предметами, ему подвѣдомственными, или упомянутыми въ актѣ о созваніи сейма.

Ст. 99. Проекты, представленные по повелѣнію короля [2]), могутъ быть измѣняемы только государственнымъ совѣтомъ, по замѣчаніямъ, какія могутъ быть сдѣланы соотвѣтственными коммисіями сейма.

Этихъ выписокъ, кажется, достаточно для того, чтобы доказать, какъ призрачно было бы національное представительство съ властью, подобною той, какая установлена конституціей 1815 года. Законодательное собраніе, засѣдающее только тридцать дней и котораго вакансія длится 23 мѣсяца, не можетъ отвѣчать нашимъ требованіямъ. Палаты, лишенныя права инициативы, были бы только

---

[1]) Т. е. въ концѣ сессіи и передъ самымъ закрытіемъ сейма. Прим. автора.

[2]) Слѣдовательно, всѣхъ безъ исключенія проектовъ. Прим. автора.

призракомъ національнаго представительства. Конституція, подобная акту 1815 года, еслибъ она была дарована намъ по желанію нашихъ лондонскихъ и парижскихъ покровителей, оставила бы депутатамъ націи лишь безплодную роль зрителей правительственныхъ дѣйствій. Имѣя право разсуждать только о сообщенныхъ ему проектахъ, сеймъ, подобный сейму 1815 года, имѣлъ бы право только принимать „сообщенія, просьбы или жалобы" страны, съ правомъ передавать ихъ въ государственный совѣтъ, но безъ права обсуждать ихъ, просить у правительства объясненій, или предлагать отъ себя мѣры, необходимыя для устраненія неудобствъ, указанныхъ въ этихъ жалобахъ. Только тогда, когда правительству будетъ угодно заняться представленными ему просьбами, и внести въ сеймъ какой нибудь вызванный ими проектъ закона, — только тогда представители націи имѣли бы право совѣщаться о годности подобнаго проэкта: но и тутъ роль ихъ ограничилась бы сообщеніемъ замѣчаній государственному совѣту, который одинъ имѣлъ бы право измѣнять проекты, представленные палатамъ.

Вотъ все, что сочли нужнымъ сдѣлать для Польши западныя державы, вотъ чѣмъ ограничивается ихъ предполагаемая помощь! Шесть уступокъ, формально требуемыхъ отъ Россіи, шесть предложеній, изъ которыхъ четыре содержатъ лишь праздныя слова, одно— ставить ловушку католицизму, между тѣмъ какъ послѣднее установило бы мнимо-либеральную конституцію.

Чего же еще надѣетесь вы, въ виду этого вмѣшательства, стремящегося скорѣе къ удовлетворенію зрителей, чѣмъ къ содѣйствію Польшѣ?

Или вы думаете, что если Россія будетъ настойчиво отвергать вмѣшательство покровительствующихъ державъ, то ей будетъ объявлена война? Война за шесть пунктовъ! Но это было бы верхъ нелѣпости: это значило бы принуждать Россію къ водворенію у насъ такого порядка вещей, къ принятію котораго пришлось бы принуждать и насъ самихъ.

Или вы полагаете, что Европа, раздраженная поступками Россіи, объявитъ ей войну безъ опредѣленной цѣли, и что мы, пользуясь этимъ, возвратимъ себѣ наши старинныя провинціи и возстано-

вимъ Польшу 1772 г.? Разсмотримъ это предположеніе и начнемъ съ вопроса: кто будетъ воевать съ Россіею?

— Франція, отвѣчаютъ намъ, въ союзѣ съ Австріей и Англіей.

Начнемъ съ послѣдней и не убоимся истины: Англія не пожертвуетъ ни однимъ солдатомъ, ни однимъ шилингомъ для войны, отъ которой она ничего не выиграетъ. Ослабляя Россію, она только упрочивала бы первенство Франціи на континентѣ. Способствуя возстановленію Польши 1772 г., — Польши сильной, славной и тѣсно связанной съ Франціей одиноковыми стремленіями къ славѣ и могуществу, Англія добровольно отказалась бы отъ всякаго вліянія въ Европѣ, гдѣ ничто не могло бы сопротивляться соединеннымъ силамъ двухъ націй, гдѣ, отъ Стокгольма до Константинополя, отъ Мадрита до Москвы, все стало бы слѣдовать указаніямъ, исходящимъ изъ Варшавы и Парижа. Чѣмъ болѣе подобный порядокъ вещей способствовалъ бы величію и славѣ Польши, тѣмъ менѣе соотвѣтствовалъ бы онъ выгодамъ Англіи, а она всегда будетъ сообразоваться только съ собственными выгодами. Поэтому она останется пока нейтральною, а потомъ явится на помощь Россіи, если увидитъ, что достаточно будетъ усилій другихъ державъ, чтобы возстановить наши прежнія границы.

Не думаете ли вы, что Австрія будетъ воевать съ Россіею за возстановленіе Польши 1772 г.? Нужно считать ее безумною, чтобы предполагать въ ней способность начать войну, результатомъ которой, въ случаѣ побѣды, была бы для нея потеря Галиціи. Или думаютъ, какъ мнѣ случалось слышать въ лембергскихъ кофейняхъ, предложить ей въ вознагражденіе Придунайскія Княжества? Это значило бы ослабить Турцію, возбудить восточный вопросъ и представить къ услугамъ Россіи англійскіе капиталы и флотъ. Нѣтъ, все это мечты; Австрія не можетъ желать возстановленія прежней, сильной Польши, и если серьозно задумаютъ возстановить ее, то Австрія непремѣнно начнетъ войну, но съ тѣмъ, чтобы воспротивиться этому.

Остается одна Франція. На нее-то болѣе всего и расчитывали, и она дѣйствительно казалась наиболѣе расположенною поддержать насъ. Мнѣ слишкомъ тяжело сомнѣваться въ братскомъ участіи къ намъ французской націи, я не могу даже на одну минуту предполо-

ложить, что она равнодушна къ нашему дѣлу. Французы великодушны, они не пожалѣли бы нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ и нѣсколькихъ милліоновъ франковъ; но не народъ, а правительство рѣшаетъ, что нужно дѣлать; французское же правительство, какъ и всѣ другія, дѣйствуетъ не по влеченію сердца, а по холоднымъ законамъ общественной пользы, по эгоистическимъ государственнымъ соображеніямъ.

Что выиграетъ Франція, объявивъ войну Россіи, и, если будетъ доказано что ничего, то какія государственныя соображенія могутъ понудить ее къ войнѣ?

Возстановленіе Польши 1772 г., какъ бы оно ни было славно для Франціи, не принесетъ ей достаточно большой, а главное, достаточно видимой выгоды, чтобы вознаградить ее за усилія и за денежныя жертвы, которыя ей пришлось бы сдѣлать, ведя долголѣтнюю войну. Ей нужно нѣчто большее—расширеніе собственной территоріи, подъ страхомъ возбудить крики журналистики, а потомъ и народа, ей нуженъ, однимъ словомъ, **лѣвый берегъ Рейна**. Безъ увѣренности, по крайней мѣрѣ, безъ надежды на присоединеніе прирейнскихъ провинцій, Франція никогда не рискнетъ на войну съ Россіей. А какая можетъ быть у нея надежда на это? Едва французскія войска вступили бы въ прирейнскія провинціи, какъ Германія возстала бы поголовно, забывъ свою антипатію къ Пруссіи и свои внутренніе раздоры, и даже Австрія, подъ страхомъ общественнаго негодованія, должна была бы взяться за оружіе противъ общаго врага. Съ своей стороны и Англія не допустила бы до этого, страшась за Бельгію и за антверпенскій портъ, такъ что Франція очутилась бы одна противъ всѣхъ великихъ державъ. Но предположимъ даже, что французское мужество одолѣетъ въ этой невѣроятной борьбѣ, предположимъ, что Франціи не только удастся завоевать лѣвый берегъ Рейна но и удержаться тамъ, — все же не мы отъ этого выиграемъ. Французскія войска, побѣдоносныя на Рейнѣ, остались бы тамъ оберегать свое пріобрѣтеніе и не дошли бы до насъ; разбитыя въ Германіи, они отступили бы не къ Вислѣ, такъ что мы ни въ какомъ случаѣ не увидѣли бы у себя французскихъ баталіоновъ. Оставимъ же несчастное предположеніе войны, начатой Франціею съ завоевательными видами на Рейнъ. Къ счастію для насъ, это завоеваніе

до того невѣроятно, и такъ дорого обошлось бы ей, что, надо полагать, она и не помышляетъ о немъ, а если и начнетъ войну, то въ надеждѣ извлечь изъ нея осязательную выгоду, но не изъ другихъ побужденій, менѣе явныхъ, но столь же сильныхъ, какъ и надежда на расширеніе владѣній.

Французы, приходившіе сражаться въ рядахъ нашихъ, не разъ говорили намъ объ этихъ побужденіяхъ, но я долженъ сознаться, что меня не совсѣмъ убѣждали приводимые ими доводы.

Согласенъ, что, какъ увѣряютъ эти господа, императоръ Наполеонъ III не любимъ значительною частію французовъ; согласенъ, что существуетъ сильная партія, подкапывающаяся подъ основы императорскаго правительства; согласенъ, что для отклоненія неудовольствія внутри страны, благоразумнѣе всего направлять вниманіе публики на внѣшнія дѣла и создавать такія положенія, которыя заставляли бы каждую минуту ждать войны; но и зо всего этого еще не видно, чтобы императоръ долженъ былъ прійти на помощь Польшѣ. Для того, чтобы онъ рискнулъ на вторичный походъ въ Россію, внутреннее положеніе его должно быть совсѣмъ отчаянное, надъ нимъ должна висѣть революція, заставляя его рисковать всѣмъ для всего, т. е. или вернуться побѣдителемъ съ береговъ Вислы, или пасть подъ ударами всеобщаго неудовольствія, дошедшаго до крайней степени, вслѣдствіе мира, дозволившаго народу сосредоточить свое вниманіе на внутреннемъ состояніи государства.

Что бы ни говорили наши товарищи по оружію, а я не думаю, чтобы положеніе императора было такое отчаянное. Оно, конечно, трудное; но Наполеонъ III слишкомъ уменъ, чтобы не найти средства выйти изъ него, не рискуя своимъ будущимъ и будущимъ своей династіи, которое можетъ погибнуть отъ потери одного большаго сраженія. Очень можетъ быть, что онъ и эгоистъ, и хитеръ, и скрытенъ, но во всякомъ случаѣ это великій, геніальный человѣкъ, у котораго одна цѣль: величіе Франціи, упроченное царствованіемъ наполеонской династіи. Если бы возстановленіе Польши 1772 г. было необходимо для достиженія этой цѣли, то, конечно, императоръ попытался бы возстановить ее, и можетъ быть успѣлъ бы въ этомъ; но нечего и думать о томъ, что онъ предприметъ войну, въ которой противъ него будетъ вся Европа, да къ тому же войну, не требуемую ни интересами Франціи, ни интересами его династіи. Если

бы представилась крайняя необходимость занимать французовъ побѣдными бюллетенями, то нашли бы съ кѣмъ воевать: съ Испаніею, съ сѣверными или съ южными штатами, но никакъ не съ Россіей, страною, слишкомъ отдаленною и защищаемой своимъ климатомъ даже лучше, нежели своими солдатами (?!).

Но къ чему же, въ такомъ случаѣ, воинственный тонъ журналовъ, руководимыхъ правительствомъ, всюду распространившіеся и никѣмъ неопровергаемые слухи о войнѣ, поощреніе нашихъ дипломатическихъ агентовъ; подстрекательства, обращенныя къ Англіи и Австріи; зачѣмъ всѣ эти происки, придающіе французскому правительству видъ рѣшившагося на все, чтобы помочь Польшѣ? Я скажу вамъ зачѣмъ, если вы не знаете этого, такъ же хорошо, какъ и я.

Императоръ французовъ находится въ исключительномъ положеніи. За невозможностью сказать, подобно Людовику XIV: „Государство—это я“ онъ можетъ сказать: „**Правительство—это я**“, потому что нигдѣ дѣйствія министровъ и совѣтниковъ короны не поглащены до такой степени волею государя, какъ во Франціи при Наполеонѣ III. Это всемогущество дано императору незаконно сложившимися правительственными формами, а его собственною желѣзною волею и умственнымъ превосходствомъ. Во Франціи есть и законодательный корпусъ, и сенатъ, и государственный совѣтъ, и совѣтъ министровъ, но никто, ни внѣ, ни внутри страны, не заботится узнать, что рѣшается въ этихъ собраніяхъ. Какъ думаетъ императоръ? Что говоритъ, чего желаетъ, какъ рѣшилъ императоръ?—Вотъ о чемъ спрашиваютъ. Значитъ, правитъ одинъ только императоръ. Такое положеніе, какъ скоро оно признано страною и занято столь необыкновеннымъ человѣкомъ, какъ Наполеонъ III, представляетъ большія выгоды и можетъ повести къ великимъ результатамъ, но въ то же время оно порождаетъ извѣстныя затрудненія, которыя устраняются только большимъ терпѣніемъ и ловкостью.

Если собирательная единица, называемая публикою, признаетъ и терпитъ во Франціи диктатуру, то дѣлаетъ это потому только, что изъ множества лицъ, составляющихъ это великое цѣлое, многіе надѣются осуществленія ихъ частныхъ стремленій безусловною императорскою властью. Всякій готовъ простить императору его всемогущество съ тѣмъ условіемъ, чтобы онъ дѣйствовалъ такъ, какъ сами

они дѣйствовали бы на его мѣстѣ, чтобы онъ предписывалъ то, что благопріятствуетъ ихъ личнымъ видамъ, хотя бы это и было сопряжено съ злоупотребленіемъ власти: всякій готовъ, на этомъ условіи, поддерживать настоящее правительство противъ всѣхъ, кто вздумалъ бы напасть на него. На такъ-называемый деспотизмъ во Франціи жалуются только тѣ, чьи личныя цѣли страдаютъ отъ его дѣйствій: но эти люди первые запѣли бы ему хвалы, если бы онъ обратилъ этотъ деспотизмъ въ пользу ихъ политическихъ идей [1]).

Вотъ, въ нѣсколькихъ словахъ, тайна силы и слабости положенія императора, онъ олицетворяетъ въ себѣ одномъ французское правительство; а такъ какъ ни одно правительство не можетъ прочно держаться безъ поддержки со стороны большинства, то императоръ долженъ, для сохраненія своей диктатуры, имѣть за себя большинство націи; достигнуть же этого онъ можетъ только въ томъ случаѣ, если будетъ постоянно поддерживать въ большинствѣ убѣжденіе, что онъ употребляетъ свою власть въ смыслѣ его стремленій.

Никто не сомнѣвается въ томъ, что французы живо сочувствуютъ польскому дѣлу. Нигдѣ не приняли въ немъ такого участія, нигдѣ журналы не говорили о немъ съ большею горячностью, нигдѣ не дѣйствовали за него такъ искусно на общественное мнѣніе. Статьи, брошюры, митинги, адресы къ правительству появлялись безпрерывно; самыя громкія имена Франціи стояли въ числѣ нашихъ защитниковъ, и въ самомъ сенатѣ война съ Россіей была объявлена неизбѣжною. Энтузіазмъ, увлеченіе были всеобщи; казалось, что французы возстанутъ поголовно, чтобы, пренебрегая всѣми преградами, пробѣжать испуганную Германію и явиться на освобожденіе своихъ польскихъ братьевъ.

Что было дѣлать императору предъ этимъ ловко вызваннымъ

---

[1]) Чтобы пояснить мои слова, предположимъ напр., что императоръ Наполеонъ возстановилъ своимъ декретомъ республику во Франціи. Онъ не имѣетъ права сдѣлать этого безъ согласія законодательнаго корпуса, сената и націи. Перемѣнить форму правленія, избранную народомъ, было-бы произвольнымъ дѣйствіемъ. Это былъ бы деспотизмъ, а между тѣмъ, республиканская партія, которая то и дѣло толкуетъ объ уваженіи къ законамъ, первая ободрила-бы это нарушеніе законовъ, единственно потому, что оно состоялось бы въ смыслѣ ея стремленій. Они всѣ таковы.

Прим автора

народнымъ движеніемъ? Слѣдовало ли ему, пользуясь этимъ возбужденіемъ страстей, напустить Францію на Германію, завоевать прирейнскія провинціи, возстановить Польшу 1772 года и провозгласить себя властелиномъ европейскаго материка? Онъ, конечно, попытался бы сдѣлать это, если бы считалъ дѣло возможнымъ; но, не имѣя въ виду ни одного союзника, не смѣя даже разсчитывать на продолжительность народнаго увлеченія, непрочность котораго никто не испыталъ лучше его, онъ понялъ, со свойственною ему быстротою соображенія, что такое предпріятіе было бы крайне безумно, такъ какъ почти всѣ шансы были бы противъ него, что оно подвергло бы риску политическій перевѣсъ Франціи и будущность царствующей династіи. Наполеонъ III могъ рѣшиться только на одно: избѣгать европейской войны; но принявъ это рѣшеніе, что же оставалось ему дѣлать?

Слѣдовало ли ему рѣшительно объявить, что Франція ни въ какомъ случаѣ не подниметъ оружія за Польшу? Онъ затронулъ бы этимъ чувства огромнаго большинства французовъ, въ которыхъ печать искусно возбудила свойственный имъ воинственный духъ. Не могъ же онъ отвѣтить на митинги, адресы, брошюры полякофиловъ: „я сострадаю о Польшѣ не менѣе вашего; я желалъ бы, не менѣе вашего, сдѣлать счастливою эту страну, но я никогда не стану рисковать судьбою Франціи во всеобщей войнѣ; **поэтому я не буду воевать съ Россіей**“. Подобное объявленіе было бы благомъ для Польши, которая знала бы, чего ей ожидать отъ чужеземнаго вмѣшательства, и давно уже перестала бы напрасно проливать свою кровь, но оно подняло бы страшную бурю во Франціи, одну изъ тѣхъ политическихъ бурь, которыя способны низвергнуть все соціальное зданіе. Французы, пораженные въ самое чувствительно мѣсто — въ тщеславіе, которое возмущается въ нихъ отъ одной мысли, что война можетъ быть для нихъ рискованною, т. е. грозитъ имъ пораженіемъ, — и въ великодушіе, побуждающее ихъ исправлять всякое зло, совершаемое на бѣломъ свѣтѣ, — французы обвинили бы свое правительство въ недостаткѣ смѣлости, въ томъ, что оно компрометируетъ достоинство націи, въ томъ, что оно заодно съ русскимъ царемъ противъ Польши. Переходя отъ обвиненія къ обвиненію, они нашли бы наконецъ свое правительство невыносимымъ, а это могло

бы повести къ повторенію во Франціи тѣхъ же сценъ, какія волнуютъ Польшу.

Для ловкаго человѣка оставался только одинъ образъ дѣйствій: чтобы выйти изъ затрудненія, въ которое поставили его, съ одной стороны, очевидность факта, что война за Польшу 1772 г. была бы войною противъ цѣлой Европы, съ другой—воинственное настроеніе народа, желавшаго идти въ Варшаву, надо было стараться избѣгать войны, а между тѣмъ поддерживать мнѣніе, что она можетъ быть со дня на день объявлена; надо было вмѣстѣ съ другими державами завести дипломатическіе переговоры, чтобы можно было взвалить на нихъ всю отвѣтственность за медленность и безуспѣшность этихъ переговоровъ, а всѣмъ журналамъ, и преданнымъ и независимымъ, представить полную свободу объявлять, что открытіе компаніи противъ Россіи возможно со дня на день. Словомъ, не должно было раздражать воинственный энтузіазмъ народа, слѣдовало не подавить его однимъ словомъ, но дать ему охладиться самому, мало по малу, дѣлая видъ, что поступаешь по требованіямъ націи.

На сколько эта политика была благоразумна и дальновидна,—это обнаруживается при внимательномъ чтеніи французскихъ журналовъ. Пока вмѣшательство Франціи въ дѣла Польши было еще только любимымъ проектомъ либеральной партіи, голоса всѣхъ партій сливаются въ одинъ кликъ, требующій отъ правительства помощи Польшѣ. Французскіе журналы всѣхъ оттѣнковъ, всѣхъ направленій, всѣ безъ исключенія проповѣдывали крестовый походъ противъ Россіи, всѣ открывали подписки въ пользу Польши, всѣ приглашали правительство дѣйствовать какъ можно быстрѣе, чтобы положить конецъ страданіямъ благороднаго и угнетеннаго народа.

Уступая, или притворяясь уступающимъ, требованію общественнаго мнѣнія императорское правительство вошло въ переговоры съ Англіей и Австріей и сообща съ ними отправило въ С.-Петербургъ апрѣльскую депешу.

Если взять въ расчетъ содержаніе этого документа и самую коллективность такого дѣйствія, которая должна была поставить всѣ послѣдующія дѣйствія Франціи въ зависимость отъ рѣшенія двухъ другихъ державъ (изъ которыхъ одна принимала участіе въ раздѣлѣ Польши), и потомъ отправленіе подобныхъ же депешъ Швеціей и

Испанiей, то въ этомъ первомъ шагѣ французскаго правительства мы не увидимъ ничего особеннаго, ничего рѣшительнаго, а между тѣмъ, слѣдствiемъ его было нѣкоторое успокоенiе воинственной журналистики. Польщенныя тѣмъ, что ихъ послушались, радуясь значенiю, которое такимъ образомъ придавалось имъ въ глазахъ читателей, многiе журналы объявили себя удовлетворенными. Посмотрите, говорили они, какое у насъ превосходное правительство: оно выслушало то, что мы говорили, оно вмѣшалось въ польскiя дѣла, оно писало къ царю. О! мы никого не боимся, мы французы, и если намъ осмѣлятся дать оскорбленный отвѣтъ, мы не поколеблемся начать войну; должно однако надѣяться и пр. и пр. Вотъ первое удовлетворенiе, которое дано было нацiональному тщеславiю, а вмѣстѣ съ тѣмъ успокоило въ значительной степени воинственное настроенiе.

Уклончивые, но примирителные отвѣты князя Горчакова, оживили воинственное усердiе. Чѣмъ менѣе вѣроятною становилась война, тѣмъ удобнѣе было кричать: къ оружiю! Журналистика снова сдѣлалась очень воинственной, когда была отправлена депеша 17-го iюня, съ знаменитыми шестью пунктами. Докторальный тонъ этого документа и его претензiя прямо подѣйствовать на рѣшенiя Россiи, указывая по пунктамъ, что именно она должна сдѣлать для замиренiя и счастья Польши, сильно польстили нацiональному самолюбiю французовъ, и достаточно было князю Горчакову принять эти шесть пунктовъ въ основанiе дальнѣйшихъ переговоровъ, чтобы всѣ наши французскiе друзья тотчасъ сдѣлались горячими партизанами Россiи. Это, сказали бы они, въ сущности хорошiе люди, варвары по невѣжеству, но безъ дурныхъ намѣренiй. Вы видите, какъ они выслушиваютъ всѣ наши совѣты. Теперь Францiя, теперь мы установили политическiя права поляковъ, которые окажутся безумными и неблагодарными, если не будутъ довольны тѣмъ, что мы для нихъ сдѣлали.

Убаюканные этой пѣснiю будущей побѣды, ненависть къ русскимъ и горячее участiе къ судьбѣ поляковъ начали было охлаждаться, но снова были пробуждены отвѣтами с.-петербургскаго кабинета. Видя, что Россiя не принимаетъ безусловно шести пунктовъ, наши сенскiе друзья опять принялись ненавидѣть русскихъ. Какъ и въ началѣ борьбы, всѣ согласно порицали нашихъ угнетателей, всѣ въ одинъ голосъ превозносили наше мужество и жалѣли насъ; но

тутъ и останавливалось единогласіе въ мнѣніяхъ: число тѣхъ, которые требовали, чтобы Францiя оказала Польшѣ вооруженную помощь, значительно уменьшилось. И если нѣкоторые журналы проповѣдывали еще крестовый походъ противъ Россіи, то другіе старались всячески доказать всѣ неудобства такого отдаленнаго похода для Франціи. Расчитали потери и пожертвованія, которыя повлекла бы за собою борьба съ сѣвернымъ колоссомъ, и даже дошли до того, что заранѣе стали оплакивать судьбу вдовъ и сиротъ будущихъ конскриптовъ. Въ заключеніе объяснили, что правительство должно зрѣло и продолжительно подумать прежде, чѣмъ рѣшиться на войну, которая вовсе не предписывается настоятельно ни интересами, ни честью Франціи.

Что же могло произвести подобную перемѣну въ настроеніи Франціи относительно насъ? Почему горячіе друзья свободы сдѣлались такъ равнодушны къ освобожденію Польши? Не случилось ничего особеннаго; только время шло и вело за собой размышленіе, этого вѣчнаго врага внезапныхъ увлеченій, врага, всегда охлаждающаго первое движеніе, противъ котораго еще Таллейранъ предостерегалъ своихъ соотечественниковъ. Французское общество, видя или думая, что императоръ послушался его голоса, когда вмѣшался въ дѣла Польши, въ восторгѣ отъ послушанія правительства и убѣждено, что отъ общества зависитъ побудить императора къ войнѣ съ Россіей, что для этого достаточно, по прежнему, требовать войны. Народный избранникъ, безъ сомнѣнія, кончитъ тѣмъ, что поступитъ такъ, какъ хочетъ народъ; слѣдовательно необходимо — такъ какъ тутъ рѣшаетъ общественное мнѣніе — необходимо прежде всего дать себѣ отчетъ, дѣйствительно ли эта война нужна для величія и славы Франціи?

Вотъ вопросъ, который поставило себѣ французское общество, и поставило съ важностью, требуемой окончательнымъ рѣшеніемъ, къ которому оно считало себя призваннымъ; по зрѣломъ размышленіи, оно заключило, что никогда серьезно не желало втораго похода противъ Россіи.

Вотъ къ чему пришло народное движеніе во Франціи, которое вы вызывали съ такою заботливостью и поддерживали съ такою ловкостью.

Еще нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, война за Польшу была общимъ желаніемъ націи; теперь она уже не будетъ такъ популярна; но пройдетъ еще шесть недѣль, и она будетъ совершенно невозможна, до того будетъ убѣждено общество, что она противна интересамъ страны!

А между тѣмъ, дѣлая отчаянныя усилія для продолженія борьбы, мы разсчитывали на эту войну, мы разсчитывали на вооруженное вмѣшательство Франціи. Намъ обѣщали каждый день скорую помощь французской арміи и, надѣясь на эту помощь, мы терпѣливо сидѣли въ нашихъ лѣсахъ; наши отряды, разсѣеваемые московскою картечью, вновь собирались на другой день, презирая голодъ, холодъ и смерть, чтобъ быть подъ ружьемъ въ тотъ день, когда присоединятся къ намъ французскіе баталіоны.

Куда дѣвалась эта рать освобожденія, въ помощи которой насъ такъ обнадеживали? Гдѣ эти французскіе полки, объ отправленіи которыхъ насъ даже извѣщали? Ибо по поводу неудавшейся, благодаря Бакунину, морской экспедиціи въ Балтійское море, наглость лжи была доведена до того, что насъ увѣряли, будто бы это французскій полкъ сѣлъ на суда!

Пусть судитъ Богъ тѣхъ, кто виноватъ въ этомъ, но во всякомъ случаѣ жестоко и святотатственно питать несбыточныя мечты народа, и продолжать пролитіе польской крови тогда, когда очевидно, что все потеряно, и что кровь наша льется по напрасну.

Въ настоящее время я слышу каждый день, что обвиняютъ Францію и подвергаютъ Наполеона III отвѣтственности за наши несчастія. „Если бы въ самомъ началѣ императоръ отнялъ у поляковъ всѣ надежды, объявивъ, что онъ не предприметъ войны противъ Россіи, то произошло бы вовсе не то, что теперь случилось; слѣдовательно, онъ виноватъ, что борьба продолжается до сихъ поръ.„ Такъ разсуждаютъ въ настоящее время. Это несправедливо и неблагородно! Впрочемъ, ему пора къ этому привыкнуть!

Могъ ли императоръ заранѣе сказать: „Я никогда не подниму оружія за свободу Польши“.. Я вамъ доказалъ, что онъ этого не могъ. Это вы, наши соотечественники, увлеченные дурно-направленнымъ патріотизмомъ, это вы, наши легко-воспламеняющіеся друзья

французской прессы, вы поставили императора въ такое положеніе, трудности котораго я объяснилъ уже, потому что вы могли и не хотѣли воспротивиться нашему самообольщенію.

Вы заставили его выбирать между продолженіемъ пролитія польской крови и вѣроятностью пролитія крови французской, вызванною шумомъ и попытками къ возстанію, которыя были бы порождены объявленіемъ подобнаго рода, если бы оно было сдѣлано тогда, когда Франція была въ лихорадочномъ состояніи, такъ искусно поддерживаемомъ, и громко требовала войны.

Не имѣя свободы дѣйствовать по-своему, но находясь въ необходимости выбрать одно изъ двухъ золъ, императоръ, въ качествѣ француза, выбралъ то, которое казалось ему меньшимъ. Онъ сохранилъ спокойствіе у себя дома, избѣгая раздражать общественное мнѣніе такою декларацiей, которая усмирила бы Польшу, положивъ конецъ ея обманчивымъ надеждамъ, но произвела бы смуты во Франціи. Онъ не мѣшалъ распространяться тѣмъ воинственнымъ слухамъ, посредствомъ которыхъ вы и наши друзья надѣялись возбудить браннолюбивый характеръ націи.

Обвините ли вы его за это въ двуличности и упрекнете ли его въ томъ, что онъ предательски ввелъ Польшу въ заблужденіе? Судя по тому, что я здѣсь слышалъ, такой взглядъ начинаетъ уже распространяться, а между тѣмъ вы менѣе всѣхъ имѣете право поддерживать его. Если образъ дѣйствій Наполеона III могъ ввести въ заблужденіе массу народа, которая судитъ только по наружности и отъ которой ускользаютъ подробности, то вы, стоящіе во главѣ польскаго возстанія, должны были высказать больше проницательности, а немного было нужно ея для того, чтобы понять, что въ то самое время, когда волненіе было наиболѣе сильно, императоръ давалъ понять Польщѣ невозможность разсчитывать на вооруженное вмѣшательство.

Какимъ образомъ вы не поняли, что слѣдующія слова, произнесенныя г. Бильо въ засѣданіи законодательнаго корпуса 6-го февраля, были обращены къ вамъ: „Французское правительство полагаетъ, что автономія Польши могла бы ожидать гораздо большаго отъ великодушныхъ и либеральныхъ чувствъ нынѣшняго императора

всероссійскаго, чѣмъ отъ мятежной попытки?“ Развѣ вы не поняли, что въ томъ же засѣданіи, правительственный ораторъ имѣлъ васъ же въ виду, когда, въ отвѣтъ на воинственные возгласы принца Наполеона, началъ говорить въ миролюбивомъ духѣ, и слова его, на другой же день, были подтверждены оффиціальнымъ письмомъ императора [1])? Предостереженіе было прямое и, какъ мнѣ кажется, достаточно ясное. Если вы не съумѣли или не захотѣли имъ воспользоваться, то въ этомъ должно винить только васъ однихъ, а не императора Наполеона III, котораго всѣ просвѣщенные патріоты считали и считаютъ до сихъ поръ искреннѣйшимъ другомъ Польши, и который—я глубоко убѣжденъ въ этомъ—окажетъ нашему дѣлу столь же важныя, сколько дѣйствительныя услуги, но не тѣмъ, что придетъ на помощь нашей „мятежной попыткѣ,“ которая, какъ высказалъ отъ его имени г. Бильо, имѣетъ весьма мало надежды на успѣхъ, но тѣмъ, что доставитъ Польшѣ поддержку нравственнаго вліянія, какое придаютъ ему неоспоримое умственное его превосходство и несравненная опытность.

Я весьма жалѣю, что письмо мое вышло такъ длинно вслѣдствіе того, что я оказался вынужденнымъ войти въ разныя подробности; но я почелъ за долгъ не пропустить ни одной изъ нихъ, чтобы неопровержимымъ образомъ доказать, что мы не можемъ и даже не могли разсчитывать на содѣйствіе западныхъ державъ.

Вѣрьте, что я, въ отношеніи къ патріотизму, нисколько вамъ не уступаю, и что сердце мое бьется сильно при одной мысли,

---

[1]) Авторъ здѣсь, очевидно, ошибается во времени: слова, имъ приведенныя, дѣйствительно произнесены въ засѣданіи 6-го февраля; но г. Бильо обратился съ ними къ законодательному корпусу, между тѣмъ какъ возраженіе на выходку принца Наполеона было сдѣлано 18-го марта, въ сенатѣ. Къ этой же послѣдней рѣчи относится слѣдующее письмо, напечатанное въ «Монитерѣ:»

Парижъ, 21-го марта 1863 года. Любезный г. Бильо, я прочиталъ вашу рѣчь, и, какъ всегда, порадовался тому, что нашелъ въ васъ такого вѣрнаго и краснорѣчиваго истолкователя моей политики. Вы съумѣли согласить выраженіе нашего сочувствія къ дорогому для Франціи дѣлу съ должнымъ уваженіемъ къ иностраннымъ государямъ и правительствамъ. Слова ваши были во всѣхъ отношеніяхъ согласны съ моею мыслью, и я отвергаю всякое другое толкованіе моихъ мнѣній. Вѣрьте въ искренность моей дружбы.

Наполеонъ.

Прим. г. Славо-Ферроти.

что польское имя пріобрѣтетъ новый блескъ въ европейской исторіи. Я бы охотно пожертвовалъ остающейся у меня рукой и, безъ малѣйшаго колебанія, отдалъ бы и голову мою, еслибъ могъ надѣяться упрочить этимъ будущность и величіе отечества, но слѣдуетъ ли доводить патріотизмъ до преднамѣреннаго ослѣпленія и говорить: „Я вѣрю,“ когда внутренній голосъ шепчетъ намъ: „Нѣтъ, ты не вѣришь!“ А вы не вѣрите въ вооруженное вмѣшательство ни Англіи, ни Австріи, ни даже Франціи! Положимъ, что вы вѣрили въ него прежде,—вы были бы слишкомъ преступны, еслибъ ежедневно тѣшили насъ надеждой, которой сами не раздѣляли; но теперь вы въ него болѣе невѣрите! И такъ, я имѣю основаніе спросить васъ отъ моего имени, отъ имени товарищей, которые еще сражаются, отъ имени общей отчизны: чего вы надѣетесь и что намѣрены дѣлать?

Надѣетесь ли вы, что покровительствующія державы, безъ правильной войны съ Россіей, подвергнутъ балтійскіе порты блокадѣ, какъ совѣтуетъ имъ одинъ безтолковый журналистъ? Но это было бы нелѣпо, потому что Россія и двадцать-четыре часа не вынесла бы такого положенія. Она сама объявила бы державамъ войну и совершила бы вторженіе на австрійскую землю, а это породило бы большую войну, которой, кромѣ васъ, никто не желаетъ.

Уже ли вы думаете, что Франція и Англія признаютъ насъ воюющей стороною, для устраненія тѣхъ затрудненій, которыя препятствуютъ теперь привозу въ Россію оружія и боевыхъ снарядовъ? Къ чему бы это привело насъ, еслибъ Пруссія и Австрія не сдѣлали того же и съ своей стороны? Относительно Пруссіи, въ васъ, я думаю, не оставалось ни малѣйшаго сомнѣнія, но безъ преднамѣреннаго ослѣпленія вы не можете сомнѣваться и въ настроеніи самой Австріи. Развѣ ежедневные аресты, домовые обыски, конфискація транспортовъ съ боевыми снарядами, обезоруженіе польскихъ патріотовъ [1]) не объяснили вамъ еще настоящихъ намѣреній Австріи? Никогда ни та, ни другая изъ нашихъ западныхъ сосѣдокъ, т. е. ни Пруссія, ни Австрія, не станутъ открыто на нашу сторону, и чѣмъ бы ни признавали насъ Франція

[1]) А иногда и умерщвленіе ихъ, какъ будто нечаянно.

Прим. г. Скедо-Ферроти.

и Англія, мы всегда будемъ получать боевые снаряды только обманомъ, т. е. по непомѣрнымъ цѣнамъ и съ огромными затрудненіями.

Надѣетесь ли вы поддерживать мятежъ тѣмъ, что пошлете въ лѣса новые отряды для замѣны тѣхъ, которые погибаютъ отъ лишеній, голода и русской картечи? Это будетъ трудно, очень трудно! Я самъ только что возвратился изъ лѣсу; я знаю не хуже, даже лучше васъ, что происходитъ тамъ, и положительно могу сказать вамъ, что вашихъ бойцовъ можетъ удержать отъ упадка духа только надежда на скорую помощь Франціи. Хотите ли вы прибѣгнуть къ этому средству? Оно было бы ужасно, но привело бы къ цѣли. Народные отряды продолжали бы сражаться, мятежъ продлился бы всю осень, — быть можетъ и всю зиму, и кровопролитіе продолжалось бы до весны. А потомъ? Неужели съ наступленіемъ весны положеніе вещей измѣнится? Неужели Англія признаетъ согласнымъ съ своими видами способствовать водворенію на материкѣ французскаго преобладанія, Австрія почтетъ за нужное возстановить Польшу 1772 года, а во Франціи возгорится вновь энтузіазмъ къ нашему дѣлу? Невозможно предположить, чтобы вы этому вѣрили, а если вы обольщаете себя до такой степени, то, конечно, будете жестоко обмануты въ вашихъ надеждахъ. Если къ веснѣ 1864 года вооруженный мятежъ и не прекратится, то повстанцы, во всякомъ случаѣ не пріобрѣтутъ ни иностранной помощи, ни боевыхъ снарядовъ. Мы одни сражаемся и будемъ сражаться противъ русскихъ силъ, число которыхъ возрастаетъ съ каждымъ днемъ, и которыми зимою, конечно, наводнятъ нашу страну, чтобы воспользоваться тѣмъ временемъ, когда на Россію невозможно произвести нападенія; тогда къ намъ будутъ присланы войска, расположенныя въ Петербургѣ, въ балтійскихъ портахъ, вдоль австрійской границы, — даже на Уралѣ и въ киргизскихъ степяхъ. Числительность войскъ могутъ довести до 200,000 человѣкъ, сверхъ той арміи, которая уже находится въ Польшѣ. Неужели вы надѣетесь держаться всю зиму, т. е. шесть мѣсяцевъ противъ столь превосходныхъ силъ? Нѣтъ, если вы бросите преступную самонадѣянность и святотатственную хвастливость, то, конечно, сами скажете, что это невозможно. Видя безуспѣшность сверхчеловѣческихъ своихъ усилій, Польша утомлена междоусобной войной и соз-

наетъ, что продленіе настоящаго положенія дѣлъ было бы невыносимо.

Крестьянинъ платитъ двойныя подати—народной кассѣ и русскому правительству; средніе классы вдвойнѣ жертвуютъ своею кровью, потому что они образуютъ большую часть патріотическихъ отрядовъ, а рекруты, включаемые въ русскіе полки, къ намъ не возвратились. На аристократовъ и помѣщиковъ наложена подать болѣе чѣмъ двойная,—ибо, кромѣ пожертвованій и принудительныхъ займовъ, которыми обременяетъ ихъ народное правительство, они подвергаются со стороны Россіи налогамъ, въ родѣ тѣхъ, которымъ подчинено литовское дворянство по распоряженію генерала Муравьева, на томъ основаніи, что революція должна платить за то, чего она стоитъ странѣ.

Имѣете ли вы возможность прекратить такое положеніе дѣлъ? Нѣтъ!

Думаете ли вы, что оно можетъ продолжаться, по вашему усмотрѣнію, неопредѣленное время? Нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ!

Пройдутъ еще нѣсколько мѣсяцевъ, и въ вашихъ глазахъ сформируется партія, во главѣ которой станутъ, конечно, наша вѣрная аристократія и патріотическіе наши землевладѣльцы,—партія, которая отступится отъ возстанія, изъявитъ покорность русскому правительству, отречется сперва отъ васъ, а потомъ и отъ насъ, и воспользуется всѣмъ своимъ вліяніемъ для того, чтобы усмирить страну и заставить ее отказаться отъ „своихъ заблужденій". Вы не хуже меня знаете, какъ огромно это вліяніе. Крестьянинъ по причинамъ, которыя я объясню ниже, всегда былъ равнодушнымъ къ защищаемому вами дѣлу, и потому его не трудно будетъ совершенно отвлечь отъ этого дѣла. Средній классъ, т. е. все, или почти все промежуточное между крестьяниномъ (независимымъ по землѣ, которую онъ обработываетъ) и землевладѣльцемъ (независимымъ, потому что у него есть помѣстье), — живетъ и благоденствуетъ только благодаря крохамъ, бросаемымъ ему аристократіей. Если этотъ классъ пристанетъ къ русскому правительству, то вы утратите всѣхъ его кліентовъ, т. е. три-четверти тѣхъ, которые еще сражаются въ вашихъ рядахъ.

Когда порѣдѣютъ такимъ образомъ національные отряды, не-

ужели вы думаете держаться еще съ помощью нѣсколькихъ храбрецовъ, патріотическій жаръ которыхъ ничего не взвѣшиваетъ, ничего не разсчитываетъ, и которые будутъ драться до тѣхъ поръ, пока вы имъ не скажете: „Довольно!“ Я ни у кого не оспариваю права жертвовать своею жизнью. Если таково рѣшеніе, внушаемое вамъ, гг. члены народнаго правительства, патріотизмомъ, то я одобрилъ бы васъ, еслибъ всѣ вы подвергли себя картечному огню русскихъ, и пошли такимъ образомъ на вѣрную смерть; но я оспариваю у васъ право посылать въ огонь кого бы то ни было, какъ скоро вамъ доказано, что никакое пожертвованіе не можетъ болѣе спасти то дѣло, за которое идетъ борьба.

Кровь геройскаго народа можетъ быть проливаема, когда есть хоть малѣйшая надежда на независимость родины; но какъ скоро всякая надежда на успѣхъ, очевидно, рушилась, то каждая капля крови, пролитая напрасно, упадаетъ на совѣсть тѣхъ, которые могли пріостановить борьбу, но этого не сдѣлали. Я, къ сожалѣнію, самымъ несомнѣннымъ образомъ доказалъ вамъ, что намъ нечего, рѣшительно нечего, надѣяться отъ отдѣльныхъ нашихъ усилій, которымъ и суждено остаться отдѣльными, и потому могу возвратиться къ прежнему моему вопросу и спросить васъ: что вы рѣшились дѣлать?

Письмо мое приняло бы и странную, и запутанную форму, если бъ я продолжалъ его въ видѣ вопросовъ такого рода: что вы думаете? чего бы вы желали? что бы вы предпочли? и т. д. Положимъ, что вы въ свою очередь спросите меня: что дѣлать? — и на этотъ вопросъ я постараюсь отвѣчать съ строгимъ соблюденіемъ того правила, которое высказано мною въ началѣ моего письма. Я скажу правду, только одну правду и всю правду; быть можетъ, заключенія мои будутъ ошибочны, но лгать я не стану.

Прежде всего необходимо исправить сдѣланныя уже ошибки, — а для этого должно дать себѣ отчетъ въ нихъ; вотъ почему я исчислю ихъ здѣсь въ томъ порядкѣ, въ какомъ онѣ обнаружились передъ нами.

Во-первыхъ, вмѣсто того, чтобы просить возможнаго, преслѣдовали химеру; вмѣсто того, чтобы добиться политическихъ правъ для польскаго народа, хотѣли доставить славу и величіе аристократіи; вмѣсто созданія свободной Польши, заботились только о воз-

рожденіи Польши, господствующей надъ другими, вмѣсто того, чтобы ограничить свои притязанія независимостью Польши въ тѣсномъ смыслѣ (т. е. края, населеннаго польскимъ народомъ), домогались возврата и польскихъ областей, т. е. земель, которыя населены народами не польскаго происхожденія и которыми Польша владѣла нѣкогда по праву завоеванія.

Не возражайте мнѣ, что на Волыни, въ Подоліи, Кіевѣ и проч. народъ имѣетъ польское происхожденіе; вы поступили бы недобросовѣстно, говоря такимъ образомъ, потому что знаете не хуже меня, что въ этихъ краяхъ польскою можно назвать только аристократію, дворянство.

А если такъ, то какое дѣло польскому народу до присоединенія къ великому королевству, которое мечтали возстановить?

Развѣ подати, которыя бы пришлось платить польскому крестьянину, уменьшились бы отъ того, что въ казну, куда онъ бы вносилъ ихъ, поступали бы и подати, платимыя не-польскими крестьянами Волыни, Подоліи и проч.. Я въ этомъ очень сомнѣваюсь, ибо опытъ доказываетъ намъ, что граждане большихъ государствъ нерѣдко бываютъ обложены болѣе значительнымъ количествомъ податей, чѣмъ граждане среднихъ.

Развѣ льготы, которыми пользовался польскій народъ, увеличились бы отъ того, что учрежденія, обезпечивающія эти льготы, пріобрѣли бы силу закона за предѣлами его родины, между не-польскимъ населеніемъ завоеванныхъ вновь областей? Я сомнѣваюсь и въ этомъ, потому что въ большихъ нераздѣльныхъ государствахъ свобода гражданина водворяется съ наибольшимъ трудомъ.

Что же выигралъ бы польскій народъ отъ присоединенія къ польской коронѣ бывшихъ завоеваній королевства? Ничего, рѣшительно ничего!

Не онъ, а аристократія воспользовалась бы палатинатствами, кастелланствами, староствами и всякаго рода мѣстами и должностями, которыя бы стали тѣшить ея честолюбіе. Что же до этого народу?

Что выигралъ бы польскій народъ отъ того, что тотъ или другой вельможа, владѣющій въ кіевской или подольской губерніи помѣстьями, которыя населены десятками тысячъ русскихъ кресть-

янъ, пріобрѣлъ бы право засѣдать въ палатѣ пословъ? Не владѣя ни одной пядью земли въ Польшѣ, но бывъ единогласно выбранъ въ депутаты общиннымъ собраніемъ, составленнымъ изъ однихъ только арендаторовъ его, благородный графъ, не колеблясь, утвердилъ бы всѣ подати и повинности, отъ которыхъ могли бы выиграть онъ самъ или его люди [1]). Если онъ щедръ, то можетъ облегчить тягости своихъ довѣрителей и плательщиковъ оброка, понизивъ арендную плату; это увеличитъ его популярность между избирателями кіевской или подольской губерніи, — которые станутъ воспѣвать хвалу великодушному помѣщику, между тѣмъ какъ польскіе крестьяне сполна будутъ уплачивать увеличенную подать, на взиманіе которой согласились депутаты, отряженные завоеванными вновь областями!

Что выиграетъ польскій народъ, если будетъ призванъ къ оборонѣ границъ этого географическаго чудовища,—королевства, которое бы имѣло форму рукава и простиралось отъ Балтійскаго моря до Чернаго? Настоящая Польша населена восемью милліонами душъ, занимающими небольшое, относительно говоря, и совершенно закругленное пространство земли, такъ, что армія въ 40,000 человѣкъ было бы болѣе чѣмъ достаточно для его защиты. И такъ, польскому народу, пока онъ остается одинъ, пришлось бы ставить одного солдата съ 200 жителей. Вслѣдствіе присоединенія областей съ не-польскимъ населеніемъ, число жителей увеличилось бы почти на 12 милліоновъ и возрасло бы такимъ образомъ и до 20, но предѣлы новаго государства расширились бы совершенно несоразмѣрнымъ образомъ. Для обороны пространства земли, почти вдвое большаго, чѣмъ то, какое занимаетъ Франція, и границъ, открытыхъ на протяженіи до 1,500 километровъ, понадобилось бы, по меньшей мѣрѣ, 300,000 человѣкъ.

И такъ, народу королевства, о которомъ вы мечтаете, пришлось бы ставить троихъ солдатъ съ 20 жителей, а изъ этого слѣ-

---

[1]) Какъ, напримѣръ, налоги на увеличеніе и содержаніе двора, на учрежденіе должностей, сопряженныхъ съ большимъ содержаніемъ, на гарантію въ пользу желѣзной дороги, необходимость и выгодность которой были бы сомнительны, но которая проходила бы черезъ владѣнія графа и проч. Прим. автора.

дуетъ, что для того, чтобы доставить вамъ удовольствіе владѣть Подоліей, Волынью и проч., а тамошнимъ аристократамъ засѣдать въ варшавскомъ сенатѣ, польскій народъ оказался бы вынужденнымъ ставить втрое больше солдатъ, чѣмъ онъ ставилъ бы въ томъ случаѣ, если бы вы согласились оставить его одного и не присоединять къ нему разнообразныхъ племенъ, отъ которыхъ ему нечего выиграть, но землю которыхъ онъ долженъ бы былъ защищать.

Одаренный здравымъ смысломъ польскій крестьянинъ понимаетъ это какъ нельзя лучше, и вотъ почему онъ остался равнодушенъ къ защищаемому вами дѣлу. Онъ сознаетъ, что это дѣло не его, не польскаго народа, а ваше, т. е. дѣло польской аристократіи и дворянства. Не противясь, по патріотическому чувству, народному движенію и не рѣшаясь принять донощика, наши поселяне не выказывали враждебнаго расположенія къ нашимъ отрядамъ, не сражались противъ нихъ и не выдавали ихъ русскимъ, какъ это дѣлали крестьяне Волыни, Подолія, Кіевской губерніи, — но ихъ ничѣмъ нельзя было заставить выйдти изъ роли равнодушныхъ зрителей и ничто не могло побудить ихъ возстать поголовно, что они непремѣнно бы сдѣлали, если бы думали, что мятежники сражаются для завоеванія политическихъ правъ народу, за независимость настоящей Польши.

И такъ, громадной ошибкой было переносить центръ тяжести вопроса на другую почву, гоняться за призракомъ, а не за дѣйствительностью, требовать уступки значительной части русской земли, вмѣсто того, чтобы домогаться только самостоятельности настоящей Польши. Еслибы графъ Андрей Замойскій во время свиданія своего съ Императоромъ Александромъ, вмѣсто того, чтобы говорить отъ имени Волыни, Подоліи и другихъ русскихъ областей, говорилъ только отъ имени Польши, и, пожалуй, отдѣленія ея отъ Россіи, то его посольство, по всей вѣроятности, увѣнчалось бы успѣхомъ [1]). Въ виду безпрестанныхъ затрудненій, которыя причинялъ польскій вопросъ, русская публика была бы не прочь отъ уступокъ [2]). Но,

---

[1]) Мы, конечно, оставляемъ это предположеніе на отвѣтственности автора-поляка. Ред.

[2]) Это послѣднее увѣреніе справедливо лишь на столько, на сколько рѣчь идетъ о настроеніи русской публики до половины апрѣля. До тѣхъ поръ органы обществен-

вмѣсто этого, потребовали уступки прежнихъ завоеваній, какого-то раздѣла Россіи, и тогда все пропало.

Другая ошибка, менѣе важная, чѣмъ та, которая заключалась въ составленіи неосуществимой программы, имѣла и послѣдствія менѣе гибельныя, но все-таки была очень прискорбна. Я говорю о томъ, что борьба, начатая журнальнымъ путемъ, была заведена слишкомъ далеко. Во время народныхъ демонстрацій въ Варшавѣ и даже въ началѣ возмущенія, полемика въ газетахъ велась мастерски. Никогда еще не выказано было такого умѣнья пользоваться могущественнымъ рычагомъ, который называется общественнымъ мнѣніемъ. Разсказы о нашихъ нѣкоторыхъ страданіяхъ, появлявшіеся одновременно въ газетахъ Франціи, Германіи, Швеціи, Италіи, даже Испаніи и Америки, волновали весь свѣтъ тѣмъ сильнѣе, что первыя статьи, присланныя изъ Варшавы, были написаны тономъ жалобы, безъ всякой горечи и призыва къ мести. Только тогда, когда статьи эти произвели свое дѣйствіе и иностранныя газеты отвѣчали на нихъ криками негодованія, появились протесты противъ завоевательныхъ правъ Россіи, историческія изслѣдованія въ пользу правъ нашихъ на бывшія польскія области и телеграфныя извѣстія о крутыхъ мѣрахъ, какія принимались русскими для подавленія національнаго движенія. Успѣхъ этихъ публикацій былъ изумителенъ. Газеты всѣхъ странъ стали нападать на Россію; на помощь вспыхнувшему возмущенію начали собираться

наго мнѣнія, кажется, не были враждебны польскому дѣлу. Перечисляя денежныя пожертвованія, съ какими сопряжено для Россіи обладаніе Польшею и отрицательно рѣшая вопросъ, необходима ли, или даже полезна ли Россіи Польша, газеты иногда касались отдѣленія обѣихъ націй и старались подготовить публику къ тому, чтобы она приняла его безъ неудовольствія въ тотъ день, когда оно совершится. Такъ было до половины апрѣля, т. е. до обнародованія въ русскихъ газетахъ первыхъ депешъ державъ, покровительствующихъ Польшѣ. Съ того времени все разомъ измѣнилось Народное чувство, задѣтое иноземнымъ вмѣшательствомъ и оскорбленное въ своемъ достоинствѣ, обнаружилось съ такой энергіей, которая превзошла даже порывы 1812 года. Видя угрозу въ слухахъ о войнѣ, которые разнеслись въ слѣдствіе депешъ, русская публика не хотѣла и слышать болѣе объ уступкахъ; адресы и предложенія услугъ стали стекаться со всѣхъ сторонъ, и даже самыя либеральныя газеты не рѣшались болѣе говорить что либо въ пользу Польши. Таково настоящее расположеніе умовъ въ Россіи, и оно останется такимъ до тѣхъ поръ, пока будетъ идти рѣчь о вмѣшательствѣ союзныхъ державъ въ польскія дѣла. Прим. г. Скедо-Ферроти.

митинги и образовываться ассоціаціи, вся Европа была готова, по видимому, возстать за польское дѣло, Тогда—и въ этомъ, конечно, должно видѣть верхъ искусства, — появились статьи, имѣвшія цѣлью доказать: съ одной стороны, что Россіи угрожаетъ большое внутреннее возстаніе, которое арміи ея съ трудомъ удастся сдержать, и что, слѣдовательно, военное ея могущество почти ничтожно,—а съ другой, что, кромѣ Польши въ тѣсномъ смыслѣ, Волынь, Подолія, Литва, Курляндія и проч., съ населеніемъ въ 20 милліоновъ душъ, ждутъ только оружія и боевыхъ снарядовъ для того, чтобы возстать противъ русскаго правительства. Полагая, что дѣло идетъ не о серьозной войнѣ, а только о военной прогулкѣ для того, чтобы помочь Польшѣ и предписать Россіи законы, публика въ Швеціи, Австріи, Англіи и особенно во Франціи не понимала, почему правительства этихъ странъ такъ колеблются воспользоваться представляющимся прекраснымъ случаемъ совершить великое дѣло правосудія и покрыть себя лаврами: чѣмъ болѣе колебались правительства, тѣмъ болѣе возрастало волненіе массъ. Вотъ почему ловкая ваша политика едва не увенчалась успѣхомъ во Франціи, гдѣ умы были возбуждены до такой степени, что правительство оказалось бы вынужденнымъ уступить давленію общественнаго мнѣнія и объявить Россіи войну, еслибъ вы сами, рядомъ прискорбныхъ ошибокъ, не разрушили дѣла, начатаго такъ искусно.

Вы имѣли основаніе разсчитывать на невѣжество Европы вообще, и Франціи въ частности — всякій разъ, когда дѣло шло о внутреннемъ положеніи Россіи или Польши: помѣщеніе въ газетахъ, безъ всякихъ оговорокъ, множество фактовъ, которые имъ были сообщаемы, доказывало, что эти газеты весьма мало знакомы съ нравами, законами, обычаями и характеромъ враговъ вашихъ; но успѣхъ придалъ вамъ слишкомъ много увѣренности и вы зашли уже слишкомъ далеко.

Вмѣсто того, чтобы ограничиться нападками на Россію, съ которой никто не знакомъ и о которой можно было говорить все, что угодно; вы стали нападать на Пруссію, которую также не любятъ, но нравы и законы которой всѣмъ извѣстны, а это проводитъ рѣзкую черту разграниченія между тѣмъ, что вѣроятно и что неправдоподобно въ ряду событій, происходящихъ, по вашимъ сло-

вамъ, въ Пруссіи. Этотъ предѣлъ вы переступали неоднократно, обвиняя, напримѣръ, прусскихъ солдатъ въ томъ, что они помогали русскимъ брать въ плѣнъ и даже убивать польскихъ патріотовъ, и распространивъ весьма недавно еще извѣстіе о предписаніи генерала Вердера генералу Вальдерзе, относительно вооруженнаго содѣйствія со стороны прусскихъ войскъ русскимъ. Легкость, съ какою доказана была невѣрность этихъ извѣстій, поколебала довѣріе газетъ къ словамъ вашимъ и значительно ослабила дѣйствіе, какое производили сначала письма и телеграммы, заключавшія въ себѣ благопріятныя намъ извѣстія, или подробности о крутыхъ мѣрахъ, принимаемыхъ русскими. Европейская публика, не обращая никакого вниманія на опроверженія, появлявшіяся въ оффиціальномъ „Journal de St.-Pétersbourg“, вѣрила всему, что вы говорили о Россіи и русскихъ, но остановилась передъ тѣмъ, что печаталось вамъ въ отвѣтъ, въ неоффиціальныхъ газетахъ Пруссіи и Германіи. Статьи, появившіяся, подъ вліяніемъ этого чувства недовѣрія, въ нѣсколькихъ французскихъ газетахъ, должны бы были предостеречь васъ и побудить къ осторожности; но первые успѣхи васъ ослѣпили, и вамъ пришла въ голову несчастная мысль пустить въ ходъ сперва исторію о секретномъ повелѣніи, которое будто бы далъ Императоръ Всероссійскій старообрядцамъ перебить всѣхъ католиковъ, а затѣмъ нѣсколько исторій о чудесахъ, совершавшихся въ пользу возстанія; эти клерикально-политическія бредни уронили васъ въ мнѣніи всѣхъ здравомыслящихъ людей, и выдумка о секретномъ повелѣніи, пущенная сначала въ ходъ довольно искусно, обратилась противъ васъ самихъ, вслѣдствіе прискорбной неловкости тѣхъ, которымъ она пришла въ голову.

Секретное повелѣніе государя перебить всѣхъ католиковъ, обнародованное сперва въ „Opinion Nationale“ или „Patrie“—не помню, въ которой именно изъ этихъ газетъ — произвело изумительное дѣйствіе. Этотъ документъ былъ перепечатанъ всѣми газетами, и всѣ признавали его достовѣрнымъ. Правда, „Journal de St.-Pétersbourg“ объявилъ его подложнымъ, но вамъ не слѣдовало обращать на это вниманія, потому что оффиціальныя газеты вообще не имѣютъ вліянія на общественное мнѣніе. Вы однако не удовлетворились сказаннымъ и обнародовали русскій текстъ документа. Это было сильное средство, которое бы могло произвести большой эффектъ, еслибъ не-

счастный текстъ, вами придуманный, не изобиловалъ грубыми грамматическими, орѳографическими и синтаксическими ошибками, ясно доказывавшими, что документъ подложенъ. Этими ошибками русскія газеты тщательно воспользовались для того, чтобы подвергнуть васъ подавляющему обвиненію въ подлогѣ. Вы мнѣ возразите, конечно, что ложныя извѣстія и ложные документы, печатавшіеся во французскихъ газетахъ, исходили не отъ васъ, т. е. не отъ правительства. Я такъ уважаю васъ, что не стану въ этомъ сомнѣваться: но эти публикаціи доходили до васъ; слѣдовательно вы знали, что говорилось, и, не исправляя ничего, брали на себя нравственную отвѣтственность если не за всѣ, то, по крайней мѣрѣ, за важнѣйшія изъ этихъ лживыхъ увѣреній, уничтожившихъ наконецъ кредитъ, какимъ пользовались слова друзей нашихъ въ началѣ мятежа.

Еслибъ, напримѣръ, по появленіи во французскихъ газетахъ нелѣпой исторіи о секретныхъ повелѣніяхъ, найденныхъ у старообрядцевъ, убитыхъ во время схватокъ съ польскими патріотами, вы первые опровергли этотъ слухъ, то совершили бы, въ одно и то же время, и честный поступокъ, и ловкое дѣло. Этимъ вы пріобрѣли бы полное довѣріе иностранныхъ газетъ, которыя бы вполнѣ стали полагаться на ваши слова, убѣдившись въ томъ, что любовь къ истинѣ одерживаетъ въ васъ верхъ надъ ненавистью къ русскимъ. Дѣйствуя совершенно иначе, вы только подорвали нравственный кредитъ писемъ и телеграммъ, составленныхъ въ благопріятномъ нашему дѣлу смыслѣ. Ихъ перепечатываютъ, потому что онѣ напечатаны въ другихъ газетахъ, но никто не придаетъ имъ ни малѣйшей цѣны; оттого иная газета говоритъ, какъ о чемъ-то несомнѣнномъ, о какой либо мѣрѣ русскаго правительства, вмѣстѣ съ тѣмъ сообщая однакоже и статью оффиціальной газеты, по словамъ которой такая мѣра никогда не была принята; другая начинаетъ передовую статью свою словами: „Польскій мятежъ скоро будетъ подавленъ“ и проч., а въ концѣ страницы помѣщаетъ двѣ или три телеграммы изъ Кракова съ извѣстіемъ, что въ Украйнѣ, Литвѣ и Лифляндіи къ повстанцамъ пристали десятки тысячъ крестьянъ.

Эти депеши и корреспонденціи оптимистскаго содержанія, кромѣ того неудобства, что имъ уже болѣе не вѣрятъ въ западной Европѣ, представляютъ еще другое, какъ мнѣ кажется, болѣе

важное: имъ вѣрятъ, какъ священному описанію, въ самой Польшѣ. Съ какою радостью мои храбрые товарищи и я читали въ рѣдкихъ экземплярахъ иностранныхъ газетъ, проникавшихъ въ наши лѣса, извѣстіе о быстромъ увеличеніи силъ повстанцевъ и о многихъ побѣдахъ, одержанныхъ надъ русскими! Преслѣдуемые, какъ хищные звѣри, превосходными силами, мы дышали свободнѣе при мысли, что въ другихъ мѣстахъ братья наши одерживаютъ побѣды и что отовсюду, съ востока и съ запада, намъ вскорѣ будетъ оказана помощь въ великомъ дѣлѣ освобожденія отчизны. Упоенные счастіемъ, мы забывали о нашихъ страданіяхъ, ранахъ и непрерывныхъ лишеніяхъ, какъ вдругъ, въ числѣ побѣдъ, о которыхъ говорили газеты, мы нашли однажды разсказъ о побѣдѣ, одержанной будто бы нашимъ отрядомъ надъ двумя ротами пѣхоты и пятьюдесятью козаками. Удивленіе наше я выразить не берусь. Въ день, указанный въ депешѣ, никакой встрѣчи не было; насъ было всего 186 человѣкъ вмѣсто 1,500, о которыхъ упоминала телеграмма, и увы! мы не только не одержали побѣды, но въ то самое утро рѣшались разойтись и присоединиться къ другимъ отрядамъ, болѣе счастливымъ и многочисленнымъ, чѣмъ нашъ. Насъ было четверо въ баракѣ графа N, всѣ мы съ жадностью читали газеты, присланныя ему изъ Кракова, и сообщали другъ другу все, что находили въ нихъ замѣчательнаго. То мѣсто, о которомъ я говорилъ выше, попалось на глаза NN [1]); онъ поблѣднѣлъ и смялъ газету, которую держалъ въ рукахъ. Такъ какъ онъ былъ раненъ въ ногу, то я думалъ, что у него открылась рана, но онъ передалъ мнѣ газету и дрожащимъ отъ ярости голосомъ сказалъ: „Читайте!" Мы всѣ трое прочли эту проклятую депешу—графъ читалъ громко и мы слѣдили за нимъ глазами—и я никогда не забуду потрясающаго дѣйствія, произведеннаго на насъ этими пятью печатными строками!

И такъ, разсказы о побѣдахъ, реляціи объ успѣхахъ, одержанныхъ надъ непріятелями, были одною только ложью! Мы имѣли безспорное доказательство тому, что газеты солгали разъ, и слѣд. имѣли полное основаніе думать, что и другія „блистательныя дѣла" и „полныя пораженія русскихъ" также были выдумками. Но если

---

[1]) Оба имени въ оригиналѣ вычеркнуты. Прим. г. Скедо-Феррoти.

все было ложно, то и сочувствіе народа къ дѣлу, которое мы защищали, также могло существовать только въ воображеніи людей, имѣвшихъ причины насъ обманывать, а тогда кто же мы сами? Искатели приключеній, флибустьеры, шайки разбойниковъ, дѣйствующихъ по приказанію своихъ начальниковъ и стремящихся къ цѣли совершенно личной, отъ которой настоящій народъ, быть можетъ, отрекается?

Эта мысль смутила насъ до крайности. Мы захотѣли потребовать отчета въ такомъ обманѣ, узнать сколько истины и сколько лжи заключалось въ томъ, что говорилось и печаталось о дѣлахъ возстанія, убѣдиться въ томъ, жертвы ли мы меньшинства интригантовъ, или поборники дѣла дѣйствительно народнаго. Подъ вліяніемъ перваго увлеченія мы приняли самыя крайнія рѣшенія. Мы положили протестовать публично противъ системы мнимо-патріотической лжи, написать варшавскому центральному комитету и заставить его сказать намъ, что справедливо и что выдумано въ расказахъ, въ которыхъ говорилось, что возстаніе съ каждымъ днемъ укрѣпляется; созвать наконецъ всѣхъ нашихъ товарищей по оружію, прочитать имъ лживую депешу, послать ихъ въ различные палатинаты, въ Литву, Подолію и проч., съ порученіемъ лично убѣдиться въ положеніи дѣлъ и возвратиться въ назначенный день, чтобы вмѣстѣ поразсудить о томъ, на что рѣшиться. Ничего этого однако же было сдѣлано. Безсонная ночь, проведенная вчетверомъ, заставила насъ одуматься, и самый избытокъ нашей горести вновь возбудилъ въ сердцахъ нашихъ мужество и надежду. Извѣстіе о побѣдѣ, будто бы нами одержанной, было ложно; но развѣ этого нельзя было объяснить какой нибудь невольной ошибкой, названіемъ мѣстности, не четко написаннымъ и искаженнымъ опечаткой? Объясненіе это было рискованнымъ, но оно было возможно, и потому мы его допустили—до такой степени охотно вѣришь тому, чего желаешь; иначе патріотизмъ нашъ слишкомъ бы страдалъ отъ той мысли, что блистательные успѣхи нашихъ товарищей по оружію въ другихъ палатинатахъ были столь же невѣрны, какъ и тѣ, которые приписывались намъ. Мы, которые за день передъ тѣмъ храбро встрѣчали смерть, посылаемую намъ русскими штуцерами и вносимую въ наши ряды козацкими пиками, мы убоялись смотрѣть прямо на истину, мы убоялись признаться самимъ себѣ, что насъ обманываютъ, мы убоялись потерять бодрость при созна-

тельномъ отчетѣ о томъ, что мы думали, и, чтобы не смущать товарищей, мы рѣшились обманывать ихъ, или по крайней мѣрѣ не разувѣрять ихъ въ достоинствѣ благопріятныхъ извѣстій, которыми другіе поддерживали ихъ патріотическое рвеніе.

Съ общаго согласія, мы сожгли листокъ, содержавшій лживую депешу, и только другіе нумера были переведены нашимъ товарищамъ по оружію, которые читали ихъ вслухъ, неоднократно прерывая чтеніе кликами: „Да здравствуетъ Польша!“, вызываемыми разсказомъ объ одержанныхъ нами „побѣдахъ“!

Эти заявленія довѣрія къ будущему со стороны горсти едва вооруженныхъ людей болѣзненно сжимали мнѣ сердце. Половина нашихъ людей была ранена; всѣ были истомлены голодомъ и усталостью, и въ тотъ же день они должны были разсѣяться, одни по домамъ для лѣченія, другіе по сосѣднимъ бандамъ. Еслибъ у насъ достало храбрости прочесть имъ сожженную депешу, еслибъ, пользуясь тѣмъ авторитетомъ, какой придавала мнѣ сѣдѣющая борода моя надъ тремя молодыми людьми, съ которыми я провелъ ночь, я настоялъ на раскрытіи истины другимъ, то большая половина нашихъ товарищей, а можетъ быть и всѣ они непремѣнно возвратились бы домой, чтобы не показываться болѣе. Наша скрытность, или скорѣе моя слабость въ допущеніи умолчанія, произвела то, что всѣ здоровые люди пошли искать новыхъ битвъ, битвъ побѣдныхъ какъ и тѣ, о которыхъ они только что читали. Но велико ли будетъ число тѣхъ, кто уцѣлѣетъ, и какую пользу извлечетъ Польша изъ крови, пролитой тѣми, кто не возвратится болѣе?

Надѣюсь, что Богъ проститъ мнѣ, ибо намѣренія мои были чисты, и я думалъ, что дѣлаю доброе дѣло; однакоже, бываютъ минуты, когда моя совѣсть упрекаетъ меня за то, что я не помѣшалъ пролитію крови, хотя голосъ разсудка и убѣждалъ меня въ безполезности кровопролитія. Подобно вамъ, я могу сказать, что не я выдумывалъ и распространялъ поддѣланныя извѣстія съ цѣлью обмануть моихъ соотечественниковъ и продлить безнадежную борьбу; но, подобно вамъ, я виновенъ въ томъ, что не разоблачилъ лжи, которая не дѣлается ни болѣе нравственною, ни болѣе прекрасною оттого, что прикрывается патріотизмомъ.

Если вы повѣрите мнѣ, то отречетесь отъ этой системы лжи-

выхъ вѣстей, формально опровергнете всѣхъ этихъ выдумщиковъ благопріятныхъ намъ извѣстій, выигранныхъ сраженій, возстаній въ русскихъ областяхъ, побѣговъ съ непріятельской стороны и т. п. Стараясь ввести въ заблужденіе Европу, вы обманули только Польшу; и въ тотъ день, когда она увидитъ, что вы питали ее лживыми извѣстіями она не найдетъ достаточно сильныхъ словъ, чтобы проклинать васъ и возложить на васъ отвѣтственность за кровь ея сыновъ, за слезы ея вдовъ и сиротъ, пролитыя съ того времени, какъ борьба стала очевидно безнадежною.

Не думайте, что я, строго осуждая дурное въ вашемъ образѣ дѣйствій, готовъ порицать все, что сдѣлано вами до сихъ поръ. Никто больше меня не расположенъ признать то, что есть хорошаго (?) и искуснаго въ вашихъ дѣйствіяхъ. Учредить національное правительство подлѣ русской власти, правительство, и обнародывающее свои постановленія, принимающее прошенія и отвѣчающее просителямъ съ такою аккуратностью, какъ будто оно дѣйствуетъ среди бѣлаго дня, — все это верхъ искусства и доказательство административнаго таланта, который всѣ признаютъ за вами и которому даже враги ваши отдаютъ справедливость.

На-дняхъ я видѣлъ бумагу изъ Варшавы, отъ національнаго правительства, за № 16,434 [1]).

Значитъ русской полиціи представился шестнадцать-тысячъ четыреста-тридцать-седьмой случай открыть мѣстопребываніе національнаго правительства, а между тѣмъ всѣ старанія русскихъ шпіоновъ остаются тщетными, и вы продолжаете управлять страною, какъ будто (?!) въ ней и нѣтъ инаго правительства, кромѣ васъ. Съ удивленіемъ склоняюсь передъ такою ловкостью; отдаю полную справедливость вашему рѣдкому искусству вести дѣло; но опять-таки не могу не сказать вамъ, что успѣхъ сдѣлалъ васъ слишкомъ самоувѣренными, и что вы зашли гораздо далѣе, нежели позволяла осторожность.

---

[1]) Въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» говорится о такой же бумагѣ за № 20,555.

Прим. Д. К. Скедо-Ферроти.

Понимаю, что ваше исключительное положеніе не всегда позволяетъ вамъ оставаться въ границахъ законности. Представители революціоннаго правительства, вы не можете не прибѣгать иногда къ революціоннымъ мѣрамъ, то есть не законнымъ, предписываемымъ силою обстоятельствъ, но прибѣгать къ этимъ крайнимъ мѣрамъ слѣдуетъ только въ случаяхъ самой послѣдней необходимости. Насильственныя и крайнія мѣры возмущаютъ общество даже когда исходятъ отъ національнаго правительства, которому оно многое извиняетъ; поэтому надо внимательно наблюдать, чтобы реакція, производимая въ массахъ тѣмъ или другимъ декретомъ, не пересиливала прямаго дѣйствія этого декрета, чтобы тотъ или другой приказъ не создавалъ прецедента, которымъ врагъ могъ бы воспользоваться противъ васъ же самихъ; чтобы принятіе извѣстной мѣры не послужило ему предлогомъ къ оправданію возмездія, которое можетъ оказаться гораздо сильнѣе того, что вы могли ожидать отъ принятаго вами незаконнаго рѣшенія.

Едва ли можно что нибудь сказать противъ этого принципа, а между тѣмъ вы безпрестанно уклоняетесь отъ него рядомъ диктаторскихъ мѣръ, изъ которыхъ я назову вамъ только самыя необуманныя, которыя, въ цѣломъ, нанесли непоправимый вредъ нашему дѣлу.

Декретъ, которымъ вы запретили евреямъ учавствовать въ снабженіи русской арміи съѣстными и другими припасами, нанесъ врагу весьма ничтожный вредъ, а вамъ повредилъ болѣе, чѣмъ вы думаете. Смѣшно было и думать, что русскіе перемрутъ съ голода, какъ только евреи откажутся быть посредниками между ними и землевладѣльцами. Русскимъ пришлось только платить нѣсколько дороже за съѣстные припасы, нежели при посредничествѣ евреевъ, но самое это возвышеніе цѣнъ подавало поводъ къ жалобамъ на стѣсненія, въ которыхъ упрекаетъ васъ мелкая торговля страны. Мелкіе торговцы-евреи пришли въ отчаяніе, видя, что можно было нажить милліоны и что вы вырвали у нихъ изъ рукъ эту добычу; каждая мѣра муки, заплаченная одною грошевкой выше своей обыкновенной цѣны, создала вамъ непримиримаго врага. Евреи трусливы, они боятся васъ и дѣлаютъ видъ, будто вамъ преданы; но пусть представится имъ случай погубить васъ, не рискуя собою,—и они зас-

тавятъ васъ дорого заплатить за убытокъ, понесенный ими отъ вашего безполезнаго декрета.

Столь же бесполезна и еще болѣе произвольна смѣшная война съ кринолинами. Мы признаемъ совершенно справедливымъ и логичнымъ (?) наблюденіе, чтобы всѣ польскія дамы носили трауръ, чтобы національное правительство напоминало обязанности тѣмъ, кто нарушилъ это правило. Траурная демонстрація произвела сильное дѣйствіе какъ у насъ, такъ и за границею; но дойти до того, чтобы заниматься кринолинами, чтобы воспрещать приказомъ ихъ употребленіе, и принимать строгія мѣры противъ нѣсколькихъ несчастныхъ женщинъ, которыя не подчинялись этимъ мѣрамъ—такое распоряженіе уже превышаетъ всякую мѣру произвола и комизма. Или вы думаете, что все уже пришло въ такой порядокъ, всѣ мѣры такъ хорошо примѣнены, что вамъ ничего болѣе не остается дѣлать, какъ на досугѣ заниматься самыми второстепенными предметами, напримѣръ женскими нарядами? Или вы думали угодить самымъ фанатическимъ изъ нашихъ патріотовъ, воспрещая предметъ, не согласный со стариннымъ костюмомъ полекъ, и облегчая, такимъ образомъ, возвращеніе къ національному польскому платью? Надо такъ полагать, потому что эта война съ кринолинами могла родиться только въ женской головѣ; но напрасно вы послушались совѣтовъ одной или нѣсколькихъ нашихъ изящныхъ соотечественницъ, въ дѣлѣ, занимающемъ ихъ всѣхъ. Вы вдвойнѣ повредили себѣ, потому что кринолины, какъ бы на зло вамъ, носятся и до сихъ поръ, и вы вооружили противъ себя всѣхъ женщинъ, оскорбленныхъ за неповиновеніе вашему декрету. Знаю, что это несчастное гоненіе на кринолины не могло охладить патріотическое рвеніе даже въ своихъ жертвахъ. Что бы ни дѣлали, какъ бы ни оскорбляли нашихъ женщинъ, патріотизмъ ихъ не остынетъ. Онѣ всегда будутъ любить свою родину, всегда будутъ готовы воскликнуть: „да здравствуетъ Польша!“ Но это не помѣшаетъ имъ прибавить: „прочь деспотическое, нелѣпое правительство, которое вмѣшивается въ наши дѣла, и подстрекаетъ чернь оскорблять насъ на улицахъ!“

Васъ спасаетъ только окружающая васъ тайна; но когда васъ узнаютъ, когда возбудители демонстраціи противъ кринолиновъ будутъ

извѣстны по имени, первая серьозная непріятность, которая ихъ постигнетъ будетъ слѣдствіемъ уличнаго срыванія кринолиновъ.

Приказъ, которымъ вы предписали отнять собственность у всѣхъ русскихъ, владѣющихъ маіоратами въ Польшѣ, въ сущности не заключаетъ въ себѣ ничего несправедливаго и нелогичнаго. Онъ не можетъ быть названъ несправедливымъ, потому что вы намѣрены вознаградить этихъ людей на счетъ казны, или нелогичнымъ, потому что помѣстное дворянство иной національности и крайне враждебное національности земледѣльческаго класса, есть довольно важное неудобство для того, чтобы тутъ можно было примѣнить законъ о лишеніи собственности въ видахъ общественной пользы. А между тѣмъ, мнѣ сдается, что этотъ приказъ есть одна изъ худшихъ ошибокъ, какія вы могли сдѣлать, такъ какъ русское правительство можетъ воспользоваться этою мѣрой, примѣнивъ ее въ Подоліи, на Волыни и проч.

Что найдете вы возразить, если русскіе вздумаютъ лишить собственности, въ видахъ общественной пользы, всѣхъ польскихъ дворянъ, владеющихъ землями въ тѣхъ провинціяхъ, гдѣ земледѣльческій классъ принадлежитъ къ русской національности? Рѣшительно ничего, потому что тутъ были бы примѣнены вами же установленный принципъ, вами же принятая мѣра. Не думаете ли вы, что нарушеніе права собственности въ такихъ колоссальныхъ размѣрахъ возмутитъ общественное мнѣніе и подниmaетъ крикъ во всей европейской журналистикѣ? Разувѣрьтесь, стоитъ только сдѣлать это дѣло выгоднымъ для Европы, чтобы она признала его „финансовою операціею, равно выгодною для всѣхъ заинтересованныхъ лицъ.“ Что скажете вы, напримѣръ, о международномъ обществѣ для выкупа крестьянскихъ земель на Украйнѣ (?!)! Располагая капиталомъ въ нѣсколько милліардовъ, подъ покровительствомъ первыхъ банкировъ Франціи и Англіи, такое общество умѣло бы привлечь сочувствіе западной журналистики; оно пользовалось бы громаднымъ кредитомъ и громадною популярностью, давая отличные дивиденты болѣе чѣмъ милліону акціонеровъ, которые единогласно объявили бы, что жалующіеся поляки весьма не благодарны, какъ скоро они получили стоимость своихъ земель золотомъ и билетами на предъявителя. Вы, конечно, согласитесь, что при этомъ дѣйствительно всѣ будутъ въ

выигрышѣ; русское правительство, потому что его провинціи очистятся отъ поляковъ; крестьяне, потому что они получили бы въ свое владѣніе втрое болѣе земли, чѣмъ сколько они имѣютъ теперь; акціонеры, потому что они выгодно пристроятъ свои капиталы; даже нынѣшніе помѣщики, потому что они не будутъ болѣе терпѣть отъ ненавидящаго ихъ земледѣльческаго сословія; слѣдовательно, тутъ ничего не принесется въ жертву, кромѣ польской національности и правъ, которыми пользуется польское дворянство въ русскихъ провинціяхъ. Вы сами подали примѣръ, присудивъ къ лишенію собственности русскихъ дворянъ, имѣющихъ помѣстья въ Польшѣ.

Еще пагубнѣе и опаснѣе по своимъ послѣдствіямъ крайне строгія мѣры, какія вы сочли нужнымъ принять относительно тѣхъ, кого подозрѣваютъ враждебнымъ нашему дѣлу. Пусть вѣшаютъ шпіона во время войны, пусть наказываютъ смертью измѣнника, это справедливо; но нужно, чтобы виновность подсудимаго была положительно доказана, и чтобы приговоръ былъ произнесенъ лицами, имѣющими право судить его. Нѣсколько шпіоновъ, пойманныхъ начальниками нашихъ бандъ, находились именно въ такихъ условіяхъ. Застигнутые на дѣлѣ, уличенные въ шпіонствѣ и осужденные полевымъ военнымъ (?) судомъ, они были казнены въ силу военныхъ обычаевъ. Какъ ни строгъ былъ приговоръ, но онъ былъ правильно (?) постановленъ по выслушаніи всего, что подсудимый имѣлъ сказать въ свою защиту, и хотя военный судъ приговаривалъ и къ смерти, но смерть была тутъ казнью (?), а не юридическимъ убійствомъ. Вотъ что могутъ сказать начальники отрядовъ въ оправданіе казни нѣсколькихъ шпіоновъ, которымъ всегда оставляли четверть часа времени для приготовленія къ смерти и которымъ не отказывали въ утѣшеніяхъ церкви, давая имъ время исповѣдаться и примириться съ небомъ.

Но можете ли вы сказать тоже самое о всѣхъ смертныхъ приговорахъ, которые вы постановили и привели въ исполненіе? Кто судилъ этихъ повѣшенныхъ крестьянъ, этихъ задушенныхъ шинкарей-евреевъ, этихъ чиновниковъ, заколотыхъ на улицѣ, этихъ лѣсничихъ, убитыхъ топоромъ? Кто выслушалъ ихъ оправданіе? Революціонный судъ, скажете вы. Во-первыхъ, вы только недавно нашли нужнымъ учредить его, и большая часть смертныхъ приговоровъ была поста-

новлена самыми вами, то есть властью исполнительною, а не судебною. Во-вторыхъ, выслушиваетъ ли революцiонный судъ оправданiе подсудимыхъ? Даетъ ли онъ имъ очныя ставки съ свидѣтелями? Онъ не въ состоянiи этого дѣлать, отвѣтите вы; знаю, потому что онъ дѣйствуетъ въ тайнѣ; но въ такомъ случаѣ онъ и не можетъ судить, такъ какъ приговоры его основываются только на обвиненiи, безъ всякаго оправданiя.

И такiе-то приговоры вы выдаете за правильные — приговоры, исполняемые тайно, изъ-за угла, при чемъ осужденному не дается времени приготовиться къ смерти, и отказываютъ въ утѣшенiяхъ религiи! Но мы наказываемъ подлецовъ, измѣнившихъ нацiи, скажете вы. Во-первыхъ, виновность ихъ доказывается только навѣтами вашихъ лазутчиковъ; во-вторыхъ, нелѣпо дѣлаться преступнымъ изъ ненависти къ преступленiю, а вѣдь не можете же вы отрицать, что всѣ эти убiйства, веревкою, кинжаломъ и ядомъ, суть ничто иное, какъ длинный рядъ преступленiй!

Впрочемъ, я не намѣренъ разбирать ваши дѣйствiя съ точки зрѣнiя нравственности: это касается вашей совѣсти и вашего духовника. Но меня, какъ поляка, и всего нашего общества, близко касаются послѣдствiя вашихъ поступковъ, послѣдствiя самыя пагубныя.

Припомните дѣйствiя русскаго правительства въ началѣ восстанiя и сравните ихъ съ тѣмъ, что дѣлается въ настоящее время. При первыхъ смутахъ въ Варшавѣ, патрiоты, схваченные полицiею, были судимы правильными судами. Выслушиванiе свидѣтелей, защита адвокатовъ, чтенiе приговора,—все это совершалось гласно, и если приговоры были строги, за то судъ былъ правильный. Позднѣе, гласное судопроизводство было отмѣнено; судъ совершался при закрытыхъ дверяхъ, но тѣмъ не менѣе, въ немъ соблюдался весь законный порядокъ. Еще позднѣе, были учреждены военныя коммиссiи, не допускавшiя адвокатовъ для защиты подсудимыхъ и постановлявшiя свои приговоры по болѣе или менѣе внимательномъ обсужденiи свидѣтельскихъ показанiй за и противъ подсудимаго, и объясненiй самого подсудимаго. Теперь же, генералъ Муравьевъ предписываетъ (?!!) вѣшать и разстрѣливать пойманныхъ, давъ имъ четверть часа време-

ци для разговора съ членами одного изъ подвѣдомственныхъ ему военныхъ судовъ [1].

Сообразивъ всю огромную разницу между этими различными способами дѣйствій русскаго правительства и сблизивъ ихъ хронологически съ дѣйствіями центральнаго комитета (впослѣдствіи національнаго правительства), мы убѣдимся, что враги наши всегда сообразовали свой образъ дѣйствій съ нашимъ.

Во время первыхъ патріотическихъ демонстрацій, центральный комитетъ еще не существовалъ: это было время гласнаго суда.

Образовавшись, центральный комитетъ напалъ въ журналахъ на правильность и законность судопроизводства, за которымъ было легко слѣдить, благодаря его гласности; тогда учредили судъ при закрытыхъ дверяхъ.

Когда начался рядъ юридическихъ убійствъ нѣсколькими отдѣльными жертвами, павшими отъ кинжала вашихъ агентовъ, русское правительство учредило военныя коммиссіи для быстраго суда надъ убійцами.

Наконецъ, когда національное правительство систематически организовало убійство и учредило отряды жандармовъ-вѣшателей, русскіе, съ своей стороны, ввели систему болѣе строгую.

Въ чемъ же вы можете упрекать ихъ? Ни въ чемъ, мнѣ кажется, потому что если они дѣйствовали дурно, то развѣ не сообразовались они съ вашими дѣйствіями? Не вамъ, слѣдовательно, винить ихъ, потому что, обвиняя ихъ, вы осуждаете самихъ себя.

Другимъ слѣдствіемъ появленія вашихъ вѣшателей и убійцъ было то, что вы стали не популярны, и начинаютъ уже поговаривать, что русскій способъ управленія лучше вашего. Не думаете ли вы, что ваши павшія жертвы были одиноки въ цѣломъ мірѣ? Вѣдь у нихъ остались вдовы, сироты, друзья, родные; всѣ они плачутъ, вопіютъ и возбуждаютъ противъ васъ народъ, разсказывая и даже преувеличивая страшныя подробности вашихъ казней; всѣ они силятся доказать, что жертва была невинна и что вы убили преданнаго патріота.

---

1) Само собою разумѣется, что мы не можемъ назвать этотъ и подобные ему отзывы правильными. Ред. Спб. Вѣд.

Невозможно, чтобы столько обвинительныхъ голосовъ не заставили себя выслушать и не образовали въ народѣ оппозиціи національному правительству, оппозиціи глубокой, сдавленной, но которая будетъ имѣть страшныя послѣдствія въ день взрыва, потому что она толкнетъ земледѣльческій классъ въ объятія русскаго правительства. До сихъ поръ васъ спасало ослѣпленіе (?) русскихъ, непонимающихъ, какъ много они могли бы выиграть, внезапно измѣнивъ свою систему дѣйствій. Еслибы они вдругъ прекратили свои преслѣдованія, тогда какъ вы будете продолжать вѣшать и закалывать, то не прошло бы и двухъ недѣль какъ ваши имена были бы выданы русской полиціи. Вы думаете, нѣтъ? Ошибаетесь, и въ доказательство я приведу вамъ фактъ, который вамъ конечно извѣстенъ: единственнымъ (?) примѣромъ измѣны (?) со стороны польскихъ крестьянъ былъ доносъ на отрядъ жандармовъ-вѣшателей. Вишневскій и его товарищи были выданы русскими крестьянами радомскаго уѣзда.

Наконецъ,—и это не самое ничтожное изъ послѣдствій вашей пагубной системы кровавыхъ возмездій,—иностранная журналистика начинаетъ называть ваши казни убійствами, и ими оправдываетъ свое охлажденіе къ Польшѣ. Разсказы о тайныхъ подвигахъ исполнителей вашихъ приговоровъ, поражая воображеніе массъ, дѣйствуютъ глубже, нежели слухи о нашей борьбѣ съ русской арміей, и это впечатлѣніе, къ сожалѣнію, далеко не выгодно для насъ. Европа уже забыла о самоотверженности нашихъ смѣлыхъ косиньеровъ, бросавшихся на баталъоны, вооруженные штуцерами, забыла о геройскомъ подвигѣ нашей молодежи, бросившейся безъ всякаго вооруженія на непріятельскую артиллерію и отбившую у нея пушки (?); но она помнитъ и долго не забудетъ о повѣшенныхъ, у которыхъ на груди была дощечка съ надписью: „казненъ по приказанію національнаго правительства," о кинжалахъ, оставленныхъ въ ранѣ и прикалывавшихъ къ груди жертвъ слѣдующую записку: „измѣнникъ отчизнѣ наказанъ по заслугамъ;" объ ироническихъ эпитафіяхъ, въ родѣ той, которую помѣстилъ ** надъ трупомъ несчастнаго аббата ***: „Jedna tłusta świnia ma w sobie osm cienkich" [1]).

---

[1]) Эти слова написаны по-польски въ находящемся у насъ подлинникѣ.

Прим. г. Скедо-Ферроти.

Тайный судъ и таинственныя казни среднихъ вѣковъ среди девятнадцатаго вѣка! Тутъ есть чѣмъ потрясти воображеніе всѣхъ романистовъ, всѣхъ охотниковъ до ужасовъ; но я, для моего личнаго утѣшенія, не перестаю повторять себѣ, что разсказы о злодѣйствахъ вашихъ жандармовъ-вѣшателей отчасти вымышлены. Къ несчастію, справедливы или нѣтъ эти разсказы, имъ вѣрятъ, да и нельзя не вѣрить, потому что относительно многихъ изъ нихъ нѣтъ никакого сомнѣнія.

Къ числу разсказовъ, которые я всегда считалъ сомнительными, принадлежитъ одинъ, повторенный мнѣ разъ десять и судя по которому, у васъ есть „рѣшительные и преданные люди", не только въ Польшѣ, но и за границею. Эт. люди исполняютъ смертные приговоры революціоннаго правительства надъ врагами Польши, гдѣ-бы они ни находились.

Мнѣ говорили вчера, что Х. Х.... уѣхалъ въ Швейцарію, вслѣдъ за русскимъ офицеромъ, виновнымъ (?) въ открытіи важной тайны, которую онъ случайно узналъ. Мнѣ говорили объ одной „казни", не состоявшейся только вслѣдствіе непредвидимыхъ случайностей и дѣятельнаго надзора брюссельской полиціи; увѣряютъ даже, что въ одной бельгійской газетѣ напечатанъ подробный разсказъ объ этомъ покушеніи и что е о читали въ Лембергѣ. Я просилъ указать мнѣ нумеръ газеты, гдѣ объ этомъ говорится, но его не нашли, и я могу еще надѣяться, что тѣ, кто мнѣ сообщалъ это, ошиблись.

Но если справедливо, что существуютъ исполнители вашихъ приговоровъ за границей, то Польша должна благодарить Бога, что Онъ до сихъ поръ не допустилъ исполненія этихъ попытокъ, несчастныя послѣдствія которыхъ были бы неисчислимы.

Если бы хотя одна жертва пала за границею, вы имѣли бы противъ себя всю журналистику; никто, ни самые горячіе друзья наши, ни журналы, самые преданные нашему дѣлу, никто не имѣлъ бы мужества защищать насъ; при первомъ словѣ, сказанномъ въ нашу защиту, при первой статьѣ въ нашу пользу, всѣ думали бы, что страхъ заставляетъ говорить такъ, что страхъ передъ вашими убійцами мѣшаетъ порицать васъ; всѣ стали бы говорить о васъ дурно, всѣ стали бы говоритъ противъ Польши, чтобы доказать свою храбрость и безстрастіе передъ кинжаломъ или пистолетомъ. Невозмож-

но предвидѣть, до чего дойдетъ иностранная журналистика, ставъ на эту дорогу, и каковы будутъ для польскаго дѣла послѣдствія этихъ вызововъ, брошенныхъ вамъ со всѣхъ сторонъ.

Да сохранитъ насъ Богъ отъ такого опыта! Отзовите же вашихъ „рѣшительныхъ людей“, если только вы имѣете ихъ за границей, и дайте тѣмъ изъ нихъ, которые въ Польшѣ, иное занятіе, а не то, которое вы имъ опредѣлили.

Система террора — Франція служитъ тому доказательствомъ — можетъ держаться долго, но не можетъ длиться неопредѣленное время. Въ нашей несчастной отчизнѣ эта система принята обѣими сторонами, и честь ея изобрѣтенія принадлежитъ вамъ.

Терроризуемый, во имя Польши или во имя Россіи, народъ очутился между тисками, грозящими раздавить его, такъ что кто первый, вы или враги наши, вынетъ свои тиски, за тѣмъ естественно послѣдуетъ и весь народъ. Подумайте хорошенько объ этомъ, ибо если русское правительство предупредитъ васъ, если оно первое торжественно объявитъ, что висѣлицы и разстрѣливанья кончены, что военные суды будутъ судить только преступленія, совершенныя съ оружіемъ въ рукахъ, а всѣ другія дѣла поступятъ на разсмотрѣніе гражданскихъ судовъ, то ваша власть изчезнетъ и вы потеряете возможность принести отечеству даже и ту малую долю услугъ, какія еще возможны съ нашей стороны, при отчаянномъ положеніи нашего дѣла.

Вотъ что я имѣлъ сказать относительно вашихъ ошибокъ, и ошибокъ вашихъ предшественниковъ; скажу еще нѣсколько относительно того положенія, въ какое обстоятельства поставили русское правительство, и тѣмъ заключу мое письмо.

Я уже сказалъ, что ни правительство, ни общество русское, кажется, не были далеки отъ того, чтобы согласиться на отдѣленіе Царства отъ Россіи; но въ настоящее время подобное предложеніе было бы, безъ всякаго сомнѣнія, отвергнуто. Императоръ АЛЕКСАНДРЪ II теперь уже не могъ бы (?), даже еслибъ и желалъ, совершить освобожденіе Польши,—до такой степени сильно въ Россіи анти-польское движеніе. Ваши притязанія на русскія области и ноты иностранныхъ державъ, которыя были представлены народу, какъ будто онѣ поддерживали эти притязанія, привели Россію въ такое

взволнованное состояніе, что все, что будетъ дано Польшѣ, какъ бы мало оно ни было, покажется излишнею снисходительностью. Отсюда слѣдуетъ, что совѣтники короны употребятъ всѣ усилія, чтобы намъ дано было какъ можно меньше. Постараемся же опредѣлить наименьшую мѣру уступокъ, допускаемую уже совершившимися событіями и положеніемъ европейскихъ дѣлъ.

Когда возстаніе будетъ усмирено или успокоено, подавлено силой или обезоружено убѣжденіемъ, можетъ ли тогда русское правительство предписать поглощеніе Польши, можетъ ли оно изъ Польши сдѣлать такую же провинцію имперіи, какъ Литва, Курляндія и пр. и пр.? Это было бы окончательнымъ рѣшеніемъ польскаго вопроса въ смыслѣ русскихъ стремленій, и нѣтъ сомнѣнія, что въ Петербургѣ это было бы съ удовольствіемъ принято; но возможно ли это? Нѣтъ, потому что тогда князь Горчаковъ долженъ былъ бы отвѣчать на ноты трехъ державъ, что русское владычество надъ Польшей основано не на вѣнскомъ трактатѣ, разрушенномъ на фактѣ революціей 1830 г., но на правѣ завоеванія, на взятіи Варшавы Паскевичемъ. Признаніемъ, что трактаты 1815 г. остаются основаніемъ правъ Россіи на Польшу, автономія Царства гарантирована и наши враги (?) не тронутъ ея.

Когда кончится кровопролитіе и будетъ провозглашена амнистія, возможно ли въ Польшѣ продолженіе теперешняго управленія, при которомъ власть административная и исполнительная сосредоточены въ рукахъ начальниковъ военныхъ округовъ?

Нѣтъ, ибо это было бы продолженіемъ осаднаго положенія, продолженіемъ въ безконечность занятія страны военною силою; слѣдовательно необходимо, чтобы гражданскія власти были возстановлены въ своихъ должностяхъ.

Когда придетъ день этого возстановленія, возможно ли будетъ тогда большую часть второстепенныхъ постовъ и всѣ высшія должности поручить русскимъ, какъ это дѣлалось въ прежнія времена?

Нѣтъ, потому что это значило бы брать назадъ уступки, уже сдѣланныя Императоромъ АЛЕКСАНДРОМЪ II, который постановилъ принципомъ, что всѣ гражданскія должности будутъ замѣщаемы только поляками, и чрезъ князя Горчакова объявилъ передъ лицомъ

всей Европы, что онъ рѣшилъ удержать и развить всѣ либеральныя учрежденія, дарованныя имъ Польшѣ.

Возможно ли вновь ввести русскій языкъ въ административныя управленія и суды?

Нѣтъ, потому что большая часть польскихъ чиновниковъ не понимаютъ его, а тѣ, которые понимаютъ, дѣлаютъ видъ, что не понимаютъ, чтобы только не употреблять его.

Наконецъ, возможно ли распустить государственный совѣтъ, засѣдающій въ Варшавѣ, чтобы затѣмъ всѣ вопросы, касающіеся Царства, отдать на разсмотрѣніе с.-петербургскаго государственнаго совѣта, какъ это было прежде? Можно ли уничтожить провинціальные, окружные и уѣздные совѣты, а также избирательные законы, которые даютъ странѣ право назначать депутатовъ въ эти совѣты?

Нѣтъ и нѣтъ, ибо всѣ учрежденія даны странѣ указами, изданными въ царствованіе **АЛЕКСАНДРА II**, слѣдовательно ихъ нельзя отмѣнить, не нарушивъ слова, даннаго европейскимъ державамъ—не уменьшать вольностей, уже дарованныхъ Польшѣ.

Такимъ образомъ наименьшая мѣра уступокъ, которыя Россія должна признать, какими бы средствами ни было прекращено возстаніе, сводится къ слѣдующему:

Административная автономія Царства.

Прекращеніе дѣйствій временной власти, данной военнымъ начальникамъ въ администраціи страны.

Возстановленіе гражданскихъ властей.

Назначеніе поляковъ на всѣ должности въ Царствѣ.

Сохраненіе польскаго языка, какъ языка оффиціальнаго.

Сохраненіе государственнаго совѣта, засѣдающаго въ Варшавѣ, совѣтовъ провинціальныхъ и уѣздныхъ, а также избирательныхъ законовъ, касающихся составленія этихъ совѣтовъ.

Доказавъ неприкосновенность этихъ пріобрѣтеній, допустимъ извѣстную долю недоброжелательства русскихъ людей (?), допустимъ, что они не хотятъ, чтобы Польша получила еще какую нибудь новую льготу. Положимъ, что намъ откажутъ и въ національномъ представительствѣ, и въ свободѣ печати, и въ свободѣ совѣсти, въ свободѣ ассоціацій и въ правѣ петицій, что система останется стѣснительной и страна будетъ управляться массой телеграммъ изъ Петер-

бурга; допустимъ это, и тогда спросимъ: возможно ли такое положеніе для русскаго правительства?

Очевидно, что оно невозможно, ибо едва только военные администраторы страны прекратятъ свои дѣйствія,—а мы видѣли, что ихъ незамедлятъ отозвать,—едва только гражданскія власти будутъ возстановлены,—а мы видѣли, что необходимо возстановить ихъ,—едва только чиновники изъ поляковъ будутъ на своихъ постахъ и польскій языкъ снова появится въ административныхъ мѣстахъ страны, избирательныя собранія составятся, — а мы видѣли что всего этого невозможно избѣгнуть русскому правительству,—едва только произойдетъ все это, какъ движеніе анти-русское, движеніе революціонное тотчасъ же дастъ себя почувствовать; станутъ избѣгать всякой открытой оппозиціи и, стараясь усыпить подозрѣнія правительства, немедленно соединятся противъ него и будутъ ждать.

Будутъ ждать, чтобы время вознаградило потерю крови, понесенную Польшей, чтобы грудныя дѣти стали способны взяться за ружье, а имущества утраченныя вновь пріобрѣтены,—и тогда воспользуются первой войной, въ которую вовлечена будетъ Россія, первыми ея затрудненіями, чтобы снова начать вооруженную борьбу [1]).

Каково бы ни было мнѣніе совѣтниковъ короны, все же невозможно, чтобы имъ не пришли въ голову тѣ мысли, которыя я сейчасъ изложилъ, и чтобы они не догадались, что льготы, уже дарованныя Польшѣ, надѣлаютъ имъ неизбѣжныхъ затрудненій. По этому, какъ только будетъ имъ доказано, что положеніе дѣлъ невыносимо, они подумаютъ о томъ, какъ бы изъ него выйти, отступая или подаваясь впередъ; а такъ какъ они не могутъ отступить въ смыслѣ отобранія назадъ уже сдѣланныхъ уступокъ, то имъ останется только идти впередъ по этому пути, т. е. дѣлать новыя. Несомнѣнно, что эти уступки будутъ сдѣланы; но несомнѣнно также, что будетъ сдѣлано не все. Ихъ сдѣлаютъ, чтобы избѣгнуть обвиненій иностранной журналистики въ неисполненіи трактовъ 1815 г., и обѣщаній развить либеральныя учрежденія Польши; ихъ сдѣлаютъ мало,

---

[1]) Мы просимъ читателя не забывать, что все сказанное выше и ниже принадлежитъ «польскому патріоту», и что мы приводимъ его отзывы единственно какъ документъ. Прим. Ред. «С.-Пет. Вѣд.»

чтобы избѣгнуть криковъ русской журналистики—и обвиненій въ томъ, что Польшѣ даютъ болѣе свободы, нежели Россіи.

Такъ какъ отнынѣ польскія дѣла должны рѣшаться въ Варшавѣ, а не въ Петербургѣ, то намъ нѣтъ дѣла до того, какъ поведетъ Россія свои собственныя дѣла; я имѣлъ въ виду разъяснить лишь частный вопросъ о томъ, какъ велики будутъ уступки, на которыя послѣдуетъ согласіе. На основаніи вышесказаннаго, споры о замиреніи Польши должны привести къ нижеслѣдующему.

Не имѣя никакого опредѣленнаго мнѣнія, никакого дѣйствительнаго убѣжденія (?) о политическихъ правахъ польской націи, иныя лица въ Рос іи будутъ обсуждать этотъ вопросъ безъ сочувствія, но и безъ ненависти, ибо счастіе Польши всего менѣе озабочиваетъ ихъ (?!). Такъ-какъ русскіе журналы требуютъ провозглашенія Царства Польскаго имперіей, превращенія Царства въ русскую провинцію, то многіе согласились бы на это (?), еслибъ считали такую мѣру исполнимою, и еслибъ не опасались шума иностранныхъ журналовъ (?); точно также въ прошломъ январѣ они согласились бы (?), кажется, на отдѣленіе Царства отъ имперіи, по требованію иностранныхъ журналовъ (?), если бы вы не искали возвращенія нашихъ древнихъ завоеваній, что подняло крики русской журналистики. Руководимые желаніемъ популярности въ Россіи, лишъ бы только не возбудить слишкомъ сильныхъ порицаній за границей, эти лица даютъ возможность легко предвидѣть дальнѣйшій ихъ образъ дѣйствій: при всякой уступкѣ, предложенной для Польши, они будутъ соображать что сильнѣе: возгласы ли русской журналистики въ случаѣ согласія ихъ на уступку, или негодованіе иностранной печати въ случаѣ отказа (?). Вопросы будутъ рѣшаться въ смыслѣ, обѣщающемъ надѣлать наименѣе шума.

Отыскавъ законъ, который будетъ руководить (?) с.-петербургскимъ рѣшеніямъ, обращаюсь къ вопросу, который долженъ наиболѣе озабочивать насъ, именно къ вопросу о томъ, какова высшая мѣра уступокъ, которыя могутъ быть получены Польшей?

Дадутъ ли намъ свободу печати? Нѣтъ, потому что рукоплесканія иностранныхъ журналовъ были бы заглушены яростными (?) криками русской журналистики.

Согласятся ли провозгласить свободу совѣсти въ дѣлахъ вѣры, отмѣнивъ законъ о смѣшанныхъ бракахъ? Нѣтъ, потому что опа-

саются прозелетизма католическаго духовенства, котораго не перестаетъ громить русская журналистика.

Дадутъ ли намъ право на ассоціаціи и признаютъ ли за нами право подавать колективныя прошенія? Нѣтъ.

Возвратятъ ли намъ прежнюю національную армію? Конечно, нѣтъ, и вопросъ объ арміи есть единственый, о которомъ эти господа (?!) будутъ судить по личному увѣренію; ни крики иностранныхъ журналовъ, ни ноты какихъ угодно державъ не могли бы поколебать ихъ убѣжденія.

Согласятся ли дать намъ національное представительство? Да, что бы не говорили русскіе журналы, ибо въ случаѣ отказа, иностранная журналистика подняла бы такой шумъ, что снова возстановила бы всю Европу (?!) на русское правительство, которое стали бы упрекать въ томъ, что оно не исполнило ни договоровъ 1815 года, ни обѣщанія, заявленнаго недавно въ отвѣтахъ на ноты трехъ державъ. Что же касается русскихъ журналовъ, не трудно будетъ успокоить ихъ, объяснивъ имъ, что дѣло идетъ не о новой уступкѣ, но о возстановленіи прежняго порядка вещей.

Вотъ наибольшая мѣра тѣхъ уступокъ, которыя можно получить въ настоящую минуту. Мы не получимъ ни свободной печати, ни свободы совѣсти, ни права на ассоціаціи, ни права на совокупныя прошенія, на польскую армію; но намъ будутъ даны административная автономія и національное представительство.

Разъяснивъ это, посмотримъ, съ точки зрѣнія русскихъ, какая именно форма національнаго представительства будетъ наиболѣе согласна съ ихъ интересами: быть можетъ, мы найдемъ тутъ указанія, съ которыми должны соображаться въ нашихъ дѣйствіяхъ.

Очевидно, что наименѣе проницательные между совѣтниками короны будутъ вполнѣ расположены отдать предпочтеніе національному представительству, подобному учрежденіямъ 1815 года (?!). Эти сеймы, засѣдающіе только тридцать дней, не могутъ не соблазнить ихъ (?). Нѣсколько оживленныя пренія въ теченіе тридцати дней, и потомъ 23 мѣсяца полнаго спокойствія, когда можно будетъ управлять страною посредствомъ указовъ и телеграммъ: какая обольститель-

ная перспектива, но въ то же время какая ошибка въ оцѣнкѣ результатовъ такого положенія!

Это спокойное время, эти 23 мѣсяца, когда правительству нечего будетъ заботиться о рѣчахъ, произносимыхъ въ палатѣ пословъ, будутъ употреблены національною партіей на подготовленіе гораздо большихъ заботъ для него. Возвратившись къ частной жизни послѣ тридцатидневной сессіи, достаточной для постановки вопросовъ о нуждахъ страны, но не для ихъ порѣшенія, члены палаты пословъ будутъ уносить съ собою горькое сознаніе въ полной безполезности ихъ собраній. По прибытіи домой, они естественно будутъ озабочены преніями, возбужденными на сеймѣ; они будутъ сообщать своимъ друзьямъ, своимъ знакомымъ, новые доводы, которыхъ не успѣли высказать въ палатѣ за недостаткомъ времени; пренія возобновятся, и вскорѣ около каждаго изъ этихъ господъ образуется кругъ политическихъ приверженцевъ.

Такимъ образомъ, вмѣсто одной палаты, разсуждающей публично, въ виду и съ вѣдома правительства, возникнетъ 169 малыхъ политическихъ собраній, разсуждающихъ при закрытыхъ дверяхъ подъ предсѣдательствомъ такого же числа бывшихъ пословъ и депутатовъ, которымъ довѣріе согражданъ-избирателей не замедлитъ придать своего рода блескъ, способный быстро увеличить число ихъ сторонниковъ.

Какими средствами остановитъ правительство образованіе этихъ тайныхъ сеймиковъ, которыхъ предсѣдатели будутъ назначены какъ бы имъ самимъ (?)? Какими средствами располагаетъ оно, чтобы узнать рѣшенія этихъ политическихъ кружковъ, чтобы предотвратить соглашеніе между ними и воспрепятствовать возникновенію большаго тайнаго общества, составленнаго изъ „представителей націи, правильно выбранныхъ польскимъ народомъ"?

Рѣшительно никакого, ибо русская полиція въ Польшѣ всегда будетъ неудовлетворительна, что извѣстно всего лучше вамъ, которыхъ она тщетно ищетъ болѣе шести мѣсяцевъ, хотя и знаетъ что вы находитесь въ Варшавѣ.

Подверженное, безъ всякихъ охранительныхъ средствъ, дѣйствію тайныхъ обществъ, вліяніе которыхъ было бы тѣмъ сильнѣе,

что 23 мѣсяца изъ 24-хъ онѣ были бы единственнымъ національнымъ представительствомъ, правительство не могло бы предупредить ничего, помѣшать ничому, и снова очутилось бы лицомъ къ лицу съ вооруженнымъ возстаніемъ, въ день и часъ, назначеннымъ вождями заговора.

Что противоставитъ оно новому движенію?

Силу, одну только силу, ибо нравственнаго вліянія на поляковъ у него не будетъ (?), какъ нѣтъ его теперь и не будетъ никогда, пока учрежденія страны будутъ благопріятствовать только тѣмъ, кто требуетъ сильныхъ мѣръ, пока разсудительные и умѣренные граждане будутъ обречены на безмолвіе (?).

Правительство могло бы съ успѣхомъ противопоставить новой прокламаціи, подписанной польскими патріотами, задумавшими объявить права его на Польшу утраченными, — только протестъ, подписанный правильно выбранными представителями народа, которые бы объявили поступокъ мятежниковъ незаконнымъ и противнымъ волѣ націи.

Не смотря на всю популярность, которой бы оно достигло, правительство могло бы прибѣгнуть къ такой манифестаціи лишь подъ тѣмъ условіемъ, чтобы народное представительство было постояннымъ, а это, какъ мнѣ кажется, достаточная причина измѣнить странную 87-ю статью хартіи 1815 года.

Законодательная палата, засѣдающая въ теченіи восьми мѣсяцевъ въ году, можетъ оказать странѣ дѣйствительныя услуги и доставить правительству то неоцѣненное преимущество, что она поддерживала бы его своимъ нравственнымъ вліяніемъ на націю. Какъ бы ни были бурны публичныя совѣщанія довѣренныхъ отъ народа лицъ, — ихъ менѣе можно опасаться, чѣмъ тайныхъ сходокъ тѣхъ недовольныхъ, которые не зависятъ ни отъ кого, кромѣ самихъ себя. Искусное правительство всегда можетъ поладить съ палатой депутатовъ; въ случаѣ надобности, оно можетъ распустить ее и созвать новую, между тѣмъ какъ противъ тайныхъ обществъ оно ничего не можетъ сдѣлать, такъ какъ удаленіе и замѣщеніе членовъ ихъ не въ его власти.

По моему мнѣнію, вопросъ можетъ быть выраженъ слѣдующими словами: у насъ — какъ и во всѣхъ странахъ, гдѣ начинаетъ обнаруживаться потребность въ политической жизни — правительство, при

всей предполагаемой въ немъ благонамѣренности, будетъ вести постоянную борьбу съ тайными обществами, которыя непрерывно будутъ возникать вновь, если оно не прибегнетъ къ единственному существующему средству парализовать вліяніе тайныхъ сходокъ, съ незаконно-присвоенными полномочіями, т. е. не противопоставить имъ открытаго собранія, члены котораго имѣли бы отъ народа законныя полномочія засѣдать въ немъ. Управлять Польшей, не имѣя дѣла ни съ тайными обществами, ни съ постояннымъ народнымъ представительствомъ, теперь уже невозможно; необходимо сдѣлать выборъ между болѣзнью и средствомъ противъ нея, а этотъ выборъ не можетъ быть сомнителенъ.

Доказавъ этотъ пунктъ и предположивъ, что совѣтники русской короны, на основаніи подобнаго же разсужденія, изъявятъ готовность даровать Польшѣ постоянное народное представительство, перехожу къ вопросу о томъ, на какихъ началахъ эти господа захотятъ образовать обѣ палаты—какъ палату пословъ, такъ и ту, которая называлась сенатомъ. Въ Россіи, должно полагать, мысль о возобновленіи того способа производства выборовъ, который утвержденъ хартіей 1815 года, будетъ имѣть многихъ приверженцевъ. И такъ, положимъ, что рѣшатся на эту мѣру, и посмотримъ, съ точки зрѣнія русскаго правительства, каковы будутъ для него послѣдствія такого положенія дѣлъ.

На основаніи хартіи 1815 г., палата пословъ состоитъ изъ 100 пословъ, назначенныхъ отъ дворянства, и изъ 67 депутатовъ, выбранныхъ общинами (ст. 115-я). Такимъ образомъ, если уполномоченные отъ дворянства будутъ между собою согласны, то на сторонѣ его будетъ уже большинство 33 голосовъ; но этимъ не ограничивается преобладаніе, даруемое дворянству закономъ 1815 года. Статьи 125—129 не дозволяютъ выбирать пословъ не изъ дворянъ, внесенныхъ въ уѣздные дворянскіе списки, между тѣмъ какъ статьи 130 — 136, касающіяся выборовъ въ общинахъ, нисколько не препятствуютъ избирателямъ изъ не дворянъ вручать свои полномочія дворянамъ. На практикѣ это всего чаще и случалось, по крайней мѣрѣ половина депутатовъ отъ общинъ состояли изъ дворянъ,—такъ что въ палатѣ пословъ 133 голоса принадлежали интересамъ

дворянства и только 34 интерессамъ не дворянскаго населенія, къ которому они принадлежали

Въ сенатѣ, аристократическое начало соблюдалось еще строже. Бывъ сформированъ на первый разъ королемъ и состоя изъ 83 (или болѣе) членовъ, назначенныхъ пожизненно, сенатъ самъ себя пополнялъ назначеніемъ на каждое вакантное мѣсто двухъ кандидатовъ, выборъ между которыми онъ предоставлялъ государю. Такъ какъ въ сенатѣ, кромѣ принцевъ крови, засѣдали епископы, палатины и кастелланы, т. е. люди, занимавшіе первыя мѣста въ королевствѣ, то члены этого собранія выбирались только изъ высшей аристократіи; вотъ почему доступъ въ сенатъ оставался закрытымъ для всякаго другаго, каковы бы ни были его дарованія и заслуги.

Какое же мѣсто занимаетъ въ этой конституціи польскій народъ? Никакого; народъ не имѣетъ никакихъ средствъ высказать свое мнѣніе объ управленіи дѣлами. Голоса его уполномоченныхъ, даже при единодушіи ихъ, были бы заглушены голосами представителей дворянства и высшей аристократіи, такъ что одобреніе и осужденіе имъ дѣйствій правительства одинаково были бы недѣйствительны.

Чтобы убѣдиться въ справедливости этихъ словъ, предположимъ, что правительство снискало себѣ искреннее расположеніе сословій земледѣльческаго и рабочаго, что мѣры, имъ принимаемыя, удовлетворяютъ весь народъ,—и спросимъ себя, достаточно ли было этого факта для того, чтобы протестъ противъ этихъ мѣръ былъ невозможенъ со стороны палатъ, если приинятыя мѣры оказались противными сословнымъ интересамъ дворянства? Очевидно, что въ палатѣ пословъ большинство 100 голосовъ противъ 67, а въ сенатѣ вся совокупность членовъ будутъ въ пользу правительства только въ такомъ случаѣ, если оно сумѣетъ удовлетворить дворянство; но прочное согласіе между правительствомъ какого бы то ни было наслѣдственнаго короля и польскимъ дворянствомъ совершенно невозможно.

Распря между русскимъ самодержавнымъ домомъ, съ одной стороны, и польскимъ дворянствомъ, съ другой — есть въ сущности вопросъ династическій, вслѣдствіе котораго между двумя претендентами на власть немыслима никакая сдѣлка. До сихъ поръ надъ польскимъ народомъ царствуетъ Императоръ Всероссійскій, съ правомъ передачи скипетра своимъ потомкамъ: но къ тому же стремится и

польское дворянство, которое въ свою очередь желало бы господствовать изъ рода въ родъ надъ польскимъ народомъ. Какъ ни далеко отъ насъ время королей по избранію, каждый изъ насъ съ гордостью его припоминаетъ, такъ какъ всякій дворянинъ могъ быть избранъ тогда въ короли. Вѣроятность дѣйствительнаго избранія, хотя бы мятежъ и одержалъ верхъ, существовала для весьма немногихъ изъ насъ; я допускаю даже, что ни одинъ полякъ не надѣялся быть выбраннымъ: но мысль о королевской власти, принадлежащей **коллективно** всему дворянству, дѣлается отъ того еще соблазнительнѣе, а ненависть противъ **присвоившихъ себѣ власть дворянства** тѣмъ неумолимѣе.

Таковы были и таковыми всегда останутся отношенія между польскими королями и польскимъ дворянствомъ. Борьба эта можетъ кончиться лишь рѣшительною побѣдой одной изъ сторонъ,

Какимъ же образомъ—если смотрѣть на вещи съ точки зрѣнія исключительно русской—должно дѣйствовать русское правительство, передъ лицемъ угрожающей ему постоянной опасности?

Отвѣтъ не можетъ быть сомнителенъ. Оно должно стараться объ ослабленіи вліянія дворянства и противопоставленіе ему вліянія **польскаго народа**; оно должно не уничтожать дворянскія преимущества, а распространять ихъ на весь народъ, посредствомъ отмѣны и тѣлесныхъ наказаній, и ограниченій въ пріемѣ на службу, и преградъ, какія встрѣчаетъ повышеніе незнатнаго человѣка: оно въ особенности должно уничтожить черту, отдѣляющую **представительство народа** отъ **представительства дворянства.**

Къ чему хартія, подобная хартіи 1815 года, къ чему аристократическій сенатъ, самъ себя восполняющій, къ чему дворянскіе сеймы, назначающіе 100 уполномоченныхъ для противопоставленія ихъ 67, выбираемымъ отъ народа?

Общинные и уѣздные выборы, въ которыхъ участвовали бы **всѣ поляки, безъ различія званія и происхожденія,** для избранія однихъ только **депутатовъ націи**, а не **пословъ отъ дворянства,** незначительный избирательный цензъ для увеличенія числа избирателей [1]), наконецъ первая палата (сенатъ), члены которой также бы

[1]) И въ особенности, отмѣна закона 14-го (26-го) марта 1861 года, на осно-

избирались и которая отличалась бы отъ палаты депутатовъ только возвышеніемъ избирательнаго ценза и лѣтами кандидатовъ: вотъ что необходимо польскому правительству для того, чтобы найти въ самой Польшѣ поддержку противъ безпрестанныхъ нападеній со стороны дворянства.

Опираясь на земледѣльческій классъ, владѣющій землями, которыя принадлежатъ ему, или взяты имъ въ аренду, и потому, конечно, избѣгающій сильныхъ потрясеній, правительство можетъ противодѣйствовать многочисленному классу дворянъ, которые не имѣютъ собственности и потому стараются обрабатывать свою почву — почву политическую, въ надеждѣ, что она доставитъ, быть можетъ, жатву, которою имъ можно будетъ воспользоваться. Для этого необходимо, чтобы выборъ уполномоченныхъ, призванныхъ засѣдать и подавать голоса въ палатахъ, зависѣлъ отъ польскаго народа, т. е. отъ всей совокупности населенія; необходимо — и только на этомъ условіи возможны прочность русскаго управленія и замиреніе страны — чтобы въ Польшѣ не было ни пановъ, ни хлоповъ, ни дворянъ, ни простолюдиновъ, а существовалъ одинъ только нераздѣльный народъ, — граждане, равные предъ избирательнымъ закономъ, какъ и предъ другими законами, и пользующіеся, безъ различія сословій, правомъ участвовать въ законодательствѣ страны.

Вотъ что должна уяснить совѣтникамъ русской короны логическая оцѣнка событій; вотъ единственная мѣра, отвѣчающая истиннымъ интерессамъ русскаго правительства, но въ то же время и нашимъ, — интерессамъ всякаго искренно либеральнаго патріота, моимъ, вашимъ, если усилія ваши клонятся къ благу цѣлой націи, а не одной только незначительной части ея — дворянства.

Если же интересы русскаго правительства требуютъ — какъ я

ваніи котораго всякій, кто хочетъ быть избирателемъ въ окружныхъ собраніяхъ (расширенной общинѣ), долженъ умѣть читать и писать по-польски. Это постановленіе отнимаетъ почти у всего земледѣльческаго класса, т. е. до $^{78}/_{100}$ населенія, естественное его право участвовать въ избраніи народныхъ представителей. Пока будетъ существовать это постановленіе — каковы бы ни были законодательныя корпораціи страны — законныхъ защитниковъ всегда будутъ имѣть не интересы народа, а интересы дворянства. Прим. Д. К. Скедо-Ферроти.

старался доказать выше — установленія въ Польшѣ начала равенства всѣхъ гражданъ, начала общаго избирательства, безъ различія званій и сословій, то отъ него не трудно будетъ добиться такой уступки: вотъ о чемъ слѣдуетъ намъ стараться, и только объ этомъ.

Какъ скоро Польша пріобрѣтетъ народное представительсто, основанное на общемъ избирательствѣ, а польскій народъ — право принимать участіе въ законодательствѣ страны, нація же не будетъ болѣе получать готовыми законы, составленные въ Петербургѣ, или утвержденные отъ ея имени дворянствомъ, — задача ея будущности будетъ рѣшена; остальное будетъ только рядомъ второстепенныхъ вопросовъ, которые разрѣшатъ время и правильная дѣятельность законодательнаго собранія.

Неужели вы думаете, что, по учрежденіи палатъ изъ уполномоченныхъ отъ народа на вышесказанныхъ основаніяхъ, возможно будетъ отсрочить на неопредѣленное время свободу печати, право на ассоціаціи, право на петиціи и проч.? Этого никакъ нельзя предполагать. Положимъ — что, впрочемъ, еще сомнительно — что эти уступки заставятъ ждать себя нѣсколько лѣтъ и будутъ сдѣланы такъ поздно, что вы или я—скорѣе я, нежели вы—не будемъ имѣть возможности ими пользоваться; это все-таки не причина прибѣгать, для ускоренія дѣла, къ насильственнымъ средствамъ! Если не мы, то дѣти, внуки наши, — польскій народъ—вполнѣ воспользуются этими льготами, а вѣдь, если я не ошибаюсь, рѣчь идетъ здѣсь не о васъ и не обо мнѣ, а о польскомъ народѣ.

Итакъ, примите то, что можно получить, — примите неоцѣненный даръ истинно народнаго представительства, двухъ палатъ, засѣдающихъ постоянно, и убѣдитесь въ томъ, что ваши и наши усилія, равно какъ и усилія всѣхъ храбрыхъ, сражавшихся за свободу Польши будутъ не безплодны: съ того дня, когда обнародованъ будетъ манифестъ объ учрежденіи постоянныхъ сессій уполномоченныхъ отъ народа, Польша дѣйствительно будетъ свободна, польскій народъ пріобрѣтетъ вновь безпощное свое право самому утверждать законы, подъ сѣнію которыхъ онъ хочетъ жить.

Неужели вы не признаете себя удовлетворенными въ тотъ день, когда русское правительство изъявитъ готовность даровать Польшѣ народное представительство, основанное на общемъ избирательствѣ

и засѣдающее постоянно? Неужели вамъ этого было бы недостаточно, и вы захотѣли бы чего либо другаго, напримѣръ, подтвержденія преимуществъ дворянства или присоединенія къ Царству русскихъ областей, чтобы предложить управленіе ими членамъ высшей аристократіи?

Наши гражданскія добродѣтели подвергнутся испытанію въ ту минуту, когда русское правительство сдѣлаетъ намъ серьозныя уступки, въ родѣ поименованныхъ выше. Если вы тогда будете колебаться принять то, что намъ будетъ предложено, если вы отвергнете **возможныя** уступки и будете настойчиво добиваться **невозможныхъ**, то навлечете себѣ подозрѣніе, что усилія ваши имѣли въ виду благо не польскаго народа, а только дворянства, — ваши блага, такъ-какъ вы принадлежите къ этому дворянству.

Если Императоръ АЛЕКСАНДРЪ II согласится даровать постоянное народное представительство, то передастъ народу право постановлять законы для страны. Неужели вы, послѣ такой уступки, будете добиваться, отъ имени **дворянства**, права, отъ котораго откажется государь? Неужели вы скажете народу: „правда, что правительство отрекается въ твою пользу отъ законодательной власти, которою пользовалось доселѣ, но это доставитъ выгоды не тебѣ, а намъ, польскому дворянству; наши права остаются неизмѣнными и мы будемъ управлять тобою, по прежнему, большинствомъ ста голосовъ противъ шестдесяти-семи, а для начала мы **отказываемся** отъ того, что тебѣ предлагаютъ, и будемъ сражаться до тѣхъ поръ, пока добьемся уступокъ, которыя необходимы для насъ“? Но будьте осторожны: какъ ни громки будутъ фразы, которыми вы будете стараться оправдать вашъ отказъ, здравомысліе народа не преминетъ понять истинный его смыслъ, заподозритъ скрытую цѣль, къ которой стремились ваши усилія,—а какъ въ душу его закрадется подозрѣніе противъ васъ, вы погибнете-безвозвратно!

Но можно подумать, что я подозрѣваю васъ въ чемъ нибудь и сомнѣваюсь въ прямотѣ вашихъ патріотическихъ чувствъ. Намѣреніе мое совсѣмъ иное, и я формально отрекаюсь отъ всего, что въ словахъ моихъ могло бы показаться оскорбительнымъ. Нѣтъ, вы навѣрное понимаете, какія обязанности возложило бы на васъ признаніе русскимъ правительствомъ правъ польскаго народа; дворянство

должно будетъ послѣдовать примѣру государя, и отречься, въ свою очередь, въ пользу народа, отъ власти, предоставляемой ему нашими древними законами, — рѣшать однимъ только своимъ голосомъ законодательные вопросы и, слѣдовательно, самую будущность страны; въ виду акта, провозглашающаго политическое совершеннолѣтіе народа, невозможно, чтобы дворянство требовало сохраненія своей опеки надъ народомъ!

Въ день появленія этого акта началась бы роль польскаго народа, а слѣдовательно кончилась бы роль дворянства и ваша, гг. члены національнаго правительства. Съ освобожденіемъ народа, стали бы дѣйствительны только выборы, имъ самимъ сдѣланные, и роль, порученная вамъ меньшинствомъ, уже не могла бы быть признаваема за вами.

Нужно ли говорить, что осталось бы вамъ сдѣлать? Вы должны чувствовать это столько же, сколько и я, ибо вопросъ не можетъ имѣть двухъ рѣшеній. Въ день появленія упомянутаго акта, ваша задача будетъ окончена и начнется дѣло народа; вамъ, поэтому, останется только отречься торжественно отъ власти, какою вы пользовались временно и при его несовершеннолѣтіи, и возвратиться къ частной жизни, восклицая за-одно съ нами: „да здравствуетъ польскій народъ"!

Не смотря на жестокую, быть можетъ, форму моихъ доводовъ, я такъ далекъ отъ сомнѣнія въ искренности вашихъ патріотическихъ чувствъ, что убѣжденъ не только въ вашей готовности удалиться предъ правильнымъ народнымъ представительствомъ, но и въ готовности сдѣлать все возможное для полученія этого представительства. Займемся же теперь послѣднимъ вопросомъ, и посмотримъ, какими средствами возможно достигнуть этой уступки.

Вы должны знать, что русское правительство не вступитъ въ прямые переговоры съ вами; поэтому не нужно дѣлать безплодной попытки; но я надѣюсь не ошибиться, если предположу, что оно охотно переговоритъ съ какимъ нибудь третьимъ лицомъ, чтобы избавиться отъ васъ. Ваше дѣло — избрать это третье лицо, этого неоффиціальнаго посредника, а такой выборъ требуетъ, конечно, много осторожности и такта. Общественное положеніе, личныя качества, политическое прошедшее избираемаго—все это должно быть зрѣло взвѣ-

шено, подъ страхомъ недостиженія никакого результата. Но, положимъ, что вы отыскали надлежащаго человѣка (скорѣе между нашими соотечественниками, проживающими за границей, чѣмъ между тѣми, которые находятся около васъ), и перейдемъ къ второму пункту, къ инструкціямъ, которыя слѣдуетъ дать избранному.

Это дѣло еще труднѣе, чѣмъ выборъ человѣка, и оно должно показатся вамъ вдвойнѣ труднымъ, ибо требуетъ отъ васъ весьма тяжкой жертвы — отстраненія вашего самолюбія, требуетъ такого дѣйствія, которое похоже на объясненія, предлагаемыя сражающимся, котораго оружіе осѣклось, противнику, котораго пистолетъ еще заряженъ. Скажете ли вы, что въ подобныхъ обстоятельствахъ объясненіе невозможно, какъ противное чести? Вы ошибетесь; я говорю вамъ рѣшительно, что при тѣхъ обстоятельствахъ, въ какихъ вы находитесь, отреченія отъ собственныхъ дѣйствій необходимы, какъ требуемыя честью. Что сдѣлали бы вы, еслибъ оружіе вашего противника было обращено не противъ васъ самихъ, а противъ вашей матери? Стали ли бы вы упорствовать, и говорить врагу: „Я не уступаю ничего, стрѣляйте; вы убьете мою мать — это несомнѣнно, но такъ какъ вы не попадете въ меня лично, то я останусь въ живыхъ, чтобы прославлять твердость моего характера, и поправить слогъ въ надгробномъ словѣ вашей жертвѣ“!

Таково ваше положеніе въ великомъ поединкѣ между Польшей и Россіей. Не вамъ лично угрожаютъ страшныя военныя приготовленія, дѣлаемыя къ будущей зимѣ; вы стали въ сторонѣ, и васъ даже не знаютъ; погибнуть должна ваша мать, наша общая мать— Польша, ибо вы сами говорите въ воззваніи 13 (1) мая, что дѣло идетъ, ни больше, ни меньше, какъ о смерти польской національности. Тогдашняя, прибавка ваша: „или о побѣдѣ“, уже не существуетъ, какъ я достаточно доказалъ вамъ, и слѣдовательно ваше упорство во всей совокупности вашихъ притязаній принесло бы лишь **смерть безъ всякой надежды на побѣду.**

И такъ, прочь хвастовство, прочь всякую кичливость въ инструкціяхъ, которыя будутъ даны вами патріоту, вашему ходатаю въ Петербургѣ. Не говорите ни о сильныхъ средствахъ сопротивленія, какими вы еще располагаете, ни о внезапномъ пробужденіи сочувствія земледѣльческихъ классовъ къ вашему управленію: вамъ не

повѣрили бы, потому что знаютъ положеніе дѣлъ не хуже васъ. Не дѣлайте ни малѣйшаго намека ни на матеріальную помощь, ожидаемую вами отъ великихъ державъ: это были бы напрасныя слова, ибо теперь видятъ, что ваша популярность въ Европѣ понижается, и знаютъ изъ вѣрнаго источника, что никто не придетъ къ вамъ на помощь. Не упоминайте ни о притѣсненіяхъ, дѣлаемыхъ (?!) русскими солдатами, ни о незаслуженныхъ (??) приговорахъ, произносимыхъ военными судами: этими жалобами вы только пробудили бы печальныя воспоминанія, ибо и ваши отряды дѣлали жестокости, а ваши тайныя убійства не выше ли всякихъ казней.

Будьте же правдивы, строго правдивы въ вашихъ увѣреніяхъ, избѣгайте всего того, чтобы могло оскорбить или раздражить русскихъ и, въ особенности, будьте добросовѣстны въ вашихъ предложеніяхъ; дѣлайте послѣднія съ искреннимъ желаніемъ успѣха, а не съ заднею мыслію о рукоплесканіяхъ какого нибудь журналиста, способнаго придти въ восторгъ „отъ несокрушимой гордости горсти патріотовъ, которая отказывается отступить, хотя что нибудь, изъ своихъ, однажды заявленныхъ, притязаній“. Дѣйствуйте по собственной совѣсти, а не на показъ, и потому не требуйте ничего такого, на что, по вашему убѣжденію, невозможно получить согласія.

Не требуйте уступки областей съ не-польскимъ населеніемъ; вы знаете, что онѣ никогда не будутъ нашими, и я уже доказалъ вамъ, что пріобрѣтеніе ихъ было бы несчастіемъ для польскаго народа.

Не требуйте окончательнаго отдѣленія Царства Польскаго отъ Россіи; это, повидимому, еще было возможно полгода тому назадъ, но въ настоящее время, къ сожалѣнію, рѣшительно невозможно.

Не требуйте ни свободной печати, ни отмѣны закона о смѣшанныхъ бракахъ, ни права на ассоціаціи, ни возстановленія національной арміи; теперь на это не согласятся, а вы не имѣете никакихъ стредствъ принудить Россію къ малѣйшей уступкѣ, на которую она не согласна.

Просите національнаго представительства, основаннаго на началѣ всеобщаго избирательнаго права и засѣдающаго постоянно; это можно получить, ибо такое представительство совпадаетъ съ интерессами Россіи, а дадутъ ли намъ его изъ эгоизма или изъ человѣ-

колюбія—все равно, лишь бы Россія осуществила учрежденіе, способное на-вѣки упрочить свободу польскаго народа!

Сказанное мною выше по этому вопросу позволяетъ надѣяться, что и сама Россія, быть можетъ, пожелаетъ дать намъ постоянное и дѣйствительно народное представительство; но, чтобы еще болѣе склонить правительственныя лица къ этому рѣшенію, чтобы ускорить окончательное его утвержденіе, вы дадите понять, что вы согласны, **на одномъ только этомъ условіи**, удалиться и сдать власть польскому народу, вышедшему изъ несовершеннолѣтія. Будьте увѣрены, что только этого можете вы надѣяться, обѣщая удалиться. Если вы не вѣрите мнѣ, то перечитайте со вниманіемъ отзывы русскихъ и иностранныхъ журналовъ, перечитайте сообщенія вашихъ частныхъ корреспондентовъ, и вы окончательно убѣдитесь, что васъ не боятся въ Россіи. Останетесь ли вы, или удалитесь, русскіе знаютъ, что они во всякомъ случаѣ одолѣютъ возстаніе, и потому не сдѣлаютъ никакой уступки для устраненія препятствій, уже переставшихъ быть дѣйствительными. Но ваше присутствіе причиняетъ правительству нѣкоторыя затрудненія. Каковы бы ни были его мѣры, какъ бы ни былъ полонъ успѣхъ ихъ относительно замиренія Польши, оно только тогда достигнетъ спокойствія внутри и мира съ иностранною журналистикой (?), когда вы удалитесь изъ Варшавы, когда русскія приказанія, обнародываемыя поутру, не будутъ объявляемы недѣйствительнми вечеромъ въ декретахъ національнаго правительства. Конечно, такое положеніе дѣлъ, въ свою очередь, не можетъ продолжаться неопредѣленное время: когда нибудь васъ отыщутъ и удалятъ силою; пользуйтесь же остающимся временемъ, чтобы оказать отечеству единственную услугу, какая еще возможна пока: **ускорите объявленіе польскаго народа совершеннолѣтнимъ.**

Мнѣ остается сказать вамъ еще нѣсколько словъ, но я затрудняюсь въ выборѣ выраженій, чтобы не оскорбить васъ. Я хочу сказать еще о формѣ тѣхъ попытокъ, которыя вы могли бы сдѣлать.

Отъ васъ должны выйти два документа: одинъ, которымъ вы поручите довѣренному лицу ходатайствовать въ Петербургѣ (?) о прекращеніи военныхъ дѣйствій, и другой, содержащій объявленіе о распущеніи національнаго правительства и о сложеніи имъ власти въ руки польскаго народа.

Редакція перваго документа не слишкомъ затруднительна и не слишкомъ важна, лишь бы только вы не возъимѣли претензіи сдѣлать его чѣмъ-то въ родѣ дипломатической депеши, требуя, чтобы ее предъявили, или оставили съ нея копію. Это испортило бы все, ибо—какъ я уже сказалъ и вы должны знать это не хуже меня—съ вами не вступятъ въ переговоры. Самое большее, чего можно надѣяться, это—согласіе выслушать какого нибудь патріота, вовсе не замѣшаннаго или мало замѣшаннаго въ нынѣшнемъ возстаніи, который объявилъ бы, что имѣетъ отъ васъ частное порученіе, уполномочивающее его заявить вашу готовность удалиться, при такихъ-то уступкахъ польскому народу. Если вашъ повѣренный одаренъ тактомъ, если его честная репутація внушаетъ довѣріе, и если ваше частное письмо довольно опредѣлительно для того, чтобы онъ могъ дать свое честное слово отъ вашего имени, то вы еще можете сдѣлаться благодѣтелями Польши, получивъ для нея все, что возможно, и положивъ конецъ опустошающей ее рѣзнѣ.

Что касается другаго документа, въ которомъ вы отреклись бы отъ вашей теперешней власти, то я понимаю, какъ дорого онъ будетъ стоить вашему самолюбію, и потому, взываю къ вашему мужеству, къ вашей преданности, къ вашей самоотверженности, умоляя васъ взвѣсить каждое выраженіе, каждое слово этого документа. Помните, прежде всего, что вы не должны завѣщать польскому народу послѣдствій той ненависти, какая возгорѣлась между вами и русскими, что должно уничтожить всѣ причины къ недовѣрію, способныя послужить поводомъ къ замедленію или къ подрыву дѣйствія тѣхъ народныхъ учрежденій, которыя были бы дарованы Польшѣ. Въ настоящее время, въ Польшѣ двѣ власти: ваша и русская; онѣ враждебны одна другой и не могутъ существовать рядомъ. Какъ скоро признана третья власть—законодательная власть польскаго народа—она можетъ существовать мирно рядомъ съ тою или другою изъ борющихся нынѣ властей, но она не можетъ быть учреждена, пока борьба еще продолжается. Такъ какъ судьбѣ угодно, чтобы побѣда осталась не за вами, такъ какъ рано или поздно ваша власть должна уступить численному превосходству русской, то вашъ священный долгъ—не замедлять ни на одинъ день наступленія той минуты,

когда польскій народъ можетъ получить право на прямое участіе въ законодательствѣ, и не длить безполезно кровопролитія.

Вотъ что вы должны бы высказать, по моему мнѣнію, чтобъ объяснить и распущеніе патріотическихъ отрядовъ, и ваше отреченіе. Послѣднее должно быть полное, безъ задней мысли и безъ всякаго ограниченія. Не нужно праздныхъ фразъ, не нужно обвиненій; вы можете, по большей мѣрѣ, только заявить сожалѣніе о томъ, что не могли сдѣлать для отечества всего задуманнаго, и то безъ всякаго желчнаго сравненія послѣдняго съ будущимъ новымъ порядкомъ вещей. Въ особенности избѣгайте всякаго слова, похожаго на политическое завѣщаніе, на указаніе странѣ, какъ должна она дѣйствовать; не говорите ни слова, подъ которымъ подразумѣвалось бы, что вы или ваши друзья будете вблизи или издали наблюдать за точнымъ исполненіемъ данныхъ Польшѣ обѣщаній.

Вы поселили бы тѣмъ недовѣріе между народомъ и тѣми, кто будетъ управлять имъ, и замедлили бы успѣхъ самыхъ либеральныхъ мѣръ; ибо при каждомъ затрудненіи, при каждой демонстраціи, рождалась бы мысль, что надо ожидать новой революціонной попытки.

Оставьте же польскому народу, вышедшему изъ подъ опеки, вести свои дѣла по желанію. Все предвѣщаетъ вамъ, что составленные имъ самимъ законы лучше отвѣтятъ его истиннымъ нуждамъ, чѣмъ составленные вами; а если онъ, тѣмъ не менѣе, обманется въ своихъ надеждахъ, если со временемъ онъ захочетъ сбросить съ себя вновь положенныя на него цѣпи, то найдутся другіе которые на нашемъ мѣстѣ будутъ сражаться въ рядахъ его и начальствовать имъ. Повторяю: откажитесь на-чисто отъ власти, безъ задней мысли и утайки; пожертвуйте собою, если это выраженіе болѣе нравится вамъ, — отечество и исторія вмѣнятъ вамъ это въ заслугу.

И что можетъ останавливать васъ? Надежда ли быть еще полезными Польшѣ? Но я уже доказалъ вамъ, что съ того дня, когда у васъ будетъ истинно-народное представительство, ваше присутствіе сдѣлается только вреднымъ.

Останавливаетъ ли васъ репутація, страхъ передъ тѣмъ, что о васъ скажутъ? Но я слишкомъ уважаю васъ, чтобы предполагать въ васъ какія-нибудь личныя соображенія, когда дѣло идетъ о счастіи отечества. Впрочемъ, что бы вы ни дѣлали, вы не избѣгнете ни кри-

тики, ни порицанія; вы слишкомъ на виду для того, чтобы злословіе пощадило васъ.

Если вы отречетесь, согласно разсудку и долгу, то найдутся люди, которые обвинятъ васъ въ оставленіи отечественнаго дѣла; если вы останетесь, подъ вліяніемъ гордости и ложно понятой чести, то найдутся другіе, которые упрекнутъ васъ тѣмъ, что вы принесли будущность польскаго народа въ жертву личному тщеславію, преступному удовольствію отстаивать до конца всѣ ваши, очевидно преувеличенныя, притязанія.

Хотите ли вы сообразить вѣроятное число голосовъ, которые поднимутся противъ васъ въ томъ и въ другомъ случаѣ, и повести себя такъ, чтобы имѣть на своей сторонѣ крикуновъ и краснобаевъ? Оттолкните отъ себя это жалкое средство искать рукоплесканій! Не современники, ослѣпленные духомъ партій и возбужденные борьбою, могутъ быть безпристрастными судьями важнаго акта, внушеннаго самоотверженностью; исторія будетъ судить о немъ и начертаетъ ваши имена, которыя будутъ открыты ею, въ числѣ достойнѣйшихъ гражданъ, преданнѣйшихъ патріотовъ, для которыхъ никакая жертва не кажется слишкомъ тяжкою, когда дѣло идетъ о благѣ отечества.

Послушайтесь же разсудка и долга: васъ поддержитъ собственная совѣсть, и совѣсть многихъ, весьма многихъ просвѣщенныхъ патріотовъ; ибо если я одинъ подписываю это письмо, то число раздѣляющихъ мое мнѣніе гораздо значительнѣе, чѣмъ вы думаете: оно до того значительно, что еслибъ возможно было пустить вопросъ на голоса, то большинство, безъ сомнѣнія, было бы въ пользу моихъ совѣтовъ.

Я перечиталъ мое письмо съ величайшимъ вниманіемъ, съ цѣлью вычеркнуть всѣ выраженія, которыя могли бы показаться вамъ оскорбительными. Надѣюсь, что я успѣлъ въ этомъ. Если, не смотря на то, вы найдете иное слово, иной оборотъ рѣчи, не строго приличными, то я охотно беру назадъ всякое выраженіе, для васъ непріятное, ибо вовсе не намѣренъ оказать неуваженія къ замѣчательнымъ людямъ, стоящимъ во главѣ патріотическаго движенія Польши.

Примите же мои извиненія за все, что можетъ показаться

жестокимъ въ моихъ доводахъ; благоволите видѣть въ искренности моей рѣчи не отсутствіе уваженія, а, напротивъ, доказательство высокаго почтенія, питаемаго къ вашему патріотизму

искреннѣйшимъ изъ польскихъ патріотовъ

I. П.

Лембергъ, 4-го августа 1863 года. **(Изъ С.-Петер. Вѣд.)**

Примѣчаніе редакціи Вѣстника. Сейчасъ представленное вниманію читателей Вѣстника письмо г. Питкевича есть самое замѣчательное явленіе современной прессы и польской революціи. Въ слѣдствіе ли обильнаго кровопусканія вчастности, или безотраднаго положенія Польши вообще,—онъ отнесся къ современному движенію своихъ соотчичей съ такою трезвостью, такимъ знаніемъ дѣла и такимъ безпристрастіемъ, какія только возможны для поляка въ настоящихъ его отношеніяхъ къ Россіи. Но какъ ни трезвъ взглядъ г. Питкевича на современное движеніе поляковъ, все-таки онъ не могъ въ такое короткое время, каковъ промежутокъ между увѣчіемъ его и письмомъ, переродится на столько, что бы впасть въ противоположную крайность воззрѣнія на предметъ. Оттого, при чтеніи настоящаго письма, весьма часто приходитъ на память то обстоятельство, что это письмо писано польскимъ патріотомъ. Это напоминаніе особенно пригодится при чтеніи послѣдней части письма г. Питкевича. Въ этой части письма авторъ слишкомъ категорически трактуетъ о такой *польской* конституціи по окончаніи возстанія, предъ которую блѣднѣетъ знаменитая конституція 15 года и которая привела бы къ нулю вліяніе Россіи на Польшу. Въ силу этой конституціи, долженствующей объединить мысли и чувства всего народонаселенія польскаго, чрезъ пять-шесть лѣтъ, у Россіи, вмѣсто горсти настоящихъ революціонеровъ, могло бы явиться въ одну прескверную полночь пять-шесть милліоновъ враговъ, страшныхъ своимъ ожесточеніемъ и единодушіемъ. Какъ ни лукаво выдвигается въ письмѣ на сцену гражданской и политической жизни народъ, но мы очень хорошо знаемъ, кто былъ бы, на неопредѣленное время, дирижеромъ этого народа, какая пришлась бы на его пай малая доля дѣятельности и куда бы потянула новорожденная конституція.

Еще страннѣе трактація г. Питкевича о посольствѣ въ столицу какого то представителя польской націи, съ которымъ бы вошло въ переговоры русское правительство на счетъ оказанія разныхъ льготъ, конституцій и благодѣяній *дружелюбной* Польшѣ. Рядомъ съ этимъ *чрезвычайнымъ* посольствомъ авторъ письма намекаетъ на что то въ родѣ перемирія. Все это такія вещи, о которыхъ можетъ толковать только «воюющая сторона», а небунтующая. Станетъ ли Россія трактовать съ какимъ нибудь самозванцемъ о такихъ дѣлахъ, о которыхъ она считаетъ *теперь* для себя обиднымъ говорить съ Европой? Станетъ ли она, вслѣдствіе ловкой и сдержанной деклараціи этого егомосьця, давать мятежнымъ полякамъ то, чего не могли выторговать у нея три сильнѣйшія державы—сосѣдки? Какіе тутъ pacta conventa могутъ быть съ мятежниками; ихъ участь безраздѣльно и безконтрольно—въ волѣ законнаго Монарха, въ неподдѣльной симпатіи къ Россіи. Эта участь можетъ быть или хуже, или *нѣсколько* лучше, смотря потому, какъ поведутъ себя бунтовавшіеся подданные и какое участіе въ ихъ возстаніи примутъ симпатизирующія (quasi) имъ державы.

Вообще-окончаніе письма г. Питкевича имѣетъ разительное сходство съ слѣдующимъ ходячимъ бѣлорусскимъ анекдотомъ: цыганъ былъ пойманъ съ краденой лошадью. Улика на лице. Громада собралась чинить росправу надъ воромъ. Сей послѣдній, разсчитывая на великодушіе своихъ судей, повелъ къ нимъ въ *сильныхъ выраженіяхъ* слѣдующую мольбу: дѣлайте со мной, панове громадо, что угодно,-хоть снимите съ меня кожу, хоть живаго заройте въ землю, только небросайте чрезъ *плотъ* (заборъ). Громада была неумолима. Желая какъ можно суровѣе наказать преступника, она бросила его черезъ плотъ,—цыганъ въ кустарникъ, и былъ таковъ....

Современникамъ.

Проклятіе да будетъ вамъ,
Уроды въ области созданья,
Россіи язва, стыдъ и срамъ,
Которые безъ содраганья

Клевещете на вашу мать,
Позорите ея уставы,
И рады бъ ей фіалъ подать
Сепаративныя отравы!

Презрѣнье вамъ, о торгаши
Судомъ общественнаго мнѣнья,
Что за презрѣнные гроши
Продали ваши убѣжденья,
И не стыдитеся хвалить,
Чего отнюдь хвалить не должно,
Дабы въ умахъ перемутить
Все то, что истинно, что ложно!

Позоръ и стыдъ опекунамъ,
Предателямъ святой науки,
Что съ заблужденьемъ по—поламъ,
Познанія забравши въ руки,
Хотѣли бъ церковь устранить
Отъ просвѣщенія народа,
Дабы могла себя развить
Безвѣрья полная свобода!

Презрѣніе и вамъ, льстецы
Непонятаго гуманизма,
Высокомерные глупцы
Подъ маскою либерализма!
Въ слѣпыхъ тенденціяхъ своихъ,
Сочувствуя врагамъ Россіи,
Изъ всѣхъ враговъ Россіи злыхъ
Вы—ей враги самые злые.

А вамъ, отечества сыны,
Всѣ русскіе душой и тѣломъ,
Что трудитесь всѣ жизни дни,
Умомъ, перомъ, словами, дѣломъ
Россіи счастье созидать,
Ее беречь и просвѣщать,
Вамъ—честь церковнаго привѣта:
Спасенье вамъ и многи лѣта!!

—

И. К.

ЗАЯВЛЕНІЕ.

По поводу цинической выходки Кіяна въ № 1 МЕТЫ [1]) (стр. 86), долгомъ считаемъ объявить, что изданіе Зап. и юго-зап. Вѣстника ни въ какомъ отношеніи не состоитъ подъ вліяніемъ г. Гогоцкаго. Редакція Вѣстника исполняетъ свое дѣло вполнѣ самостоятельно. Г. Гогоцкій почти неучаствуетъ въ Вѣстникѣ даже въ качествѣ сотрудника. Статья, помѣщенная въ Вѣстникѣ (№ 3) противъ письма Кіяна во Львовское Слово, принадлежитъ редакціи, а потому, никто другой, кромѣ редакціи, за нее не отвѣчаетъ.

Редакція Вѣстника.

---

[1]) Болѣе обстоятельное заявленіе о выходкѣ этого хохломанскаго органа будетъ помѣщено въ слѣдующей (4) кн. Вѣстника.

16½ листовъ.

СОДЕРЖАНІЕ 3-й КНИЖКИ „ВѢСТНИКА."

ОТДѢЛЪ I.

ОТДѢЛЪ II.

ОТДѢЛЪ III.

ОТДѢЛЪ IV.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Вѣстникъ Юо-западной и Западной Россіи на 1863/64 годъ выходитъ съ іюля настоящаго 1863 года по іюль 1864 года, **ежемѣсячно**, книжками отъ 13 до 15 листовъ обыкновенной печати. (По настоящее время редакція давала публикѣ отъ 16 до 20 листовъ, и болѣе, сжатой печати).

Подписка принимается:

Въ Кіевѣ, въ редакціи журнала, на Подолѣ, и въ конторѣ его, при книжномъ магазинѣ г. **Литова**, на Крещатикѣ; въ **С.-Петербургѣ**, въ конторѣ журнала, при книжномъ магазинѣ **А. Ф. Базунова**, на Невскомъ Проспектѣ, въ домѣ Ольхиной, противъ Милютиныхъ лавокъ и въ книжномъ магазинѣ **С. И. Литова**, на углу Невскаго проспекта и Малой Садовой; въ **Москвѣ**, въ конторѣ журнала, при книжномъ магазинѣ **И. В. Базунова**, и коммиссіонера «Вѣстника» купца **Г. В. Барскаго**, на Садовой у гостинницы Полтава, въ домѣ Быхова; въ **Варшавѣ**, у книгопродавца **П. В. Дутова**.

ЦѢНА ВѢСТНИКА ЗА ГОДЪ:

Для жителей Кіева, безъ доставки 6 руб. 50 коп., съ доставкою на домъ 7 руб. 50 коп., а съ пересылкою во всѣ города имперіи 8 руб.

Гг. иногородные благоволятъ относиться съ своими требованіями исключительно въ редакцію журнала Вѣстникъ Юго-западной и Западной Россіи въ Кіевѣ.

Посылки и письма слѣдуетъ адресовать редактору »Вѣстника» Ксенофонту Антоновичу *Говорскому*, въ Кіевѣ.

Для желающихъ выписать «Вѣстникъ» за истекшій 1862/63 годъ дѣлается уступка: для жителей Кіева 6 р. а для иногородныхъ по 7 р. 50 к. съ пересылкою.

16½ листов.

Содержаніе 3-й книжки „Вѣстника.“

ОТДѢЛЪ I.

ОТДѢЛЪ II.

ОТДѢЛЪ III.

ОТДѢЛЪ IV.